

ОТ
АЛЯСКИ
ДО
ОГНЕННОЙ
ЗЕМЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СЛАВКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

ОТ АЛЯСКИ ДО ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
СТРАН АМЕРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1967

События, происходящие в странах Западного полушария, а также история и культура народов этих стран приковывают к себе все большее внимание советской общественности, вызывают все больший интерес у советских читателей.

Настоящий сборник, посвященный 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности видного советского американиста, члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова, включает статьи, охватывающие широкий круг проблем истории и этнографии стран Америки.

Раздел «Общие проблемы Западного полушария» освещает развитие международных отношений стран Америки и царской России в XIX—XX вв.

Раздел «США, Канада и Гренландия» включает статьи о коренном населении (индейцах и эскимосах) Северной Америки и Гренландии, о русских путешествиях и о «Русской Америке»; в нем освещен ряд проблем истории США и формирования североамериканской нации; национальный вопрос в Канаде; изучение истории США в СССР. Читатель найдет здесь материал по Латинской Америке — от письменных источников по истории горной Гватемалы (X—XVI вв.) до Кубинской революции и ее влиянии на страны американского континента.

Издание рассчитано на самый широкий круг читателей.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Р. Григулевич (отв. редактор),

И. А. Золотаревская,

Р. Ф. Иванов, Э. Л. Нитобург

Предисловие

Само название сборника — «От Аляски до Огненной земли» — раскрывает содержание этой работы: большой коллектив советских американистов — этнографов, историков и географов исследует сложные проблемы этнической и политической истории народов Америки.

Разделение труда у индейцев Северной Америки и источники по истории индейцев Юкатана и Гватемалы, плавания русских моряков к берегам Нового Света и архив экспедиции Лангсдорфа в Бразилию, особенности развития мексиканской нации, англо-американская война 1812—1814 гг. и проблемы истории гражданской войны в США в 1861—1865 гг. в трудах советских историков, политика США в странах Латинской Америки между двумя мировыми войнами и экспансия американского империализма в этих странах на современном этапе, борьба кубинского народа против внутренней контрреволюции и империализма США, — таков отнюдь не полный перечень вопросов, рассматриваемых в этой коллективной работе.

Тематика проблем, поставленных и разрешенных в сборнике, исключительно широка и разнообразна. Для всех статей, включенных в него, характерно то, что они посвящены вопросам, представляющим интерес для самых широких кругов читателей.

Америка — континент большого революционного будущего. Сотни миллионов людей в странах Азии и Африки, Ближнего и Среднего Востока в кратчайшие исторические сроки, за 20 послевоенных лет, добились ликвидации колониальной зависимости. Революционные потрясения на бывшей колониальной периферии империализма наложили отпечаток на Латинскую Америку.

Соединенные Штаты продолжают удерживать свои основные экономические, военные и политические позиции в странах Центральной и Южной Америки, что является главным препятствием на пути успешной борьбы прогрессивных сил этих стран за свои государственные и национальные интересы. Но как пока-

зывает опыт революции на Кубе, в настоящее время имеются объективные условия для успешной борьбы народов Латинской Америки против внутренней реакции, поддерживаемой империалистами США. Изучение этих объективных возможностей для развития революционного движения в Америке, а также его исторических закономерностей, исследование политики США в Латинской Америке, где отчетливо прослеживается реакционная сущность внешнеполитических доктрин американского империализма, — все это представляет несомненный научный и политический интерес.

Сборник «От Аляски до Огненной Земли» посвящается выдающемуся советскому американисту члену-корреспонденту АН СССР Алексею Владимировичу Ефимову в связи с 70-летием со дня его рождения и 45-летием научной и педагогической деятельности.

А. В. Ефимов — видный советский историк, этнограф, педагог, ученый с исключительно широким кругом интересов. Новая история европейских стран, история и этнография Америки, международные отношения, русские географические открытия — таковы важнейшие направления его научной и педагогической деятельности. Монографии, учебники, коллективные труды, подготовленные под руководством и при активном авторском участии А. В. Ефимова являются большим вкладом в советскую историческую науку. В Советском Союзе и за рубежом широко известны труды А. В. Ефимова: монография «К истории капитализма в США» (1934), «Очерки истории США», изданные в СССР (1953, 1958) и зарубежных странах, главы в «Истории дипломатии» (1941, 1961). В 1961 г. вышла в свет коллективная работа «К столетию гражданской войны в США», две главы в которой написаны А. В. Ефимовым.

Серьезный вклад внес А. В. Ефимов в изучение истории географических открытий в Сибири и на Дальнем Востоке. Им опубликованы монографии «Из истории географических открытий на Тихом океане» (1949) и «Великие русские географические открытия» (1950), «Атлас истории географических открытий в Сибири и Северной Америке» (А. В. Ефимов был основным автором и редактором этой работы, опубликованной в 1964 г.). Все эти работы представляют большой интерес с точки зрения как исторической, так и географической науки.

В течение 10 лет А. В. Ефимов возглавляет сектор народов Америки Института этнографии АН СССР. В 1959—1960 гг. при его авторском участии издан обобщающий труд «Народы Америки» (I и II тома).

А. В. Ефимов — автор либо редактор многих комплексных страноведческих трудов.

Теория обучения истории, учебные и методологические пособия, опубликованные А. В. Ефимовым, — большой вклад в со-

ветскую историческую и педагогическую науку. В 1958 г. отдельным томом «Известий Академии педагогических наук» была издана его монография «Некоторые теоретические вопросы методики истории». Написанный А. В. Ефимовым учебник для средней школы «Новая история» (1640—1870 гг.) вышел первым изданием в 1940 г., неоднократно переиздавался и сегодня остается на вооружении советской школы. В 1963 г. на открытом конкурсе Министерства просвещения этот учебник был удостоен премии. А. В. Ефимов — соавтор и член редколлегии учебников «Новой истории» для вузов (ч. 1—1940 г., ч. 2—1942 г.) и «Новейшей истории» (послевоенный период), который в настоящее время печатается в Издательстве международных отношений. А. В. Ефимов является также автором и редактором методических пособий по новой истории, автором и редактором ряда других пособий для учителей и учащихся, в частности первых в СССР школьных атласов по новой истории. Многочисленные труды опубликованы А. В. Ефимовым по методологии истории.

Трудно перечислить все основные труды юбиляра. За 45 лет научной и педагогической деятельности им опубликовано более 200 научных работ.

Имя А. В. Ефимова как ученого и педагога широко известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Свыше 250 раз издавался на языках народов СССР, в социалистических странах, а также на английском, французском, немецком, испанском и португальском языках его школьный учебник «Новая история». Семь раз издавалось на русском языке и выдержало 10 изданий в социалистических странах его методическое пособие по новой истории.

А. В. Ефимов принадлежит к первому поколению советских историков-марксистов, которые шли по непроторенным путям, внесли большой вклад в создание советской исторической науки. Для его трудов характерно то, что в них исследуются вопросы, имеющие большую научную и политическую актуальность, выводы и обобщения автора оригинальны, они будят научную мысль, дают возможность другим исследователям использовать его труды в творческой научной работе.

Исключительно велика заслуга А. В. Ефимова в создании советской американистики. Его монография «К истории капитализма в США» была первым научно-исследовательским трудом по истории США, опубликованным в СССР. И он по праву считается основателем советской американистики.

Научную работу А. В. Ефимов начал в 1922 г. после окончания МГУ. В 1926—1929 гг. он учился в аспирантуре Института истории Российской ассоциации общественных наук, после окончания которого посвятил себя научной и педагогической деятельности в институтах истории и этнографии АН СССР, в МГУ и в Московском государственном институте международных отно-

шений МИД СССР, профессором которого он является и в настоящее время.

За долгие годы научной и педагогической деятельности А. В. Ефимов подготовил много учеников, которые с большой благодарностью и любовью относятся к нему как к ученому и доброжелательному, отзывчивому человеку, всегда готовому оказать помощь в работе, поделиться знаниями и опытом.

Большой вклад Алексея Владимировича в развитие советской исторической и педагогической науки получил высокую оценку: он награжден орденом Ленина и медалями Советского Союза, является лауреатом Государственной премии. Академия педагогических наук РСФСР наградила его медалью Ушинского. А. В. Ефимов — доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР, почетный член Географического общества Республики Колумбия.

В сборнике участвуют ученики и коллеги А. В. Ефимова, работающие в академических институтах и других учреждениях Москвы и Ленинграда.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЗАПАДНОГО ПОЛУШАРИЯ

ОЛАГ вместо ОАГ?

Кризис политики США в Латинской Америке принял в последние годы весьма острый характер. Рост национального самосознания латиноамериканских народов, растущая мощь социалистического лагеря, создание независимых государств в Азии и Африке и усиление антиимпериалистических настроений во всем мире привели к тому, что американский империализм уже не может беспелляционно диктовать свою волю. Новая расстановка сил на мировой арене заставляет США лавировать. Американская дипломатия пытается создать видимость «единодушия» и «гармонии» в лоне Организации американских государств (ОАГ), не гнушаясь при этом никакими средствами. Но эта задача становится явно невыполнимой. Ярким свидетельством тому являются итоги второй чрезвычайной межамериканской конференции министров иностранных дел стран — членов ОАГ, заседавшей в Рио-де-Жанейро с 17 по 30 ноября 1966 г., и сессии специальной комиссии ОАГ, работа которой проходила в панамской столице с 25 февраля по 1 апреля 1966 г.

Американские империалисты хотели, чтобы участники конференции в Рио-де-Жанейро стерли географические границы своих стран, открыли их для иностранного легиона под командой Пентагона и его лакеев. Они хотели, чтобы делегаты покорно проголосовали против суверенитета собственных стран.

Но двухнедельное совещание в Рио-де-Жанейро обнаружило прежде всего кризис межамериканской системы, обостряющееся противоречие между стремлением латиноамериканских стран к независимости и попытками империалистов США навязать им силу свое господство.

Конференция закрылась, даже не попытавшись найти выход из кризиса, переживаемого ОАГ. Еще накануне встречи в Рио аргентинский журнал «Международная политика» писал: «Межамериканская система переживает глубокий кризис. Не только потому, что интервенция в Доминиканской республике перепол-

нила чашу терпения. Дело в том, что ОАГ больше не в состоянии выполнять внешнеполитические директивы Вашингтона... Конференция министров иностранных дел не в силах ликвидировать этот кризис. Единственный выход — это укрепление экономического и политического положения стран Латинской Америки, а не усиление влияния США на континенте»¹.

За несколько дней до конференции в Рио английский «Экономист» предупреждал, что в связи с напряженной обстановкой в Латинской Америке «проведение конференции может лишь усилить противоречия, а не разрешить их»².

Американская дипломатия готовила конференцию в Рио весьма тщательно и осторожно. После агрессии против Доминиканской республики президент Джонсон решил воздействовать на Латинскую Америку лично: он то и дело выступает с речами, направляет в латиноамериканские страны своих представителей. 29 июля 1965 г. Джонсон пригласил в Белый дом послов стран Центральной Америки в Вашингтоне и произнес речь, в которой подчеркнул «особые узы дружбы», связывающие США с этими странами³.

В августе 1965 г. многочисленная делегация во главе с сенатором Фулбрайтом посетила Бразилию; в состав делегации входил также заместитель государственного секретаря Томас Манн. 17 августа Джонсон пригласил в Белый дом всех латиноамериканских послов, аккредитованных в Вашингтоне, и произнес перед ними речь по случаю четвертой годовщины «Союза ради прогресса»⁴.

По инициативе Джонсона в августе-сентябре 1965 г. группа официальных представителей США во главе с Джеком Худом Воном совершила двухнедельную поездку по Мексике, Сальвадору, Панаме, Эквадору, Чили, Боливии и Перу. 24 сентября Джонсон принял в Белом доме послов этих стран.

В октябре-ноябре по Латинской Америке с официальной миссией разъезжал сенатор Роберт Кеннеди.

13 и 14 ноября в Панаме было проведено совещание министров иностранных дел стран Центральной Америки для выработки общей позиции на конференции в Рио. Наконец, 14 ноября 1965 г. в Лиме закончилось совещание командующих армиями американских стран под председательством начальника штаба армии США Гарольда Джонсона, выработавшее рекомендацию латиноамериканским правительствам «заключать антикоммунистические пакты о взаимной обороне в целях планирования и координации гражданско-военных операций в масштабах континента».

Перед открытием конференции государственный секретарь США Дин Раск «в целях взаимопонимания» совершил молниеносную поездку в Венесуэлу, Аргентину и Уругвай. В те же дни заместитель главы делегации Аверелл Гарриман «заехал

по пути» в Чили — попытаться уговорить правительство Чили изменить свою позицию на конференции.

Прибыв в Рио-де-Жанейро, Раск все свое время посвятил личным встречам с главами латиноамериканских делегаций. Однако ни закулисная дипломатия, ни хорошо известный прием «выкручивания рук» на этот раз не сработали. (Энергичная деятельность Раска в Рио получила весьма точное название «операция по закручиванию гаек».)

США добились поддержки группы стран, состоящей в основном из представителей диктаторских режимов. Именно эти страны прямо или косвенно поддерживали создание «межамериканских вооруженных сил» и милитаризацию устава ОАГ. Однако большинство латиноамериканских стран отказалось подчиниться воле Вашингтона.

В дни конференции газета «Нью-Йорк таймс» писала: «С каждым годом становится все труднее добиваться единства стран Западного полушария»⁵.

Накануне конференции в Рио редактор журнала «Висьон» Роберт Голдман, занимавший пост помощника Теодора Москосо, когда тот был координатором «Союза ради прогресса», считал, что «центральная задача конференции в Рио — это восстановление атмосферы уверенности, доверия и солидарности»⁶.

Казалось, США крепко держат в руках ОАГ. Большинство сотрудников ОАГ — североамериканские чиновники. Американское правительство не жалеет средств на ее содержание. Десять лет назад бюджет ОАГ составлял 3 млн. долл.; сегодня он превышает 16 млн. долл.!

И поскольку официально США покрывают $\frac{2}{3}$ бюджета, а в действительности еще больше, то они и ведут себя в ОАГ, как в собственной вотчине. Но деньги все-таки решают не все. Недаром «Мэгэзин оф Уолл-стрит» сетует, что «США весьма ограничены в своих действиях и их усилия могут оказаться даже бесполезными, если их не поддержат демократические лидеры Латинской Америки»⁷.

Официальная повестка дня конференции включала десятки вопросов, сконцентрированных в следующих четырех группах: 1) экономическое сотрудничество, 2) расширение полномочий ОАГ, 3) меры против подрывной деятельности коммунистов и 4) совместные консультации.

В отеле «Глория», где проходила конференция, собралось около 800 делегатов и 500 журналистов. 17 и 18 ноября рассматривались процедурные вопросы, были созданы четыре рабочие комиссии для изучения вопросов: 1) о функционировании и укреплении межамериканской системы, 2) об экономическом и социальном развитии стран американского континента, 3) о способах мирного урегулирования споров, об укреплении межамериканского комитета мира, 4) о правах человека и предста-

вительной демократии, а 19 ноября открылась общая дискуссия.

По существу для США было важно добиться в Рио следующего: создать «постоянные межамериканские силы мира», изменить Устав ОАГ и объединить континент под грязным знаменем антикоммунизма.

По главному вопросу конференции — быть или не быть «постоянным межамериканским вооруженным силам» — государственный секретарь США вынужден был отступить. В своей программной речи 22 ноября он в виде пробного шара выдвинул мысль о создании «добровольческих сил», якобы необходимых для поддержания мира и укрепления «Союза ради прогресса». Чтобы не встревожить своих латиноамериканских коллег, Раск заверил их, что каждое правительство сохранит за собой право принимать решение об участии в очередной операции⁸.

США нужны «законные основания» для борьбы с революционным движением на континенте. Но народы Латинской Америки на страже: у них перед глазами действуют временные «межамериканские вооруженные силы» в Доминиканской республике.

Как известно, в течение мая 1965 г. в Санто-Доминго орудовали только американские оккупанты — около 40 тыс. солдат и офицеров почти всех родов войск США. Затем, 23 мая, были официально созданы «межамериканские вооруженные силы», в которые вошли военные соединения из Бразилии, Гондураса, Никарагуа, Парагвая и Коста-Рики. Однако участие этих пяти стран было и остается символическим. Сегодня, после неоднократного сокращения войск США в Доминиканской республике, положение таково: общая численность вооруженных сил — 8 тыс. солдат и офицеров, из них на долю США приходится 6800.

«Временное» пребывание «межамериканских вооруженных сил» в Санто-Доминго по существу стало постоянным. Что это именно так, подтвердил весьма осведомленный журнал «Мэгэзин оф Уолл-стрит»: «В ближайшем будущем мы не намерены отзывать наши войска из Доминиканской республики»⁹. «Мэгэзин оф Уолл-стрит» сообщил и нечто новое. Ссылаясь на достоверные источники и предупреждая, что эти сведения непременно встретят возражения и опровержения, журнал утверждает, что американские войска, покинувшие Доминиканскую республику, находятся в боевой готовности и ждут лишь приказа вернуться назад.

В поддержку идеи США о создании «межамериканских вооруженных сил» на конференции в Рио выступили представители США, Парагвая, Бразилии, кубинских эмигрантов и генеральный секретарь ОАГ Хосе Мора. Показательно, что прибывшую в Рио делегацию доминиканских патриотов на конференцию не допустили, зато внимательно выслушали кубинских отщепенцев.

И все-таки сколотить послушную «команду» для протаскивания необходимых решений США не смогли. Министр иностранных дел Чили Габриэль Вальдес в выступлении в Рио вновь подчеркнул, что Чили возражает против проекта создания «постоянных межамериканских вооруженных сил». «Межамериканские вооруженные силы», — заявил Габриэль Вальдес, — это опасная затея, которая может погубить ОАГ, направить меж-американскую систему по опасному в идеологическом отношении негативному пути, подорвать основной принцип невмешательства и самоопределения народов».

Чили, Мексика, Уругвай, Колумбия, Доминиканская республика и не присутствовавшая на конференции Венесуэла осудили попытки создания «межамериканских вооруженных сил». Остальные страны заняли промежуточную позицию, но и они согласились лишь на обсуждение проблемы без каких-либо обязательств.

Пытаясь добиться согласия латиноамериканских стран на создание «межамериканских вооруженных сил» обходным путем, делегация США внесла проект резолюции под безобидным названием «О мирном решении споров». Этот проект предусматривал наделение новыми функциями существующей ныне «Комиссии добрых услуг» для урегулирования споров между американскими государствами, что фактически означало предоставление ей права принимать меры по вооруженному вмешательству во внутренние дела латиноамериканских стран. Однако маневр был разгадан и латиноамериканские делегации отклонили американский проект.

На конференции в Рио много говорилось о принципе невмешательства. Это и понятно: священный принцип невмешательства в дела суверенного государства неоднократно провозглашался народами Латинской Америки; латиноамериканцы кровно заинтересованы в применении этого принципа, потому что они больше, чем кто бы то ни был, страдали и страдают от посягательств своего северного соседа.

Североамериканский агрессор пытается обосновать свои разбойничьи действия пустопорожними разглагольствованиями о том, что в наши дни национальные границы утратили значение, что такие понятия, как национальный суверенитет и принцип невмешательства, «безнадежно устарели» и должны быть заменены новыми. Так получила хождение теория «идеологических границ» По этой новой теории самым простым способом обеспечить «идеологическое единообразие» под эгидой США является... насаждение диктаторских режимов!

Госдепартамент широко пропагандирует принцип «взаимозависимости», который призван, по мысли его изобретателей, заменить «старый», «отживший» принцип независимости и невмешательства. Теоретики из госдепартамента утверждают, будто

современный мир и, в частности, Западное полушарие настолько взаимосвязаны в экономической, политической и культурной сферах, что прежние принципы межгосударственных отношений являются вредным анахронизмом и должны уступить место «взаимному» проникновению и влиянию.

Народы Латинской Америки решительно выступают против вмешательства США в дела суверенных стран; под давлением трудящихся многие латиноамериканские правительства также осуждают интервенционистские акции США. Так, министр иностранных дел Колумбии Кастро Харамильо недвусмысленно заявил: «Мы являемся противниками иностранного вмешательства и неизменно будем поддерживать политику самоопределения, независимости и достоинства латиноамериканских стран».

На конференции в Рио Уругваем, Чили, Мексикой, Колумбией было сделано все возможное, чтобы отстоять принцип невмешательства. К этому списку можно добавить Перу, Венесуэлу, Аргентину и в определенной мере, видимо, Эквадор и Коста-Рику, которые прямо или косвенно осудили интервенцию Соединенных Штатов в Доминиканской республике. По мнению американских государственных деятелей и политических обозревателей, конференцию в Рио-де-Жанейро следует записать в актив госдепартаменту. Во-первых, потому, что ее вообще удалось в конце концов собрать. И, во-вторых, потому, что организаторам конференции удалось замять обсуждение вопроса об интервенции США в Доминиканской республике. «Латиноамериканские страны оказались достаточно проникательными, чтобы избежать публичного осуждения американского вмешательства в Доминиканской республике»¹⁰, — пишет газета «Вашингтон пост».

Когда делегация Колумбии предложила осудить вооруженную интервенцию в Доминиканской республике, то американцы вынудили ее отказаться от своего предложения. Газета «Нью-Йорк таймс» говорит об этом позорном факте с умилением: «Сегодня, в атмосфере полного единодушия, была похоронена резолюция, осуждающая вооруженную интервенцию США в Доминиканской республике»¹¹.

Нет, единодушием конференция не отличалась. «Нью-Йорк таймс» выдает желаемое за действительное. Хотя вопрос об агрессии США против Доминиканской республики действительно не обсуждался, конференция прошла под знаком осуждения американских агрессоров. Тень морской пехоты все время витала над Рио.

«Возвратом к закону джунглей» назвал американскую интервенцию против его родины бывший президент Доминиканской республики Хуан Бош.

Однако позиция США в вопросе об интервенции в Доминиканской республике осталась неизменной. Это четко прозвуча-

ло на конференции в программной речи государственного секретаря Раска. Он прямо заявил, что США и впредь намерены вмешиваться во внутренние дела латиноамериканских стран. Если у некоторых делегатов межамериканской конференции еще оставались какие-нибудь иллюзии по поводу возможного изменения политики Соединенных Штатов в Латинской Америке, то выступление Раска их рассеяло.

Еще более четко высказался Раск в беседе, которая состоялась у него во время конференции с министром иностранных дел Чили Габриэлем Вальдесом.

— Г-н Вальдес, — сказал Раск, — пусть ваше правительство знает: повторись доминиканские события хоть тысячу раз, США всякий раз будут вмешиваться и ни у кого не будут спрашивать разрешения.

— Г-н Раск, от имени моего правительства я благодарю вас за уведомление. Всякий раз, как США будут нарушать принципы невмешательства и самоопределения народов, мое правительство будет протестовать.

— Г-н Вальдес, мы с уважением отнесемся к вашим протестам и не будем на вас в обиде, но так или иначе мы будем вмешиваться¹².

Между тем сегодня совершенно ясно, что открытая интервенция не обеспечила Соединенным Штатам быстрого решения «доминиканской проблемы» в выгодном для империализма духе. Более того, она способствовала перерастанию одного из многих провалов госдепартамента в затяжной и непрерывно углубляющийся кризис всей межамериканской системы.

В США считают, что в Рио достигнуты весьма полезные соглашения по экономическим вопросам. Но внимательное ознакомление с риодежанейрской декларацией «по экономическим и социальным вопросам» убеждает, что в ней нет ничего, кроме демагогических обещаний относительно «оказания помощи» и «развития торговли». Представители латиноамериканских стран добивались соглашения, которое гарантировало бы им защиту от монополий, навязывающих несправедливые цены. Но американским бизнесменам — сторонникам «свободной торговли», т. е. свободного грабежа экономически зависимых стран, — не нужны такие соглашения. Поэтому делегация США ушла от делового обсуждения экономических проблем.

Раск надеялся, что зачитанное им послание президента Джонсона¹³, уведомявшее, что программа «Союза ради прогресса» будет продлена еще на десять лет, вызовет всеобщее ликование и делегаты с готовностью проголосуют за все предложения США. Но ведь продление срока деятельности «Союза ради прогресса» означает не что иное, как признание его провала. Попутно заметим, что заявление Джонсона никого не поразило. Еще 26 ноября 1964 г. хорошо осведомленная о планах

Белого дома «Нью-Йорк таймс» предупреждала латиноамериканцев, что десятилетний срок был назван условно и что фактически для осуществления программы «Союза» потребуются значительно больше времени. Разница в том, что год назад «Нью-Йорк таймс» пугала латиноамериканцев этой пролонгацией неоколониалистской программы, а теперь президент США призвал латиноамериканцев по тому же поводу радоваться.

Бывший президент Коста-Рики известный латиноамериканский политический деятель Хосе Фигерес считает, что «установление справедливых цен на экспортируемое Латинской Америкой сырье принесло бы куда больше пользы экономике латиноамериканских стран, чем «искусственные вливания» с помощью «Союза ради прогресса»¹⁴. «Смерть президента Кеннеди лишила «Союз» политического, интеллектуального и духовного руководителя»¹⁵, пишет известный американский специалист по Латинской Америке Пестер Нехемкис. Даже такой ярый приверженец США, как колумбиец Льерас Камарго, считает, что «Союз ради прогресса» переживает серьезный кризис¹⁶.

Значительная часть выступления Раска на конференции в Рио была посвящена пресловутой «угрозе коммунизма». Он призывал делегатов «быть начеку» и вести борьбу против «подрывной деятельности». Борьба с «коммунистической опасностью» — составная часть нынешней политики США. Поэтому речь государственного секретаря никого не удивила. Еще накануне конференции газета «Вашингтон ивнинг стар» писала, что «главная цель конференции в Рио — заклеить красную опасность»¹⁷. Разжигание антикоммунистических настроений в Латинской Америке необходимо американским монополиям как лишний довод в пользу создания «правительств сильной руки». 20 сентября 1965 г. палата представителей конгресса США приняла резолюцию, одобряющую применение Соединенными Штатами вооруженных сил в любой стране Западного полушария «для предотвращения подрывной деятельности и прихода к власти коммунистов». Это решение создает опасное положение, поскольку под предлогом предотвращения «коммунистической угрозы» санкционирует вооруженную интервенцию против любой латиноамериканской страны.

Пытаясь оправдать разбойничьи действия США, конгресс в упомянутой резолюции утверждает, что ее целью является предотвращение опасности «интервенции», «господства», «контроля» или «колонизации» стран Западного полушария «международным коммунизмом». Однако именно США, а не «международный коммунизм» организовали вооруженную интервенцию против Доминиканской республики, именно североамериканский империализм осуществляет в Латинской Америке интервенцию, господство, контроль и колонизацию.

Резолюция американской палаты представителей привела к

дальнейшей дискредитации политики США и потере их престижа. Даже «Мэгэзин оф Уолл-стрит» считает, что ущерб, который нанесла межамериканским отношениям эта резолюция, можно охарактеризовать лишь одним прилагательным — «непоправимый»¹⁸.

Антикоммунизм обречен на поражение так же, как обречена на поражение всякая ложь, когда она встречается с истиной. Сколько бы ни жонглировали идеологи империализма словами «свобода», «демократия», «равенство», им не скрыть преступлений, ежечасно творимых империализмом в Латинской Америке и в других частях света.

На конференции в Рио Дин Раск предложил ревизовать устав ОАГ. Смысл этой ревизии сводится к выхолащиванию принципов самоопределения народов и неприкосновенности территории государств, а также к расширению власти органов ОАГ, находящихся под контролем Вашингтона, за счет ущемления суверенитета латиноамериканских государств. Обсуждение предложений Раска реально продемонстрировало, что в ОАГ имеются две противостоящие друг другу группы. В одну входят США и представители диктаторских режимов, выступающие прямо или косвенно за дальнейшую милитаризацию ОАГ путем создания «постоянных межамериканских вооруженных сил». В другую — группа стран, добивающихся чтобы ОАГ стала эффективным органом, способствующим социально-экономическому развитию латиноамериканских республик. И хотя позиция этих государств не всегда последовательна, а состав их меняется, это — новый и весьма важный фактор расстановки сил в ОАГ. Правительства государств, выступающих против диктата США, требуют превращения ОАГ в союз равноправных партнеров, в организацию, способную решать жизненно важные экономические проблемы. Все это — яркое свидетельство стремления ряда латиноамериканских стран проводить независимый внешнеполитический курс. Две различные позиции, наметившиеся задолго до открытия конференции, в ходе ее определились еще четче. Ни открытый нажим, ни обработка Раском некоторых делегатов в кулуарах не обеспечили Вашингтону даже подобия межамериканской «солидарности».

Более того, раскол углубился: конференция привела к дальнейшему обострению кризиса всей межамериканской системы. США явно не удалось найти 14 послушных латиноамериканских представителей, чтобы протемпелевать решения, подработанные государственным департаментом. Конференция в Рио явилась ареной острой борьбы между США, их подголосками в ОАГ и представителями тех правительств, которым дорог суверенитет родины, достоинство и честь народов.

В основном документе конференции «Акте Рио-де-Жанейро» говорится, что «межамериканская система нуждается в том, что-

бы в нее вдохнули новую жизнь»¹⁹, чтобы был изменен устав ОАГ. В «Акте Рио-де-Жанейро» содержится пункт о созыве в июле 1966 г. в Буэнос-Айресе третьей чрезвычайной межамериканской конференции для пересмотра устава ОАГ. Была создана специальная комиссия из представителей всех стран — членов ОАГ, которой было поручено собраться в Панаме и в течение месяца подготовить предложения об изменении устава, внесенные как на самой конференции в Рио, так и до начала ее работы (т. е. до 25 февраля 1965 г.). В «Акте Рио-де-Жанейро» предусмотрены и пути изменения устава.

После конференции в Рио, «бесплезной и бесцветной» по мнению печати Латинской Америки и США, главные усилия американской дипломатии были сосредоточены на подготовке и проведении сессии специальной комиссии в Панаме: то, чего Вашингтону не удалось добиться в Рио, он думал реализовать в Панаме.

Пытаясь ослабить растущее сопротивление стран Латинской Америки планам создания «постоянных межамериканских вооруженных сил», США, перед совещанием в Панаме, затеяли очередную антикоммунистическую и антисоветскую возню. В конце января 1966 г. в Вашингтоне было созвано чрезвычайное заседание совета ОАГ, где решения Гаванской конференции, направленные на защиту свободы и независимости народов, были объявлены «непозволительным вмешательством во внутренние дела свободных и суверенных правительств», а Советскому Союзу было брошено обвинение во вмешательстве во внутренние дела латиноамериканских стран — обвинение, вопиющая абсурдность которого очевидна.

Фарс, разыгранный государственным департаментом в совете ОАГ, никого не удивил, потому что, как пишет чилийский журнал «Политика и эспириту», ОАГ уже давно не служит интересам обеих Америк, а «является органом на службе Соединенных Штатов»²⁰.

За три месяца, отделяющие конференцию в Рио от совещания в Панаме, США предпринимали различные меры, чтобы обеспечить одобрение предложения о создании карательного корпуса, который страховал бы их от «неприятных неожиданностей».

Перед самым началом совещания в Панаме президент Джонсон решил прибегнуть к уже испытанному приему — смене фигур при сохранении старого курса: он объявил о назначении нового главы латиноамериканского ведомства госдепартамента.

Белый дом вынужден то и дело давать отставку руководящим чиновникам госдепартамента, отвечающим за политику США в Латинской Америке. В феврале 1965 г. был переведен на другую работу помощник государственного секретаря по меж-американским делам Джек Худ Вон и освобожден от руковод-

ства латиноамериканской политикой заместитель государственного секретаря Томас Манн, снискавший печальную известность в Западном полушарии. Особенно знаменателен «уход от латиноамериканских дел» Томаса Манна. Президент Джонсон фактически вынужден был отстранить своего любимца из Техаса от руководства латиноамериканской политикой США. «Жесткий курс» Джонсона — Манна потерпел фиаско, и теперь госдепартаменту на этом ответственнейшем участке были нужны новые, менее одиозные фигуры.

Новым помощником государственного секретаря по межамериканским делам и координатором «Союза ради прогресса» стал Линкольн Гордон. Выбор этой кандидатуры не случаен. Профессор Гарвардского университета Гордон сам участвовал в разработке программы «Союз ради прогресса» под руководством Д. Кеннеди. Назначая одного из авторов программы «Союз ради прогресса» Гордона помощником государственного секретаря по межамериканским делам, Белый дом, по-видимому, надеялся вернуть доверие латиноамериканцев к этой программе. Однако за пять лет действия программы «Союз ради прогресса» выявился ее откровенно неокOLONиалистский характер. Широко разрекламированная «помощь», предоставляемая США в рамках «Союза ради прогресса», помощь, во много раз меньшая, чем расходы США на войну во Вьетнаме, не дала возможности ни одной из латиноамериканских стран упорядочить свою экономику. «Союз ради прогресса» привел к тому, что в настоящее время в 9 из 20 стран Латинской Америки у власти стоят правительства, либо непосредственно возглавляемые военными, либо пришедшие к власти в результате военных путчей. Официальные лица в США сами подчеркивают «решающую» роль вооруженных сил Латинской Америки в осуществлении «Союза ради прогресса».

Накануне совещания специальной комиссии побывавший в Панаме генеральный секретарь ОАГ Хосе Мора недвусмысленно заявил, что основной целью совещания является выработка «законной» основы для интервенционистской политики США. Тогда же, в конце января, совершая поездку по странам Центральной Америки, побывал в Панаме и президент Мексики Густаво Диас Ордас. Выступая перед панамцами, он сказал, что Мексика не собирается вносить существенные поправки в устав ОАГ. «Самое важное для нас, — подчеркнул президент, — сохранить основные принципы устава».

Таковы две диаметрально противоположные точки зрения на вопрос об уставе ОАГ, каждая из которых приобрела в Латинской Америке своих сторонников и противников. Следует также напомнить, что 23 февраля 1966 г., т. е. за два дня до начала совещания, министр обороны США Роберт Макнамара, выступая в сенатских комиссиях конгресса США, решительно заявил:

«Соединенные Штаты будут продолжать поиски приемлемой для стран Латинской Америки формулы создания межамериканских сил мира»²¹.

В первый же день работы специальной комиссии произошло резкое столкновение по процедурным вопросам: США предложили принимать решения простым большинством (11 голосов). Делегаты Мексики, Чили и Уругвая потребовали большинства в $\frac{2}{3}$ (14 голосов). Спор принял такой бурный характер, что пришлось создавать примирительную комиссию. В результате было решено в рабочих подкомитетах принимать постановления простым большинством голосов, а в специальной комиссии и в подкомитете по координации — квалифицированным большинством в $\frac{2}{3}$ голосов. Спор по процедурным вопросам был лишь началом столкновения двух противостоящих друг другу групп ОАГ.

Делегация США представила пространный проект (на 54 страницах) изменения устава ОАГ и два документа о мирном решении споров²².

Принятие американских предложений позволило бы Вашингтону беспрепятственно распоряжаться как ОАГ, так и «межамериканскими вооруженными силами».

Делегация США предложила расширить полномочия совета ОАГ, придав ему функции исполнительного органа, в частности предоставить совету особые полномочия для урегулирования конфликтов между государствами континента, даже без учета позиции вовлеченных в конфликт стран. Предложение госдепартамент поддержали лишь немногие делегации.

Делегаты Мексики, Чили, Аргентины и Бразилии отклонили американский проект. Представитель Мексики заявил, что «предоставление постоянному совету функций, противоречащих положениям действующего устава, может привести к опасным злоупотреблениям властью и постепенному превращению совета в надгосударственный орган». «Предоставление совету ОАГ принудительной наднациональной власти при рассмотрении конфликтов может лишь усугубить эти конфликты, возродить разногласия», — писала перуанская газета «Комерсио».

Многие участники совещания поняли, что расширение функций совета ОАГ может быть использовано как лазейка для протаскивания определенных военных планов, в том числе и плана о создании пресловутых «межамериканских вооруженных сил».

Резкий отпор получило и предложение США включить в рамки ОАГ межамериканский совет обороны, резиденция которого находится в Вашингтоне и в состав которого входят представители военных штабов латиноамериканских армий. Фактическим хозяином этого органа является Пентагон.

Глава мексиканской делегации Рафаэль де ла Колина в интервью корреспонденту агентства Франс Пресс заявил, что Мексика выступает против включения межамериканского совета обороны в ОАГ, поскольку, по мнению Мексики, «этот орган является чисто военным». Перуанский специалист по международным вопросам Луис Альберто Санчес заявил, что принятие американских предложений «явится началом хаоса в Латинской Америке».

Включение межамериканского совета обороны в ОАГ явилось бы не чем иным, как попыткой создать «межамериканские вооруженные силы», которые вмешивались бы во внутренние дела других стран, как это было в случае с Доминиканской республикой. Хотя вопрос об агрессии США против Доминиканской республики не обсуждался ни на конференции в Рио-де-Жанейро, ни на совещании в Панаме, обе встречи прошли под знаком осуждения американских агрессоров.

По главному вопросу совещания в Панаме, как и на конференции в Рио-де-Жанейро, США были вынуждены отступить перед непреклонной волей латиноамериканских народов.

Посланцы Вашингтона добивались предоставления широких личных полномочий генеральному секретарю ОАГ, в частности — права ставить на рассмотрение совета или конференции министров иностранных дел вопрос о «любом конфликте, угрожающем миру и безопасности в полушарии». Особенно резко высказался против предложения США делегат Колумбии Альфредо Васкес Каррисоса, который заявил, что оно «противоречит всем нормам права».

Взбешенные неудачей, представители США стали оказывать на своих латиноамериканских коллег грубый нажим и на последнем этапе отказались подписать согласованные решения, поскольку они противоречили планам Вашингтона.

Совещание в Панаме проходило в напряженной обстановке и не раз заходило в тупик. Генеральный секретарь ОАГ Хосе Мора срочно летал в Вашингтон за дополнительными инструкциями. Но это не облегчило положение делегации США.

В последнее время влиятельные органы печати стран Латинской Америки и США подчеркивают, что Организация американских государств «переживает серьезный кризис», что ее деятельность «не отвечает реальной обстановке» и что наступило время либо ликвидировать ОАГ, либо радикально изменить ее устав. Журнал «Сьемпре» незадолго до конференции в Рио поместил шутивное объявление следующего содержания: «На днях состоится заупокойная служба по ОАГ, почившей в бозе, всеми осмеянной, от позора и бесчестья. Особые приглашения на траурную церемонию рассылаться не будут»²³. Как говорится, в каждой шутке есть доля правды. Факт таков, что в США считают большим достижением уже одно то, что ОАГ выдержала

такое испытание как межамериканская конференция в Рио, что ОАГ уцелела.

Известный государственный деятель Латинской Америки, бывший президент Колумбии и бывший генеральный секретарь Организации американских государств Альберто Льерас Камарго свою статью, посвященную кризису ОАГ, назвал «Консолидация или крах?» Он вынужден признать, что агрессия против Доминиканской республики «безусловно не укрепила ОАГ»²⁴.

Многие государственные и политические деятели и политические обозреватели считают, что в ближайшее время будет решаться судьба ОАГ. Они убеждены, что Белый дом должен взвесить положение в Латинской Америке и срочно изменить внешнеполитический курс.

Бывший президент Бразилии Жанио Куадрос приходит к выводу, что ОАГ сможет играть положительную роль лишь в том случае, если из нее будут исключены Соединенные Штаты. Действительно, латиноамериканским странам нужна их собственная латиноамериканская региональная организация, которая сможет договориться на равноправной основе со всеми державами мира, в которой, как писал Симон Боливар, «каждый народ будет свободным и будет пользоваться суверенитетом в соответствии со своей волей и совестью»²⁵.

Латинская Америка — накануне великих перемен. Это очевидно не только для жаждущих этих изменений латиноамериканских народов, но и для тех, кто заинтересован в обратном. В Нью-Йорке вышла книга под названием «Для Латинской Америки наступила пора перемен»²⁶. Это сборник статей видных американских ученых о современных проблемах Латинской Америки. Американские ученые приходят к выводу, что межамериканские отношения зашли в тупик и что для спасения ОАГ нужны решительные меры.

В Латинской Америке многие государственные деятели требуют превратить ОАГ в латиноамериканский форум, где должны быть представлены все ибероамериканские страны независимо от общественно-политического строя. «Нам не место в ОАГ, этом сборище лакеев», — возмущается журнал «Сьемпре» и предлагает вместо ОАГ — ОЛАГ (Организацию латиноамериканских государств).

В борьбу против американских империалистов все более активно включаются широкие народные массы. Американский журнал «Каррент хистори» в номере, посвященном латиноамериканским проблемам, откровенно признает: «Латинская Америка накануне взрыва; точнее говоря, в Латинской Америке создалась предреволюционная ситуация»²⁷.

Надежды Вашингтона на то, что к третьей чрезвычайной конференции министров иностранных дел стран — членов ОАГ ему удастся «навести порядок» и заставить все латиноамерикан-

ские страны поддержать предложения США, беспочвенны. Время работает не на американских империалистов. Все большее число латиноамериканских стран выступают за укрепление своей независимости, за самостоятельное экономическое развитие Латинской Америки, против ее милитаризации. Совещание в Панаме явилось ярким свидетельством новой расстановки сил в Западном полушарии. Нельзя не согласиться с мнением аргентинского журнала «Международная политика», писавшего в январе 1966 г.: «Если поражение во Вьетнаме ничему не научило Соединенные Штаты, то разгром, который их ожидает в Латинской Америке, приведет их в чувство»²⁸.

¹ «Politica Internacional B. A.», mayo-junio, 1965, p. 47.

² «The Economist», 6.XII 1965, p. 586.

³ «The Department of State Bulletin», 23.III 1965, p. 330—331.

⁴ Ibid., 13.IX 1965, p. 428—430.

⁵ «The New York Times», 19.XI 1965.

⁶ «The New Republic», 30.X 1965, p. 13.

⁷ «The Magazine of Wall Street», 30.X 1965, p. 182.

⁸ «Vital Speeches of the Day», December 15, 1965, p. 130—135.

⁹ «The Magazine of Wall Street», 30.X 1965, p. 158.

¹⁰ «The Washington Post», 2.XII 1965.

¹¹ «The New York Times», 27, 28.XI 1965.

¹² «Ercilla», 24.XI 1965, p. 23.

¹³ «Time», 3.XII 1965, p. 34.

¹⁴ Цит. по кн.: «Peter Nehemkis. Latin America: Myth and Reality». USA, 1964, p. 184.

¹⁵ Ibid., p. 242.

¹⁶ «The New Republic», 30.X 1965, p. 14.

¹⁷ «The Washington Evening Star», 31.X 1965.

¹⁸ «The Magazine of Wall Street», 16.X 1965, p. 110.

¹⁹ «Revista Internacional y Diplomática», 10.XII 1965, p. 42.

²⁰ «Política y espíritu», Santiago de Chile, marzo-abril 1965, p. 4.

²¹ «The New York Times», 24.II 1966.

²² Ibid., 1.III 1966.

²³ «Siempre», 16.VI 1965, p. 10.

²⁴ «Visión», 25.VI 1965, p. 13.

²⁵ Ibid., 18.II 1966, p. 18.

²⁶ «Politics of Change in Latin America». N. Y., 1964.

²⁷ «Current History», January 1965, p. 1.

²⁸ «Politica Internacional». Buenos Aires, enero 1966, p. 3.

От политики «большой дубинки» к политике «доброего соседа»

Истории внешней политики США в период между двумя мировыми войнами и, в частности, их политике в Латинской Америке посвящены десятки работ американских буржуазных историков и публицистов. Особое внимание в этой области уделяется так называемой политике «доброего соседа», проводившейся, с точки зрения правящих кругов США, наиболее успешно и давшей наибольшие результаты¹. Однако, говоря о факторах, определивших характер внешней политики США, буржуазные историки, как правило, либо вовсе замалчивают, либо всячески умаляют роль народных масс в событиях. Искать в их работах показа борьбы трудящихся масс и национально-освободительного движения, его влияния на формы и методы внешней политики США было бы тщетно.

В советской исторической литературе специальных исследований, посвященных политике «доброего соседа» в целом, пока еще нет. Имеются лишь статьи по частным проблемам этой темы, либо разделы в более общих по тематике работах.

В данной статье автор также пытается рассмотреть частный вопрос — вопрос о генезисе латиноамериканской политики США в период между двумя мировыми войнами, о предпосылках или факторах, обусловивших необходимость изменений в этой политике и провозглашение политики «доброего соседа»².

* * *

В течение 15 лет, прошедших от испано-американской до первой мировой войны, Соединенные Штаты развивались бурными темпами и по экономической мощи намного опередили Англию и Германию. Война 1914—1918 гг. была гигантским бизнесом для американских монополий. Из страны, импортирующей капитал, США превратились в экспортера его, из государства-должника — в государство-кредитора. Вскоре после окончания войны

американский капитал двинулся на завоевание мира. Американские долгосрочные капиталовложения за границей, составлявшие в 1914 г. 3,5 млрд. долл., выросли к 1929 г. до 14,5 млрд. долл.³ Общий оборот внешней торговли США вырос за это время с 4,3 до 9,6 млрд. долл.

К 1929 г. США производили половину всей промышленной продукции капиталистического мира. Проблема рынков поэтому стала для американских монополий особенно острой, и борьбу за рынки сбыта и приложения капитала, за источники сырья и сферы влияния они вели во всех частях мира. Но особое место при этом ими по-прежнему отводилось ближайшему «тылу» — Латинской Америке.

Первая мировая война широко открыла доступ для капитала и товаров США в страны Латинской, особенно Южной, Америки, оказавшейся отрезанной от Европы. Капиталовложения США в Латинской Америке с 1913 по 1919 г. выросли с 1,2 до 2,4 млрд. долл. В 1924 г. они составляли 3,7 млрд., а в 1929 г. превысили 5,5 млрд. долл., почти догнав британские⁴. Экспорт США в Латинскую Америку с 1913 по 1919 г. утроился. К 1929 г. торговля США с Латинской Америкой увеличилась по сравнению с 1913 г. в 5,6 раз и превысила латиноамериканскую торговлю Англии, Франции и Германии, вместе взятых⁵.

При правительствах Гардинга и Кулиджа финансовая и торговая экспансия американского капитала поддерживалась государственным департаментом шире, чем когда-либо ранее. Займы обуславливались принятием американских финансовых и военных советников и обязательством впредь не заключать займов в Европе⁶.

На характер и методы послевоенной экспансии американского монополистического капитала в Западном полушарии определенное влияние оказало начавшееся в эти годы перемещение центра тяжести наступательной активности магнатов Уолл-стрит из уже «освоенного» Карибского района в Южную Америку.

К концу первой мировой войны было завершено превращение Карибского моря в окруженное военными базами США «американское озеро»: был построен Панамский канал, Гаити и Доминиканская республика оккупированы американской морской пехотой, американские войска находились также на Кубе, в Никарагуа, Панаме. Карибский район стал почти монопольным заповедником американского капитала⁷.

Укрепив свое господство в Карибском районе и став после войны экономически самой мощной капиталистической державой, США перешли к следующей фазе борьбы за гегемонию в Западном полушарии. Статистические данные свидетельствуют о том, что в период с 1914 по 1929 г. произошел сдвиг в сторону увеличения удельного веса Южной Америки в общем вывозе капитала и торговле США в Латинской Америке.

Экспорт США в страны Карибского района составлял в 1921 г. 10,1%, а в 10 стран Южной Америки — 6,8% всего экспорта США, а в 1930 г. — соответственно уже 8,4 и 9,4%, хотя удельный вес Латинской Америки в целом в общем экспорте США мало изменился (в 1921 г. — 17%, в 1930 г. — 18%)⁸.

Распределение капиталовложений США в Латинской Америке (в %) ⁹

Год	10 стран Карибского района	10 стран Южной Америки	Всего
1913	86	14	100
1929	41	59	100

Однако в отношении более крупных и экономически пока еще мало зависимых от США стран Южной Америки нельзя было использовать открытые вооруженные интервенции, применявшиеся в мелких странах Карибского района. Тем более, что за сто лет, прошедших со времени установления независимости южноамериканских республик, там прочно окопался британский капитал, отнюдь не собиравшийся уступать своих позиций без борьбы.

Не случайно поэтому американское проникновение в Южную Америку приняло вначале форму главным образом финансовой экспансии. Причем главным рычагом финансового закабаления в тот период явились не столько прямые капиталовложения, сколько займы. В частности накануне кризиса 1929—1933 гг. на долю Карибского района все еще приходилось 56,7%, а на долю Южной Америки — 43,3% прямых капиталовложений США в Латинской Америке. Зато в области портфельных вложений, т. е. различных займов, на Карибский район приходилось лишь 22,3%, а на Южную Америку — 77,7% всех займов США латиноамериканским странам¹⁰.

После разгрома Германии в первой мировой войне британский империализм оказался перед лицом нового, еще более мощного соперника — империализма США, и весь период с 1918 г. до начала 1930-х годов характеризуется острой англо-американской борьбой за первенство в капиталистическом мире. Большое место в этом соперничестве занимала борьба за нефть, олово, медь, каучук и хлопок Южной Америки.

В упорной борьбе американский капитал пядь за пядью вытеснял английский, и к 1929 г. экономические позиции США в таких странах, как Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Боливия, были определено более сильными, чем английские. В Чили и Перу они были примерно равны, а в Аргентине, Бразилии, Уругвае и Парагвае — слабее английских¹¹.

В области торговли с Южной Америкой США обогнали Англию, увеличив за 1913—1928 гг. свой экспорт в 3,5 раза, а импорт — в 2,8 раза, тогда как английский экспорт вырос за эти годы лишь на 28%, а импорт — на 71%¹². Однако капиталовложе-

ния США в Южной Америке были в 1929 г. еще вдвое меньше английских¹³.

Экономическое соперничество переплеталось с борьбой за политическое влияние, выражавшейся в соперничестве различных местных буржуазно-помещичьих клик и многочисленных государственных переворотах в южноамериканских странах, а также в конфликтах между этими странами. Империалисты США и Англии разжигали старые пограничные споры и поощряли давнее соперничество между Аргентиной, Бразилией и Чили за влияние в Южной Америке¹⁴.

Торгово-финансовая экспансия американского капитала во всем мире создавала серьезную угрозу английским позициям в мировой экономике и политике и привела к резкому обострению англо-американских отношений. В борьбе против американского соперника английский империализм умело использовал существующую в Латинской Америке ненависть широких народных масс к «империализму янки».

Противодействие британского империализма и поддержка им сопротивления правящих кругов ряда южноамериканских стран экспансии США в Западном полушарии вместе с перемещением центра тяжести этой экспансии из Карибской Америки в Южную несомненно сыграли свою роль в постепенном отказе Вашингтона от прежних откровенно империалистических форм политики в Латинской Америке.

Еще более важным фактором, заставившим правящие круги США перейти в 1930-х годах к новым, более замаскированным формам латиноамериканской политики, к более гибким методам «проникновения» и контроля, явился неуклонный подъем национально-освободительного антиимпериалистического движения во всех странах Латинской Америки, рабочего и демократического движения в самих США.

Резкое сокращение после окончания первой мировой войны заграничного спроса на продовольствие и сырье из Латинской Америки поставило в тяжелое положение ее сельское хозяйство и промышленность. Чрезвычайно ухудшились условия жизни народных масс, еще больше усилилась их ненависть к империалистам и местным эксплуататорам. Октябрьская революция «стала лучом света и надежды для миллионов угнетенных и эксплуатируемых рабочих и крестьян во всех странах Западного полушария — от Канады до Аргентины,— пишет У. З. Фостер.— Пример и уроки социалистической революции в России оказали серьезное влияние на развитие экономической и политической борьбы угнетенных масс всего Нового Света»¹⁵.

То обстоятельство, что переход американского финансового капитала к активной борьбе за мировую гегемонию совпал по времени с началом, развитием и обострением общего кризиса капитализма, в огромной мере осложнило осуществление планов,

лелеемых магнатами Уолл-стрит. В 1918—1921 гг. Латинскую Америку охватили глубокие социальные потрясения. По многим латиноамериканским странам прокатилась мощная волна стачечного движения. В ряде районов Бразилии, Мексики, Аргентины и Чили вспыхнули вооруженные восстания. В обстановке революционного подъема возникли коммунистические партии в Мексике (1919), Аргентине и Уругвае (1920), Чили и Бразилии (1922), Кубе (1925) и коммунистические группы в некоторых других странах¹⁶.

Поднялись и крестьянские массы. Свою борьбу за землю они не могли не связывать с борьбой против империализма, нещадно эксплуатировавшего их труд на плантациях, разрушавшего сложившиеся формы крестьянского хозяйства, ускорявшего пауперизацию и обнищание крестьянства. Больше года длилось начавшееся в 1919 г. восстание против американских оккупантов в Гаити, в котором участвовали десятки тысяч человек. Однако, за редким исключением, крестьянское движение было еще стихийным¹⁷.

Революционная волна этих лет захватила также мелкобуржуазные слои, студенчество (движение за университетскую реформу охватило почти все страны Латинской Америки), солдат и даже часть офицерства (Бразилия)¹⁸.

В Аргентине, Мексике, Бразилии, Чили за годы войны окреп национальный капитал и усилилось стремление национальной буржуазии к экономической самостоятельности. Послевоенный подъем национально-освободительного движения коснулся и значительной части средней национальной буржуазии, ущемленной натиском империалистических монополий. Она требовала самостоятельного развития сырьевых ресурсов своих стран и защиты молодой национальной промышленности путем введения протекционистских тарифов. Связанные с английским капиталом круги буржуазии демагогически использовали в своих целях ненависть масс к «империализму янки». На этой почве вновь оживилась пропаганда «паниспанизма». В латиноамериканской буржуазной прессе участились враждебные США выступления.

В эти годы по всей Латинской Америке прокатилась волна протеста против продолжающейся оккупации американской морской пехотой Гаити, Доминиканской республики, Панамы и Никарагуа, против расстрелов американцами сотен восставших крестьян-гаитийцев, нашедшая отражение и в действиях официальных кругов отдельных латиноамериканских стран¹⁹.

Во второй половине 1920-х годов революционное и национально-освободительное движение в Латинской Америке продолжалось. Увеличение производства капиталистических стран в этот период вызвало такое обострение конкуренции на латиноамериканских рынках, которое далеко не всегда могло выдержать молодая национальная промышленность. Новый нажим иност-

ранных монополий и внутренние социальные сдвиги, в частности увеличение численности пролетариата и рост его роли в национально-освободительной борьбе, вели к усилению антиимпериалистических настроений в народных массах.

В большинстве стран Латинской Америки продолжались стачки, крестьянские и студенческие волнения. В 1924 г. в г. Сан-Паулу рабочие вместе с гарнизоном восстали, захватили в свои руки и почти три недели удерживали этот второй по величине город Южной Америки. Затем начался легендарный, более чем двухлетний поход «колонны Престеса», прошедшей с боями по Бразилии 25 тыс. км и оставившей глубокий след в сознании бразильского народа, давшего Луису Карлосу Престесу имя «рыцаря надежды»²⁰.

Молодые коммунистические партии стран Латинской Америки продолжали борьбу за организацию и воспитание рабочего класса, за его единство. В 1926 г. коммунисты Чили завоевали 10 мест в парламенте, в том числе два в сенате. На новую ступень поднялось профдвижение. В ряде стран возникли национальные профцентры, в 1929 г. был создан единый левый профцентр — Латиноамериканская конфедерация профсоюзов (ЛАКП)²¹.

Усилились антиимпериалистические настроения и в рядах мелкой буржуазии. Все заметнее начинают проявляться двойственность и колебания средней национальной буржуазии. Рост торговли и промышленности в крупных странах Латинской Америки и конкуренция иностранных монополий толкали национальную буржуазию в ряды участников освободительного движения. В то же время рост классового самосознания и организованности пролетариата, а также возрастающая роль его в национально-освободительном движении пугали национальную буржуазию, боявшуюся революционной активности масс, и толкали ее на путь сотрудничества с империалистами. К тому же интересы определенной части ее переплетались с интересами крупной, главным образом посреднической и ростовщической буржуазии, тесно связанной с иностранным капиталом и местной аграрной олигархией.

Тем не менее по мере роста национального капитала и его влияния на действия правящих кругов латиноамериканских стран Вашингтонскому правительству приходилось в своей политике все больше и больше считаться с этим обстоятельством. Антиамериканские настроения в Латинской Америке настолько усилились, что впервые нашли активное выражение даже на заседаниях панамериканских конференций. «Между четвертой и пятой конференцией прошло тринадцать лет (с 1910 до 1923 г.), и когда, наконец, была созвана пятая конференция, она оказалась не в состоянии принять какие-либо важные решения», — свидетельствует У. З. Фостер²².

Наивысшего размаха освободительная борьба народов Латинской Америки в 1920-х годах достигла в Никарагуа. Самоотверженная борьба никарагуанских патриотов во главе с Аугусто Сандино — «генералом свободных людей», как назвал его Анри Барбюс, — против североамериканских оккупантов стала живым воплощением единства народов Латинской Америки. Начальником штаба народной революционной армии Сандино был венесуэлец Карлос Апонте, генералами этой армии — сальвадорец Хосе Леон Диас, гондурасцы Хуан Пабло Умансор, Порфирио Санчес и Симон Гонсалес, гватемалец Мариа Мануэль Хирон Руано, мексиканец Мануэль Чаварри и т. д. В отрядах Сандино сражались борцы за свободу из многих латиноамериканских стран, в том числе один из нынешних руководителей Компартии Венесуэлы Густаво Мачадо²³.

Героическое сопротивление никарагуанцев североамериканским оккупантам произвело огромное впечатление во всех странах Западного полушария и сразу как бы мощным прожектором осветило характер взаимоотношений между народами Латинской Америки и империализмом США. Новая империалистическая интервенция вызвала взрыв возмущения. По всему континенту, от Рио-Гранде-дель-Норте до равнин Патагонии, прокатилась волна митингов и демонстраций протеста. Мексиканский конгресс осудил действия США. В ряде стран начался сбор средств на покупку оружия для никарагуанских патриотов²⁴.

Интервенция в Никарагуа вызвала массовые протесты рабочих и других демократических организаций в самих США и жестокую критику правительства Кулиджа даже в американском конгрессе²⁵.

Все это привело к тому, что состоявшаяся в начале 1928 г. в Гаване 6-я панамериканская конференция проходила в чрезвычайно напряженной обстановке. На ней делегаты большинства латиноамериканских стран впервые открыто потребовали формального запрещения вооруженной интервенции.

Гаванская конференция (и это вынуждены признать даже консервативные американские историки) произвела очень тягостное впечатление в Латинской Америке, еще больше усилив там подозрения, страхи и враждебность в отношении США. «...Никогда еще народы Латинской Америки не были более ожесточены против Соединенных Штатов, чем теперь», — писал в 1928 г. Д. Ф. Риппи²⁶. Конференция серьезно подорвала престиж Соединенных Штатов и показала вашингтонским политикам, что создававшееся ими на протяжении 40 лет здание панамериканизма дало трещину.

Упорное вооруженное сопротивление маленького народа Никарагуа интервентам и чрезвычайно тревожные для Вашингтона результаты 6-й панамериканской конференции ясно указыва-

ли на кризис в отношениях между Латинской Америкой и США. Дальнейшее использование в новых условиях общего кризиса капитализма и подъема массового антиимпериалистического движения в Латинской Америке старых, откровенно империалистических методов политики «большой дубинки» времен Т. Рузвельта — В. Тафта завело латиноамериканскую политику США в тупик. Это уже тогда и в последующие годы были вынуждены признать как буржуазные историки всех политических оттенков, так и политические деятели США²⁷.

К середине 1928 г. необходимость изменений в латиноамериканской политике стала очевидной для многих представителей правящей верхушки Соединенных Штатов, так как старая политика угрожала изоляцией США в Латинской Америке и, следовательно, провалом далеко идущих планов их гегемонии в Западном полушарии. В июле 1928 г. только что выдвинутый кандидатом от демократической партии на пост губернатора штата Нью-Йорк Франклин Рузвельт в журнале «Форин афферс» писал, что вопрос о Латинской Америке является «самым важным из всех», и бил тревогу по поводу провалов американской дипломатии на Гаванской конференции и вообще в Латинской Америке: США «никогда прежде в нашей истории... не имели в Западном полушарии меньше друзей, чем сегодня». «Пришло время, когда мы должны принять... новые принципы...» Фактическое «отсутствие политики не может быть оправдано. Созрело время начать новую главу», — писал он²⁸.

В кругах республиканской партии многие также стали осознавать к этому времени необходимость определенных изменений в латиноамериканской политике. Об этом писал в том же июльском номере «Форин афферс» О. Л. Миллс — крупный делец-республиканец, миллионер, занявший вскоре пост министра финансов в правительстве Герберта Гувера. Об этом же писал и выражавший взгляды республиканцев крупнейший политический обозреватель Уолтер Липпман²⁹.

С требованием «новой», «конструктивной» латиноамериканской политики, которая предупредила бы «возникновение причин для революции и анархии», выступил в 1928 г. Бенджамин Сэмнер Уэллес, бывший в течение ряда лет руководителем латиноамериканского отдела государственного департамента. Он призывал отказаться от открыто империалистических методов политики и шире использовать такой удобный инструмент латиноамериканской политики, как панамериканизм³⁰.

Сопоставление взглядов указанных американских буржуазных деятелей и публицистов показывает, что все они уже в 1928 г. считали необходимым прежде всего отказаться от метода открытых вооруженных интервенций силами самих Соединенных Штатов и заменить его более замаскированным и гибким методом — «коллективной интервенцией», а практически — ин-

тервенцией тех же США «с согласия» нескольких латиноамериканских правительств³¹.

Другое предлагаемое изменение в латиноамериканской политике относилось к доктрине Монро, с помощью которой Вашингтон обычно «оправдывал» свою политику интервенции. Латиноамериканцы давно уже требовали отказа США от нее. Правительства Чили, Коста-Рики, Колумбии и даже Кубы выступали против включения ее в Устав Лиги Наций. Аргентина, Мексика, Гондурас, Сальвадор формально заявили о непризнании ее. Однако США, рассчитывая создать блок подчиненных Вашингтону стран Западного полушария именно на платформе заявления президента Монро от 2 декабря 1823 г. о том, что Европа не должна вмешиваться в дела Америки и не имеет права создавать там новых колоний, всячески старались сохранить доктрину Монро в своем арсенале хотя бы ценой «очищения» ее от многочисленных позднейших «дополнений» (вроде «дополнения Т. Рузвельта» о «праве США на интервенцию для поддержания порядка»).

Этой точки зрения держались как С. Уэллес и демократ Ф. Рузвельт (считавший, что доктрину следует не только сохранить, но и «панамериканизировать», г. е. использовать в качестве основы для «сотрудничества» с правящими кругами латиноамериканских стран), так и республиканец О. Миллс³².

Наконец, одним из наиболее распространенных было требование уделить особое внимание дипломатической службе США в Латинской Америке, посылать туда наиболее опытных, ловких и специально подготовленных к латиноамериканской «специфической работы» дипломатов³³.

Таким образом, как демократические, так и республиканские авторы предложений о «новой», «конструктивной» латиноамериканской политике имели в виду лишь изменение ее внешних форм, использование более соответствующих изменившейся обстановке «гибких» и замаскированных методов и средств «влияния». Цель же и сущность этой политики оставались старыми: монопольное экономическое и политическое господство США в Латинской Америке и превращение ее в надежный «тыл», источник сырья и плацдарм для разворачивающейся борьбы за мировую гегемонию хозяев Уолл-стрит³⁴.

Не может быть сомнения, что неожиданное стремление «дяди Сэма» спрятаться за спинами латиноамериканских правителей для того, чтобы подавить в какой-либо из латиноамериканских республик революционное движение, или стремление «очистить» доктрину Монро от ее позднейших откровенно империалистических «наслоений» были вызваны прежде всего быстрым нарастанием национально-освободительной борьбы народных масс Латинской Америки. Растущее сопротивление народов Латинской Америки, широкое распространение антиимпе-

реалистических настроений среди народных масс в Соединенных Штатах и происки британского империализма в Южной Америке были основными из тех факторов, которые в конечном счете через несколько лет привели к пересмотру политики империализма США по отношению к странам Латинской Америки и провозглашению президентом Франклином Рузвельтом так называемой политики доброго соседа³⁵.

К середине 1928 г., таким образом, для части политиков из демократической партии стало ясно, что формы и методы латиноамериканской политики США требуют изменения. Этот вопрос занимал видное место в предвыборной кампании демократической партии в 1928 г. и был включен в ее выборную платформу. Что касается республиканцев, то в своих предвыборных речах их кандидат в президенты Гувер также всячески «осуждал» интервенцию и империалистическую политику³⁶.

В конце 1928 г. по его инициативе даже был подготовлен специальный документ — «Меморандум Кларка», продолжавший «очищение» доктрины Монро с целью убедить латиноамериканцев, что она якобы не имеет ничего общего с империализмом, никоим образом не оправдывает интервенций США и вообще относится не к латиноамериканской, а к европейской политике Соединенных Штатов³⁷. Тем самым официально опровергался целый ряд заявлений многих президентов и государственных секретарей США и фактически молчаливо признавалось, что в качестве основы латиноамериканской политики доктрина Монро потерпела крах. На это в Вашингтоне пошли только ради того, чтобы сохранить доктрину в арсенале американской дипломатии до того времени, когда она понадобится вновь. Но опубликован этот меморандум был лишь в 1930 г.³⁸

В своем вступительном президентском послании конгрессу и позднее Гувер неоднократно заверял латиноамериканцев в «отказе США от империализма» и какого-либо господства над народами³⁹. Но трудно сказать, пошло бы в действительности правительство Гувера дальше этих давно уже приевшихся латиноамериканцам громких заявлений, если бы осенью 1929 г. не пришел конец «чахоточному», по словам У. Фостера, американскому «просперити» и не начался мировой экономический кризис, еще более обостривший противоречия между Латинской Америкой и США.

* * *

Экономический кризис 1929—1933 гг., развернувшийся на базе общего кризиса капитализма, по силе и продолжительности не имел себе равных. Наиболее сильно он поразил главную страну капитализма — США. За неслыханным биржевым крахом на Уолл-стрит последовали разорение и закрытие тысяч промышленных и торговых предприятий. Объем промышленной

продукции в США в 1932 г. упал ниже довоенного и составлял всего 53,8% к уровню 1929 г. Катастрофически упали цены на сельскохозяйственные продукты. Разорвавшиеся фермеры пополнили ряды безработных, число которых в США колебалось в эти годы от 11 до 17 млн. человек.

Резко обострились классовые противоречия. В отличие от прошлых лет в забастовках участвовали и неорганизованные рабочие. Массовые размеры приняло движение безработных. В демонстрациях против безработицы в марте 1930 г. участвовало более 1,5 млн. человек.

Кризис явился тяжелейшим ударом не только по всей американской экономической и социальной системе, но и ослабил позиции империализма США во всем мире. Экспорт капитала из США почти прекратился. Обесценивались старые капиталовложения. Внешняя торговля быстро сокращалась. Причем, в то время, как мировая торговля в целом сократилась за 1929—1932 гг. на 67,7%, а торговля Англии на 45%, внешняя торговля США сократилась на 70%⁴⁰. В 1930 г. США приняли один из самых жестких в своей истории запретительных таможенных законов — акт Хаули — Смута. Это вызвало ответные действия большинства капиталистических стран. Англия отказалась от золотого стандарта и перешла к протекционизму.

Кризис еще больше обострил империалистические и прежде всего англо-американские противоречия. Экономика США пострадала от него гораздо сильнее, чем экономика Англии. Объем промышленной продукции США к весне 1933 г. сократился на 60% по сравнению с 1929 г., а Англии — лишь на 8%. В годы кризиса Англия вернула себе первое место в мировой торговле. Американские капиталовложения за границей и особенно в Латинской Америке обесценились гораздо больше, чем английские⁴¹.

Английский империализм повел в эти годы ожесточенную контратаку против своего американского соперника. В первую очередь это относилось к Южной Америке, где в начале 30-х годов английскому капиталу удалось временно вернуть часть утраченных в годы первой мировой войны и в послевоенное десятилетие позиций⁴². Доля США в импорте Латинской Америки за годы кризиса упала с 38,7 до 29,2%, а доля Англии возросла с 14,9 до 18,1%, Германии — с 10,8 до 11,5%, Японии — с 0,5 до 1,8% и т. д. За один лишь 1932 г. Латинская Америка сократила свою торговлю с США на 42%, а с Англией — только на 11%⁴³.

Хотя главными в ряду империалистических противоречий в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. все еще оставались противоречия между США и Англией, в эти годы значительно обострились также и все остальные империалистические противоречия. Попытки империалистов разрешить свои трудности за счет Советского Союза, путем организации антисо-

ветского «крестового похода», провалились. Правящие круги Японии и Германии, заинтересованные в ревизии версальско-вашигтонской системы договоров, открыто стали на путь подготовки новой мировой войны. В 1931 г. образовался очаг войны на Дальнем Востоке, а в 1933 г.— в Европе.

Именно в годы экономического кризиса началось активное проникновение японского империализма в латиноамериканские страны. Японская торговая экспансия в Латинской Америке быстро росла и вызывала в США массу тревожных откликов⁴⁴, тем более, что она сопровождалась пропагандой, направленной против «империализма янки». «Усиленную активность,— отмечалось тогда в материалах Коминтерна,— за последнее время проявляет японский империализм: значительное увеличение японской торговли с Южной и Карибской Америкой, японская эмиграция, расширение военно-политических связей с рядом буржуазно-помещичьих группировок Мексики, Кубы, Бразилии и некоторых других стран»⁴⁵. Не меньшую тревогу начинало вызывать в Вашингтоне возрастающее проникновение в Латинскую Америку германского империализма.

Все это лишний раз свидетельствовало о наличии для монополий США особых трудностей в странах Южной Америки и снова напоминало о необходимости таких изменений в латиноамериканской политике Вашингтона, которые бы способствовали более успешной экспансии империализма США в южную часть американского континента.

Мировой экономический кризис еще больше обнажил противоречия между империалистическими державами и колониальными и зависимыми странами. Засилье иностранного капитала и наличие докапиталистических форм хозяйства обусловило особую остроту кризиса для Латинской Америки. Резкое падение мировых цен на минеральное и сельскохозяйственное сырье и сокращение его экспорта в страны Европы и США привело к закрытию в Латинской Америке рудников и предприятий, к уничтожению миллионов мешков кофе, пшеницы, бананов и кукурузы, к голоду и безработице народных масс.

В результате навязанной империалистами монокультурной системы хозяйства экономика латиноамериканских стран оказалась в полной зависимости от экспорта одного-двух сырьевых продуктов. Сокращение почти в три раза их экспорта лишило эти страны возможности ввозить многие необходимые для существования населения продукты питания.

В ответ на тарифный закон Хаули—Смута, который, по словам внешнеполитического редактора журнала «Тайм» Уэртенбэйкера, «помог Латинской Америке погрузиться в пучину кризиса»⁴⁶ и почти закрыл ее продуктам доступ на внутренний рынок США, латиноамериканские страны также увеличили тарифные барьеры, ввели импортные квоты, установили контроль над

валютой, прекратили платежи по долгам и стали заключать клиринговые торговые соглашения с европейскими странами и с Японией⁴⁷. Вследствие этого в то время как вся внешняя торговля США с 1929 по 1932 г. сократилась втрое, их торговля с Латинской Америкой сократилась почти в четыре раза⁴⁸. К 1936 г. американские капиталы, вложенные в заграничные ценные бумаги, считались обесцененными во всем мире на 38,3%, а в Латинской Америке — на 76 — 77%⁴⁹.

Важным результатом кризиса в крупных странах Латинской Америки явилось дальнейшее усиление тенденции к созданию под защитой протекционистских тарифов национальной промышленности (текстильная, цементная, обувная, пищевая и т. д.), к ослаблению зависимости от монокультуры и ограничению почти бесконтрольного хозяйничанья в их экономике иностранного капитала путем специального законодательства и использования противоречий империалистов⁵⁰.

Эти сдвиги являлись показателями роста силы и влияния молодой национальной буржуазии Латинской Америки на политику правящих военно-помещичьих кругов и вызывали растущую озабоченность в Вашингтоне.

В годы кризиса снижение жизненного уровня трудящихся масс в странах Латинской Америки достигло небывалых размеров. Безработица, голод, разорение и империалистическое угнетение толкали миллионы трудящихся на путь революционных выступлений и борьбы против местной реакции и иностранного капитала.

Политическая борьба приняла в эти годы в Латинской Америке гораздо более острые формы, чем в США. Обнищавшие крестьяне, бастующие рабочие и безработные, разорившаяся мелкая буржуазия, прогрессивная интеллигенция и студенчество требовали удаления из их стран американских солдат, финансовых сборщиков и советников, ликвидации зависимости от иностранного капитала. Антиимпериалистическое движение масс переплеталось с борьбой против диктатуры военно-помещичьих клик. Обстановка там, по словам У. Фостера, «была чревата революцией»⁵¹.

По уровню и силе революционного подъема в Латинской Америке в годы кризиса первые места поочередно занимали: в 1931 г. — Перу, 1932 г. — Чили, 1933 г. — Куба, где антиимпериалистическое движение приняло подлинно массовый характер. Все более выдающуюся роль в народном движении, сплачивая его, придавая ему устойчивый и последовательный характер, играл пролетариат. Стаечная борьба приняла невиданный до того в Латинской Америке размах, причем характерной чертой большинства классовых боев пролетариата Латинской Америки в 1929—1933 гг. был их ярко выраженный политический и наступательный характер⁵².

Заметно выросло по масштабу и формам борьбы в годы экономического кризиса аграрное движение. Все более массовыми становились стачки на плантациях. От частичных требований и петиций с жалобами крестьянство стало все чаще переходить к борьбе за захват помещичьих земель. Это придавало движению политический характер. В Бразилии, Аргентине, на Кубе возникло партизанское движение. В целом по мере углубления кризиса 1929—1933 гг. крестьянские резервы антиимпериалистической революции в Латинской Америке все более широко и активно втягивались в нее⁵³.

Уже с первых лет экономического кризиса в революционном движении активно участвовала городская мелкая буржуазия: ремесленники, служащие, чиновники, мелкие торговцы, интеллигенция. К концу кризиса революционные выступления мелкой буржуазии приняли в Латинской Америке почти повсеместный характер. Но наибольший размах и особенно острые формы они имели в Чили, на Кубе и в Бразилии. Втягивание широчайших масс мелкой буржуазии в единый поток национально-освободительной борьбы имело огромное значение, ибо вопрос о завоевании трудящихся масс мелкой буржуазии на сторону пролетариата является важнейшим вопросом революции.

Освободительное движение широких народных масс нашло свое отражение в революционизировании армии и флота. Восстания солдат и матросов имели место в Перу (восстание 5-го полка в Лиме в 1931 г. и восстание на двух крейсерах в 1932 г.), в Чили (ряд восстаний в армии и на флоте в 1931—1932 гг.), в Аргентине (в армии и на флоте в 1933 г.), на Кубе (в 1933 и 1934 гг.). В Бразилии восстал гарнизон г. Параиба. Позже (в 1931 г.) на севере страны, в Пернамбуко, солдаты арестовали офицеров, захватили банки, телеграф, почту и взяли власть в свои руки⁵⁴.

«Во всей этой борьбе народов латиноамериканских стран,— пишет У. З. Фостер,— решающую роль играли молодые коммунистические партии. Они повсеместно руководили выступлениями голодающих и доведенных до отчаяния рабочих, студентов и крестьян»⁵⁵. Руководя революционной борьбой масс, компартии сами закалялись, переживая сложный процес высвобождения от влияния национал-реформизма и мелкобуржуазной идеологии. Под руководством коммунистических партий Кубы, Бразилии, Аргентины, Чили, Перу и Сальвадора был проведен ряд крупнейших экономических и политических боев.

В страхе перед размахом освободительного движения народов Латинской Америки местная реакция и империалисты лихорадочно сколачивали различные контрреволюционные блоки буржуазно-помещичьих партий, католической церкви и военщины. Для того чтобы задуть революционное движение народных масс, они путем военных переворотов стремились поставить у

власти более «надежных», «сильных» людей, установить диктаторские режимы, способные подавить движение народных масс. За четыре года кризиса в Латинской Америке произошло более 40 государственных переворотов и попытки осуществить их. Именно в это время было установлено большинство кровавых диктатур, существовавших в Латинской Америке в 1930—начале 1940-х годов.

Резкое усиление направленного против империализма национально-освободительного движения народов Латинской Америки, являющегося частью всемирного процесса революционирования угнетенных народов, а также временное ослабление экономических позиций США в Латинской и особенно в Южной Америке вызвали тревогу в правящих кругах Соединенных Штатов и заставили правительство Гувера пойти на ряд изменений в методах и формах латиноамериканской политики. В частности, в марте 1930 г. был опубликован «меморандум Кларка», аннулировавший «дополнение Т. Рузвельта» к доктрине Монро, обосновывавшее политику вооруженных интервенций; было ликвидировано военное управление США в Гаити и велись переговоры о выводе оттуда американских войск; морская пехота США была выведена из Никарагуа; США заявили об отказе от применения военной оккупации для «защиты собственности американских граждан» и снова ограничили принцип непризнания «неконституционных» правительств пятью центральноамериканскими странами, как это было до президентства Вудро Вильсона⁵⁶.

Все эти тактические изменения, однако, были вынужденными и означали отнюдь не безусловный отказ от применения силы, а лишь некоторое ограничение его. Правительство Гувера пошло на них не по доброй воле, а под давлением обстоятельств. Эти изменения имели целью создать видимость «добровольных уступок» народам латиноамериканских стран со стороны США. Не случайно почти все они ограничивались лишь чисто негативным заглаживанием «старых обид» в области ставшей уже просто одиозной «карибской политики».

В новых условиях правительство Гувера вынуждено было отказаться от некоторых методов и форм «старой политики». Но это правительство и стоящие за ним круги, ослепленные классово-ненавистью к народным массам, оказались органически неспособны в силу узости политического кругозора сознательно пожертвовать хотя бы малой частью своих непосредственных выгод ради более широких интересов и перспектив американского монополистического капитала в целом, уже в то время требовавших гораздо более дальновидной латиноамериканской политики.

Враждебность к «империализму янки» и антиимпериалистическое движение приняли к концу 1932— началу 1933 г. невиданные до того в Латинской Америке масштабы⁵⁷. Но уzkолобые

политики из «старой республиканской гвардии» не желали этого видеть, явно недооценивая силу и размах освободительного движения масс и степень враждебности к США не только народных масс, но и части имущих классов Латинской Америки. Они также недооценили и всей необходимости — с точки зрения интересов американских монополий — устранить или хотя бы ослабить эти факторы возможно быстрее, так как считали их временными и преходящими. Поэтому и «уступки» их были весьма умеренны и рассчитаны лишь на короткий срок.

Между тем более дальновидные и трезво мыслящие люди в американских правящих кругах все яснее отдавали себе отчет в том, какую опасность для интересов и будущих перспектив американского капитала представляет быстрый подъем национально-освободительного движения и рост враждебности к США в Латинской Америке. Эти круги все решительнее выступали за проведение в латиноамериканской политике США таких широко задуманных и рассчитанных на большой срок изменений, которые позволили бы, во-первых, успокоить и обмануть на более или менее длительный период времени народы Латинской Америки, пустить им в глаза пыль относительно «доброй воли» и «отказа» США от политики интервенций; во-вторых, достичь тесного «сотрудничества» с правящими классами Латинской Америки для совместной борьбы против демократических сил и, в-третьих, добиться таким путем вытеснения империалистических соперников и установления монопольного контроля магнатов Уолл-стрит над обширными рынками и запасами стратегического сырья Латинской Америки⁵⁸.

* * *

На президентских выборах 1932 г. в США победил 4 марта 1933 г. вступил в должность президента кандидат демократической партии Франклин Д. Рузвельт. Его правительство пришло к власти в кульминационный период финансового кризиса. В феврале-марте 1933 г. по США пронеслась волна банковских крахов. Американская внешняя торговля находилась в состоянии развала; курс доллара падал; США быстро теряли мировые рынки. Экспорт капитала почти прекратился. Безработица достигла огромных размеров. Резко обострилась классовая борьба.

Рост рабочего движения в США и освободительного движения в колониях и зависимых странах оказал свое влияние на американскую буржуазию и заставил ее подумать об изменении методов своего господства. Несмотря на острейший экономический кризис, монополисты США отнюдь не собирались отказываться от планов установления американской гегемонии в мире. Наоборот, весь ход исторического развития, и прежде всего углубление

общего кризиса капитализма, подстегивали их к борьбе за гегемонию.

Перед новым правительством стояли серьезнейшие задачи: привести США из кризиса с наименьшими потерями, покончить с ростом революционного движения и укрепить покачнувшийся авторитет «американской демократии», успеть вооружиться к началу назревающей новой мировой схватки и создать внешнеполитические предпосылки для успешного осуществления планов гегемонии американских монополий в мире⁵⁹.

Попыткой заглушить рост массового революционного движения и несколько ослабить кризисные явления в экономике страны явилась серия реформ, известных под названием «нового курса». Факты показали, что «новый курс» еще более усилил позиции ведущих финансовых групп и что период пребывания у власти правительства Ф. Рузвельта характеризуется невиданной ранее концентрацией капитала в США и небывалым до того ростом прибылей американских монополий. В то же время именно в этот период вооружения США достигли беспрецедентных для мирного времени масштабов.

Но хотя правительство и сумело приручить реформистских профсоюзных вожаков, остановить рост рабочего движения ему не удалось. Поэтому Белый дом вынужден был считаться с настроением широких масс, с организованным рабочим классом не только в области чисто внутренней политики, но и в области внешнеполитической линии правительства.

Особое место в подготовке США к назревающей войне занимала Латинская Америка — один из богатейших по запасам сырья районов капиталистического мира. Ф. Д. Рузвельт, как и многие другие американские политики, еще до экономического кризиса 1929—1933 гг. ясно сознавал, какое огромное значение мог бы иметь полный контроль над Латинской Америкой для успеха дальнейшей борьбы монополий США за мировую гегемонию. Желание использовать ресурсы и стратегическое положение Латинской Америки в предстоящей схватке между империалистическими державами и мешавшая этому враждебность к «империализму янки», охватившая не только народы, но и часть правящих кругов латиноамериканских стран, была причиной, заставившей его, как и С. Уэллеса и других американских политиков, публицистов и историков, уже в 1928 г. поставить вопрос о необходимости срочного изменения форм и методов латиноамериканской политики США, о переходе к более эффективным методам экспансии⁶⁰. Экономический кризис 1929—1933 гг. лишь подтвердил эту необходимость.

Кризис заставил гуверовскую администрацию сделать первые робкие шаги к изменению форм политики США в Латинской Америке, но они почти ничего не изменили. Больше того, в результате кризиса и негибкой политики правительства Гувера

к 1933 г. в правящих кругах южноамериканских стран заметно усилились враждебные интересам американского империализма тенденции. В конце 1932 г. аргентинское правительство выступило с проектом «пакта Ламаса», имевшего целью ослабить влияние США в Панамериканском союзе и странах Южной Америки. При поддержке британского империализма Аргентина пыталась сколотить таможенный союз, а затем и политической блок южноамериканских стран, направленный против США⁶¹.

Пресса сообщала о быстром росте враждебности латиноамериканцев к США и даже о возможности отказа от созыва 7-й панамериканской конференции, намеченной на декабрь 1933 г.⁶² «В момент вступления Рузвельта на пост президента в марте 1933 г., в разгар мирового экономического кризиса,— отмечает У. З. Фостер,— политические и экономические отношения между Соединенными Штатами и странами Латинской Америки были очень напряженными... Со всей очевидностью возникла необходимость изменения империалистической политики США в Латинской Америке»⁶³.

Подобное развитие событий грозило срывом далеко идущих планов Вашингтона в отношении Латинской Америки. Ф. Рузвельт уже до вступления в должность президента уделял особое внимание проблеме отношений с латиноамериканскими странами, которые он рассматривал, как ближайший «тыл» и резерв США⁶⁴. В своем вступительном послании конгрессу 4 марта 1933 г. он обещал, что его правительство будет проводить «политику доброго соседа — соседа, который решительно уважает себя и именно поэтому уважает права других, соседа, который верен своим обязательствам и уважает святость своих соглашений с миром соседей»⁶⁵. Спустя месяц, 12 апреля 1933 г., выступая в Руководящем совете Панамериканского союза с первой речью о своей латиноамериканской политике, Ф. Рузвельт заявил, что «неотъемлемыми качествами панамериканизма являются «те же самые качества, которые составляют качества доброго соседа», и сделал первый намек на необходимость «панамериканизации» доктрины Монро, назвав ее «панамериканской доктриной континентальной самозащиты народов американских республик»⁶⁶.

Подобные заявления о «добрососедстве», «уважении прав малых наций» и т. д., делавшиеся затем время от времени в течение многих лет, имели целью усыпить бдительность народов Латинской Америки и притупить, ослабить их сопротивление экспансии американского капитала. Они были также рассчитаны на обман настроенных в большинстве своем антиимпериалистически народных масс США и других стран мира. «Апелляция к демократическим чувствам была важной фазой политики доброго соседа Ф. Д. Рузвельта и К. Хэлла»,— отмечает буржуазный историк⁶⁷.

Но политика «доброе соседство» не ограничивалась, как известно, только словами. Латиноамериканцы слышали подобные заверения много раз еще со времен Вудро Вильсона и давно уже перестали им верить. Правительство Ф. Рузвельта действовало более тонко, энергично, с широким размахом. Уже в 1933—1936 гг. оно ликвидировало ряд наиболее откровенных актов «старой политики»: «поправку Платта» на Кубе и подобное же формальное «право» на вооруженную интервенцию США в Гаити и Панаме, вывело, наконец, после 20 лет оккупации американскую морскую пехоту из Гаити, подписало конвенцию об отказе от вооруженной интервенции и вмешательства в дела других стран, молча согласилось с ликвидацией навязанного США странам Центральной Америки договора 1923 г. и т. д.

Вашингтонское правительство пошло также на ряд других уступок, частично отказавшись от «устаревшей» и грубой практики открытого военного нажима и военных оккупаций. «Хотя практика так называемой политики «доброе соседство» сильно отличалась от того, за что ее стремились выдать, остается фактом, что она привела к относительному прогрессу в отношениях США со странами этого района мира. Хотя правительство США не отказалось от интервенционизма и во многих случаях прибегало к грязным интригам и к подлогу на выборах (для чего использовались традиционные связи с местной олигархией), администрация Рузвельта предпочитала не прибегать к таким грубым методам, как высадка десанта и военная оккупация с целью навязать свои решения»⁶⁸.

Все это, несомненно, было определенной уступкой национально-освободительному движению, и именно поэтому народы Латинской Америки приветствовали политику «доброе соседство» и особенно принцип невмешательства, как победу над варварской политикой диктатора, которой в течение многих лет придерживались Соединенные Штаты.

Новые договоры и соглашения, заключенные в 1930-х годах с латиноамериканскими странами, были призваны заменить «устаревшие» формы американского контроля в этих странах более замаскированными и гибкими формами, в частности финансовым контролем, фактическим контролем над внешней торговлей, созданием в малых странах Карибского района марионеточных диктаторских режимов, опирающихся на местные наемные вооруженные формирования, обученные и контролируемые Вашингтоном, и т. п. «Место вудов, мэгунов и подобных им генералов времен военной оккупации на Кубе, а также в других «экономически зависимых» странах, в которых проводилась такая же колониальная политика,— пишет видный мексиканский публицист Марио Хиль,— заняли теперь местные правители: ...сомосы, трухильи, мигельалеманы, убико, пересхименесы, кастильоармасы, батисты, идигорасы и т. п., от которых было гораздо больше тол-

ку и содержание которых к тому же обходилось куда дешевле — ведь их оплачивал их же собственный народ»⁶⁹. При этом, однако, не забывались и старые испытанные методы «влияния», такие, как поставка оружия, посылка военных и других миссий и советников и т. д. В отношении же особенно важных стратегических районов США по-прежнему полностью сохраняли свой военный контроль (Панама, Куба и т. д.).

Несомненно, что под нажимом наиболее реакционных кругов монополистов правительство Ф. Рузвельта пошло бы дальше по пути демонстрирования «добрососедства» менее активно, чем в 1933—1934 гг., если бы середина 30-х годов не была отмечена дальнейшим революционизированием трудящихся масс Латинской Америки. К тому же в условиях развернувшейся во всем мире борьбы прогрессивных сил против интервенции фашистских держав в Абиссинии и Испании движение в Латинской Америке против интервенционистской политики США приобретало новое звучание. Волна антиимпериалистического движения заставила Вашингтон и магнатов Уолл-стрит и далее маскировать свою экспансионистскую политику в латиноамериканских странах дымовой завесой «добрососедства».

Другим фактором, также оказавшим влияние на формы латиноамериканской политики США накануне второй мировой войны, было быстрое экономическое и политическое проникновение в латиноамериканские страны итальянского, японского и особенно германского империализма. Политическое и экономическое завоевание гитлеровской Германией какой-либо из стран Южной Америки означало бы создание германского плацдарма в Западном полушарии и серьезное нарушение лелеемых американскими монополиями планов установления здесь их полного контроля. В середине 1930-х годов в связи с продвижением Японии в Китае и возрастающей агрессивностью Германии и Италии в Европе англо-американское мировое соперничество начало на время терять свое преобладающее значение. В Латинской Америке оно в этот период, хотя и оставалось, также начало временно заслоняться американско-германским соперничеством⁷⁰.

В борьбе с проникновением германского и итальянского империализма Вашингтон не прочь был опереться на демократические силы в Латинской Америке и использовать антифашистские настроения масс в своих интересах. Но хотя объективно противодействие правящих кругов США гитлеровской экспансии в Латинской Америке носило прогрессивный характер, оно не имело ничего общего с действительной защитой интересов народов Латинской Америки, как это изображают многие американские историки и публицисты, и не противоречило общей вашингтонской политике «невмешательства» в других частях мира. Правящие круги США целиком исходили из соображений защиты

собственных интересов и планов, направленных на сохранение и дальнейшее расширение позиций американского монополистического капитала в Западном полушарии. Политика «добраго соседа» была направлена отнюдь не против идеологии и практики фашизма как такового, а против германского и итальянского империализма, оспаривавшего у своего американского соперника «первенство» и контроль в Латинской Америке. «Правительство Ф. Д. Рузвельта в росте фашистского проникновения в Южную Америку видело не только германскую или итальянскую угрозу форме правления латиноамериканских стран, но также и подрыв влияния США в этом районе»,— свидетельствуют авторы «Истории американской внешней политики»⁷¹.

Что же касается местных диктаторских режимов полуфашистского и фашистского типа, то их вашингтонский «добрый сосед» поддерживал, о чем писала не только демократическая, но и буржуазная американская пресса⁷². Сам Ф. Рузвельт сказал однажды о диктаторе Доминиканской республики Рафаэле Трухильо: «Он, может быть, и сукин сын, но это наш сукин сын»⁷³.

Интересы не только латифундистов, но также и банкиров, крупных дельцов и коммерсантов, представлявших значительную часть правящих классов латиноамериканских стран, успели к этому времени тесно срастись с интересами монополий, действующих в этих странах. Политика «добраго соседа» с самого начала была рассчитана на «сотрудничество» американского империализма с местными буржуазно-помещичьими кругами в борьбе против демократического и национально-освободительного движения в Латинской Америке, которое одно только и вело там последовательную борьбу с фашизмом. Она была рассчитана на «слабость господствующих классов латиноамериканских стран, не способных разрешить никаких проблем и обращающихся к банкирам Уолл-стрит и правительству Вашингтона за «помощью», чтобы те пришли и эксплуатировали их народы, подчиняя их силой, если они в ходе аграрной и антиимпериалистической революции попытаются покончить с режимом угнетения и нищеты»⁷⁴. Эта политика учитывала классовую общность интересов латиноамериканских правящих кругов и американских монополистов, и она, несомненно, несколько расширила социальную базу, на которую опирались США в странах Латинской Америки. В то же время в ряде этих стран местные правящие клики превратились в прямую агентуру империализма, кровно заинтересованного в сохранении диктаторских режимов, терроризовавших народные массы и позволявших иностранному капиталу продолжать эксплуатировать Латинскую Америку.

За политикой «добраго соседа», кроме желания полностью вытеснить английских, германских и других конкурентов, всегда стояло стремление по возможности больше ослабить антиимпериалистическое сопротивление народов Латинской Америки, без

чего немислимо было превращение ее в источник колониальных сверхприбылей, поставщика дешевого сырья и стратегический плацдарм США в назревавшей второй мировой войне.

Прикрываясь ширмой «добрососедства», правительство США добилося определенных успехов в своей латиноамериканской политике уже накануне второй мировой войны. Именно поэтому федеральный конгресс почти всегда с трогательным единством поддерживал латиноамериканскую политику правительства в 30-х годах. Даже самые яростные «изоляционисты» рьяно выступали за «межамериканское единство». Западное полушарие издавна рассматривалось монополистами США как «свое» и было вынесено за скобки всех споров об «изоляции» и «международном сотрудничестве»⁷⁵.

Было неправильным забывать, что в определенный период — в годы подготовки фашистскими державами второй мировой войны и особенно во время войны, когда фашистская угроза для стран Латинской Америки стала реальностью, — солидарность и широкое сотрудничество этих стран с США временно и объективно имели прогрессивный характер. И в этом смысле политика «доброго соседа», способствуя победе демократической коалиции над фашистским блоком, несомненно, имела определенное положительное значение⁷⁶. Но это обстоятельство ни в коей мере не означало отказа правящих кругов США от планов дальнейшего укрепления их позиций в Латинской Америке. События 40-х годов свидетельствуют, что политика «доброго соседа» оправдала надежды магнатов Уолл-стрит: в годы войны она помогла им увеличить свои влияние и контроль в Западном полушарии, а после войны помогла завершить создание послушного Вашингтону блока латиноамериканских стран.

Таким образом, оказавшись вынужденным пойти на серьезные уступки и резко изменить формы своей политики, американский империализм отнюдь не отказался от достижения своих прежних целей политического закабаления и экономической эксплуатации стран Латинской Америки. Именно для более успешного достижения этих целей в условиях бурного роста национально-освободительного движения и конкуренции с другими империалистическими державами и провозгласили правящие круги США в 1933 г. политику «доброго соседа».

¹ «Соединенные Штаты,— утверждает Э. Геррант,— никогда ни в какой области не имели политики более успешной, чем политика доброго соседа» (E. O. Guerrant. Roosevelt's Good Neighbor Policy. Albuquerque, 1950, p. 212).

² Вопрос этот интересен еще и в связи с ведущимся уже много лет в США спором о том, какое же из американских правительств положило начало политике «доброго соседа». Даже «такие реакционеры, как Гувер и Дьюи,— свидетельствует У. З. Фостер,— оспаривали друг у друга авторское право на эту столь удачную империалистическую политику» (У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 601). Часть американ-

ских историков связывает политику «доброе соседство» с именами Ф. Рузвельта и С. Уэллеса; другие же считают, что Ф. Рузвельт «удачно» и с «барабанным боем» осуществил «поворот», уже начатый в латиноамериканской политике США правительствами Г. Гувера или даже К. Кулиджа: С. А. Thomson. *Toward a New Pan-Americanism.* («Foreign Policy Reports», vol. 12, N 16). N. Y., 1936, p. 203; J. F. Rippey. *Latin America in World Politics.* N. Y., 1938, p. 283; I d e m. *The Caribbean Danger Zone.* N. Y., 1940, p. 251; C. Beals. *The Coming Struggle for Latin America.* N. Y., 1939, p. 226, 227; A. Nevins. *America in World Affairs.* N. Y., 1942, p. 71; S. G. Inman. *Latin America. Its place in World Life.* N. Y., 1942, p. 394; A. Nevins and L. Hacker. *The United States and its place in World Affairs 1918—1943.* Boston, 1943, p. 384, 385; S. F. Bemis. *The Latin American Policy of the United States.* N. Y., 1943, p. 221; R. A. Humphreys. *The Evolution of Modern Latin America.* N. Y., 1946, p. 133; E. O. Guerrant. *Op. cit.*, p. 212; A. De Conde. *Herbert Hoover's Latin American Policy.* London, 1951, p. XI—XII, 51; R. H. Ferrell. *American diplomacy in the great depression. Hoover — Stimson Foreign Policy, 1929—1933.* New Haven, 1957, p. 216, 218, 220, 289; B. Wood. *The Making of the Good Neighbor Policy.* N. Y.—London, 1961, p. 3—9.

³ По данным К. Льюиса, они составляли в 1929 г. даже 17 млрд. долл. (C. Lewis. *America's Stake International Investments.* Washington, 1938, p. 606).

⁴ C. Lewis. *Op. cit.*, p. 606.

⁵ B. Williams. *American Diplomacy, Policies and Practice.* N. Y., 1936, p. 90.

⁶ B. Wood. *Op. cit.*, p. 3.

⁷ См.: «Memorandum: Dana Munro to Sumner Welles, 28.II 1922. National Archives. 711.13/59; Memorandum: S. Welles and others. «Summary of Questions Pending Between the United States and the Republics of Latin America» 27.II 1922. National Archives, 710.11/568.

⁸ A. Nevins and L. Hacker. *Op. cit.*, p. 185.

⁹ M. Winkler. *Investments of United States capital in Latin America.* Boston, 1929, p. 275, 278; W. Feurlein and E. Hannan. *Dollars in Latin America.* N. Y., 1941, p. 54; J. Normano. *The Struggle for South America.* N. Y., 1931, p. 54.

¹⁰ C. E. Hughes. *The our relations to the nations of the Western Hemisphere.* Princeton, 1928, p. 58, 59.

¹¹ P. Olson y C. Hikman. *Económica Internacional Latinoamericana.* México, 1945, p. 115.

¹² J. Normano. *Op. cit.*, p. 32, 33.

¹³ J. F. Rippey. *Historical Evolution of Hispanic America.* N. Y., 1944, p. 529; J. Normano. *Op. cit.*, p. 54.

¹⁴ Л. Денни. Америка завоевывает Британию. М., 1930, стр. 84, 85; J. F. Rippey. *South America and Hemisphere Defence.* Baton Rouge, 1941, p. 47; C. Haring. *South America looks at the United States.* N. Y., 1928, p. 15, 16.

¹⁵ У. З. Фостер. Указ. соч., стр. 517.

¹⁶ Подробно о рабочем движении этих лет в советской литературе см.: Лавров Н. М. Рабочее и национально-освободительное движение в странах Латинской Америки на первом этапе общего кризиса капитализма. М., 1956, стр. 6—20; «Очерки истории Аргентины». М., 1961, стр. 301—317; «Очерки новой и новейшей истории Мексики». М., 1960, стр. 316—320; «Очерки истории Бразилии». М., 1962, стр. 260—271; Э. Л. Нитобург. Политика американского империализма на Кубе, 1918—1939. М., 1965, стр. 31—36; Э. Памирес Некочеа. Подъем рабочего движения в Чили в 1917—1922 гг. «Новая и новейшая история» 1960, № 5, стр. 46, 47; и др.

¹⁷ «Очерки истории Бразилии», стр. 271—273; C. L. Jones. *Caribbean since 1900.* N. Y., 1936, p. 165; L. L. Montague. *Haiti and the United States.* Durham, 1940, p. 233, 235.

¹⁸ В Бразилии под руководством передовых элементов мелкобуржуазного офицерства, добивавшихся введения в стране демократических свобод, в на-

- чале 1920-х годов произошли военные восстания в ряде городов, в том числе героическое восстание гарнизона форта Копакабана в столице («Очерки истории Бразилии», стр. 274—276).
- ¹⁹ S. Welles. *Naboth's Vineyard, The Dominican Republic 1844—1924*, vol. 2. N. Y., 1928, p. 829, 830.
- ²⁰ Ж. Амаду. Луис Карлос Престес. М., 1951, стр. 103—105, 113, 214; А. Лурье. Герой бразильского народа. М., 1939 г.; «Очерки истории Бразилии», стр. 284—290.
- ²¹ «Вопросы истории», 1949, № 9, стр. 87; «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 2, стр. 117; «Коммунистический Интернационал», 1930, № 16—17, стр. 32; «Аграрные проблемы», 1928, № 3 (7), стр. 188.
- ²² У. З. Фостер. Указ. соч., стр. 364.
- ²³ G. Selsler. *Sandino — general de hombres libres*, t. I. La Habana, 1960, p. 137, 155, 159, 275.
- ²⁴ «Current History», September 1927, vol. 26, p. 899, 900; J. F. Rippey. *Historical Evolution of Hispanic America*. N. Y., 1944, p. 538.
- ²⁵ «Политика и заявления Келлога и Кулиджа были встречены бурей протеста как в конгрессе, так и в прессе», — свидетельствует американский историк, подкрепляя это утверждение более чем двумя десятками ссылок на отчеты конгресса и прессу США (J. F. Rippey. *Caribbean Danger Zone*, p. 248).
- ²⁶ J. F. Rippey. *Latin America in World Politics*, N. Y., 1928, p. 253.
- ²⁷ C. Haring. *Op. cit.*, p. 10, 11; D. Munro. *The Latin American Republics* N. Y., 1942, p. 502, 509; J. P. Humphrey. *The Inter-American system. A Canadian View*. Toronto, 1942, p. 42; A. Robles. *La Panamericanisme et la Politique de Bon Voisinage*. Paris, 1938, p. 33, 34; B. Wood. *Op. cit.*, p. 5, 6; S. Welles. *The Times for Decision*. N. Y., 1944, p. 177, 178.
- ²⁸ «Foreign Affairs», July 1928, p. 583, 584, 586.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 552, 553, 566, 567.
- ³⁰ Свое «кредо» он изложил в заключительной главе книги по истории Доминиканской республики (S. Welles. *Naboth's Vineyard...*, vol. 2, p. 936, 937).
- ³¹ «Foreign Affairs», July 1928, p. 550—555, 584—596; S. Welles. *Naboth's Vineyard...*, p. 931, 932. Характерно, что подобное же «совпадение» взглядов по вопросу об интервенции имело место в те годы и у американских историков самых различных оттенков (Нортон, Р. Л. Бьюэлл, П. Т. Муна и пр.) (C. L. Jones, H. K. Norton and T. P. Moon. *American policy abroad. The United States and Caribbean*. Chicago, 1929, p. 97, 200, 201; «The Annals of American Academy of Political and Social Science», July 1928, p. 73 и др.).
- ³² S. Welles. *Naboth's Vineyard...*, p. 923, 925; «Foreign Affairs», July 1928, p. 556—567, 576, 581. О необходимости «возродить первоначальную доктрину» заявляли в 1927—1928 гг. также председатель сенатской комиссии по иностранным делам Бора и член этой комиссии Шилстед, историки С. Г. Инмэн и Хоулэнд («Congressional Record», vol. 68, p. 1555—1556; «Current History», September 1927, p. 881, 886, 887; C. P. Hawland. *Survey of American Foreign Relations*, 1928. New Haven, 1929, p. 55) и др.
- ³³ «Foreign Affairs», July 1928, p. 554; S. Inman. *Problems in panamericanism*. N. Y., 1925, p. 320—322; C. Haring. *Op. cit.*, p. 123; D. Munro. *Op. cit.*, p. 26, 27.
- ³⁴ Об этом с разной степенью откровенности писали и сами указанные выше авторы. Так, Кл. Хэринг, приводя слова Пальмерстона о том, что «в дипломатии погоду делает тон», т. е. форма, писал: «Эту истину мы к несчастью забыли... в ...отношениях с нашими соседями к югу. Что нам необходимо исправить — это не столько наши намерения, сколько наши манеры» (C. Haring. *Op. cit.*, p. 58). Д. Манро также писал, что «существующее различие в мнениях относится скорее к той форме, в которой мы должны осуществлять нашу политику, чем к самой этой политике» (D. Munro.

- Relations between Central America and the United States. N. Y., 1934, p. 25).
Наконец, и сам Ф. Рузвельт, говоря об интервенциях в Гаити и Доминиканской республике, счел нужным оговориться: «...не то, чтобы помощь... (т. е. интервенция США.— Э. Н.) не была необходимой, метод был неверен» («Foreign Affairs», July 1928, p. 583).
- ³⁵ См.: У. З. Фостер. Указ. соч., стр. 364, 365.
- ³⁶ Armando Roa. Roosevelt — executive dictator. Havana, 1933, p. 28, 29; C. L. Jones, H. K. Norton and T. P. Moon. Op. cit., p. 146, 149, 150; S. Welles. The Times for Decision, p. 189.
- ³⁷ «Memorandum on the Monroe doctrine, prepared by J. R. Clark. Dec. 17, 1928». Washington, 1930, p. XIX, XXI, XXIV.
- ³⁸ A. De Conde. Op. cit., p. 48, 49.
- ³⁹ T. A. Bailey. A Diplomatic History of American People. N. Y., 1944, p. 730.
- ⁴⁰ J. H. Latane and D. Wainhouse. A History of American foreign policy. N. Y., 1941, p. 819.
- ⁴¹ К. Льюис. Страны-должники и страны-кредиторы, 1938, 1944. М., 1947, стр. 74; Кодаченко А. С. Англо-американская борьба за рынки сбыта (1929—1933). М., 1959, стр. 43.
- ⁴² W. Phelps. The International Economic position of Argentine. Philadelphia, 1938, p. 181.
- ⁴³ Торговля Германии с Латинской Америкой начинает особенно быстро расти в середине 1930-х годов, уже после прихода к власти гитлеровцев. Так, доля Германии в латиноамериканском импорте составляла: в 1920 г.—3,7%, 1929 г.—10,8%, 1933 г.—11,5%, 1938 г.—17,1% (R. K. Showman and L. S. Judson. The Monroe doctrine and the Growth of the Western Hemisphere Solidarity. N. Y., 1941, p. 195).
- ⁴⁴ С 1929 по 1937 г. японский экспорт в Латинскую Америку вырос в 5 раз, в том числе в Пакаму — в 20, а в Доминиканскую республику — даже в 30 раз («La Prensa» (Nueva York), 1.XI 1933; «Current History», 1934, vol. 40, p. 341, 476; vol. 42, p. 76; см. также: J. Norman and A. Jerby. The Japanese in South America. N. Y., 1943, p. 11—15, 34—32).
- ⁴⁵ «Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. Материалы». М., 1935, стр. 390.
- ⁴⁶ C. Wertenbaker. A New Doctrine for the Americas. N. Y., 1941, p. 75.
- ⁴⁷ H. J. Spykman. America's strategy in World Policy. N. Y., 1942, p. 75; W. Feurlein and E. Hannan. Op. cit., p. 19.
- ⁴⁸ «Recommendations to the Pan American Conference at Montevideo by the Committee on Latin American Policy». N. Y., 1933, p. 10.
- ⁴⁹ C. Lewis. Op. cit., p. 414.
- ⁵⁰ G. Wythe. The New Industrialism in Latin America. «Journal of Political Economy», April 1937, p. 207, 208.
- ⁵¹ У. З. Фостер. Указ. соч., стр. 586.
- ⁵² О рабочем движении в Латинской Америке в 1929—1933 г. см.: В. М. Лавров. Указ. соч., стр. 32, 34, 35; «Очерки истории Аргентины», стр. 352, 353, 370; «Очерки истории Бразилии», стр. 309, 321—324; «Очерки новой и новейшей истории Мексики», стр. 380, 381; Э. Л. Нитобург. Указ. соч., стр. 107—112, 130—132, 171—176; 197, 198, 205—208, 243—246 и др.
- ⁵³ О крестьянском движении см.: «Очерки новой и новейшей истории Мексики», стр. 381, 382; «Очерки истории Бразилии», стр. 325, 326; Э. Л. Нитобург. Указ. соч., стр. 114, 132, 170—171, 206, 244, 245; «Новая и новейшая история», 1958, № 1, стр. 53; «Foreign Relations of the U. S. 1932». vol. 5. Washington, 1948, p. 613—623, 709—731.
- ⁵⁴ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 9, стр. 41; «Новая и новейшая история», 1958, № 1, стр. 52; «Очерки истории Бразилии», стр. 324, 325.
- ⁵⁵ У. З. Фостер. Указ. соч., стр. 570—571.
- ⁵⁶ «Press Releases». Department of State of the U. S. A., 15, 22.XI 1930; 118, 25.VI, 4.VII, 15.VIII 1931; 15.X 1932; 7.I 1933; H. Stimson. The United States and Other American Republics. Washington, 1931, p. 6—12.

- ⁵⁷ Таково мнение многих буржуазных историков и латиноамериканской печати («As our neighbors see us.» Stillwater, 1940, p. 141, 142).
- ⁵⁸ Одним из характерных выступлений подобного рода была статья советника Ф. Рузвельта, представителя США на конференции по разоружению, связанного с финансовой группой Моргана,— Нормана Дэвиса. Взгляды его совпадали со взглядами Ф. Рузвельта и С. Уэллеса (N. D. Davis. Wanted: a consistent Latin-American Policy. «Foreign Affairs», July 1931, p. 547—567).
- ⁵⁹ В. Э. Вильямс. Трагедия американской дипломатии. М., 1960, стр. 125, 126.
- ⁶⁰ Рузвельт, пишет видный кубинский исследователь и государственный деятель К. Рафаэль Родригес, «понял, что считать лучшей гарантией североамериканских интересов в Латинской Америке созданные там еще при Гардинге и Кулидже тирании — равносильно самоубийству. Он также понял — вовремя для империализма,— что наиболее выгодно не грубое ограбление латиноамериканских стран, а такая система, при которой «помощь», оказываемая Северной Америкой, возвращалась бы многократно умноженной и не вызывала такого недовольства латиноамериканских народов, как политика республиканского правительства...» (C. Rafael Rodríguez. La «Misión Welles». La Lucha Anti-imperialista en Cuba. La Habana, 1960, t. 2, p. 24).
- ⁶¹ W. Lippman and W. O. Scroggs. The United States in World Affairs — 1933. N. Y., 1934, p. 192.
- ⁶² «Times», 4, 11.II 1933; «Правда», 6, 13.II 1933.
- ⁶³ У. З. Фостер. Указ. соч., стр. 597.
- ⁶⁴ S. Welles. The Times for Decision, p. 192.
- ⁶⁵ «The Public Papers and Addresses of F. D. Roosevelt», vol. 2. N. Y., 1933, p. 14.
- ⁶⁶ Ibid., p. 129—131.
- ⁶⁷ J. F. Rippey. South America and Hemisphere defence, p. 10.
- ⁶⁸ «Проблемы мира и социализма», 1965, № 6, стр. 2. Об этом же писал и прогрессивный американский публицист Г. Олден: «Хотя в целом,— отмечал он,— взаимоотношения, носившие империалистический характер, не изменились, «политика доброго соседа» все же отличалась от политики открытой вооруженной интервенции. За годы проведения «нового курса»... ни один солдат не высаживался на берегах латиноамериканских стран, чтобы навязать волю североамериканских монополий, хотя... использовались другие эффективные средства прямого вмешательства» (Г. Олден. США над Латинской Америкой. М., 1956, стр. 10).
- ⁶⁹ М. Хиль. Куба — да! Янки — нет! М., 1961, стр. 65.
- ⁷⁰ Уже в 1937 г. Германия вытеснила Англию и заняла первое место по ввозу промышленных изделий в Бразилии и Парагвае и второе место еще в 14 странах Латинской Америки. Особенно сильно выросло германское экономическое влияние в Аргентине.
- ⁷¹ J. H. Latané and D. Wainhouse. Op. cit., стр. 863.
- ⁷² «Не означает ли политика доброго соседа, что США являются добрым соседом любого фашиста, готового на словах уважать демократические принципы?» — вопрошала уже в годы антифашистской войны «Нью-Йорк пост» («New York Post», 1.II 1944).
- ⁷³ R. Smith. The United States and Cuba. Business and diplomacy, 1917—1960. N. Y., 1960, p. 184.
- ⁷⁴ Л. К. Престес. Латиноамериканские народы борются против империализма США. «Правда», 4.IX 1949.
- ⁷⁵ У. З. Фостер. Указ. соч., стр. 599, 601.
- ⁷⁶ Там же, стр. 619, 620.

Американские планы аннексии Доминиканской республики в XIX в.

Страны Карибского бассейна, имеющие для США огромное стратегическое и важное экономическое значение, издавна занимали в их внешнеполитических планах особое место. В середине XIX в. США уже недвусмысленно выражали свои агрессивные намерения в отношении Антильских островов.

Президент Пирс (1853—1857), объявивший, что политика его правительства «не будет определяться трусливыми опасениями экспансии»¹, сделал первые шаги для приобретения на о-ве Гаити полуострова и бухты Самана, принадлежавших Доминиканской республике и очень удобных для создания базы американского флота. В 1853 г. государственный секретарь Мерси направил в Санто-Доминго своего конфиденциального агента Уильяма Касно² для сбора необходимой информации и, если это будет возможным, для подписания договора о дружбе. В инструкции, врученной Касно, говорилось, что «важнейшим побудительным мотивом для признания США Доминиканской республики и подписания с нею договора является приобретение преимуществ, которые США надеются извлечь, получив под свой контроль часть ее территории, примыкающую к бухте Самана, и используя эту территорию как угольную станцию»³.

5 октября 1854 г. Касно подписал от имени правительства США договор о мире, дружбе, мореплавании, торговле и выдаче преступников⁴, однако вмешательство британского и французского консулов в Санто-Доминго свело этот успех к нулю: конгресс Доминиканской республики договор не ратифицировал.

При президенте Бьюкенене (1857—1861), когда в США назревала гражданская война, их внимание было отвлечено от внешнеполитических авантур и переговоры с доминиканским правительством практически не велись. При Линкольне (1861—1865) Уильям Касно был отозван из Санто-Доминго, а единственным свидетельством заинтересованности США в

судьбах Доминиканской республики стала нота, направленная 2 апреля 1861 г. испанскому послу в Вашингтоне, в которой говорилось, что вмешательство Испании в дела островной республики будет рассматриваться «как проявление недружелюбия к США» и встретит с их стороны «быстрое, настойчивое и по возможности эффективное противодействие». Этот демарш не оказал на Испанию никакого воздействия, и 1 июля 1861 г. испанский посол довел до сведения государственного секретаря Сьюарда, что его страна аннексировала Доминиканскую республику⁵.

В годы гражданской войны Сьюард пришел к выводу, что для укрепления своих международных позиций США нуждаются в сильных военно-морских базах в Вест-Индии и северной части Тихого океана. Это убеждение разделяли многие влиятельные республиканцы, определявшие политику США после окончания гражданской войны.

14 апреля 1865 г. над фортом Самтер вновь взвился флаг США. В тот же день был убит Линкольн и президентом стал Э. Джонсон (1865—1869). А 30 апреля 1865 г. испанские колонизаторы были вынуждены покинуть Санто-Доминго, и усилиями патриотов была восстановлена независимость Доминиканской республики. Таким образом, 1865 г. стал важной вехой в истории США и Санто-Доминго. Теперь можно было возобновить переговоры, прерванные гражданской войной и испанским вторжением.

Положение в Доминиканской республике было очень сложным. Шла борьба группировок, происходили распри между генералами. Чтобы восстановить мир в стране, на пост президента был приглашен Буэнавентура Баес, человек, уже дважды занимавший этот пост ранее, а теперь находившийся в эмиграции и не приложивший никаких усилий для изгнания колонизаторов из Санто-Доминго. 8 декабря 1865 г. Баес был провозглашен президентом в третий раз, но положение его было шатким, так как против него выступала оппозиция, объединявшая честолюбивых и корыстных генералов. Чтобы укрепить свое положение, Баес применил репрессии. Его противникам пришлось выбирать между тюрьмой и изгнанием. Одни были убиты или арестованы, другие покинули страну и извне руководили действиями своих сторонников. Баес нуждался в деньгах и покровителях. Он начал переговоры с Францией, готовясь уступить ей за деньги часть доминиканской территории или предоставить ей концессии. Сьюард учитывал тяжелое положение Баеса и был уверен, что с ним можно будет договориться о приобретении прав на бухту и полуостров Самана. Переговоры начались. Но 29 мая 1866 г. Баес был свергнут и бежал из страны. Новый президент, генерал Хосе Мариа Кабраль, не менее заинтересованный в поддержке США, поспешил заявить,

что его правительство будет приветствовать американские капиталовложения и поддерживать коммерческие предприятия граждан США. В Санто-Доминго был направлен новый американский торговый агент, Соммерс Смит, и начался новый тур переговоров.

17 сентября 1866 г. США официально признали Доминиканскую республику⁶, после чего в страну устремились американские бизнесмены, спешившие воспользоваться благоприятной обстановкой и прибрать к рукам выгодные концессии, которые сулили огромные прибыли. Эти люди стали активными помощниками государственного департамента и пропагандистами идеи аннексии Доминиканской республики.

Министр иностранных дел Хосе Гарсиа и Соммерс Смит быстро нашли общий язык. За 1 млн. долл. и некоторое количество оружия доминиканское правительство согласилось сдать США в аренду угольные копи Самана, а также предоставить право использовать мысы Левантадо и Каренеро, запирающие вход в бухту Самана, «для таких целей и на такое время, которое будет оговорено в специальном соглашении»⁷. Сьюард довел это предложение до сведения американского правительства, которому оно пришлось по душе. 5 декабря 1866 г. Смицу в Санто-Доминго были направлены соответствующие инструкции, а 17 декабря Сьюард отправил туда своего сына и помощника Фредерика Сьюарда в сопровождении вице-адмирала Л. Портера, поручив им завершить переговоры покупкой или арендой Самана. В случае, если будет получено согласие на продажу этого района, США были готовы уплатить Доминиканской республике 2 млн. долл. (1 млн. золотом и 1 млн. оружием и военными материалами), если придется ограничиться арендой, США готовы были уплатить 10 тыс. долл. наличными при ратификации договора и платить ежегодную ренту в 12 тыс. долл.⁸ Казалось, успех уже близок, но тут выяснилось, что доминиканская конституция запрещает правительству продажу какой-либо части национальной территории другому государству. Переговоры зашли в тупик, однако сторонники экспансионистского курса не теряли надежды.

Соммерс Смит уверял, что очень скоро нужда в деньгах заставит правительство Кабралья отступить от буквы конституции.

Не получив от США ни денег, ни военно-политической поддержки, президент Кабраль оказался не в состоянии противостоять натиску своих противников: в Доминиканской республике произошел очередной переворот. В феврале 1868 г. к власти пришло переходное временное правительство, вновь пригласившее Баеса занять пост президента⁹.

Президент Баес извлек урок из своего жизненного опыта. Находясь в эмиграции, он пришел к выводу, что верной гаран-

тией прочности доминиканского правительства может стать только поддержка США, а потому, еще будучи на Кюрасао, начал искать контакты с Sommerсом Смитом, находившимся в Санто-Доминго. Он постарался довести до сведения США, что более не намерен искать дружбы Франции, а готов полностью довериться дружбе США, поскольку, по его мнению, и Гаити, и Куба, и Пуэрто-Рико «в скором времени неизбежно должны будут стать частью великой республики» — Соединенных Штатов Америки¹⁰.

29 марта 1868 г. Баес высадился в Санто-Доминго и при первой встрече со Смитом заверил его, что добьется исключения из конституции статьи, запрещающей продажу национальной территории другому государству. Американские резиденты в Санто-Доминго убедились, что патриотизм Баеса продается и покупается — дело только за суммой! Смит рекомендовал государственному департаменту не медлить с признанием Баеса, так как такой президент «будет очень полезен американским интересам. Я вполне убежден в том, что если наш флаг будет поднят над этой страной, он не только будет здесь встречен с восторгом и благодарностью, но и даст нашей стране обширное поле для предпринимательской деятельности и очень выгодный источник национального богатства»¹¹.

У. Касно, продолжавший в личных интересах хлопотать об укреплении американских позиций на доминиканской земле, докладывал в Вашингтон, что Баес и многие видные доминиканцы из его окружения выражают пожелание о включении Доминиканской республики в пределы США. Таким образом, речь уже шла не об аренде бухты Самана и даже не о ее покупке, а об аннексии всей Доминиканской республики, об уничтожении ее независимости! Американская агентура сумела завербовать в число пропагандистов этого плана самого президента страны!

Интересно, что, встав на путь предательства национальных интересов, Баес поручил переговоры с государственным департаментом США не доминиканцу, а гражданину США, такому же беспринципному авантюристу и искателю наживы, как Касно, его единомышленнику полковнику Фабенсу. Эти люди, решившие сколотить себе состояние за счет Доминиканской республики, стали ближайшими советниками Баеса в переговорах с Вашингтоном.

Между тем Баес хорошо понимал, что провести в жизнь задуманное предательство будет нелегко. Доминиканский народ, имевший прочные традиции национально-освободительной борьбы и только что сбросивший испанское иго, не принял бы добровольно новых колонизаторов. Поэтому Баес попросил США направить к берегам Санто-Доминго американские военные корабли и дать ему деньги для содержания репрессивного

аппарата. Антибаесистская партия «синих» теснила его армию, и Баес торопил Сьюарда и Джонсона.

9 декабря 1868 г. в ежегодном послании конгрессу Джонсон заявил, что США должны помочь решению политических и социальных проблем, стоящих перед доминиканским народом, а потому надо аннексировать эту республику с согласия ее народа и одобрения других наций¹². Сторонники аннексии Доминиканской республики, и в их числе находившийся в Вашингтоне Фабенс и другие дельцы, связанные с Санто-Доминго, решили, что настало время сказать о своих планах открыто. Вопрос об аннексии Доминиканской республики стал предметом обсуждения в конгрессе.

12 января 1869 г. в палату представителей была внесена резолюция Бэнкса, уполномочивавшая президента с согласия доминиканского народа взять эту страну под протекторат США и помочь ей в установлении республиканских институтов¹³. Резолюция вызвала оживленные прения, а 1 февраля 1869 г. депутат Ортис внес другую, еще более конкретную резолюцию, где говорилось, что Доминиканская республика с согласия ее народа должна быть допущена в Союз в качестве территории Санто-Доминго¹⁴. Аннексионисты перестарались: наглая резолюция была в тот же день провалена. Сьюард объяснил это тем, что конгрессмены не знают положения в Доминиканской республике, поскольку донесения Смита, как материалы конфиденциальные, хранились государственным департаментом в секрете. Чтобы дать сторонникам аннексии необходимый материал, было решено направить в Санто-Доминго специального наблюдателя и его доклад передать потом конгрессу. Этого наблюдателя выбрал председатель комиссии палаты по иностранным делам генерал Бэнкс. Как это ни парадоксально, выбор его пал на... полковника Фабенса! Того самого, которого Баес прислал в Вашингтон в качестве своего конфиденциального агента, уполномоченного форсировать переговоры об аннексии страны. Таким образом, Фабенс оказался слугой двух господ, человеком, представлявшим интересы двух стран, но соблюдавшим прежде всего собственные корыстные интересы. Конгресс не мог этого не знать, иначе почему, дав Фабенсу свое поручение, палата представителей специально оговорила, что он не должен получать от нее никаких средств на свои расходы?¹⁵

В феврале Фабенс отправился в Санто-Доминго, чтобы сочинить нужный доклад. 11 апреля он вернулся в Вашингтон и вручил его новому государственному секретарю Гамильтону Фишу, который должен был довести его до сведения нового президента Улисса Гранта (1869—1977). Избрание Гранта «открыло большие возможности для развития экспансионистских тенденций», — пишет кубинский исследователь Герра-и-Санчес¹⁶, и действительно, президент проявил большую заинтере-

сованность в доминиканском вопросе. Прежде всего он решил направить к Баесу человека, которому полностью доверял, чтобы они выработали условия присоединения Санто-Доминго к США. Во-вторых, он взял Баеса под защиту американских вооруженных сил, которые должны были парализовать активность антибаесистских сил в стране и в Гаити.

В июле 1869 г. в Санто-Доминго отплыл эмиссар Гранта — его личный адъютант генерал Орвил Бэбкок. Кроме инструкций Фиша, он получил письмо Гранта для Баеса с рекомендациями и пожеланиями. Одновременно министр морского флота Д. Робсон приказал командиру военного судна «Семинол» оказать миссии Бэбкока «моральную поддержку огнем орудий» (!) ¹⁷. Был отдан также приказ о преследовании и захвате маленького судна «Телеграф», снаряженного противником Баеса генералом Лупероном и обстрелявшего доминиканские корабли. Это было прямое вмешательство в борьбу доминиканских патриотов против антинационального правительства. Грант поддержал Баеса, готового служить интересам США, против либералов, которые не допустили бы оккупации своей страны.

Бэбкок прибыл в Санто-Доминго в сопровождении вездесущего Фабенса, который по пути успел стать его другом. На берегу он был встречен Касно, ставшим его переводчиком во время переговоров с Баесом. Результатом их совместных усилий был проект договора об аннексии Доминиканской республики, подписанный 4 сентября 1869 г. Бэбкоком и министром иностранных дел Доминиканской республики Готье. Грант одобрил привезенный секретный проект договора и взялся за подготовку общественного мнения, которое должно было решить его судьбу.

Грант сам, нарушая традиции, довел привезенный документ до сведения своих министров и, чтобы пресечь возражения, объяснил, что речь идет только о проекте договора, поскольку Бэбкок, как человек военный, не мог получить официальных полномочий на подписание договора ¹⁸. Для подписания договора предстоит послать полномочия новому американскому торговому агенту в Санто-Доминго Раймонду Перри, сказал Грант на заседании своего кабинета, и действительно, в ноябре Бэбкоку пришлось вторично проделать путешествие в Санто-Доминго, чтобы присутствовать при официальном подписании двух договоров между США и Доминиканской республикой: первый предусматривал аннексию Доминиканской республики, второй — заготовленный на тот случай, если сенат не ратифицирует первый, — говорил об аренде бухты и полуострова Самана на срок в 99 лет и предусматривал в дальнейшем возможность их покупки Соединенными Штатами за 2 млн. долл. золотом ¹⁹. Немедленно по подписании договоров Бэбкок выдал Баесу око-

ло 150 тыс. долл., а сам в сопровождении Фабенса и других американских деятелей, заинтересованных в аннексии, отправился в Самана, где был поднят флаг США в ознаменование присоединения этой территории к США.

21 декабря Грант представил оба договора на обсуждение кабинета, а с начала января принялся за подготовку к обсуждению их в сенате. 10 января 1870 г. оба документа были переданы в сенат²⁰.

Для сторонников аннексии начались горячие дни: им представляло «обработать» сенаторов, внушив им идею полезности и даже необходимости аннексии Доминиканской республики. Учитывая, что далеко не все считали целесообразным столь явно агрессивный шаг и что в аннексии Санто-Доминго были в 1870 г. заинтересованы очень немногочисленные представители делового мира США, предстояло проделать большую работу.

Тем временем в Доминиканской республике над правительством Баеса сгустились тучи. Лидеры «синих» — генерал Луперон и бывший президент Кабраль — вступили в союз с Ниссажем Саже — противником президента соседней республики Гаити Сальнава, поскольку падение Сальнава было бы серьезным ударом по Баесу, которого тот поддерживал. В январе Сальнав был вынужден бежать из Порт-о-Пренса, попал в руки генерала Кабрала, выдавшего его Саже, и был расстрелян. Президентом Гаити стал Саже, готовый оказать теперь поддержку Кабралю и содействовать свержению Баеса. Понимая опасность, Баес взмолился о помощи, и Грант не стал медлить: в территориальные воды Доминиканской республики был послан американский военно-морской флот. 10 февраля 1870 г. командовавший этим отрядом контр-адмирал Пур прибыл в Порт-о-Пренс и предупредил Саже, что нападение на Доминиканскую республику будет рассматриваться как оскорбление США. К концу февраля режим Баеса охраняли 7 военных кораблей США, которым было приказано «противостоять любой попытке врагов Доминиканской республики вторгнуться на доминиканскую территорию по суше или по морю»²¹.

Присутствие американских кораблей окрылило Баеса и позволило ему провести в стране плебисцит по вопросу об аннексии. Даже американские резиденты, в том числе коммерческий агент Перри, признавали, что плебисцит проводился в условиях террора, парализовавшего всякое волеизъявление народа. В результате комедии плебисцита Баес смог сообщить в Вашингтон, что из 16 тыс. человек, участвовавших в плебисците, только 11 человек высказались против аннексии. 16 марта 1870 г. доминиканский консультативный сенат принял резолюцию о том, что «народ выразил свою волю к объединению с США»²².

Чтобы помочь Гранту сломить сопротивление сената, Баес решил вновь послать в Вашингтон Фабенса — на этот раз выдав

ему верительные грамоты как чрезвычайному и полномочному послу Доминиканской республики в США!

В сенате против аннексии выступила группа радикальных республиканцев во главе с председателем сенатской комиссии по иностранным делам Чарльзом Самнером. Дебаты в сенате начались 24 марта после речи Самнера, резко осудившего предложенный договор. Он указал, что аннексия Санто-Доминго повлечет за собой новые авантюры в Карибском море и вызовет осложнение отношений с европейскими державами, что она взвалит на американский народ бремя государственного долга Санто-Доминго, приведет к обострению гражданской войны в Доминиканской республике и т. д. Сенатор Мортон выступил за аннексию, но его яркие описания богатств острова и возможностей к обогащению для американских дельцов, которые возьмутся за развитие его ресурсов, увлекли немногих. Не помогло и вмешательство Гранта, который, вопреки традиции, 31 мая 1870 г. обратился к сенату с особым посланием, где доказывал, что аннексия укрепит доктрину Монро и будет содействовать национальной обороне США²³.

30 июня дебаты в сенате закончились и состоялось голосование. Необходимых двух третей голосов сенаторов договор не собрал.

Это было серьезным поражением экспансионистов и ударом по престижу президента. Однако Грант не желал признать себя побежденным и во втором ежегодном послании конгрессу 5 декабря 1870 г. посвятил Доминиканской республике целый раздел, восхваляя ее богатства и рекомендуя конгрессу одобрить договор об аннексии объединенной резолюцией обеих палат²⁴. Это пожелание президента конгресс оставил без внимания.

Говоря о причинах провала аннексионистских планов Гранта, многие исследователи сводят их к конфликту между исполнительной и законодательной властью, к антагонизму Гранта и Самнера²⁵. Действительные* причины следует искать в том, что в 1870 г. аннексия Доминиканской республики не диктовалась ни стратегическими, ни политическими, ни экономическими интересами американского капитализма. Шло освоение Запада, и деловые круги США не видели никакой необходимости в аннексии маленькой республики, не представлявшей для них никакой опасности. Горстка дельцов, захватившая с помощью Баеса в Доминиканской республике большие земельные владения, выгодные концессии и привилегии, не смогла повести за собой большинство в сенате, не получила она поддержки и вне конгресса.

Со временем «внимание» США к Доминиканской республике возросло. В начале XX в. американские империалисты поставили страну под свой финансовый контроль, за которым последовала военная оккупация, длившаяся восемь лет. И в наши дни Доми-

никанская республика остается объектом «особых забот» своего северного соседа, который с помощью морской пехоты топчет ее суверенитет. Вопрос о прямой аннексии страны теперь, конечно, не ставится, но доминиканскому народу еще предстоит завоевать право на подлинную независимость.

- ¹ J. D. Richardson. A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. V. Washington, 1898, p. 198.
- ² Уильям Касно — политикан и делец из Бостона, принимавший участие в аннексии Техаса, где он получил титул «генерала» (S. Welles. Naboth's Vineyard, vol. I. N. Y., 1928, p. 136).
- ³ H. M. Wriston. Executive Agents in American Foreign Relations. Baltimore, 1929, p. 154.
- ⁴ J. B. Moore. A Digest of International Law, vol. VI. Washington, 1906, p. 515.
- ⁵ «The American Historical Review», April, 1937, p. 495.
- ⁶ J. B. Moore. Op. cit., vol. I, p. 107.
- ⁷ Ch. C. Tansill. The United States and Santo Domingo 1798—1873. Baltimore, 1938, p. 233.
- ⁸ Ibid., p. 237, 238.
- ⁹ S. Welles. Op. cit., p. 341.
- ¹⁰ Ch. C. Tansill. Op. cit., p. 257.
- ¹¹ H. M. Wriston. Op. cit., p. 677.
- ¹² J. D. Richardson. Op. cit., vol. VI, p. 689.
- ¹³ «Congressional Globe», 40 Cong., 3 Sess., p. 317.
- ¹⁴ Ibid., p. 769.
- ¹⁵ H. M. Wriston. Op. cit., p. 678.
- ¹⁶ R. Guerra y Sanchez. La Expansión territorial de los Estados Unidos a expensas de España y de los países hispanoamericanos. La Habana, 1964, p. 291.
- ¹⁷ H. M. Wriston. Op. cit., p. 681.
- ¹⁸ В США существовал закон от 30 марта 1868 г., запрещавший офицерам занимать дипломатический или консульский пост за рубежом. («Congressional Globe», 41 Cong., 3 Sess., p. 242).
- ¹⁹ См. Приложения в кн.: S. Welles. Op. cit., vol. II, p. 977—984.
- ²⁰ J. Richardson. Op. cit., vol. VII, p. 45, 46.
- ²¹ A. Nevins. Hamilton Fish., vol. I. N. Y., 1957, p. 314.
- ²² M. Henriquez Ureña. Los Estados Unidos y la Republica Dominicana. La Verdad de los hechos comprobada por datos y documentos oficiales. La Habana, 1919, p. 19.
- ²³ J. D. Richardson. Op. cit., vol. VII, p. 61—63.
- ²⁴ Ibid., p. 99, 100.
- ²⁵ См., например: Guerra y Sanchez. Op. cit., p. 290. Другие указывают, что американский народ был против захвата независимой республики (см., например: F. Tannenbaum. The American Tradition in Foreign Policy. Norman, 1955, p. 72).

Договор Клейтон—Бульвера (1850 г.) и русская дипломатия

Проблема сооружения канала, соединяющего Атлантический океан с Тихим, заинтересовала американские правящие круги и заняла видное место во внешней политике США еще в первой четверти XIX в. Особую остроту она приобрела в середине XIX в. в связи с усилением англо-американского соперничества в Центральной Америке и продолжала оставаться основной проблемой до начала XX в. включительно¹.

По мере того как прогрессировало экономическое и политическое развитие Соединенных Штатов, росли аппетиты и агрессивность американских правящих кругов. Уже в первой четверти XIX в. США, прикрываясь пресловутой доктриной Монро, проводили в Западном полушарии активную экспансионистскую политику.

Основной целью внешней политики США в середине XIX в., как указывал Маркс, «было завоевание новых областей для распространения рабства и господства рабовладельцев»². В блоке с рабовладельцами активно выступала буржуазия северных штатов. В результате захватнической войны с Мексикой в 1846—1848 гг. США овладели обширной территорией на Тихоокеанском побережье, почти половиной Мексики и в том числе Верхней Калифорнией, куда в поисках обнаруженного там золота хлынул поток золотискателей, авантюристов и предпринимателей. Это обстоятельство значительно повысило заинтересованность Соединенных Штатов в сооружении дешевых и удобных путей к Тихоокеанскому побережью.

Грабительская война против Мексики и выход на Тихий океан были лишь началом политики, преследовавшей цель установления господства США на Тихом океане, подчинения Китая и других азиатских стран. Этого добивались не только рабовладельцы, стоявшие у власти в США, об этом мечтали и широкие круги американской буржуазии. Вторжение банд Уокера в Центральную Америку, особенно в Никарагуа, сове-

щение дипломатов в Остенде по вопросу о Кубе, навязанный Китаю неравноправный договор и участие американцев в подавлении Тайпинского восстания, миссия Перри в Японии, рост торгового флота и усиление торговли с дальневосточными странами, да и многие другие факты разоблачают истинные цели, которыми руководствовались США, ставя в порядок дня вопрос о необходимости сооружения межкокеанского канала.

Связь с Калифорнией была, таким образом, важной, но далеко не единственной причиной заинтересованности США в канале. Кратчайшего пути в Азию (да и к западному побережью Южной Америки) для усиления там своей экспансии — вот чего добивались США.

В ином свете предстало значение Кубы и всего бассейна Карибского моря. Соединенные Штаты перестали расценивать этот район только с точки зрения своих торговых интересов, учли его стратегическую роль в своей наступательной политике и стали добиваться политического контроля над ним.

Борьба за межкокеанский канал в XIX в. заняла, таким образом, одно из важнейших мест в экспансионистской политике североамериканского капитализма. Но для того чтобы добиться возможности сооружения крупнейшего канала международного значения, США нужно было если не сломить, то по крайней мере нейтрализовать сопротивление такой могущественной соперницы, как Англия.

Английская буржуазия, проводя активную наступательную политику, сумела себе обеспечить (и сохранить в течение почти всего XIX в.) господствующее положение в большинстве еще не окрепших после войны за независимость молодых государств Американского континента.

К середине XIX в. все возраставшее соперничество между Англией и США в Латинской Америке вообще и в Центральной Америке в частности приняло крайне острые формы. Одним из центров британского влияния в Центральной Америке был захваченный в Гватемалы Белиз, который впоследствии получил название Британского Гондураса³. Первые английские поселения основаны там еще в 1662 г. Белиз играл роль опорного пункта в экспансии Англии в сторону Гондураса, Никарагуа и Москитного берега. В 1848 г. Англия овладела городком Сан-Хуан-дель Норте, который она переименовала в Грейтаун⁴. Этот небольшой порт на Атлантическом побережье имел важное стратегическое значение. Таким образом, один из выходов предполагаемого канала и р. Сан-Хуан вплоть до озера Никарагуа оказалась в британских руках. Контролируя фактически северо-восточное побережье Центральной Америки и располагая такой опорной базой, как Ямайка, с прекрасно оборудованным портом — Кингстоном, владея к тому же мощным флотом, Англия почти безоговорочно господствовала в бассейне Кариб-

ского моря. Хотя она не была непосредственно заинтересована в сооружении канала, ей было важно обеспечить за собой ключевые позиции на подступах к нему и сдержать растущее влияние США в Центральной Америке.

Неудивительно, что английский посол в США Бульвер в одном из своих донесений писал: «...Центральная Америка уже больше не то, чем она была прежде, и с каждым днем она приобретает все большее и большее значение для всего мира, а для нас в особенности... Мы не можем, мы не должны видеть ее в руках Америки, другими словами, я подразумеваю — принадлежащей США»⁵.

Несмотря на то, что в середине XIX в. США еще не отличались ни экономической, ни политической мощью и соотношение сил складывалось еще не в их пользу, они имели уже значительные торговые и политические интересы в странах Центральной Америки и настойчиво добивались, путем ли грабежа, военного насилия или дипломатических интриг, расширения там своего влияния. После успешного окончания войны с Мексикой США заняли в этом вопросе еще более решительные позиции. Первый секретарь русского посольства в Вашингтоне барон Стекль, отмечая это обстоятельство в своем донесении в Петербург, подчеркивал, что агенты США развили в Центральной Америке необычайную активность, но повсюду сталкивались с деятельностью представителей Великобритании⁶.

Неослабевавшее стремление Англии к дальнейшей экспансии и захватам стратегических позиций в зоне будущего канала создавало настолько сложную и напряженную обстановку в Центральной Америке, настолько мешало захватнической политике самих США, что американская дипломатия сочла необходимым стать инициатором специального соглашения с Англией.

Однако в середине XIX в. США еще не могли претендовать на монопольное право сооружения, укрепления и неограниченного политического контроля над межконтинентальным каналом. Учитывая все потенциальное значение будущего канала для интересов правящих кругов США и не имея еще конкретных возможностей реализовать свои устремления, американская дипломатия боролась за то, чтобы предупредить возможность установления контроля какой-либо другой державы и в особенности могущественной Англии над зоной будущего канала.

Правящим кругам США было также важно замаскировать агрессивный характер собственной политики в Центральной Америке и обеспечить ее проведение под прикрытием компромиссного договора с Англией.

В результате был поставлен вопрос о необходимости заключения такого договора, по которому Англия и США совместно гарантировали бы нейтралитет и международное значение канала, не получая никаких исключительных преимуществ.

Переговоры велись непосредственно между государственным секретарем США Клейтоном и английским послом в Вашингтоне Бульвером. 19 апреля 1850 г. был подписан компромиссный англо-американский договор Клейтон — Бульвера⁷. Основное содержание его заключалось в следующем: 1) оговаривалось, что ни Великобритания, ни США не будут стремиться к тому, чтобы получить право исключительного контроля над каналом; 2) ни одна из сторон не имела права возводить укрепления в зоне канала и на прилегающей к ней территории; 3) ни одна из сторон не имела права оккупировать, укреплять, колонизовать, присваивать или утверждать свое господство над какой-либо частью Центральной Америки; 4) обе державы обязывались гарантировать безопасность и нейтралитет канала и приглашали другие иностранные державы присоединиться к этому договору. Обе обязывались также оказывать помощь капиталистам, которые приступят к сооружению этого канала. Обе державы получали право на равном основании пользоваться любой железной дорогой или любым каналом, сооруженным на территории перешейка.

Соглашение на том этапе всецело отвечало интересам правящих кругов США. Несмотря на неблагоприятное для американской дипломатии соотношение сил, ей удалось не допустить установления единоличного контроля Англии над будущим каналом, и если не полностью исключить, то по крайней мере ограничить возможности ее дальнейшей экспансии в Центральной Америке.

Не доверяя Англии и опасаясь, что двухсторонняя гарантия договора Клейтон — Бульвера может оказаться недостаточной, США в соответствии с VI статьей договора попытались привлечь к участию в договоре царскую Россию.

Эта статья гласила: «Обе договаривающиеся стороны настоящим соглашением обязуются пригласить любое государство, с которым обе или каждая из сторон в отдельности находятся в дружественных отношениях, заключить договор на аналогичных условиях, чтобы все другие государства могли разделить и честь и выгоды от содействия столь важному и общеплезному сооружению, как предполагаемый канал»⁸.

Именно потому, что позиции США были слабее позиций Англии, также проводившей захватническую политику, США стремились использовать другие страны, в особенности Россию, в своих корыстных интересах. Естественно, что никаких выгод другим странам США вовсе не собирались обеспечивать.

Государственный секретарь США Клейтон в беседе со Стеклем заявил, что американское правительство желает выяснить, одобряет ли Россия принцип нейтрализации, который лег в основу договора, и согласится ли она «поддержать своим могущественным именем акт, предназначенный гарантировать

всему миру преимущества этого крупнейшего пути сообщения» (т. е. межокеанского канала)⁹.

Послу США в Петербурге Брауну было поручено подчеркнуть все то значение, которое правительство США придавало присоединению именно России к договору Клейтон — Бульвера¹⁰.

Изучение дипломатической корреспонденции между русскими послами в Лондоне и Вашингтоне и государственным канцлером и министром иностранных дел Нессельроде в 1850—1852 гг. дает нам возможность выяснить, как относились царская дипломатия и официальные финансовые и деловые круги России к подписанию договора Клейтон — Бульвера, а также к вопросу о сооружении межокеанского канала.

На основании изучения архивных материалов можно заключить, что правительство США стремилось соблазнить Россию радужной перспективой сооружения межокеанского канала и уговорить ее присоединиться к договору от 19 апреля 1850 г. Американская дипломатия, учитывая напряженность англо-русских отношений (канун Крымской войны) и напряженность отношений России с Турцией, явным образом пыталась использовать это, заставив Россию служить своим интересам в борьбе с Англией. В случае столкновения США с Англией Россия должна была бы играть роль арбитра в конфликте между ними, чего правящие круги царской России отнюдь не желали.

С другой стороны, приглашение России присоединиться к договору 1850 г. носило характер дипломатического маневра, рассчитанного на то, что, используя англо-русские противоречия, можно заставить Англию быть более уступчивой. Это, видимо, поняли в Лондоне, и именно поэтому британская дипломатия без особого восторга отнеслась к проекту приглашения других держав к участию в договоре.

Нельзя не отметить прозорливости и трезвой оценки происходивших событий в донесениях Стекля. Учитывая возросшую роль Панамского перешейка как транспортного пути между Соединенными Штатами и их владениями на Тихоокеанском побережье, а также быстро возраставшие мощь и силу США, Стекль высказал предположение, которое в значительной степени оказалось пророческим.

«Возможно, недалек тот день,— писал Стекль,— когда эти авантюристы американцы, наводнившие перешеек в связи с открытием золота в Калифорнии, подражая своим предшественникам в Техасе, поднимут знамя Соединенных Штатов и не затруднятся найти подходящий предлог, чтобы объявить Панамский перешеек аннексированным к конфедерации»¹¹.

Стекль признавал огромное международное значение сооружения межокеанского канала, который бы избавил суда от опасного путешествия вокруг мыса Доброй Надежды и мыса Горн.

«Россия,— писал Стебль,— также извлечет большие выгоды от сооружения этого канала, который приблизит ее американские колонии на 2000 английских миль»¹². Однако он считал маловероятной реальностью осуществление в то время этого гигантского проекта, учитывая остроту англо-американских противоречий в Центральной Америке и относительную экономическую и политическую слабость США на том этапе.

Стебль держал Нессельроде в курсе всех перипетий, связанных с вопросом о межокеанском канале, и лежавшими в основе этого англо-американскими отношениями. Он довольно подробно освещал события, предшествовавшие заключению договора, показывал напряженность отношений между Англией и США в связи с вопросом о протекторате над Москитным берегом и борьбой за другие опорные пункты в странах Центральной Америки. Донесения Стебля свидетельствуют о том, что он прекрасно понимал, что соотношение сил на том этапе отнюдь не было в пользу США. «Будучи менее сильными,— писал Стебль,— американцы не могут действовать иначе и будут вынуждены строго поддерживать принципы нейтралитета канала»¹³.

В конце апреля 1850 г. в Вашингтон прибыл чрезвычайный и полномочный посол царского правительства Александр Бодиско. Он со своей стороны считал бесспорным, что сооружение межокеанского канала, пусть даже в отдаленном будущем, представит большие преимущества торговым отношениям России¹⁴. Что касается русского посла в Лондоне Бруннова, то он в начале 1850 г. в своих донесениях очень скупно освещал вопросы, связанные с договором Клейтон — Бульвера, и фактически ограничился лишь кратким изложением его содержания¹⁵.

Прежде чем прийти к определенному решению по такому немаловажному вопросу, министерство иностранных дел России, стоявшее на страже интересов русских помещиков и купцов, сочло необходимым запросить мнение ряда официальных организаций и, в частности, министерства финансов.

С этой целью управляющий министерством иностранных дел Сенявин 28 августа 1850 г. обратился с докладной запиской к министру финансов Вронченко¹⁶. Напомнив о договоре от 19 апреля 1850 г. и сославшись на VI статью договора, приглашавшую другие державы присоединиться к нему, «дабы споспешествовать столь важному и всемирно полезному предприятию», Сенявин сообщил, что недавно прибывший в Петербург посол США Браун обратился к нему с нотой, в которой предлагал русскому правительству заключить с Соединенными Штатами договор, аналогичный Клейтон — Бульверскому.

Свою точку зрения Сенявин резюмировал следующим образом: «Для русской торговли канал, который предполагается устроить, представит несомненные выгоды, потому что плава-

ние в наши североамериканские колонии сократится на 2000 английских миль»¹⁷.

Канцелярия министра финансов препроводила записку Сенявина в Департамент внешней торговли. Последний, однако, исходя из того, что договор Клейтон — Бульвера обязывал заинтересованные стороны обеспечить нейтралитет канала и свободу сообщения по нему, пришел к выводу, что подобное обстоятельство неизбежно должно быть сопряжено с денежными затратами на содержание собственных или чужих войск для охраны канала. Учитывая незначительные масштабы русского торгового мореплавания по западную сторону Америки, Департамент внешней торговли не решился предположить, «чтобы устройство канала между Атлантическим и Тихим океанами могло принести не в отдаленном будущем пользу нашему мореходству, за исключением судов Российско-Американской компании, коих путь через канал в североамериканские наши колонии сократится на 2000 английских миль», и, следовательно, только «важность или незначительность сей пользы в сравнении с жертвованиями правительства по охране канала могут служить главнейшим основанием при обсуждении вопроса в торговом отношении, выгодно или нет для правительства приступить к вышеозначенному договору»¹⁸.

Поскольку дела, касающиеся Российско-Американской компании, входили в круг деятельности Департамента мануфактур и внутренней торговли, Департамент внешней торговли передал туда 2 сентября 1850 г. докладную записку Сенявина с изложением также и своей точки зрения. Оттуда докладную записку Сенявина в свою очередь препроводили Главному правлению Российско-Американской компании с просьбой спешно сообщить свои соображения.

Через два дня, 6 сентября, из Главного правления Российско-Американской компании последовал ответ: «Заклучение договора между Россией и означенными державами по предмету устройства канала между Атлантическим и Тихим океанами принесет для американских колоний наших неоспоримую пользу сколько сокращением пути плавания в колонии, столько же и обеспечением движения наших кораблей в случае разрыва, что при настоящей развивающейся торговле нашей в тех странах составляет предмет особенной важности»¹⁹.

На основании собранных сведений Департамент мануфактур и внутренней торговли в представленной 25 сентября 1850 г. директору канцелярии министра финансов А. Ф. Гревещицу докладной записке высказал следующие соображения: «Можно с достоверностью предполагать, что коммерческие операции сей компании не останутся в этих тесных пределах, в которых они ныне заключаются, и что правление оной откроет судам своим новые торговые пути и источники как к западным берегам Америки,

где быстро умножающееся народонаселение Калифорнии представляет этому столько способов, так и к берегам Китая, где на основании § 6 высочайше утвержденного 10 октября 1844 г. устава компании дозволено судам ее заходить во все те порты...

Нет сомнения, что сокращение плавания для отправляющихся в североамериканские колонии наших судов на 2000 английских миль будет весьма много способствовать к развитию торговли нашей в том крае, и потому, если в это время и потребуются денежные пожертвования на содержание военных крейсеров для охранения нейтралитета предполагаемого канала, то это обстоятельство, по мнению Департамента мануфактур и внутренней торговли, не должно останавливать правительство к принятию участия в предприятии, которое обещает столь важные выгоды... По всем сим уважениям Департамент мануфактур и внутренней торговли не может не признать, что заключение предлагаемого Российскому правительству договора с Северо-Американскими Соединенными Штатами представляет большие выгоды в коммерческом отношении. О таком заключении Департамент мануфактур и внутренней торговли имеет честь представить на благоусмотрение Совета министра финансов»²⁰.

Ровно через месяц, 25 октября 1850 г., Департамент мануфактур и внутренней торговли был извещен о согласии министра финансов. В журнале (протоколе) совета министра финансов от 2 октября указывалось: «Совет министра финансов, принимая в соображение, что устройство канала между Атлантическим и Тихим океанами, сократив плавание судов, принесет значительную пользу Российско-Американской компании и может вообще послужить поводом к развитию коммерческой нашей деятельности, находит, что покровительство со стороны России столь важному и всемирно полезному предприятию было бы весьма желательно, о чем и полагает уведомить г. управляющего министерством иностранных дел»²¹.

Подлинник, по всей вероятности, был передан Сенявину в министерство иностранных дел. Помимо этого, 2 ноября 1850 г. министр финансов Вронченко в особом отношении к государственному канцлеру графу К. В. Нессельроде счел необходимым подчеркнуть и свое одобрение²².

Эта междуведомственная переписка свидетельствует о том, что такие государственные учреждения, как Департамент мануфактур и внутренней торговли, Главное управление Российско-Американской компании, совет министра финансов и, наконец, сам министр финансов Вронченко весьма одобрительно отнеслись к проекту заключения с США договора о сооружении меж-океанского канала.

Все они руководствовались в основном тем, что создание новой водной коммуникации должно было способствовать даль-

нейшему развитию торговых отношений России с западными берегами Америки и берегами Китая, росту коммерческих операций Российской-Американской компании, а также снабжению русских колоний в Северо-Западной Америке²³.

Естественно, что министерство иностранных дел не могло оставить соображения заинтересованных департаментов без внимания, но этого еще отнюдь не было достаточно для того, чтобы царское правительство поставило свою подпись под документом международного характера и, таким образом, дало бы себя вовлечь в предприятие, чреватое «опасными» последствиями. В частности, Нессельроде писал по этому вопросу: «Сооружение канала, соединяющего Тихий и Атлантический океаны, обещает слишком много преимуществ, чтобы русский императорский кабинет мог остаться безразличным к подобному предприятию. Но смогут ли эти выгоды компенсировать Россию за те трудности, которые явятся следствием обязательств, вызванных нашим присоединением к договору 19 апреля. Вот в чем вопрос»²⁴. Это оставалось еще неясным и требовало уточнения.

12 января 1851 г. канцелярия министерства иностранных дел направила своим послам — Бодиско в Вашингтон и Бруннову в Лондон — специальную инструкцию с требованием собрать все необходимые сведения, а также изложить свои соображения по данному вопросу с точки зрения торговых и политических интересов России.

Эта инструкция состояла из целого комплекса вопросов, подлежащих выяснению. Наиболее щекотливым авторами инструкции считали вопрос о взаимных обязательствах сторон, подписавших договор, строго соблюдать все его условия. Исходя из этого, важно было выяснить как можно точнее значение этих обязательств.

В инструкции говорилось также о соперничестве между двумя англо-саксонскими державами, заключившими договор Клейтон—Бульвера, причем высказывалось опасение, что это соперничество имеет все данные к дальнейшему обострению и грозит даже привести к конфликту. Другие державы — гаранты договора могли оказаться в затруднительном положении в случае, если бы «обиженная» сторона обратилась к ним за помощью или арбитражем. Этого царская дипломатия стремилась во что бы то ни стало избежать, и к этому сводилась центральная мысль инструкции.

В инструкции еще указывалось, что, поскольку американское правительство намеревалось обратиться с соответствующим предложением к Франции и другим державам, следует, хотя бы косвенным путем, выяснить, как они отнеслись к нему и какова их точка зрения. И, наконец, послам предлагалось дать свои соображения о том, «какую форму придать нашему присое-

динению к договору, если оно может оказаться полезным, и какими оговорками следовало бы это присоединение сопроводить. На основании всех этих данных правительство его императорского величества сможет судить о том, насколько его устроило бы присоединение к договору от 19 апреля 1850 г.»²⁵.

Хотя ответ Бодиско далеко не исчерпывал всех вопросов, поставленных в инструкции²⁶, из него мы узнаем, что правительство США обратилось с формальным приглашением присоединиться к договору 19 апреля 1850 г. к Франции и Голландии и в менее четко выраженной форме — Испании, Австрии, Пруссии, Бельгии и др.

В Париже к предложению США вначале отнеслись весьма благожелательно, но последующая корреспонденция, с которой французский посол в Вашингтоне (Буа ле Конт) ознакомил Бодиско, свидетельствовала о том, что оно осталось без последствий. Франция, видимо, пожелала получить от своего присоединения к договору какие-то более реальные и непосредственные выгоды, которые США не могли и не хотели обеспечить, и поэтому из Парижа так и не последовало окончательного ответа на предложение США.

Другие державы вообще не отнеслись серьезно к тому, что казалось еще очень отдаленной перспективой. Они не откликнулись на предложение США, возможно, еще и потому, что не хотели испортить отношения с великими державами и опасались вмешиваться в споры между ними. К тому же вопрос о межокеанском канале мало задевал их непосредственные интересы.

Весьма любопытно замечание Бодиско, что он не может сообщить ни о каких попытках со стороны британского правительства привлечь другие державы. Это замечание характерно, поскольку оно лишний раз доказывает, что Англия не была заинтересована в присоединении других держав к договору и, видимо, не считала для себя обязательным соблюдение VI статьи договора.

Интересуясь практической стороной вопроса, Бодиско установил, что два влиятельных американца²⁷ еще в 1849 г. добились от правительства Никарагуа концессии на строительство межокеанского канала. Однако, обладая капиталом, явно недостаточным для его сооружения, они, закрепив свои права на территорию предполагаемого канала, смогли покрыть расходы по организации и строительству железнодорожного и паромного (по озерам Никарагуа и Манагуа) сообщения между Атлантическим и Тихим океаном, что и было сделано. Далее Бодиско решил выяснить позиции нового государственного секретаря Соединенных Штатов Уэбстера, сменившего на этом посту Клейтона. Уэбстер в беседе с Бодиско заявил, что, как только вопрос о канале будет окончательно урегулирован, он

предложит императорскому правительству «договориться о форме, которую следует придать присоединению России» к договору Клейтон—Бульвера²⁸.

Обрисовав всю сложность обстановки, создавшейся в Центральной Америке в результате борьбы англо-американских интересов, Бодиско пришел к выводу, что России незачем торопиться с присоединением к договору Клейтон—Бульвера и что разумнее всего занять выжидательную позицию.

Ответ русского посла из Лондона гораздо более исчерпывающий. Свою работу по выяснению вопросов, поставленных в инструкции министерства иностранных дел от 12 января 1851 г., Бруннов расчленил на три части и соответственно построил свое донесение. В первой части он ответил на основные, принципиально важные вопросы, выяснив в специальной беседе отношение к ним Пальмерстона²⁹. Во второй части дал подробную информацию по самому проекту сооружения межокеанского канала. И, наконец, в третьей части изложил свою точку зрения на договор Клейтон—Бульвера и свои соображения по вопросу о присоединении к нему России.

Донесение Бруннова свидетельствовало о том, что Пальмерстон, используя англофильские настроения Бруннова, пытался подсказать ему ответ, выгодный Англии. Пальмерстон стремился убедить Бруннова в том, что на державы, присоединяющиеся к договору 1850 г., вовсе не налагается обязательство вмешиваться в разногласия, возникающие между основными договаривающимися сторонами. Он «сохотно» одобрил стремление царского правительства сохранить за собой свободу действий и не играть роль арбитра в англо-американских спорах. Пальмерстон совсем не был заинтересован в присоединении других держав, в особенности России, к договору, поскольку понимал, что присоединение России было бы на руку американской дипломатии в ее противодействии британской политике.

Не желая ограничиться своим изложением беседы с Пальмерстоном, Бруннов обратился к нему с просьбой ответить на поставленные вопросы в письменном виде. 21 февраля 1851 г. Пальмерстон вручил Бруннову письменный ответ³⁰. В этом весьма кратком документе говорилось: 1. Канал должен быть открыт для торговли и судов всех наций на равных условиях независимо от того, присоединятся ли правительства других государств к договору или нет. 2. Никакая денежная гарантия договоров не предусмотрена. 3. Никаких дополнительных решений в отношении политической гарантии не было принято. 4. Все обязательства, возложенные на договаривающиеся стороны, обусловлены в договоре.

В подробном донесении министерству иностранных дел Бруннов высказал ряд заслуживающих внимания соображений. Он отметил, что из двух держав США в особенности заинтере-

сованы в скорейшем проведении в жизнь условий Вашингтонского договора, который британское правительство отнюдь не считало своим дипломатическим успехом. Важно также замечание Бруннова, что американские предприниматели стремились всячески избежать вмешательства иностранных фирм в сооружение межокеанского канала.

Бруннов предвидел, что в будущем неизбежно обострится борьба за японские и китайские рынки и что после сооружения канала экспансия США на запад значительно усилится. Самый договор Клейтон—Бульвера он расценивал как дипломатическую акцию, призванную, хотя бы на время, нейтрализовать англо-американские противоречия в Центральной Америке.

Далее Бруннов изложил свою точку зрения на присоединение России к договору Клейтон—Бульвера. Россия, по его мнению, могла пойти на такой шаг, но только с известными оговорками, зафиксированными в особой декларации (предшествующей акту присоединения). Суть этих оговорок должна была сводиться к тому, что России необходимо сохранить за собой полную свободу действий и не вмешиваться в возможные трения между Великобританией и США.

Он писал: «Россия без сомнения может заверить от своего имени, что она не стремится ни к какому господству в государствах Центральной Америки, как обусловлено в статье I договора, и факт ее присоединения к договору решительно не должен означать, что Россия обязуется следить за выполнением условий, взятых на себя английским и американским правительствами в отношении друг друга»³¹.

Из своего присоединения к договору царское правительство, по мнению Бруннова, должно было извлечь лишь выгоды торгового, коммерческого характера, избегая всякого рода политических обязательств.

Архивные документы свидетельствуют о том, что перспектива сооружения межокеанского канала не была лишена интереса для правящих кругов русского государства. Создание новой водной коммуникации должно было способствовать развитию торговых отношений России с западными берегами Америки и Китаем, росту коммерческих операций Российско-Американской компании, а также снабжению русских колоний в Северо-Западной Америке. Да и значительно позднее 50-х годов XIX в. царизм учитывал выдающееся стратегическое значение межокеанского канала, связанное с возможностью перебрасывать военноморской флот США из Атлантического океана в Тихий. В 1910 г. влиятельные буржуазно-помещичьи круги России весьма интересовались тем, как отразится открытие Панамского канала на хлебном экспорте и ценах на мировых рынках, какие перспективы откроются при этом для русской торговли и мореплавания на Дальнем Востоке и т. д.

Однако руководители внешней политики царской России в середине XIX в. не сочли все эти интересы настолько «жизненно важными», чтобы ради них рисковать и подписываться под англо-американским договором 1850 г. Царское правительство, исходя из соотношения сил на международной арене, решило воздержаться от присоединения к Вашингтонскому договору.

- ¹ Эта проблема получила свое разрешение в желаемом для США духе только после того, как они инспирировали Панамскую «революцию» 1903 г. и навязали Панамской республике кабальный для нее и весьма выгодный для себя договор о межокеанском канале.
- ² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 342.
- ³ L. Keasbey. The Nicaragua canal and the Monroe doctrine. N. Y., 1896, p. 171.
- ⁴ Ibid., p. 181.
- ⁵ «The American Historical Review», April, 1937, p. 495.
- ⁶ АВПР, Канцелярия, 1850 г., Вашингтон, д. 1034. Донесение Стекля от 2 (14) апреля.
- ⁷ L. Keasbey. Op. cit., p. 600—604.
- ⁸ Ibid., p. 602, 603.
- ⁹ АВПР, Канцелярия, 1850 г., Вашингтон, д. 138. Донесение Стекля от 5 (17) февраля.
- ¹⁰ ЦГИАЛ, Департамент мануфактур и внутренней торговли, 1850 г., д. 1798, лл. 4, 5.
- ¹¹ АВПР, Канцелярия, 1850 г., д. 138. Донесение Стекля от 2 (14) апреля 1850 г.
- ¹² Там же. Донесение Стекля от 24 декабря (5 января) 1850 г.
- ¹³ Там же. Донесение Стекля от 5 (17) февраля 1850 г.
- ¹⁴ Там же, 1851 г., д. 147. Донесение Бодиско от 7 (19) января 1851 г.
- ¹⁵ Там же, 1850 г., Лондон, д. 1311. Донесение Бруннова от 31 мая (12 июня), 1850 г.
- ¹⁶ ЦГИАЛ, Департамент мануфактур и внутренней торговли, 2-е отд., ст. 2-й, д. 1789, лл. 4, 5.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же, лл. 1—3.
- ¹⁹ Там же, л. 17.
- ²⁰ Там же, л. 24.
- ²¹ Там же, л. 28.
- ²² Там же, л. 29.
- ²³ АВПР, Канцелярия, 1851 г., д. 17.
- ²⁴ Там же. Инструкция МИД от 12 января 1851 г.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же, д. 147. Ответ Бодиско от 10 (22) июня 1851 г.
- ²⁷ Речь шла об Уайте и Корнелиусе Вандербильте, организаторах так называемой «Accessory Transit Company», существовавшей с 1850 по 1856 г.
- ²⁸ АВПР, Канцелярия, 1851 г., д. 147. Донесение Бодиско от 10 (22) июня 1851 г.
- ²⁹ В одном из своих донесений Бруннов дал Пальмерстону довольно подробную и весьма не лестную характеристику (АВПР, Канцелярия, 1852, Лондон, д. 76, лл. 55—69).
- ³⁰ АВПР, Канцелярия, д. 71. Приложение № 40 к донесению Бруннова от 19 февраля (3 марта) 1851 г., л. 244.
- ³¹ АВПР, Канцелярия, 1851 г., Лондон, д. 81, л. 268.

США,
КАНАДА,
ГРЕНЛАНДИЯ

Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества

Опровергая учение Л. Г. Моргана об исторической последовательности различных форм рода и последующей смене его семьей как «однолинейную эволюцию», многие американские ученые делали попытки «экономического» обоснования противопоставляемой этому учению патриархальной теории и теории «многолинейной эволюции». Наиболее распространенным из такого рода обоснований является попытка выведения различных форм общественной жизни отсталых народов из дифференциации женского и мужского труда. Авторы этих теорий как будто исходят из верного постулата, что разделение труда определяет социальную структуру общества. Марксистская историческая наука, как известно, основу общественной организации видит в отношениях собственности, рассматривая эти последние как обратную сторону разделения труда. «Различные ступени в развитии разделения труда,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»¹. Но сторонники патриархальной теории абсолютизируют значение полового разделения труда как фактора, определяющего социальные институты на протяжении не только первобытности, но и в раннеклассовых обществах, игнорируя значение существующих уже в обществе других форм разделения труда. Рассматривая эту естественную форму разделения труда вне связи ее с производственными отношениями, самую сущность общественной жизни первобытности они сводят к формам семейно-брачных отношений.

Одна из наиболее ранних попыток «экономического» объяснения общественных институтов половым разделением труда в американской этнографической литературе принадлежит Р. Лоуи. Он сформулировал ее в своем труде «Примитивное общество», написанном в духе антитезы работе Л. Г. Моргана

«Древнее общество». В основу своей аргументации, направленной на опровержение моргановского учения о роде и на доказательство извечности моногамной семьи, Р. Лоуи положил трехэлементную цепочку причинного объяснения социальных институтов первобытности, в котором половое разделение труда определяло локальность брачного поселения, а это последнее определяло счет происхождения².

Сущность социальной организации первобытности, как видим, Лоуи сводил к локальности брачного поселения и счету происхождения. На концепциях этой книги Р. Лоуи воспитывались поколения американских этнографов, пока в 1949 г. не выступил Дж. П. Мордок со своим трудом «Социальная структура», в котором он подверг дальнейшей разработке основные положения Р. Лоуи. Развивая, в частности, «экономический» детерминизм последнего, Дж. Мордок к трехэлементной формуле Р. Лоуи добавил четвертую переменную, а именно: терминологию родства³. В 1957 г. эта формула подверглась дальнейшему развитию в фундаментальном труде Г. Драйвера и У. Массея⁴, которые внесли в нее пятый элемент, а именно: формы собственности на землю. В их варианте «экономического детерминизма» каузальная цепочка выглядит следующим образом: половое разделение труда определяет локальность брака, локальность брака определяет формы собственности на землю, что в свою очередь определяет счет происхождения, а счет происхождения определяет терминологию родства. Эта пятиэлементная формула, по мнению ее авторов, и есть выражение сущности социальной системы, характерной для того или иного народа независимо от уровня его исторического развития. Семья постулируется как основная и исходная социальная единица на всех этапах развития общества. С этой меркой они одинаково подходят к объяснению социальных институтов и майя (раннеклассовое общество) и сери (отсталое племя собирателей-охотников).

Сторонники подобного «экономического детерминизма» различают три типа разделения труда, определяющие якобы три различные формы человеческого общежития. Наиболее ранний тип характеризуется равным значением мужского и женского труда, авторы считают его типичным для хозяйства охотников-собирателей, видят в нем материальную основу изначальности так называемой билатеральной формы социальной организации. Эта «билатеральная» форма социального устройства характеризуется американскими исследователями как неустойчивая система, при которой якобы еще не установилась определенность брачного поселения и браки могут быть то патрилокальными, то матрилокальными, а вследствие этого не установилась еще однолинейность счета происхождения и родство признается и по линии матери и по линии отца, что находит свое отражение и в

терминологии родства. Словом, в качестве изначальной рисуется система, которая, как показывает множество этнографических исследований, была уже следствием распада родовой организации и характеризовала переходное состояние.

Второй и третий типы разделения труда между полами характеризуются преобладающей ролью труда одного пола. Авторы постулируют, что во всяком хозяйстве охотников и рыболовов преобладает мужской труд, который и определяет патриархальный характер их социальной системы. А поскольку охота является одним из древнейших способов добычи средств существования в истории человечества, то в преобладании в ней мужского труда видят естественную основу изначальности патриархата.

У более высоко развитых племен-земледельцев постулируется преобладание женского труда, что якобы и определяет матрилокальность и матрилинейность. Все же отклонения от этих правил рассматриваются авторами как аномалии, обычно объясняемые заимствованиями. Так объяснялись, в частности, материнско-родовые институты XIX в. у охотничьих племен атапасков Аляски и у племен рыболовов северо-западного побережья Северной Америки.

Применяя этот «экономический детерминизм» к объяснению социальной организации индейцев Северной Америки в целом, этнографы США А. Кробер, Р. Лоуи, Дж. Мордок, Г. Драйвер и другие устанавливают, что так как у огромного большинства индейских племен Северной Америки охота и рыболовство были издревле главными занятиями и, следовательно, превалировал труд мужчин, то этот материк еще до колонизации европейцами был классической страной патриархальной семьи, а не материнско-родового строя, как думал Л. Г. Морган. Это положение пытались доказывать даже на археологическом материале. Например, известный археолог США Ж. Гриффин писал, что индейское население Северной Америки уже в ранний архаический период, датируемый им III в. до н. э., предположительно жило патриархальными общинами потому, что «мужчины доминировали в группе благодаря их значению в охоте и рыболовстве»⁵.

Порочность этих концепций заключается, во-первых, в переоценке биологической стороны этой формы разделения труда, в анализе его вне связи с уровнем развития производства и форм разделения у изучаемых этнографами племен и народов. Вследствие этого в качестве исходного момента авторы берут направление хозяйства, игнорируя уровень его развития. С этим связано и отнесение к «первобытным» племен и народов, стоящих на различных ступенях социально-экономического развития. Например, к типу охотничьих племен Северной Америки авторы этих концепций относят обычно и индейские племена,

ведшие охоту в условиях натурального коллективного хозяйства, и верховых охотников-коневодов прерий, и племена, у которых в XIX в. товарный промысел пушнины становился уже ведущим занятием. Только игнорируя различия в социально-экономическом развитии этих групп «охотничьих» племен, можно делать выводы о патриархальной семье как универсальной, извечно характерной для всех этих племен социальной единице. Этот же подход лежит и в основе оценки форм социальной жизни у племен рыболовов, и в отношении их постулируется преобладание мужского труда как основы патриархата.

Представление о материнско-родовой организации сводится авторами этих концепций к матрилинейности и матрилокальности, возникающих якобы позднее патриархальных норм, и то лишь у земледельческих племен и народов. Такова сущность «экономического» обоснования по существу старой патриархальной теории.

Однако, даже став на позиции этих объяснений, нельзя согласиться с самим подходом к оценке значения мужского или женского труда в хозяйстве исследуемых племен.

Во-первых, авторы этих концепций, исходя из широко распространенного в буржуазной науке положения об индивидуальных поисках пищи как начале хозяйственного развития человека *, постулируют изначальность господства индивидуального труда. Коллективные же его формы рассматриваются как случайное кооперирование труда обособленных личностей. Между тем за последние годы в США выходит все больше и больше этнографических работ, авторы которых убедительно прослеживают процесс индивидуализации издревле коллективного труда в индейских общинах под воздействием колонизации.

Во-вторых, авторы «экономических» интерпретаций социальной жизни индейских племен на основе полового разделения труда принимают во внимание лишь ведущий промысел, учитываемая при этом только самый процесс добычи «сырья», т. е. «добывающую промышленность», применяя современные понятия. Между тем в экономике каждого из описываемых этнографами племен, на каком бы уровне развития оно ни стояло, существует зарождающаяся «обрабатывающая промышленность», т. е. переработка добытого сырья. И как показывает множество этнографических исследований, в натуральном хозяйстве охотничьих и рыболовных племен не только Америки, но и других частей света мужчины изготавливают орудия и убивают животных или вылавливают рыбу, дальнейший же процесс переработки добытого сырья является делом женщин.

* Эта теория, в частности, развивалась в известной работе Карла Бюхера «Хозяйство первобытных народов» (Ковно, 1898).

Нельзя также игнорировать и тот факт, что нет чисто охотничьих или чисто рыболовческих племен. Экономика большинства отсталых народов описывается этнографами как комплексная, в которой наряду с главным промыслом обычно важное значение имеют сопутствующие ему виды добычи средств существования; развиваются также различные ремесленные производства.

У охотничьих племен Северной Америки в XIX в., например, важное значение имели рыболовство и собирание растительных продуктов. А последнее, а нередко и первое, было обычно областью женского труда. Женщины же у этих племен сооружали жилище, изготавливали домашнюю утварь, они же были тягловой силой при перекочевках, переноса жилище, весь домашний скарб и детей с одного стойбища на другое.

Г. Драйвер и У. Массей опубликовали в своем труде интересные таблицы о распределении труда между полами у пяти аборигенных народов Америки с учетом всех видов их хозяйственной деятельности⁶. Содержание этих таблиц убедительно опровергает исходное положение авторов, что в хозяйстве рыболовов и охотников преобладает мужской труд, а у земледельцев — женский как соответственные основы патриархальных и матриархальных норм. Оказалось, что, например, у земледельцев хопи земледелием, прядением, ткачеством, обработкой шкур и изготовлением одежды мужской и женской занимаются мужчины, а господствуют матриархальные нормы.

В качестве типичного примера охотничьего хозяйства можно указать на доколониционный уклад жизни индейских племен Лабрадора, история которых хорошо прослежена в работе Ликок⁷. Это же прослеживается и в этнографических материалах об охотничьих племенах атапасков Северной Канады и Аляски, у охотничьих племен американских степей «долошадного» периода, у охотничьих племен Сибири. У всех этих племен действительно имело место естественно выросшее разделение труда между полами. Но, если учесть весь труд, затрачиваемый мужчиной и женщиной в данном хозяйстве, то вряд ли получится преобладание мужского труда, скорее будет обратная картина. Недаром сторонники «экономических» теорий Г. Драйвер и У. Массей признают, что «любая попытка решить, какой пол выполняет большую часть тотального труда в каждой культуре, вызовет бесконечные споры»⁸. Характерны в этой связи сообщения путешественников XIX в., описывающих тяжелое положение женщин у охотничьих племен и свидетельствующих о том, что они несут основную долю тяжелого труда. Однако наряду с такого рода свидетельствами в описаниях ранних путешествий мы часто встречаем указания на уважение к женщине в этих обществах. Много сведений об этом можно встретить в Реляциях иезуитов XVII в. в отношении индейцев Лабрадора⁹.

Американский этнограф Р. Маккеннан пишет об этом, говоря об атапасках Аляски¹⁰. Особенно заслуживают внимания указания на то, что, хотя мужчины и добывали мясных животных, распоряжались запасами пищи всецело женщины. Характерно, что это же явление отмечено Б. О. Долгих, Ю. Б. Симченко у охотничьих народов Сибири¹¹. Очевидно, высокое положение женщины в этих обществах определялось не половым разделением труда и не количеством затрачиваемого тем или иным полом труда, а коммунизмом их домашней жизни. Обратной стороной разделения труда между полами были коллективизм производства и распределения. Естественное и общественное выступают здесь в единстве. Сам труд носит в этих условиях, неотчужденный характер, и человеческая деятельность выступает как родовая деятельность. Хозяйственным коллективом является род, в котором труд мужчины или женщины выступает непосредственно в качестве функции родового коллектива как общественного организма. Общественный характер естественному разделению труда придает характер самих родовых связей, в которых проявляются коллективизм производства и потребления, коммунизм первобытной экономики. Это разделение труда предполагает равенство людей разного пола и разного возраста «соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»¹². Специфика этого естественного разделения труда заключалась в том, что продукты труда не становились товарами.

Возникая внутри родового коллектива, дифференциация мужского и женского труда представляет собой первоначально распределение трудовых процессов между сородичами, между братьями и сестрами, а не между мужьями и женами, как это изображается в теориях, постулирующих семью как извечную экономическую единицу общества. В пользу этого говорит множество пережиточных явлений авункулата, роли братьев в хозяйстве сестер, во взаимоотношениях между шурином и зятем, между тестем и зятем и др. Эта форма разделения общинного труда прослеживается не только у охотничьих племен, но и у ранних земледельцев, собирателей и рыболовов, она соответствует неразвитости человеческого труда.

Как убеждают нас исследования советских археологов, разделение труда между полами могло возникнуть лишь на определенном этапе развития производительных сил в первобытном обществе. Известный советский исследователь форм хозяйства палеолита С. Н. Замятин относил возможность появления этой формы разделения труда к грани между нижним и верхним палеолитом, связывая ее с совершенствованием орудий производства той эпохи¹³.

Характерно, что когда археологическая наука еще только зарождалась, мысль о зависимости физиологического разделе-

ния труда от производительности труда была высказана классиками марксизма в связи с их высказываниями по поводу естественно возникающего разделения труда «вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве»¹⁴, в результате развития хозяйства первобытной эпохи.

На заре человеческого общества, как свидетельствуют данные археологии и этнографии, в охоте на крупную дичь принимал участие весь охотничий коллектив. Но «с переходом охоты в руки мужчин,— писал С. Н. Замятин,— обязательное участие женщин в ней сохраняется лишь в обряде, выполняемом или самими женщинами, или их заменяющими скульптурками из мамонтовой кости или мягкого камня»¹⁵.

Дифференциация мужского и женского труда была большим шагом в развитии первобытного производства, она повела к развитию специализации мужчин в охоте, а женщин — в обработке ее продуктов и собирании растительных продуктов. Вместе с половым разделением труда появляются специализированные орудия мужского и женского труда. Специализация же орудий труда способствовала совершенствованию продукта и его производителя.

В этом естественно сложившемся «на чисто физиологической почве» разделении труда, К. Маркс справедливо видел одну из исходных точек развития общественного разделения труда¹⁶. Вызванный им прогресс в производстве повел к возникновению второй формы, тоже естественно возникающего, разделения труда между отдельными племенами вследствие дифференцированности природных условий их обитания. Различия физико-географических условий создавали материальные предпосылки для специализации отдельных племен и для возникновения взаимного обмена продуктами между ними. Но реализация этих предпосылок стала возможной лишь на определенной ступени развития производительных сил в первобытном обществе. Как убеждают нас исследования С. Н. Замятина, лишь «в мезолите впервые уровень развития техники позволяет отдельным племенам варьировать формы хозяйственной деятельности в зависимости от природных условий. Впервые возникают наряду с охотничьими племенами также племена рыболовецкие и собирателей съедобных моллюсков»¹⁷. Так постепенно создавалась материальная основа для возникновения уже в неолите обмена между различными племенами.

Развитие обмена, установление его регулярности повели к возникновению общественного разделения труда между прежде независимыми племенами. Так через обмен устанавливается общественное разделение труда, способствовавшее дальнейшему развитию производительных сил. Это был качественно новый этап общественного разделения труда, на котором, по словам

Ф. Энгельса, «обмен вытесняет также и внутри общины первоначальное, стихийно сложившееся разделение труда»¹⁸.

В физиологическом разделении труда между полами и возрастами и естественно выросшем из дифференцированности природы разделении труда между общинами Маркс справедливо видел две противоположные исходные точки развития общественного разделения труда¹⁹.

Именно дифференцированность природных условий дала толчок развитию активного обмена между самыми различными племенами Северной Америки еще в доколониальную эпоху. Свидетельства о нем богато документированы в археологических работах ученых США и Канады. В этнографических описаниях индейских племен также содержатся яркие примеры обмена между племенами охотников и рыболовов, охотников и земледельцев в раннеколониальный период и смены его торговыми отношениями индейцев с колонизаторами. Неизбежным следствием развития обмена было постепенное превращение продуктов труда в товары. По мере проникновения товарных отношений в экономику родового коллектива мужской труд становился товаропроизводительным и мужчина начал выступать в качестве собственника своего продукта-товара. Это было основой становления патриархальной семьи, в которой женщина превращалась постепенно в эксплуатируемую и бесправную часть.

По мере развития обмена и общественного разделения труда общественные отношения постепенно отделяются от естественных и подчиняют их себе. На всех последующих этапах развития первобытного общества специализация занятий по полу и возрасту постепенно подчиняется общественному разделению труда и определяется его характером, труд выступает уже, по словам К. Маркса, как отчужденная и отрешенная форма человеческой деятельности как родовой деятельности²⁰. Эта форма общественного разделения труда и определяет в дальнейшем взаимоотношения полов внутри семьи, формы брака и семьи.

Наглядные примеры процесса развития общественного разделения труда прослеживаются у отсталых охотничьих племен Северной Америки, вовлекавшихся в течение XVII—XIX вв. в европейскую меховую торговлю. Вследствие этой торговли ведущим в индейском хозяйстве становился промысел шкурок пушного зверя, приобретших значение товара. Мужчина-охотник стал производителем товара. Значение же женского труда в этом промысле становилось минимальным, оно ограничивалось иногда лишь первичной обработкой шкурок. По мере роста товарности индейского хозяйства домашняя «обрабатывающая промышленность», бывшая женской отраслью труда, приходила в упадок. Изготавливавшиеся прежде женщинами одежда и обувь стали покупать на вырученные за шкурки деньги. В связи с

этим общественное значение женского труда падало, ее домашний труд превращался лишь в слабый привесок основного труда зверолова, который выступал в роли собственника продукта своего труда и кормильца семьи. Это-то и стало определяющим фактором обособления малой семьи как экономической единицы и развития в ней патриархальных норм.

Вовлечение индейцев в качестве поставщиков мехов в капиталистическую экономику означало установление общественного разделения труда между торговым капиталом и эксплуатируемыми им индейцами-звероловами. Оно-то и определяло развитие форм индейской семьи и характер распределения труда между полами и возрастами в индейском хозяйстве на протяжении последних трехсот с лишним лет. Между тем авторы теорий об изначальном охотничьем патриархате игнорируют развитие этих новых социально-экономических отношений в индейском обществе и пишут об определяющем значении полового разделения труда.

В этнографических монографиях мы часто встречаемся с таким явлением, когда наряду с ярким и детальным документированием обмена между племенами, описанием специализации отдельных племен полностью игнорируется значение этих явлений в социальной жизни этих племен. Описания торговли и разделения труда у народа или племени даются обычно в различных разделах монографий, и в последнем разделе речь обычно идет лишь о разделении труда между полами, тогда как в условиях развивающегося обмена так называемое половое разделение труда представляет собой по существу лишь распределение труда внутри семьи, при котором женский труд по ведению домашнего хозяйства по сравнению с промысловым трудом мужчины теряет свое общественное значение.

В «экономическом детерминизме» такого рода игнорируются также и социально-экономические последствия выделения ремесла, появления рабства, проникновения скотоводства в охотничьи и земледельческие общества. Между тем яркие примеры этому дает история индейских племен североамериканских прерий, перешедших в течение XVIII в. от пешей охоты или мотыжного земледелия к коневодству и конной охоте на бизонов. Эти новые виды производства повлекли за собой коренные изменения в социальной жизни указанных племен. Однако в этнографических монографиях об этих племенах неизменно речь идет о половом разделении труда как факторе, определяющем их социальные институты (фактически семейно-родственные отношения).

Сводя разделение труда к одной физиологической его форме, некоторые авторы обычно и эту последнюю трактуют далеко не полно — лишь как разделение труда между полами и очень редко учитывая разделение его по возрастам. Между тем, напри-

мер, у индейцев прерий разделение труда по возрастам проявилось наиболее ярко в форме возрастных мужских обществ, приобретших позднее специфическое значение институтов становления военной демократии.

Переоценка авторами роли физиологического разделения труда помешала им увидеть в выделении шаманов, знахарей и жрецов у описываемых ими племен определенный этап развития общественного разделения труда. К. Маркс и Ф. Энгельс справедливо видели в этих категориях лиц первых идеологов в истории человечества и придавали огромное значение их появлению. «Разделение труда,— писали они,— становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда», и отмечали в примечании, что «с этим совпадает первая форма идеологов — попы»²¹. Огромное количество этнографических материалов о роли шаманов и жрецов в индейских обществах прекрасно подтверждает верность этого положения.

В общем можно заключить, что попытки «экономического» объяснения направлением хозяйства и половым разделением труда общественных институтов у различных племен и народов оказались бесплодными. Не случайно сами авторы этих теорий вынуждены признать, что имеющиеся этнографические материалы о социальной жизни различных племен и народов не укладываются в их схемы «экономического детерминизма»²². Материалы Д. Аберле и К. Гауф, собранные о матрилинейных земледельческих обществах, и их попытка проверить на этих материалах гипотезы о половом разделении труда как определяющем факторе не дали, как пишет Д. Аберле, «буквально никаких результатов»²³.

Неудачи авторов в решении поставленной ими задачи «экономического» объяснения социальных институтов являются неизбежным следствием игнорирования ими роли развития производительных сил и отношений собственности в истории общественной жизни народов. Правда, Г. Драйвер и У. Массей как будто отступают от этой традиции и вносят в свою схему проблему собственности, но ограничивают ее формами землевладения, не учитывая собственности на орудия и продукт труда. Кроме того, их попытка выведения форм собственности на землю из локальности брачного поселения не является сколько-нибудь убедительной. Приводимые самими авторами фактические материалы опровергают их теоретические выводы. Множество этнографических фактов говорит о том, что у племен с материнско-родовой организацией наиболее полно проявляются начала коллективной собственности, в то же время история богата примерами того, что общинная собственность на землю сохраняется очень долго наряду с господствующей уже в обществе частной собственностью на другие средства производства,

орудия и продукт труда, которая и определяет саму локальность брачного поселения. Теперь уже не только марксисты признают зависимость семейно-брачных отношений от отношений собственности.

Таким образом, физиологическое разделение труда между полами и возрастами — явление стадияльное и универсальное. Анализируя его значение в жизни различных народов, мы всегда должны учитывать его исторически преходящий характер и изменения в общественном значении самой специфике работ, выполняемых тем или иным полом или возрастной группой в зависимости от уровня развития производительности труда в том или ином обществе. Например, приготовление пищи у большинства отсталых народов мира было уделом женщин, но у полинезийцев и атапасков Аляски оно было некогда мужским занятием. Женщины являются основными земледельцами лишь на ранних этапах земледелия, позднее оно становится мужским занятием. Хотя ткачество у большинства народов возникает как женское занятие, но нередки примеры того, когда ткачами являются мужчины. Гончарство возникает как женское занятие, но с появлением гончарного круга становится делом мужчин.

Все эти факты говорят о том, насколько ошибочно с одной меркой полового разделения труда подходить к народам с различными историческими судьбами и стоящим на различных уровнях социально-экономического развития. Первобытное общество в своем развитии, как известно, проходит ряд этапов, и различные ступени его развития характеризуются различными степенями развития разделения труда, отражающими ход развития производительных сил.

Только на основе анализа существующих в данном обществе форм общественного разделения труда и отношений собственности можно понять, почему у одних охотничьих народов этнографы устанавливают матрилокальность и матрилинейность, а у других — господство патриархальных норм. У одних мотыжных земледельцев — материнско-родовой строй, а у других, как, например, майя, — раннеклассовое общество.

Очевидно, «экономические» теории американских исследователей представляют собой новую попытку доказать изначальность патриархальной семьи и обосновать на материале по этнографии американских индейцев ошибочность учения о первичности материнского рода в истории общества. По существу же эти теории не являются новыми. Они развиваются в русле взглядов апологетов патриархальной теории культурно-исторической школы как немецкой, так и современной венской. Как известно, и те и другие связывают материнский род с мотыжным земледелием, наличие же его у неземледельческих племен объясняют заимствованиями. Патриархальные отношения считаются характерными для наиболее отсталых охотничьих племен.

Материнский род и отцовский могут возникнуть и развиваться якобы параллельно у различных народов в зависимости от направления хозяйства, и между ними нет никакой исторической преемственности. Тезис о параллельности матриархата и патриархата, являющийся основным положением антиморгановской и антимарксистской этнографии, не является, однако, оригинальным изобретением ни американской «исторической» школы, ни европейской культурно-исторической школы, он еще в 1886 г. был выдвинут датским ученым К. Старке и развивался в работах Гребнера и Кунова.

Постулируя в качестве исходной социальной единицы семью и отрицая род как экономическую единицу первобытности, авторы тем самым игнорируют глубокие качественные различия между первобытнокоммунистическими основами родовой экономики и основанным на началах частной собственности хозяйством семьи.

В родовом обществе естественное разделение труда возникает на основе неразвитости производительных сил и обусловленного этим коллективизма в производстве и распределении. Здесь не было основ для господства одного пола над другим, труд мужчин и женщин был распределенным в общине коллективным трудом и продукт его являлся общей собственностью. Общественное и естественное в этой форме разделения труда выступает в единстве.

По мере развития общественного разделения труда через обмен между общинами происходит разрыв этого единства. Общественное разделение труда постепенно подчиняет себе естественное. Превращение под влиянием обмена коллективного труда в частный и появление частного присвоения продукта труда создают основу для развития патриархата. И именно патриархата, так как промысловый труд мужчины раньше всего становится товаропроизводящим.

Безусловно прав был Л. Г. Морган, связывавший становление патриархальных норм и моногамной семьи с развитием отношений частной собственности. Все большее количество этноисторических исследований подтверждает теперь эти выводы Моргана, получившие свою законченную разработку в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 20.

² R. Lowie. Primitive society. N. Y., 1921.

³ G. P. Murdock. Social Structure. N. Y., 1949.

⁴ H. Driver and W. Massey. Comparative Studies of North American Indians. «Transactions of the American Philosophical Society», vol 47, pt. 2. Philadelphia, 1957.

⁵ J. B. Griffin. Culture periods of the Eastern United States. «Archaeology of the Eastern United States». Chicago, 1952, p. 354.

- ⁶ H. Driver and W. Massey. *Op. cit.*, p. 364—370.
- ⁷ E. Leacock. The Montagnais «hunting territory» and the Fur Trade. Menasha, 1954.
- ⁸ H. Driver and W. Massey. *Op. cit.*, p. 425.
- ⁹ «The Jesuit Relations and allied documents. Travels and explorations of the Jesuit Missionaries in New France, 1610—1791», 71 vols. R. G. Thwaites (ed.). Cleveland, 1906.
- ¹⁰ R. McKennan. The Upper Tanana Indians. New Haven, 1959; *Idem*. The Chandalar Kutchin. New Haven, 1965, p. 116.
- ¹¹ Б. О. Долгих, Ю. Б. Симченко. Личные сообщения.
- ¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 20.
- ¹³ С. Н. Замятин. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. «Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. 54. М.—Л., 1960, стр. 107.
- ¹⁴ См., например: К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1953, стр. 359 и др.
- ¹⁵ С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 108.
- ¹⁶ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 359.
- ¹⁷ С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 108.
- ¹⁸ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 165.
- ¹⁹ См.: К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 359.
- ²⁰ См.: К. Маркс. Подготовительные работы для «Святого семейства» К. Маркса и Ф. Энгельса. Сочинения, т. III, стр. 665.
- ²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 30.
- ²² H. Driver and W. Massey. *Op. cit.*, p. 425.
- ²³ «Matrilineal Kinship». D. M. Schneider and K. Gough (eds). Berkeley and Los-Angeles, 1961, p. 705.

Русские мореплавания к берегам Америки после Беринга и Чирикова

Открытие Северо-Западной Америки В. Берингом и А. Чириковым летом 1741 г. составляет замечательную страницу в героической летописи русского флота. Научный подвиг русских моряков способствовал решению многих вопросов, волновавших ученых в течение веков. Прежде всего была опровергнута легенда о Земле де Гамы, Земле Компании. Было доказано, что Большая Земля не остров, а материк. Русские мореплаватели получили более точные данные о географическом положении Японии и нанесли на карту побережье от Архангельска до Камчатки, Курильские и Алеутские острова, берега Америки и т. д.

Географические открытия, сделанные Берингом и Чириковым, привлекли к себе внимание западноевропейских ученых, пристально следивших за деятельностью русских экспедиций. Особый интерес к этому вопросу проявляла Парижская академия наук. 8 апреля 1750 г. она заслушала доклад Делиля о его карте северной части Тихого океана, составленной по материалам обеих Камчатских экспедиций. «Я собираюсь,— сказал французский ученый,— изложить об открытии всех земель и морей, сведения о которых я получил за мое долгое пребывание в России и после приезда во Францию». Карта, как пишет он, академией «была принята с одобрением»¹.

Несмотря на известную тенденциозность доклада, в нем отдавалось должное заслугам русских моряков. Работы Делиля, хотя и не были точны в освещении отдельных деталей истории географических открытий на Тихом океане, в целом способствовали распространению в Западной Европе научных сведений о Северо-Восточной Азии и Америке.

В новейшее время первооткрывателям Северо-Западной Америки большое внимание уделил американский историк Гольдер, который в 1914 г. опубликовал журнал пакетбота «Св. Петр» и другие документы о плавании Чирикова и Беринга к берегам Америки².

Высоко оценивая итоги экспедиции Беринга, Гольдер писал: «...Двадцать пять лет ушло на попытку разгадать тайны северной части Тихого океана и Арктики. Многие из них были разгаданы. Было доказано... что Новая Земля не полуостров, что Азиатский берег простирается гораздо дальше на восток, чем предполагалось раньше, что Терра де Иезо, Земля Компании и Земля де Гамы не существуют в таком виде, в каком их изображали картографы, и что Япония — остров». Далее американский историк отмечает, что экспедиции Беринга не удалось решить окончательно вопроса о существовании пролива между Азией и Америкой. Но этот вопрос позднее (1821—1823 гг.) решил Фердинанд Врангель. «Итак,— подчеркивает Гольдер,— в конце концов Россия решила эту проблему, и ей принадлежит эта честь».

Говоря о научных результатах экспедиции, современный английский историк Дж. Бейкер пишет: «Этими путешествиями были решены все важнейшие проблемы северной части Тихого океана в той мере, в какой они были предусмотрены данным Берингу заданием»³.

Для русских ученых история открытия Северо-Западной Америки всегда была предметом особого научного интереса. В его изучении выдающуюся роль сыграли многие русские ученые.

М. В. Ломоносов высоко оценил итоги Камчатских экспедиций. Он считал, что эти экспедиции не только выполнили крупные научные задачи, но и заложили прочные основы для последующих исследований Тихого океана. Великий ученый подчеркивал, что Камчатские экспедиции принесли много пользы, «изведав и описав почти все берега сибирские, чего бы нам без их походов знать было невозможно, и сверх того подали пример, что впредь с лучшим основанием и порядком воспоследовать желаемого исполнения»⁴.

Картографические работы, выполненные Чириковым, Лаптевым и многими другими, оказались настолько точными, что спустя почти сто лет исследователи Арктики Врангель, Анжу, Миддендорф внесли лишь небольшие уточнения. Лишения и труды, перенесенные мореплавателями, как справедливо заметил Бэр, «навсегда останутся памятниками мужества русских»⁵.

В первое двадцатилетие Советского государства в нашей стране внимание к русским открытиям на Тихом океане было ослаблено.

Исследования, книги, статьи, посвященные морским плаваниям, опирались на ограниченный круг источников. В результате образовался серьезный пробел в изучении проблемы, имевшей большое научное значение. Но за последние 20—25 лет этот пробел в значительной мере заполнен. Начало интенсивной разработке истории географических открытий русских было положено в годы Великой Отечественной войны.

Из многочисленных монографий, документальных публикаций, статей и научных сообщений⁶, освещающих различные аспекты русских тихоокеанских экспедиций, особое место занимают работы члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова⁷. В его монографиях, опирающихся на большую историкогеографическую базу, показано научное значение русских географических открытий на Тихом океане, которые рассматриваются в связи с экономическими и политическими условиями того времени. Подобный подход он применил к исследованию первой и второй Сибирско-Тихоокеанских экспедиций и других экспедиций XVIII в. после великих открытий Беринга и Чирикова.

Научная объективность трудов А. В. Ефимова, основанных на привлечении широкого круга ранее неизвестных источников, получила признание советских и зарубежных ученых. Американский историк Пирсон в рецензии на книгу А. В. Ефимова «Из истории русских экспедиций на Тихом океане» оценивает ее «как образец тщательного, глубоко научного анализа сырого материала науки». И далее Пирсон пишет, что «западные ученые нигде не дали адекватного признания русских достижений и исследований Сибири и Тихого океана»⁸.

Открытие Северо-Западной Америки явилось очень важным итогом огромных усилий русских ученых и моряков, а также крестьян Сибири и Дальнего Востока, снабжавших мореплавателей продовольствием и всевозможными материалами.

И все же после открытия Америки многое еще было неясно. Так, например, оставалось сомнение относительно существования пролива, отделяющего Азию от Америки. Местные сибирские власти проявляли особый интерес к той части Северо-Западной Америки, которая лежит против «Чукотского носа» и не обследована ни Берингом, ни Чириковым. Было решено снарядить новую экспедицию. Инструкция Охотской канцелярии на имя капитана Шпанберга от 20 апреля 1743 г. определяла ее задачи и рекомендовала ему назначить начальником экспедиции офицера, обладающего хорошими теоретическими и практическими познаниями в области морского дела и умеющего точно нанести на карту обследованные места⁹.

Экспедиция интенсивно готовилась к походу: обстоятельно изучались материалы плавания Федорова и Гвоздева к берегам Америки в 1732 г., подбирались люди, были составлены карты первого плавания русских к берегам Америки и обобщены другие материалы этого знаменитого путешествия. Но в 1745 г. подготовка второй сибирско-тихоокеанской экспедиции была прекращена по высочайшему указу.

Однако после этого продолжались плавания в Тихий океан. Более того, они стали систематическими. Морской путь, связывавший Камчатку с Америкой, как справедливо отметил проф. С. Окунь, постепенно становится весьма оживленным

трактом¹⁰. По следам Беринга и Чирикова двинулись промышленники. Если вначале район промыслов пушнины не распространялся далее Командорских островов, то теперь суда промышленников все дальше продвигались на восток. У многих из них была и бескорыстная страсть к открытию новых стран, новых народов. Московские и устюжские, тверские и курские, иркутские, якутские и прочие купцы отправлялись для «проезды новых земель».

Эти смелые люди внесли значительный вклад в историю географических открытий в северной части Тихого океана, собрали ценные этнографические материалы о жителях островов Тихого океана. Многие острова ими были нанесены на карты, которые не отличались точностью, но способствовали изучению северной части Тихого океана. Адмиралтейская коллегия положительно оценивала карту Алеутских островов купца Шилова, «ибо хотя она не может похвастаться за точную и совершенно на правилах мореописания основанную, однако для первых начал довольно изрядную»¹¹.

Более того, успехи промышленников в географических открытиях вновь вызвали самый живой интерес у правительства. В 1753 г. (к этому именно времени относятся важнейшие открытия промышленников) была возобновлена деятельность Второй Камчатской экспедиции. Ее возглавил сибирский губернатор В. А. Мятлев, в прошлом моряк. Через пять лет его сменил адмирал Ф. И. Соимонов, находившийся с 1740 г. в сибирской ссылке. С 1758 по 1763 г. по его плану было проведено несколько экспедиций по исследованию островов Северного Ледовитого океана, Алеутских и Курильских островов.

Соимонов разработал планы экономического освоения Сибири и Дальнего Востока, много сделал для распространения там земледелия и скотоводства. Выдающийся политический деятель, он глубоко понимал, что дальнейшие успехи в исследовании и хозяйственном освоении открытых русскими Курильских, Алеутских островов и Северо-Западной Америки возможны лишь на экономически развитой базе Сибири и Дальнего Востока. Поэтому он развернул кипучую деятельность для решения этой задачи.

В 1760 г. Соимонов направил в сенат доклад, содержащий предложение об организации правительственной экспедиции для исследований в Тихом океане. Это предложение было одобрено лишь в марте 1764 г.

В том же году была начата подготовка экспедиции капитанов П. К. Креницына и М. Левашова. Перед ней была поставлена задача закрепления за Россией открытых к тому времени островов в Тихом океане и их освоение. Подготовка экспедиции, ее цели и район ее деятельности держались в глубокой тайне. Для маскировки подлинных целей экспедиции было решено именовать ее комиссией.

Экспедиция в составе двух судов в течение 1768—1769 гг. обследовала Алеутские острова, составила их карту, собрала много интересных сведений по географии, этнографии, зоологии, ботанике, климатологии. Большую ценность имеет составленный во время экспедиции альбом зарисовок видов и жителей Алеутских островов.

В 1764 г. по предложению М. В. Ломоносова была организована экспедиция под начальством адмирала В. Я. Чичагова. Экспедиции ставилась задача проложить морской путь из Архангельска через Берингов пролив к Восточной Индии и Аляске. М. В. Ломоносов, обосновывая идею организации этой правительственной экспедиции, писал: «Северный океан есть пространное поле, где усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою чрез изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку»¹². Экспедиция Чичагова, несмотря на ее неудачу, отражала неуклонное стремление передовых деятелей России найти возможности для установления экономических связей с Китаем, Японией и Индией, которые с давних времен привлекали внимание русских. В этой связи необходимо коротко сказать еще об одном примечательном факте, выпавшем из поля зрения историков русского мореплавания.

В 1762 г. группа офицеров русского флота была направлена в Англию для ознакомления с порядками на английском флоте. По ходатайству русского посла в Лондоне А. Р. Воронцова в 1763—1764 гг. мичман Полубояринов и унтер-лейтенант Козляников на английском корабле «Спикей», снаряженном Ост-Индской компанией, совершили плавание в Бразилию и Бомбей. Во время этого плавания Полубояринов вел журнал, содержащий любопытные сведения об этих странах¹³. Полубояринов первым из русских побывал в Бразилии и сообщил много интересного об этой стране, ее природных условиях и народе, сравнительно подробно описал г. Сабастиян¹⁴. Он сделал интересные наблюдения в Индии, сообщив много новых сведений о ее трудолюбивом народе. Не меньшую научную ценность представляют его заметки о навигационных условиях плавания в Атлантическом и Индийском океанах.

Высокую оценку получила карта путешествия, составленная Полубояриновым. Его журналом и картой широко пользовались русские моряки во время кругосветных плаваний.

В связи с географическими открытиями русских в северной части Тихого океана и первыми шагами по хозяйственному освоению американского побережья Англия, Испания и другие западноевропейские державы предпринимают меры для того, чтобы лишить Россию ее владений в указанном районе. В 1774—1775 гг. три испанских экспедиции побывали в водах Северо-Западной Америки. Четыре года спустя де ла Бodega-Куадро дошел до залива Аляска, повторив маршрут Чирикова.

В 1778 г. у берегов Аляски появилась английская экспедиция Кука. Она наносила на карту под английским названием не только собственные географические открытия, но и земли и острова, задолго до этого открытые русскими. Кук не считался с тем, что во многих местах встречал русских промысловиков.

Спустя восемь лет после Кука у берегов Северо-Западной Америки появилась экспедиция Лаперуза. Она заходила в бухту Льюа.

Русское правительство, встревоженное действиями западных держав, 22 декабря 1786 г. решило послать к берегам Аляски и Курильским островам эскадру. Во главе ее был поставлен энергичный, превосходно образованный 29-летний капитан 1-го ранга Г. И. Муловский. Эскадра из пяти вооруженных кораблей должна была совершить кругосветное плавание из Кронштадта к Курильским островам, к берегам Японии и Аляски. Она предназначалась для защиты земель, «российскими мореплавателями открытых». Академику П. С. Палласу, назначенному в связи с организацией этой экспедиции главным историографом флота, поручалось привести в надлежащий порядок журналы «бывших и нынешних плавателей штурманов и в сочинении карт».

Перед экспедицией были поставлены большие задачи: доставить материалы для намечавшегося к постройке Удинского порта; познакомиться с местными народами, условиями их жизни, быта, обычаями, хозяйственной деятельностью. Муловский должен был также описать Курильские и Алеутские острова, Аляску и все прочие места, куда предстояло зайти русским морякам. Для установления торговых отношений с алеутами и курильцами, а также для «первоначального опыта торговли с китайцами и японцами велено было подготовить разные товары»¹⁵.

У Сандвичевых островов экспедиции предлагалось разделить: одному кораблю идти в Петропавловск, двум кораблям — к Курильским островам, а остальным — к Аляске.

К осени 1787 г. экспедиция была тщательно подготовлена. Однако начавшаяся русско-турецкая война заставила русское правительство отменить многообещавшее плавание¹⁶.

Несостоявшаяся экспедиция Муловского была попыткой реализации проекта Н. Ф. Головина об организации кругосветного плавания, предложенного правительству в 1732 г.¹⁷ По широте замысла и грандиозности научной программы, намечавшей проведение исследований тех районов Тихого океана, которые еще никогда не входили в программы прежних морских путешествий, она занимает особое место в истории отечественного мореплавания XVIII в.

Через 12 лет предложение об организации кругосветной экспедиции внес И. Ф. Крузенштерн. В 1803—1806 гг. она была блестяще осуществлена Крузенштерном и Лисянским. Эта экспедиция положила начало целой серии кругосветных экспедиций

русского флота в первой половине XIX в., сыгравших выдающуюся роль в изучении Мирового океана.

Еще до решения об организации первой кругосветной экспедиции 8 августа 1785 г. указом императрицы была учреждена северо-восточная секретная экспедиция, во главе которой был поставлен капитан 2-го ранга Иосиф Биллингс, участвовавший в качестве юнги в третьем путешествии Кука. Первоначально перед экспедицией была поставлена задача обойти с запада северо-восточную оконечность Азии и доказать возможность плавания из Ледовитого в Тихий океан. Это должно было рассеять существовавшие сомнения относительно того, что Азия отделяется от Америки проливом.

В разработке программы экспедиции, как и знаменитой экспедиции Беринга и Чирикова, участвовала Академия наук. Среди многих научно-исследовательских задач инструкция Академии наук предписывала Биллингсу «собирать все, что касается до нравов, разных обычаев, языков, преданий, древностей»¹⁸. Экспедиция была снабжена специальной лингвистической инструкцией.

24 июня 1787 г. на судах «Яшна» и «Паллас», специально с большим трудом построенных, Биллингс и Сарычев безуспешно пытались из устья Колымы пробиться через мощные льды в Тихий океан. От продолжения плавания пришлось отказаться.

Биллингс направился в Якутск, где задержался на длительное время. Между тем иркутский генерал-губернатор Иван Пиль получил известие о выходе к берегам Камчатки шведского капера «Меркурий», снаряженного на средства английского правительства. В это время основные силы и средства русское правительство сосредоточило на Черном и Балтийском морях. Англия решила воспользоваться этой ситуацией, чтобы вытеснить Россию с Тихого океана, лишить ее земель, открытых русскими мореплавателями.

Правильно оценив обстановку на Дальнем Востоке в связи с экспансионистскими замыслами Англии и других западных держав, Пиль принял энергичные меры по приведению всех имевшихся в то время сил в полную готовность для отражения возможного нападения на русские дальневосточные земли.

Специальным нарочным Пиль направил приказ Биллингсу при обнаружении шведского капера решительно преследовать его¹⁹.

При встрече с иностранными судами Биллингсу предписывалось соблюдать осторожность, осмотрительность и проявлять высокую бдительность. Непосредственные действия следовало начинать только после того, как точно установлено подлинное намерение иностранных судов.

Ему было приказано также соединиться с судами промышленников; суда последних могли выходить в море «не иначе

как вооруженными, хотя по несколько пушек и потребных к оным снарядам»²⁰.

Следовательно, теперь главная задача экспедиции Биллингса и Сарычева состояла в том, чтобы не допустить нападения иностранных кораблей на берега Камчатки и Алеутские острова, Аляску и т. д. Одновременно экспедиция вела значительные научные работы.

В 1790 г. Сарычев обстоятельно исследовал Алеутские острова, побывал у американского побережья, обследовал Чугацкий залив. В мае следующего года экспедиция вышла из Авачинской бухты. Вначале она посетила о-в Уналашка, а затем взяла курс на север. Биллингс и Сарычев обследовали острова Прибылова, о-в св. Матвея и о-в Лаврентия. Затем русские мореплаватели обогнули восточный берег Берингова пролива. Высадившийся с частью экипажа на Чукотский берег Биллингс составил обстоятельное описание Чукотской Земли, а Сарычев направился к о-ву Уналашка, чтобы описать Алеутские острова.

Экспедиция собрала богатейшие материалы по географии, этнографии и лингвистике Алеутских островов, Аляски и Чукотской Земли. Журнал путешествия отличается богатством содержания, точностью изложения, необычайной широтой описываемых явлений, которые наблюдал мореплаватель, яркостью и живостью изложения.

Географическое описание островов, на которых побывала экспедиция, имело целью помочь будущим мореплавателям безопасно совершать морские походы к Алеутским островам и берегам Аляски в необычайно сложных навигационных условиях северной части Тихого океана. Экспедиция дала практические советы, какими курсами кораблям лучше всего ходить. Характеризуя острова Шумагина, Биллингс в своем журнале сделал следующую любопытную запись: «По большей части сии острова окружены камнями где открытыми, а где потаенными и далеко под водою простирающимися в море. На самих берегах и вдоль их примечается повсюду сильный бурун, который предохраняет мореплавателей от опасного к ним приближения; а хотя кое-где видны отверстия, будут какие-нибудь бухты, а может быть и заливы, однако не советую никому туда идти не зная фарватера. Пролива между ими не примечено, где бы судно могло пройти без явной опасности, а лучше ехать к югу или от юга на север тем проливом, который отделяет сии острова от матерой земли»²¹.

Экспедиция Биллингса и Сарычева способствовала дальнейшему расширению связи русских людей с жителями Аляски, Кадьяка и Алеутских островов. В одном из рапортов Пиллю Биллингс описал встречу с американцами: «Прошлого 1791 г.,— сообщал он,— имел я пристань в Северо-Восточной Америке, где выезжал на берег и имел свидание с американцами, коих

было весьма немалое число. Из них один... довольно со мною разговаривал и изъявлял упомянутых американцев желание иметь с российскими народами дружественное обхождение»²².

В этом же рапорте Биллингс писал о тяжелом положении чукчей, алеутов, которые подвергались безжалостной эксплуатации и насилию со стороны промысловников и администрации; он не только сочувствовал аборигенам, но и настойчиво добивался решительных мер по пресечению произвола и ограждения их человеческого достоинства.

Биллингс описал о-в Кадьяк, его «возвышенные горы, имеющие верхи, покрытые снегом», небольшие долины на его западной стороне, ширину и глубину пролива между островами, лежащими против западной стороны Кадьяка, а также внешний вид жителей, их платья, обряды, оружие, и средства рыбной ловли и охоты.

* * *

Русские морские экспедиции к берегам Америки во второй половине XVIII в. совершались в сложной международной обстановке. Продолжались англо-французские войны за колонии. Все явственнее обнаруживались попытки западных держав к расширению сферы своего господства и в северной части Тихого океана. В этот же период вступила в решающую фазу борьба России за выход на Черное море. Закреплялись завоеванные ранее позиции на Балтийском море. Англия, Франция и другие страны пытались использовать неблагоприятную для России обстановку для усиления экспансии на Дальнем Востоке. Возраставшая угроза дальневосточным землям России оказала влияние на программы правительственных экспедиций, придав им ярко выраженный политический и военный характер. Тревога правительства России за безопасность дальневосточных земель была совершенно обоснованной. Если отдельные английские и французские корабли совершали плавания к Берингову проливу и к берегам Аляски, то не исключена была возможность появления у берегов Камчатки и в других районах русского Дальнего Востока целых эскадр. Опыт колониальных войн показывал, что отдаленность от объекта нападения перестала быть преградой для западноевропейских государств.

Особенно большой интерес к Аляске, Алеутским островам и другим землям, открытым русскими моряками в северной части Тихого океана, проявляли английские колонизаторы.

А так как, согласно существовавшему международному праву земли, открытые тем или иным государством, становились его собственностью только в том случае, если на них имелись силы, способные обеспечить их безопасность, или если они осваиваются в хозяйственном отношении, России необходимо было быстро принять эффективные меры в этом направлении.

Однако интересы хозяйственного освоения и использования огромных естественных богатств в северной части Тихого океана, развития промыслов, мореплавания требовали всестороннего и детального изучения островов Тихого океана, подробного их географического описания и картирования, изучения навигационных и гидрологических условий плаваний.

Важнейшими результатами экспедиций, осуществленных русскими в XVIII в., и было составление подробных географических карт, на которых помимо открытых земель, указывались глубины, точно описывались течения, направление и сила ветра и т. д. Работы по составлению новых и уточнению существовавших карт проводились и во время кругосветных путешествий русских моряков в начале XIX в. Начало этой работы было положено русскими пионерами в исследовании северной части Тихого океана.

- ¹ ЦГАДА, ф. Портфели Миллера, 553, д. 7, л. 4.
- ² F. A. Golder. Berings' Voyages. In two volumes. N. Y., vol. 1, 1922; vol. 2, 1925, p. 328.
- ³ Дж. Бейкер. История географических исследований и открытий. М., 1950, стр. 192.
- ⁴ М. В. Ломоносов. Соч., т. VII. Пг., 1914, стр. 373, 374.
- ⁵ К. М. Бэр. Заслуги Петра Великого по части географического познания. «Записки русского географического общества», ч. III и IV, 1848, стр. 245.
- ⁶ А. И. Андреев. Экспедиция Беринга. «Известия ВГО», т. 75, вып. 2, 1943; А. И. Алексеев. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1959; М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I. М., 1956; В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960; Д. М. Лебедев. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки, с приложением судового журнала, 1741, М., 1951; и др.
- ⁷ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1950; «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. XVII—XVIII вв.». М., 1964.
- ⁸ P i r s o n. Far Eastern Quarterly Review, vol. XVII, № 1, 1952.
- ⁹ ЦГА ВМФ, ф. Беринга, д. 53, л. 745.
- ¹⁰ «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке...». М., 1946, стр. 171.
- ¹¹ С. Окунь. Российско-американская компания. М., 1939, стр. 10.
- ¹² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1952, стр. 605.
- ¹³ «Журнал путешествия мичмана Полубояринова в Индию с 1763—1764 гг.». «Тр. Ин-та истории естествознания и техники», т. 27, 1959.
- ¹⁴ Там же, стр. 298.
- ¹⁵ «Материалы для истории русского флота», т. XII, стр. 197.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ «Тр. Ин-та истории естествознания и техники», т. 32, 1960, стр. 339.
- ¹⁸ Л. Я. Штернберг. Этнография. В кн. «Тихий океан, русские научные исследования». Л., 1926, стр. 152.
- ¹⁹ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XXIV, д. 64.
- ²⁰ Там же, л. 160.
- ²¹ Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина. Рукописн. отд. Журналы Биллингса, л. 145.
- ²² ЦГА ВМФ, ф. Биллингса, д. 62, л. 11, 12.

Русские проекты поисков северо-западного морского прохода

Русские экспедиции для поисков северо-западного морского прохода довольно подробно освещены в работах М. И. Белова, И. П. Магидовича, В. А. Есакова, А. И. Соловьева и других советских исследователей. В этой статье предпринята попытка рассмотреть обнаруженные в архивах проекты русских моряков и ученых, в которых идет речь об организации поисков сообщения между Тихим и Атлантическим океанами вдоль северных берегов Америки.

Поиски северо-западного прохода были одной из главных проблем полярных исследований в первой половине XIX в., и русская научная общественность проявляла глубокий интерес к решению этой «труднейшей географической задачи»¹.

Следует иметь в виду, что научные представления о северо-западном проходе в это время были весьма противоречивы.

На географических картах конца XVIII и начала XIX в. нередко к северу от Сибири обозначались очертания огромной суши, сведения о которой впервые появляются в донесениях Михаила Стадухина и затем подкрепляются показаниями Андрева, предположениями Сарычева и сообщениями якутских промышленников. Считали, что эта земля, возможно, является частью Америки². Свидетельством таких представлений может служить генеральная карта Российской империи 1807 г., на которой северный берег Америки от Берингова пролива заворачивается на запад и тянется по направлению к мысу Шелагскому, хотя и не соединяется с ним³.

Огромную арктическую сушу можно видеть и на карте секунд-майора Михайло Татаринова, составленной в 1779 г. в Иркутске⁴. На ней отмечена самая северная точка, достигнутая Куком в 1778 г. во время плавания в Ледовитый океан (71° с. ш.). От этой точки пунктиром показано, что американский берег круто поворачивает на запад и тянется почти ровной линией в расстоянии 600—800 км от северных берегов Сибири.

На меридиане Новой Земли он проходит на 83° с. ш. и, приняв строго западное направление, наконец, соединяется с Гренландией. Западный берег Гренландии в свою очередь соединен с Америкой сушей, которую омывает Баффиново море и через которую намечены пролив Ланкастеров и пролив Алдерманов.

В это же время английским моряком Бурнеем была выдвинута гипотеза о существовании перешейка между Азией и Америкой, по поводу которой Джон Барроу писал И. Ф. Крузенштерну в 1817 г.: «Я не уверен, знакомы ли Вы с капитаном Бурнеем, который плавал вместе с капитаном Куком, он считает, что Берингова пролива не существует, а есть какой-то залив, оканчивающийся к северу сушей, которая и соединяет два континента: Азию и Америку. Он говорит, что Миллер неправильно понял Дежнева и что этот офицер не проходил через пролив. Я не знаю, на каком основании он все это вообразил или сделал за такой короткий срок новое открытие»⁵.

Инициаторами первой русской экспедиции для отыскания северо-западного прохода были два выдающихся деятеля первой половины XIX в.: великий русский мореплаватель Иван Федорович Крузенштерн и министр иностранных дел России, государственный канцлер Н. П. Румянцев, израсходовавший значительную часть своих средств на снаряжение научных экспедиций, издание русских древнейших исторических документов, создание блестящего книжного собрания, которое легло в основу нынешней Государственной публичной библиотеки в Москве.

Вскоре после завершения первого русского кругосветного плавания Крузенштерн и Румянцев начали обсуждение вопроса о снаряжении экспедиции для поисков северно-западного прохода. Однако практические шаги по осуществлению этого замысла были сделаны после изгнания Наполеона из пределов России. 25 ноября 1813 г. Крузенштерн направил Румянцеву примерную смету предполагаемой экспедиции, общую стоимость которой он определял в 100 тыс. рублей. Из них 50 тыс.— на постройку судна, 16 тыс.— на жалованье, 10 тыс.— на провизию, 6 тыс.— на инструменты. Остальная часть этой весьма солидной по тем временам суммы могла быть употреблена на экстраординарные расходы и покупку вещей и товаров для обмена на провизию и для подарков народам посещаемых земель⁶.

Через несколько месяцев уже было заказано судно на верфи Або. Его было решено назвать «Рюрик». Командиром корабля назначили лейтенанта О. Е. Коцебу, участвовавшего в первом русском кругосветном плавании.

Экспедиция на «Рюрике», инструкцию для которой написал Крузенштерн, должна была, совершив переход из Крондштадта до Петропавловска-на-Камчатке, предпринять в первую очередь поиски начала северно-западного прохода из Тихого в Ат-

лантический океан. Если льды останоят, Коцебу предписывалось осуществлять поиски его на легких байдарках. Кроме решения научных задач, экспедиция имела и определенные политические цели. Она должна была свидетельствовать о серьезном интересе русского правительства к своим владениям на Чукотке и Аляске и содействовать укреплению его позиций в этих полярных областях.

Безусловно, в первые недели своих исследований в Северном Ледовитом океане Коцебу находился под гипнозом легенды о перешейке, соединяющем Азию с Америкой. Но через несколько дней после окончания описи открытого им огромного залива Коцебу пришел к очень интересному выводу, который выпал из внимания географов. Дело в том, что на обратном пути экспедиция задержалась в Беринговом проливе и выполнила большие океанографические исследования. При этом было отмечено, что «течение моря... беспрестанно идет к северо-востоку» и составляет 3 мили в час.

«Сие ясно доказывает,— писал Коцебу в рапорте на имя морского министра,— что к северо-востоку должен быть пролив ежели не судоходный, то по крайней мере для воды, в противном случае вода не могла бы иметь непрерывного тудя течения». Коцебу одновременно подчеркивал, что прежними мореплавателями отмечено в Баффиновой бухте непрерывное морское течение с севера на юг. На этом основании исследователь утвердительно заявляет о том, что «вода, входящая в Берингов пролив, имеет течение вокруг северной Америки к югу»⁷.

Одновременно Румянцев и Крузенштерн стали обсуждать вопрос об отправке «Рюрика» (по возвращении из плавания) в новую экспедицию для поисков северно-западного прохода. Но на этот раз со стороны Атлантического океана.

25 декабря 1817 г., когда еще «Рюрик» находился в Маниле⁸, Крузенштерн послал письмо Румянцеву, в котором сообщил свои мысли о предполагаемой экспедиции в Баффинов залив:

«Точное исследование сего обширного залива любопытно по двум причинам: во-первых, ежели существует сообщение между Западным и Восточным океанами, то оно должно быть или здесь, или в Гудзоновом заливе. Последний залив осмотрен разными мореплавателями, и хотя есть в оном места не со всею строгостью исследованные, но более вероятности найти сие сообщение в Баффинском заливе, нежели в Гудзонове. Во-вторых, относительно географии обозрение сего залива весьма любопытно, ибо он со времени его открытия в 1616 году не был никогда осмотрен. Новейшие географы сомневаются даже в истине его существования. По крайней мере, не думают, чтоб Баффин действительно видел берега, окружающие залив»⁹.

Крузенштерн исследовал записки Баффина и пришел к твердому убеждению, что он обошел берега залива, который теперь носил его имя, но не был уверен в достоверности его описи.

Причина сомнения в существовании Баффинова залива, по мнению мореплавателя, вероятно, возникла «от предполагаемых трудностей плавания по морю, наполненному почти всегда льдом».

Задачи предполагаемой новой полярной экспедиции Крузенштерн сформулировал очень кратко. Прежде всего путешественники должны были исследовать малоизвестные берега Баффинова залива, а затем решить вопрос «о существовании сообщения оного с Восточным океаном».

Командиром брига «Рюрик» он снова рекомендовал назначить Коцебу¹⁰. Летом 1820 г. путешественники должны были покинуть Кронштадт и употребить два или три лета для выполнения намеченных исследований «со всею возможною точностью».

Крузенштерн приложил к своему проекту только что полученное из Лондона письмо секретаря английского адмиралтейства Джона Барроу от 3 ноября 1817 г. Английский ученый сообщал, что правительство его страны намерено в будущем году послать экспедицию для отыскания северо-западного прохода.

Крузенштерн сообщал далее, что он немедленно напишет Барроу, что давно уже решено «тотчас по возвращении «Рюрика» отправить подобную экспедицию»¹¹.

После возвращения шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» русские моряки продолжали проявлять настойчивый интерес к исследованию северо-западного морского прохода.

22 декабря 1822 г. участник одного из кругосветных плаваний лейтенант В. П. Романов представил начальнику морского штаба А. В. Моллеру «Предначертание экспедиции от реки Медной по сухому пути до Ледовитого моря и до Гудзонского залива»¹².

Моллер направил проект Адмиралтейскому департаменту и по рассмотрении просил его уведомить, «заслуживает ли предложение Романова вероятия и может ли принести ожидаемую пользу...»¹³.

Романов не отдавал предпочтения посылке экспедиции на кораблях, которые, судя по опыту многочисленных прежних русских и английских мореплавателей, будут рано или поздно остановлены льдами. Он полагал, что наибольшего успеха можно ожидать от сухопутной экспедиции, которая бы могла на подручных легких средствах плыть по рекам, пересекать леса и тундры, идти берегом и, если будет в том надобность, плыть на байдарках морем, если оно окажется свободным от льдов.

Однако и Главное правление Российско-Американской компании и Адмиралтейский департамент признали, что нет надобности в снаряжении подобной экспедиции¹⁴.

Через три месяца после Романова проект исследования северо-западного прохода подал в морской штаб лейтенант Лесков, участвовавший в путешествии Беллинсгаузена.

«Неужели,— писал он,— северо-западные берега Америки, находящиеся с давнего времени во владении нашем и по сие время по различным причинам укрывшиеся от бдительных исследований мореходцев, навсегда останутся в неизвестности? Неужели северо-западный проход, для открытия которого столько времени стремятся англичане с напряжением всевозможных усилий, не шадя ни денег, ни же самой жизни человеческой, навсегда сокрыт будет во мраке неведения?»¹⁵.

Лесков призывает морское министерство предпринять смелые шаги для исследования в этом направлении, что важно не только для географии, но и для политики. Он считает, что честь этих открытий самой судьбой предназначена морякам русского флота.

Лесков предлагает послать новую арктическую экспедицию на специально построенном для этой цели судне, которое должно быть так укреплено, «чтобы могло сопротивляться льдам, посреди которых должно будет зимовать».

Исходной базой экспедиции в проекте предлагается избрать Петропавловск-на-Камчатке, куда судно прибудет ко времени освобождения от льдов Авачинской губы. В этом порту необходимо было пополнить запасы продовольствия и снаряжения и немедленно следовать в Берингов пролив, держа курс на мыс Лисбурн, за которым начинались малоисследованные или совсем неизвестные берега. Достигнув мыса Ледяного, путешественники должны были приступить к тщательной описи еще никому не известного пространства, простирающегося до р. Маккензи.

Анализируя сведения, доставленные русскими и английскими исследователями северо-западного прохода, Лесков приходит к мысли, что «можно надеяться проникнуть далеко к востоку» за Ледяной мыс. «Наконец,— писал Лесков,— когда осень и льды принудят прекратить исследование, необходимо остаться на зимовку, взяв для сего все возможные предосторожности — русским уже не чуждые»¹⁶.

Следующим летом, как только судно освободится от ледяных оков, путешественники направятся далее на восток к устью Херповой реки, а затем Репульсовым заливом, который, по мысли Лескова, «не что иное есть как пролив, судно выйдет в Атлантический океан».

Лесков призывает высшее морское начальство употребить все средства «на разрешение столь важного вопроса, на который теперь устремлены глаза целого света».

Если по каким-либо причинам предложенный проект будет неприемлем для морского министерства, Лесков предлагает составить экспедицию из числа служащих «наших американских владений». Она должна включать два отряда: морской и сухопутный. Морской отряд, в распоряжение которого намечалось предоставить одно из судов Российско-Американской компании,

должен отправиться из Петропавловска-на-Камчатке к Ледяному мысу и высадить там сухопутный отряд. Путешественники обеих партий, условившись о месте зимовки, должны приступить к исследованию неизвестного северного побережья Америки. Морскому отряду выпадало на долю исследование берегового пространства до мыса Лисбурн. Самая трудная задача ставилась перед сухопутным отрядом, участники которого все тяжести должны были везти или нести на себе, и поэтому их надлежало снабдить всем полезным, но необременительным. Сухопутный отряд, высадившись на континент, немедленно должен был приступить к исследованию побережья и вести опись с таким расчетом, чтобы не позже начала октября вернуться к условленному месту предстоявшей зимовки. Следующим летом отряды экспедиции должны были отправиться к тому месту, где была осенью прервана опись, и продолжить исследование берега до Маккензиевой, а если позволят обстоятельства, то и до Херновой реки. На обратном пути экспедиции предписывалось выяснить предположение, не существует ли «водяного сообщения Полярного моря с Тихим океаном» через большие озера и реки Северной Америки, что «может принести и пользу нашей Американской компании»¹⁷.

Лесков в заключение высказывает надежду, что «приближается то время, когда завеса неведения, столько веков прикрывающая страны сии, наконец должна будет спастись!»¹⁸.

Однако Лескову вместо описи северо-западных берегов Америки поручили исследование восточного побережья Камчатки.

Одновременно с Романовым и Лесковым настойчиво хлопотал о снаряжении новой экспедиции И. Ф. Крузенштерн, который проявлял исключительный интерес к решению проблемы северо-восточного прохода. Он писал 3 декабря 1822 г. Н. П. Румянцеву:

«Сколько я знаю, от капитана Парри нет доселе никаких известий, ибо капитан Франклин с ним не встретился. Пишут мне из Англии, что ласкаются в том надеждою о прибытии его в Камчатку в течение нынешнего года. Я в том сомневаюсь, хотя не невозможно, что он дойдет до р. Маккензи»¹⁹.

Крузенштерн намекает Румянцеву, что было бы целесообразно послать навстречу Парри русских офицеров Хромченко и Этолина, которые в 1821 и 1822 гг. вели исследование северо-западных берегов Русской Америки. В начале 1823 г. он представляет русскому правительству мысли свои об отправлении русской экспедиции из залива Коцебу или от Ледяного мыса на восток к устью р. Маккензи. Но проект Крузенштерна отвергли, как отвергли и проекты Лескова и Романова.

«Мое представление не уважили,— писал Крузенштерн Н. П. Румянцеву,— а предоставлено англичанам сделать в наших водах важнейшие открытия»²⁰.

Через несколько дней, сообщая Румянцеву о том, что Парри возвратился в Англию, «но в предприятии своем не успел», Крузенштерн считает, что поиски необходимо вести со стороны Берингова пролива к востоку, «ибо в существовании сообщения обоих океанов сомневаться нельзя»²¹.

Он глубоко сожалеет, что русское правительство не предпринимает экспедиции для исследования северо-западного прохода.

Румянцев сообщает Крузенштерну, что в ближайшее время собирается приехать из Гомеля в Петербург и беседовать с ним по поводу снаряжения новой экспедиции, имея в виду использовать для этой цели Хромченко и Этолина, уже находившихся в Русской Америке.

Между прочим, Румянцев высказывает замечательную мысль о том, что северо-западный проход, вероятно, откроет тот исследователь, который «на малом судне будет несколько лет сряду стоять на часах при льдах и ожидать для такого предприятия счастливого года»²².

При встрече в Петербурге Крузенштерн убедил Румянцева принести еще одну жертву для «решения славной задачи».

13 мая 1824 г. он посылает государственному канцлеру план будущей экспедиции. Крузенштерн видит два способа осуществить ее. Первый состоит в том, чтобы послать небольшое, водоизмещением около 250 тонн, судно в Берингов пролив, и, дождавшись, когда льды откроют путь на восток, плыть от Ледяного мыса до Баффинова залива, а быть может, даже к Гудзонову заливу.

Второй способ к завершению поисков северо-западного прохода он видит в отправке сухопутной экспедиции от берегов залива Коцебу к устью р. Маккензи. «Сей способ,— продолжает Крузенштерн,— не обещает столь блистательных успехов, но он также может принести большую пользу, ибо посредством подобной экспедиции мы можем иметь достоверные сведения о положении берега, о состоянии льдов близ оного и о течении моря»²³.

Он отдает предпочтение сухопутной экспедиции. Ее снаряжение обойдется гораздо дешевле, и осуществить ее можно силами и средствами, находящимися в распоряжении главного правителя Русской Америки капитана Матвея Ивановича Муравьева.

Перед экспедицией стоят те же самые задачи, которые десять лет назад были возложены на Коцебу: исследовать русские полярные владения «от Берингова пролива до Ледяного мыса и оттуда далее к востоку, дабы тем определить положение сил вообще для нас неизвестных берегов, что может быть полезно не только в отношении к наукам, но со временем и в отношении для самой торговли»²⁴.

Экспедиции предстоит зазимовать в заливе Коцебу и с наступлением светлого времени на собаках отправиться для исследования неизведанных берегов Севера. В начальники экспедиции Крузенштерн рекомендует В. С. Хромченко, а ему в помощники

морехода Этолина. Им будет придано 10 матросов, из которых половина останется на судне, а другая половина по сухопутью «удостоверится в возможности или невозможности сообщения между двумя океанами».

«Не видя никаких новых распоряжений со стороны правительства к разрешению сей любопытной проблемы,— пишет Крузенштерн от имени Румянцева М. И. Муравьеву,— желаю я возобновить покушения, начатые на „Рюрике“».

По его мысли экспедиция должна довести исследования до устья р. Маккензи, так как известно, что из этой реки к Берингову проливу направляется в ближайшем будущем англичанин Джон Франклин. По расчетам Крузенштерна этот знаменитый путешественник прибудет к устью Маккензи не ранее 1826—1827 г., « а потому желательно,— продолжает мореплаватель,— чтобы и наша экспедиция начала свой путь к тому же времени. Если бы случилось обеим экспедициям встретиться, то слава успешного предприятия будет принадлежать России и Англии. В противном случае, когда со стороны России ничего не будет предпринято, а англичанам удастся прибыть в Берингов пролив, то по близости расстояния сих стран от наших азиатских и американских владений Европа нам вправе делать упреки в том, что подобные поиски, так сказать, в наших морях или около наших берегов представляем мы другим народам»²⁵.

Чтобы ускорить решение всех вопросов, связанных с экспедицией, Румянцев дал доверенность Крузенштерну на ведение переговоров с директорами Российско-Американской компании. Мореплаватель спешит, но вскоре убеждается, что не успеет с последней уходящей в Русскую Америку почтой послать инструменты, которые еще не пришли из Англии. Он с горечью признается, что экспедицию придется отложить на год. Румянцев на его письмо реагирует благодушно:

«Не скрываю от Вас, что я тужить не буду, ежели Муравьев заблагорассудит экспедицию нашу годом отсрочить, дабы дать время все приноровить к ее успеху и чтобы она не пострадала от какого-либо недостатка и от торопливости в отправлении»²⁶.

Вскоре Румянцев пишет Крузенштерну, что было бы очень полезно для задуманного путешествия воспользоваться знаниями отправляющегося в кругосветное плавание Фердинанда Петровича Врангеля, так как он имеет большой опыт поездок по неизведанным берегам на собачьих упряжках и может посоветовать Хромченко и Этолину, как с большим успехом организовать экспедицию.

Крузенштерн несколько раз встречался с молодым полярным исследователем и обсуждал возможности отыскания северо-западного прохода. Он поручил ему по прибытии в Ситху проверить, как тщательно Российско-Американская компания подготавливает экспедицию.

«Не упустите,— писал Крузенштерн Врангелю,— снабдить капитана Муравьева Вашими, на славных опытах основанными, советами насчет провизии и других необходимых в полярных странах надобностей. Государственный канцлер просит Вас также вместе с капитаном Муравьевым написать Хромченко инструкцию»²⁷.

Однако этой полностью подготовленной экспедиции не пришлось состояться: 3 января 1826 г. умер Румянцев, а его наследник отказался подтвердить ассигнование 20 тыс. рублей, которые были выделены на экспедицию²⁸.

Не состоялась и правительственная секретная экспедиция для отыскания северо-западного прохода.

Из воспоминаний декабриста Михаила Бестужева известно, что начальник морского штаба А. В. Моллер предложил эту ученую экспедицию возглавить Константину Торсону, одному из активных участников декабристского движения²⁹.

Путешествие, которое он готовил, держалось в глубоком секрете. Ф. П. Врангель доверительно сообщал своему другу Ф. П. Литке, что «на Охте строятся два брига для экспедиции в Берингов пролив для каких-то изысканий — навстречу Парри или на север,— настоящая цель оной хранится еще во мраке секрета»³⁰.

Эти суда действительно были отправлены к берегам Камчатки и Русской Америки, но задачи их были ограничены плаванием в северной части Тихого океана. Поиски северо-западного прохода не предусматривались инструкцией³¹.

Этот шаг русского правительства был обусловлен новым направлением внешнеполитических устремлений России в северной части Тихого океана, на северо-востоке Азии и в Русской Америке. Как известно, в первые два десятилетия проявлялся определенный интерес к укреплению позиций в Русской Америке. Культурно-научным пунктом этих устремлений был указ 4 сентября 1821 г., который устанавливал, что «производство китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, в портах и заливах и вообще по всему северо-западному берегу Америки, начиная от Берингова пролива до 51° северной широты, также по островам Алеутским и восточному берегу Сибири, также по островам Курильским, т. е. начиная от Берингова пролива до южного мыса острова Урупа и именно до 45° 50' северной широты, предоставляется в пользование единственно российским подданным»³².

Этот шаг едва не привел к «разрыву между Россией и Америкой»³³ и значительно обострил отношения между Россией и Англией. Царское правительство, которое в это время стало концентрировать свои усилия на решении внешнеполитических вопросов на Балканах, Кавказе и в придунайских княжествах, не было заинтересовано в ухудшении отношений с Англией. В нояб-

ре 1822 г. (во время Веронского конгресса) было дано указание послу Ливену в Лондоне вступить в переговоры с английским правительством, стараясь «все устроить дружески, основываясь только на началах взаимных приличий»³⁴.

Результатом этих уступок явилось заключение конвенций между Россией и Англией, Россией и США о свободе мореплавания в Тихом океане, оставлявших на произвол судьбы Русскую Америку и «угрожавших важным подрывом, вредом и убытком» интересам России³⁵.

Эти внешнеполитические мероприятия повлекли за собой утрату со стороны правительственных кругов интереса к исследованию полярных районов Русской Америки.

Между тем передовая русская общественность продолжала поднимать вопрос о поисках сообщения между Тихим и Атлантическим океанами.

В 1829 г. в «Отечественных записках» появилась статья «Предложение об описи Ледовитого моря и картах». Примечания к ней по просьбе редакции были написаны декабристом В. П. Романовым, сосланным под секретный надзор на Черноморский флот. В том же году проект новой экспедиции к Северному и Южному полюсам представил И. Ф. Крузенштерн³⁶. Но эти призывы к завершению исследований по отысканию северо-западного прохода остались тщетными.

И. Ф. Крузенштерн не хотел мириться с поражением и предпринял еще одну попытку добиться снаряжения экспедиции для поисков северо-западного прохода. Он писал в 1837 г. начальнику морского штаба, что поскольку неисследованная часть северо-западного прохода, лежащая между мысом Барроу и р. Маккензи, находится ближе к русским владениям в Америке, нежели к английским, то поэтому России надлежит позаботиться о том, чтобы первой решить эту задачу.

«Здесь,— писал Крузенштерн, — я должен упомянуть об одном обстоятельстве, которое не должно быть упускаемо из виду. Русские первые возобновили отыскание северо-западного прохода в 1815 году отправлением корабля «Рюрик», не прежде как спустя три года после того англичане начали посылать экспедиции для разрешения сего вопроса»³⁷.

Крузенштерну удалось найти союзника в лице Ф. П. Врангеля, только что возвратившегося из Русской Америки. Объединенными усилиями они добились снаряжения экспедиции под начальством А. Ф. Кашеварова, которая исследовала значительную часть побережья Северной Америки, не подозревая о том, что годом раньше англичане Симпсон и Диз прошли от р. Маккензи до мыса Барроу и на практике подтвердили высказанную русскими учеными и мореплавателями мысль о существовании северо-западного морского прохода между Тихим и Атлантическим океанами.

Если царское правительство оставалось глухим к призывам русских моряков и ученых об исследовании северо-западного прохода, то самые выдающиеся географы и мореплаватели первой половины XIX в. высоко ценили идеи, мысли и проекты своих русских коллег.

Примером тому может служить сохранившаяся переписка Крузенштерна, из которой видно, что почти все английские полярники того времени, искавшие северо-западный проход (Джон Росс, Франклин, Бичи, Бак, Барроу), пользовались добрыми и искренними его советами и по справедливости считали его непревзойденным авторитетом в области морских и полярных исследований.

Русские моряки, по инициативе которых была снаряжена первая в XIX в. экспедиция для поисков северо-западного прохода и которые разработали многие теоретические вопросы сообщения между двумя океанами, внесли существенный вклад в решение труднейшей географической задачи, и об этом вкладе не следует забывать.

¹ ЦГАДА, ф. 21, д. 3, доп., л. 92.

² М. И. Белов. Путь через Ледовитый океан. М., 1963, стр. 38, 39.

³ «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.». М., 1964, № 185.

⁴ ЦГАДА, ф. 192, Архангельская губерния, д. 16, «Карта около Северного полюса всему Северному океану...».

⁵ ЦГАДА, ф. 11, оп. 1, д. 162, доп., лл. 96, 97.

⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 1414, оп. 3, д. 28, л. 19.

⁷ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2531, л. 21.

⁸ ЦГАДА, ф. 21, д. 3, доп., л. 90.

⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 1414, оп. 3, д. 23, л. 32.

¹⁰ Из-за тяжелой травмы, которую Коцебу получил во время урагана в ночь с 12 на 13 апреля 1817 г., ему не удалось предпринять второго плавания в Северном Ледовитом океане.

¹¹ ЦГИА ЭССР, ф. 1414, оп. 3, д. 23, л. 33.

¹² АВПР, ф. Российско-Американской компании, д. 312, л. 8.

¹³ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2595, л. 5. Более подробно о проекте Романова см. мою статью «Декабристы о Севере» в книге «Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв.» (Л., 1965).

¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2595, л. 6.

¹⁵ Там же, д. 2596, л. 3.

¹⁶ Там же, л. 4.

¹⁷ Там же, л. 6.

¹⁸ Там же, л. 7.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 11, д. 162, доп., л. 24, 25.

²⁰ Там же, л. 35.

²¹ Там же, л. 38.

²² Там же, л. 39.

²³ АВПР, ф. Российско-Американской компании, д. 312, л. 9.

²⁴ ЦГАДА, ф. 21, д. 3, доп., л. 60.

²⁵ АВПР, ф. Русско-Американской компании, д. 312, л. 2; см. также: П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании..., ч. I. СПб., 1861, стр. 278. Тихменев ошибочно приписывает это письмо Румянцеву. В действительности оно написано Крузенштерном и подписано Румянцевым (ЦГАДА, ф. 21, д. 3, доп., л. 67).

- ²⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 1414, оп. 3, д. 23, л. 166.
- ²⁷ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 252, л. 1—16. Копия. Подлинник хранится в ЦГИА ЭССР, ф. 2057.
- ²⁸ Т и х м е н е в. Указ. соч., ч. I, стр. 279.
- ²⁹ «Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, стр. 298, 299.
- ³⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 2057, д. 443, л. 84.
- ³¹ Следует отметить, что К. Торсон, вероятно по требованию Северного общества декабристов, отказался от участия в этой экспедиции. Вместо него на шлюп «Кроткий» был назначен Ф. П. Врангель.
- ³² Т и х м е н е в. Указ. соч., ч. I, приложения, стр. 27.
- ³³ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 980, л. 47.
- ³⁴ Там же, л. 47 об.
- ³⁵ Там же, л. 62 об.
- ³⁶ В. П а с е ц к и й. Вопросы исследования Арктики и Антарктики в проектах И. Ф. Крузенштерна и П. И. Крузенштерна. В кн.: «Русские арктические экспедиции. XVII—XX вв.». Л., 1964.
- ³⁷ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 75, л. 1.

Из истории открытия северо-западной части Америки

*(от первого известия сибирских землепроходцев об Аляске
до петровского плана поиска морского пути к Америке)*

Важным вкладом в исследование истории первооткрытия и первоосвоения русскими северо-западной части Северной Америки являются труды А. В. Ефимова. И уже теперь представляется возможным, развивая некоторые идеи А. В. Ефимова, дать существенно уточненный ответ на следующие основные вопросы темы: когда русские землепроходцы, осваивавшие восточные районы «Сибирской земли», получили самые ранние сведения, относившиеся к Аляске, когда открытия русских землепроходцев на востоке впервые дали в России повод предположить, что Америка расположена недалеко от северо-восточных пределов Азии, где и каким образом Петр I рассчитывал отыскать морской путь от берегов Азии к берегам Северной Америки?

* * *

В феврале 1701 г. в Москве В. В. Атласов сообщил, что напротив Чукотского полуострова существует «остров», с которого «зимою», как море замерзнет, приходят иноземцы, «говорят своим языком и приносят соболи худые, подобно зверю хорьку»¹. Еще в 1948—1950 гг. А. В. Ефимов отметил, что в этом сообщении имеются «первые скудные и не вполне точные сведения, относившиеся к Америке»². Такое заключение, естественно, не могло не вызвать желания раскрыть первоисточники сообщения Атласова. Начатые поиски в конце концов и привели нас к некоторым любопытным новым выводам.

Из «сказки» Атласова видно, что об «острове» (Аляске) «сказывали» ему «тутошние инородцы чюкчи, которые живут около того носу и на устье Анадыря реки»³. Установлено, что Атласов ходил к ним еще в 1693 г.⁴ Но он отнюдь не был первым землепроходцем, собиравшим в этих местах сведения о «новых землях» и «неясашных иноземцах». Так, недавно выяснилось, что осо-

бенно часто русские сталкивались с восточными чукчами в 1687—1689 гг. В 1687 г. некоторые чукчи даже были приведены «к шерти» — к присяге на верность России. Поэтому если учесть, что восточные чукчи несомненно знали о существовании эскимосов Аляски («зубатых людей») еще до появления первых русских на Анадыре, то можно уверенно сказать, что анадырские казаки слышали у восточных чукчей рассказы об Аляске еще задолго до прибытия Атласова на Анадырь.

Изучение вновь найденных подлинных отписок С. И. Дежнева 1655 г. показало,⁴ что часть сведений о «Большом каменном носе» (Чукотском полуострове) была получена русскими тоже от местных жителей в непосредственной близости от тех мест, где и Атласов смог узнать о существовании Аляски. На основании этого в 1965 г. нами и было выдвинуто предположение, что уже Дежнев под одним из двух «островов зубатых», расположенных напротив Чукотского полуострова, тоже, вероятнее всего, имел в виду Аляску⁵.

Отметим, что приведенные в трудах А. В. Ефимова данные говорят в пользу этой гипотезы. В самом деле, в 1711 г. анадырский казак П. И. Попов смог от восточных чукчей района залива Креста собрать некоторые сведения об Аляске. Попов тоже называл ее «островом... против Анадырского носу» (Чукотского полуострова) и притом подобно Дежневу указывал: «есть де на том острове люди зубатые»⁶. В 1730 г. анадырский казак Афанасий Мельников на восточном побережье Чукотского полуострова видел приходивших туда через море двух «зубатых»⁷. По сообщению Мельникова, эти «зубатые» рассказывали: «до жилищ де их, на котором острове они жительство имеют, от Чукоцкого Большого носу день ходу, а от того острове вперед до острова, который называется Большая земля, день же ходу...»⁸.

Итак, в этом сообщении упомянуты *тоже два острова «зубатых»*: в первом нетрудно узнать остров Ратманова, во втором — Аляску. Но если ряд русских землепроходцев называли Аляску «островом зубатых», расположенным напротив Чукотского полуострова, то и Дежнев, пользовавшийся сообщениями местных жителей, вероятнее всего под одним из двух «островов зубатых» напротив «Большого каменного носа» также имел в виду Аляску. Именно тогда, по нашему мнению, русские и смогли получить самые ранние сведения, относившиеся к северо-западной оконечности Северной Америки.

Возможно, нам возразят: в литературе прошлого десятилетия уже утверждалось, что об Аляске русские смогли проведать даже еще до плавания Дежнева в 1648 г.

Вспомним, на чем было основано это утверждение.

26 апреля 1647 г. М. В. Стадухин сообщил в Якутске воеводам В. Н. Пушкину и К. О. Супоневу, что колымская юкагирка

Калиба, рассказывая о своем пребывании в плену у западных чукчей, сообщила ему некоторые сведения об острове, расположенном напротив Чукочьей реки, т. е. об одном из Медвежьих островов. К этому сообщению Стадухин от себя добавил: «А учнет де тот остров обьявливатца в море от матерой земли в виду на левой руке, идучи от Лены от Святого Носу, а к Яне де реке и от Яны к Собачье, а Индигирка тож, и от Индигирки к Колыме реке идучи, и гораздо тот остров в виду и горы снежные, и пади, и ручьи знатны все. А тот де остров — Камень в мори пояс. Они и промышленные люди смечают все то один идет, что ходят ис Поморья с Мезени на Новую Землю и против Енисейского и Тазовского и Ленского устья тот Камень то все одна, что называют Новою Землею»⁹. В известном «Описании чего ради невозможно от Архангельска города морем проходить в Китайское государство и оттоле к Восточной Индии», написанном во второй половине XVII в., говорилось, что Новая Земля, простирающаяся от Карских ворот на север, возможно, «соединяется с Северной Америкой»¹⁰. На основании этого был сделан вывод, что Стадухин будто бы и подразумевал под «поясом» в Ледовитом океане ту же самую мифическую полосу земли. Так «доказывалось», что стадухинский «пояс» включал в себя и... Аляску! При этом упоминалось, что на «Чертеже вновь Камчадальской земли» 1701 г. и «Чертеже вновь Камчадальской земли и моря» 1714 г. С. У. Ремезова Аляска тоже была названа «Новой землей».

Согласиться с такого рода доводами нельзя. И вот почему. Во-первых, к названию «Новая земля» следует всегда относиться осторожно: ведь в XVII в. так обычно называли первоначально почти все «вновь сысканные» территории, и пока еще нельзя считать доказанным, что на упомянутых двух копиях Ремезова камчатских чертежей (кстати сказать, неправильно датированных¹¹) под «Новой землей» действительно подразумевалась Аляска. Во-вторых, непонятно, почему эта «Новая земля» принималась за мифический «пояс» Стадухина. В-третьих, у нас нет оснований полагать, что Стадухин уже в середине 40-х годов XVII в. был знаком с более поздней, по-видимому московской, версией о возможном соединении западной Новой Земли с Северной Америкой. В-четвертых, из самого сообщения Стадухина видно, что за мифический морской каменный «пояс» он принимал отдельные острова, расположенные в Северном Ледовитом океане от Новой Земли до Медвежьих островов, но не далее. В-пятых, недавно найденные документы о пребывании русских на Колыме в середине 40-х годов XVII в.¹² убеждают нас в том, что Стадухин, живший в 1643—1645 гг. на средней Колыме (а не на нижней, как долгое время считалось!¹³), имел тогда еще очень смутные представления о районах, расположенных восточнее нижней Колымы. Достаточно сказать, что он в те годы еще не знал даже о существовании... р. Анадырь! Поэтому невозможно поверить в то,

что уже в середине 40-х годов XVII в. до Стадухина и его товарищей на средней Колыме дошли сведения об Аляске.

Однако позднее, уже в 50-х годах XVII в., Стадухин все же смог внести и свою лепту в решение одной из важнейших проблем, связанных с Американским континентом: именно ему (а не Дежневу!) удалось окончательно доказать, что Северная Азия с востока *всюду* омывается морями.

В самом деле, после того как Дежнев и его товарищи первыми «проехали» крайнюю северо-восточную оконечность Азии — «Большой каменный нос», т. е. Чукотский полуостров, оставались еще неизвестными земли, расположенные между Анадырем и Тауем Охотского побережья. Лишь в 1651—1652 гг. Стадухин совершил морем первое плавание от Пенжины до Тауя и благодаря вопросу местных жителей смог первым из русских не только «проехать», но и сообщить в Якутск, что между Анадырем и Пенжиной расположен еще один «нос»¹⁴.

Таким образом, лишь после открытий Стадухина стало ясно, что Сибирь с востока *всюду* омывается морями. А это-то и означало, что Азия с Америкой не соединяется. И в данном случае не имеет значения то, что Дежнев, Стадухин и их товарищи в 50-х годах XVII в. еще вообще ничего не знали о возможной близости Северной Америки к Азии. Важно то, что их географические открытия способствовали возникновению в России мысли о возможной близости открытых земель к Северной Америке. А. В. Ефимов уже доказал это вполне убедительно¹⁵. Но к примерам, приведенным в его трудах, необходимо добавить еще одно важное свидетельство. В описании путешествия Н. Г. Спафария через Сибирь середины 70-х годов XVII в. говорится о хребте, который от Байкала «идет до окыянского моря и в море так же прошел будто стеною, и никто его конца не знает, а проведывать нельзя: льды и погода не пустят, многаяжды ходили с Лены проведывать, а суды разбило, и сказывают, что тот камень идет до самой западного Индия до Нового Света...»¹⁶. Итак, оказывается еще до середины 70-х годов XVII в. кто-то в России уже «сказывал», что этот камень («каменная переграда» росписи к чертежу Сибири 1673 г.) простирается до «Нового Света» (Северной Америки)! И эта догадка русских довольно рано привлекла внимание иностранцев. В 1689 г. в Нерчинске прибывшим иезуитам были показаны две русские карты Сибири, на которых также имелось изображение простиравшегося в море хребта. Русские говорили, что этот хребет тянется чуть ли не до Америки. Поэтому-то и иезуит Жербильон позже стал утверждать: «Если наш материк соприкасается с материком Америки, то это возможно только в этом месте...»¹⁷.

Лишь в середине нашего века в Ватикане были обнаружены чертежи иезуита А. Томаса, отразившие основные данные тех двух русских карт XVII в. На двух чертежах А. Томаса 1690 г.

на азиатском северо-востоке был изображен «язычок» (lingula), около которого в одном случае прямо указывалось о его близости к Северной Америке («Americae septemtrionali») ¹⁸.

О существовании в Тихом океане уходящей в море полосы земли довольно быстро узнали и западноевропейские географы. Такая полоса, «не имеющая конца», уже была показана на знаменитой «карте Татарии 1687 года» ¹⁹ голландского географа Н. К. Витсена. Именно опираясь на эти сведения, Г. В. Лейбниц и стал настойчиво рекомендовать Петру I заняться изучением на востоке Сибири «большой полосы земли» с тем, чтобы узнать, «соединена ли Азия с Америкой» ²⁰. Но характерно: *если Лейбниц предлагал эти поиски вести в арктических районах, то Петр I сосредоточил свое внимание на районе... южной оконечности Камчатки!* Именно сюда с этой целью он и отправил в 1719 г. И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина, а в 1725 г. — Витуса Беринга. И это не должно нас удивлять: ведь в те времена земли северо-западного побережья Америки (севернее Калифорнии) оставались еще неизвестными. И Петру I невольно казалось, что именно Камчатка, ее южная оконечность, ближе всего находится к Калифорнии.

Историки не раз сетовали на то, что в инструкции Петра I Берингу не все ясно. Но только в 1962 г. выяснилось, что если при изучении инструкции Петра I использовать карту Камчатки, напечатанную по заказу русского правительства в 1722 г. нюрнбергским картографом И. Б. Гоманом, то все эти неясности сразу же исчезнут ²¹.

На этой карте (см. рис., схема А) рядом с восточным побережьем Камчатки изображалась простирающаяся на север и восток обширная мифическая земля. Нетрудно убедиться, что именно об этой особой земле и шла речь в инструкции Петра I.

В самом деле, вчитайтесь в текст инструкции, обратив особое внимание на выделенные нами фразы:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах [плыть] *возле земли, которая идет на nord и чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.*

3. *И для того искать, где она сошлась с Америкою*, но и чтоб доехать до какого города европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оной куст называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды».

Действительно, в инструкции «*та* земля» явно противопоставлялась Камчатке, как особая *неазиатская* земля. С востока «*та* земля» была обрезана рамкой чертежа, и поэтому о ней вполне можно было предположить, что она является «частью Америки». Эта безымянная мифическая земля на других картах

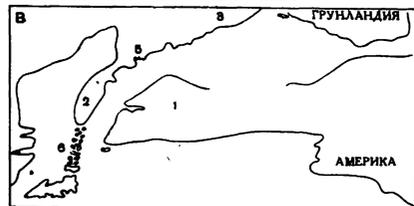
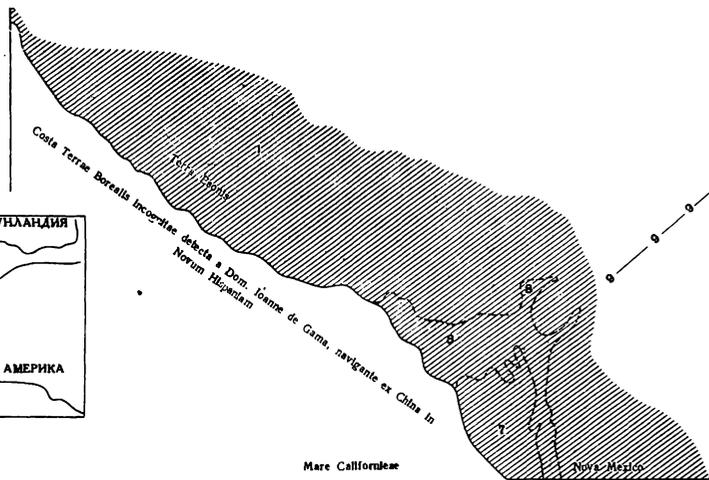

Схема географических чертежей, помогающих раскрыть смысл инструкции Петра I Берингу

А — схема карты Камчатки, напечатанной картографом И. Б. Гоманом в 1722 г. по русскому чертежу; Б — схема северо-западной части карты Северной Америки И. Б. Гомана; В — схема чертежа В. Казанцева 1742 г.: 1 — «земля, которая идет на nord» («Терра Вогелис», «Терра Esonis», «Земля де Гамы»), 2 — Камчатка, 3 — Чукотский полуостров, 4 — «Большая земля» (Аляска, принимавшаяся за остров), 5 — Анадырь, 6 — Курильские острова 7 — Калифорния, 8 — пролив Аниан, 9 — граница Новой Мексики

первой половины XVIII в. называлась «Землей Иоанна (Жоана) де Гамы», а А. И. Чириков в своем рапорте от 7 декабря 1741 г., говоря о «Земле Иан де Гаммы», тоже отмечал, что в прошлом «чаели, что оная — часть Америки»²².

Такая трактовка сразу разрешила два сомнения историков географии. Дело в том, что в первой четверти XVIII в. уже было сделано немало географических чертежей, четко показывавших, что русский Дальний Восток всюду с востока омывался морями, а между тем казалось, что Петр I при составлении своей инструкции будто бы представлял себе материк соединенными. Теперь это недоумение снималось: ведь здесь речь шла не о соединении двух материков, а о соединении особой земли с Америкой.

Вместе с тем по старому толкованию текста инструкции Беринг сперва должен был плыть на север до района возможного сближения или даже соединения материков (район Чукотки) и оттуда, резко повернув на восток и юг вдоль берегов Северной Америки до встречи с каким-нибудь европейским кораблем или даже до ближайшего европейского поселения (район Калифорнии). Поэтому возникло недоумение: неужели Петр I не понимал, что совершить такое громадное плавание за одну навигацию невозможно. Новая интерпретация инструкции Петра I ясно показывала, что перед Берингом ставилась совершенно иная задача: он с самого начала должен был плыть *кратчайшим* путем в район Калифорнии — не на север, а на восток, вдоль южного побережья земли, идущей «на норд». А такое плавание при разумной организации вполне могло быть совершено за одну навигацию.

Из-за того, что эта новая интерпретация резко отличалась от старой, возникли сомнения в ее достоверности и были выдвинуты «контрдоводы». Вот главные из них:

1. Новая интерпретация «не согласуется с сообщениями И. К. Кирилова».

2. «Использование Петром I карты, напечатанной Гоманом, остается недоказанным. Но даже если это будет доказано, то на основании этой карты нельзя утверждать, что Петр I под «землей, которая идет на норд», подразумевал мифическую «Землю де Гамы». С большим основанием Петр I мог назвать землей, «которая идет на норд», «Большую землю» (Аляску), изображенную на этом чертеже напротив Чукотского полуострова в виде узкого острова, устремленного «на норд»».

3. Беринг «не мог исказить смысл инструкции Петра I, а он явно толковал смысл этой инструкции иначе, ибо был убежден, что инструкция обязывала его плыть вдоль Азиатского материка».

На первый взгляд все эти возражения могут показаться вескими. Но рассмотрим их по существу.

Прежде всего при внимательном чтении неоднократно публиковавшейся записки Кирилова 1733 г.²³ выясняется, что в ней нет

ничего, что противоречило бы новой интерпретации текста инструкции Петра I. Сам Кирилов отнюдь не утверждал, что именно его чертеж был использован Петром I при составлении инструкции Берингу. Оказывается, что это вольное умозаключение отдельных историков, которые, кстати сказать, столь же необоснованно долгое время утверждали, что интересующий нас чертеж Гомана был копией карты Кирилова. Последнее утверждение опровергнуто в 1958—1960 гг. после того, как Э. Ф. Вареп документально доказал, что чертеж Гомана был впервые напечатан еще в 1722 г.²⁴ Кирилов же свой чертеж составил лишь в декабре 1724 г.²⁵

Из текста записки Кирилова также ясно видно, что на его чертеже 1724 г. еще не было изображения не только островов, находившихся между Камчаткой и Америкой, но и даже самого восточного побережья Камчатки. Ясно, что такой чертеж никак не мог быть использован Петром I при составлении его инструкции о поиске Северной Америки от восточного побережья Камчатки. По сведениям Кирилова, Петр I так и не смог найти в сенате нужных для него чертежей. Это-то и заставило его прибегнуть к имевшимся у него печатным картам Гомана.

В 1964 г. нами были приведены косвенные данные, позволявшие утверждать, что при отъезде из Петербурга Беринг получил несколько экземпляров печатной карты Гомана²⁶. Теперь это же можно подтвердить еще одним веским доводом. В инструкции Ф. М. Апраксина от 3 февраля 1725 г. указывалось, что Берингу в дорогу была вручена «для известия тамошних мест сочиненная в 1721 году карта»²⁷.

До сих пор историки не знали, о какой именно карте шла здесь речь. Не трудно понять, что в основу карты, опубликованной Гоманом в 1722 г., был положен какой-то чертеж, составленный в России именно в 1721 г. Следовательно, инструкция Апраксина еще раз подтверждает, что у Беринга имелась карта района Камчатки, опубликованная Гоманом в 1722 г. Несомненно эта карта была вручена Берингу именно для того, чтобы он смог правильно понять содержание инструкции Петра I.

При дальнейшем изучении географических карт Петровской эпохи удалось выяснить, что *для точной интерпретации инструкции Петра I очень важно также воспользоваться общей картой Северной Америки, включенной во многие атласы Гомана и его наследников* (см. рис., схема Б)²⁸.

В самом деле, в различных атласах Гомана на этой карте интересующая нас особая земля изображена чаще всего *соединенной с Северной Америкой* и лишь иногда отделенной от нее... «проливом Аниан»! У этой же земли имеется надпись: «*Costa Terrae Borealis incognitae detecta a Dom. Ioanne de Gama, navigante ex China in Novum Hispaniam*». Так окончательно выяснилось, что А. И. Чириков был совершенно прав, когда указывал,

что в прошлом именно мифическую «Землю де Гамы» принимали за «часть Америки», а это еще раз подтверждает, что Петр I несомненно и имел в виду именно эту землю, когда писал, что она по «чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки».

Очень важно отметить, что эта земля на карте в одном случае названа «Терра Вогелис» («Земля северная»). Именно эта подробность и позволяет нам впервые понять, почему Петр I назвал ее «землей, которая идет на норд».

Итак, все эти данные вполне ясно показывают, что Петр I под названием «земля, которая идет на норд», бесспорно имел в виду «Землю де Гамы», но отнюдь не «Большую землю», изображенную на карте же в виде узкого острова напротив Чукотского полуострова.

Естественно возникает вопрос: почему же в таком случае Петр I не назвал эту землю прямо «Землей де Гамы» — тогда бы при истолковании его инструкции не возникло никаких недоразумений?

Оказалось, что и это не было случайным. Дело в том, что на карте Гомана 1722 г., врученной Берингу в 1725 г. одновременно с инструкциями Петра I и Апраксина, эта земля осталась безымянной. К тому же Петр I не был уверен в том, что большая земля, показанная у восточного побережья Камчатки, действительно является той самой землей, которую когда-то видел никому не ведомый португальский мореплаватель.

Из карты Северной Америки Гомана с изображением мифической «Терра Вогелис» становится еще более очевидным, что Петр I желал, чтобы Беринг плыл «возле» этой земли *не на север, а явно на юго-восток (никакой иной маршрут по этой карте был бы просто невозможным!)*. И именно там на востоке Беринг и должен был определить, сошлась ли «земля, которая идет на норд» («Земля де Гамы»), с Северной Америкой.

Таким образом, по инструкции Петра I Беринг бесспорно должен был достигнуть берегов Северной Америки, и лишь позже он мог, по своему усмотрению, или дойти «до какого города европейских владений», т. е. до района испанской Мексики, или ограничиться встречей с каким-нибудь европейским судном, «провесть от него как оной куст называют и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды». Несомненно Петр I требовал этого для того, чтобы, во-первых, русское правительство смогло получить неоспоримые доказательства достижения участниками экспедиции берегов Северной Америки, во-вторых, чтобы сам факт посещения русскими берегов Северной Америки был дополнительно подтвержден и иностранцами. Для Петра I это имело немаловажное политическое значение: ведь тем самым приоритет русских в первооткрытии северной «неизвестной» части запад-

ного побережья Северной Америки сразу бы получил международное признание, что в дальнейшем и позволило бы России по праву первооткрытия приступить к первоосвоению «новых земель».

В свете этих данных становится вполне очевидной несостоятельность недавних попыток доказать, что по инструкции Петра I будто бы «плавание в Америку было не обязательным» и что оно для экспедиции Беринга являлось лишь «подсобной задачей»²⁹. Из приведенного анализа инструкции ясно, что плавание к Америке по замыслу Петра I было безусловно *главной* задачей Первой Камчатской экспедиции.

Теперь попытаемся выяснить, почему же в 1727—1729 гг. эта главная задача так и не была разрешена Берингом.

В этом прежде всего был виноват сам Беринг, который *по своему* истолковал содержание инструкции: он действительно считал, что ему надлежит первоначально плыть вдоль азиатского побережья на север. Но его в какой-то мере ввел в заблуждение сам Петр I.

Попытаемся понять, как же это произошло.

А. В. Ефимов первым из историков указал на необходимость отделить истинные замыслы Петра I от официальной версии «чисто географического назначения» этой экспедиции. А. В. Ефимов совершенно справедливо отмечал, что в связи со значительным сокращением пушных богатств Сибири Петр I был заинтересован в «проведовании» и последующем освоении «новых земель». Зная о пушных богатствах Северной Америки, он бесспорно желал, чтобы русские мореходы стали первооткрывателями ее «неизвестных берегов». Но посылка туда русской экспедиции могла не понравиться европейским колониальным державам, которые уже давно вели борьбу за овладение различными территориями Северной Америки. Поэтому для Петра I было важно, чтобы до поры до времени его инструкция о поиске пути к берегам Америки оставалась секретной. В то же время он предвидел, что иностранцы так или иначе узнают об организации в Петербурге экспедиции. Чтобы не вызывать каких-либо подозрений, он сразу же позаботился о том, чтобы у иностранцев сложилось благоприятное представление о целях посылки экспедиции. Сам Петр I стал сознательно способствовать тому, чтобы в Петербурге распространялись рассказы, что эта новая экспедиция посылается с чисто научной целью во имя успешного разрешения вопроса, давно уже волновавшего западноевропейских ученых: соединяется ли Азия с Америкой и существует ли пролив, по которому можно плавать из Ледовитого океана в Тихий. Более того, первоначально явно из предосторожности инструкция Петра I скрывалась даже от... самого Беринга! В самом деле, *инструкция была впервые вручена Берингу лишь спустя месяц после ее составления и притом... только в день его отъезда в Сибирь!*

Пессомненно, это было сделано вполне сознательно, чтобы ее содержание не могло в Петербурге получить огласки.

Теперь представим себе положение Беринга, выехавшего из Петербурга в Сибирь.

28 января 1725 г. умер Петр I, и перед отъездом Берингу внушают, что он должен исполнить точно волю покойного. Искренне веря, что Петр I желал прежде всего решить географический вопрос — соединяется ли Азия с Америкой, Беринг невольно по своему стал толковать текст инструкции. Именно поэтому он не придавал значения тому, что в инструкции ничего не говорилось о поиске морского прохода из Ледовитого океана в Тихий. Но главное он не смог понять, что в инструкции Петра I «землей, которая идет на норд», была названа большая мифическая земля, изображенная на врученной ему карте вблизи восточного побережья Камчатки. Эта ошибка также имеет свое объяснение.

Во-первых, на печатной карте Гомана 1722 г. прямо не указывалось, какая именно земля может называться землей, идущей «на норд». Удостовериться в этом окончательно можно было лишь по карте Северной Америки в атласах Гомана, а Беринг во время своего путешествия такой картой не располагал.

Во-вторых, рассказы «бывальцев» заставляли Беринга думать, что Америка могла скорее «соединиться» с Азией в районе Чукотского полуострова. Беринг считал, что никто из русских еще не изучал района восточной оконечности Чукотского полуострова, а поэтому ему и казалось, что окончательный ответ на вопрос, соединяется ли Азия с Америкой, он сможет получить только при обследовании берегов Чукотского полуострова. Так в конце концов у Беринга и создалось впечатление, что в инструкции Петра I «землей, которая идет на норд», названо идущее на север азиатское побережье. Поэтому, дойдя до того места, где берег Чукотского полуострова поворачивал на запад, он и решил, что тем самым исполнил главную часть инструкции Петра I.

И лучшим подтверждением того, что Беринг истолковал инструкцию Петра I по-своему, служит тот факт, что в Петербурге сразу же обратили на это внимание. Уже вскоре Адмиралтейская коллегия стала сетовать, что по инструкции Петра I экспедиция должна была установить, «где Камчатская земля с Америкой сошлась», в то время «как оной Беринг представляет» нечто иное и утверждает, что должен был плавать будто бы «по силе инструкции возле земли от Камчатки между севера и востока даже до ширины 67 градусов»³⁰. И Беринга прямо обвиняли в том, что он не исполнил инструкции Петра I, требовавшей, *чтобы он достиг берегов Америки, идя от берегов Камчатки*. Поэтому и позже в источниках неоднократно отмечалось, что Петр I посылал Первую Камчатскую экспедицию «осведомиться от своих берегов, сходятся ли берега американские с берегами Азии; по тогда оное в действие не произошло»³¹.

Иногда задают вопрос: если Беринг допустил столь вольное толкование инструкции Петра I и не выполнил главную поставленную перед ним задачу, то почему он не понес за это наказания?

Прежде всего это объясняется тем, что толкование Беринга не так-то легко было опровергнуть, ибо оно полностью соответствовало той официальной «географической версии», которую, как подтверждали очевидцы, выдвинул сам Петр I. Вместе с тем в Петербурге сознавали, что в случившемся во многом было виновато само правительство, ибо при отъезде из Петербурга Берингу, по-видимому, не были даны необходимые устные пояснения. Так ли это было — мог сказать лишь сам Апраксин, но его уже тогда не было в живых (он умер в 1728 г.). Наконец, проведенные Берингом исследования были полезными и поэтому за служивали похвалы, а не порицания.

Беринг признавал, что инструкция Петра I обязывала его произвести исследования и к востоку от Камчатки. Услышав на р. Камчатке зимой 1728—1729 гг. чей-то рассказ, «будто в ясные дни видят землю через моря»³², он все-таки летом 1729 г. счел нужным совершить небольшое плавание на восток от Камчатки в сторону предполагаемой «Земли де Гамы». Хотя Беринг там не обнаружил никаких признаков земли, он все же высказался за продолжение ее поисков³³. И в Петербурге сразу же поддержали это предложение, так как считали, что оно соответствовало желаниям Петра I. И позже во многих официальных бумагах эпохи не раз утверждалось, что новая, Вторая Камчатская экспедиция была организована специально для осуществления замысла Петра I, изложенного в его инструкции 1725 г.

Характерно, что и Вторая Камчатская экспедиция должна была прежде всего следовать к мифической «Земле де Гамы» и далее южнее ее, к Америке. В литературе автором этого плана обычно называли академика И. Делиля. Но, к сожалению, до сих пор исследователи не учитывали, что в основе этого плана лежал старый замысел самого Петра I.

Все эти данные позволяют лучше понять, во-первых, почему главные поиски северо-западного побережья Америки со стороны Азии были предприняты в первой половине XVIII в. *не от Чукотского полуострова, а от юго-восточных берегов Камчатки*, во-вторых, почему в ряде документов XVIII в. особое значение придавалось решению вопроса: «где Камчатская земля с Америкой сошлась», — и, наконец, в-третьих, каким именно путем по инструкции Петра I русские мореходы должны были идти до западных берегов Северной Америки.

Замыслы Петра I были успешно осуществлены Второй Камчатской экспедицией: летом 1741 г. В. Беринг, А. Чириков и их спутники первыми из русских мореплавателей действительно достигли берегов Северной Америки со стороны Камчатки³⁴.

К сожалению, объем настоящей статьи не позволил рассмотреть все вопросы темы. Тем не менее, и то, что было приведено (порой в очень сжатой форме), наглядно показывает, что, развивая идеи А. В. Ефимова, вполне еще можно внести немало нового в интереснейшую историю открытия русскими западных берегов Северной Америки со стороны Азии.

- ¹ Н. Н. Оглоблин. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки. «Чтения в ОИДР». М., 1891, кн. 3, отд. I, стр. 12.
- ² А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948, стр. 67; Он же Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. М., 1950, стр. 83.
- ³ Н. Н. Оглоблин. Указ. соч., стр. 12.
- ⁴ М. И. Белов. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку. «Летопись севера», т. 2, стр. 96.
- ⁵ Б. П. Полевой. О точном тексте двух отписок Семена Дежнева 1655 года. «Известия АН СССР», сер. геогр., 1965, № 2, стр. 109.
- ⁶ «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. I. СПб., 1882, стр. 458; А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане, стр. 125, 126.
- ⁷ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане, стр. 212; ПСЗРИ, т. VIII, стр. 1007.
- ⁸ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане, стр. 143—145, 212; ПСЗРИ, т. VIII, стр. 1007.
- ⁹ «Дополнения к Актам историческим», т. III. СПб., 1848, стр. 99, 100.
- ¹⁰ «Чтения в ОИДР», 1893, кн. 4, отд. IV, стр. 13, 14.
- ¹¹ «Известия АН СССР», сер. геогр., 1965, № 6, стр. 96; Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965, стр. 189.
- ¹² ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 3, 1645—1646, д. 25, лл. 1—4. Один из этих документов опубликован нами в сборнике «Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв.» (Новосибирск, 1965, стр. 287—289).
- ¹³ Б. П. Полевой. О местоположении первого русского поселения на Колыме. «Доклады Ин-та географии Сибири и Дальнего Востока», 1962, № 2, стр. 66—75.
- ¹⁴ См. сборник документов: «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах». Сост. М. И. Белов. Л.—М., 1952, стр. 263.
- ¹⁵ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане, стр. 63—65.
- ¹⁶ «Записки РГО по отд. этнографии», 1882, т. X, вып. I, стр. 123.
- ¹⁷ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1936, ч. 2, стр. 108.
- ¹⁸ A. V. Florovsky. Maps of Siberian Route of the Belgian Jesuit A. Thomas (1690). «Imago Mundi», 1951, vol. VIII, p. 103—108.
- ¹⁹ «Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв.». Под ред. А. В. Ефимова. М., 1964, карта № 33. На самом деле эта карта была закончена лишь в 1689 г.
- ²⁰ Недавно выяснилось, что еще до обращения Г. В. Лейбница к Петру I глава Сибирского приказа думный дьяк А. А. Виниус дал в 1697 г. задание новому якутскому воеводе Д. А. Траурникху организовать особую экспедицию с целью поиска морского пути из Ледовитого океана в Тихий («Природа», 1965, № 5, стр. 94).
- ²¹ «Вопросы географии Камчатки», вып. 2, 1964, стр. 88—94.
- ²² «Экспедиция Беринга. Сб. документов ГАУ». М., 1941, стр. 273.
- ²³ А. И. Добросмыслов. Материалы по истории России, т. I. Оренбург, 1900, стр. 1—6. «Известия ВГО», 1943, вып. 2, стр. 35—39; А. В. Ефи-

м о в. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах, стр. 288—292.

- ²⁴ Э. Ф. Вареп. О картах, составленных русскими в атласе И. Б. Гомана 1725. «Известия ВГО», 1959, вып. 3, стр. 290—298.
- ²⁵ М. Г. Новлянская. Иван Кириллович Кирилов. Географ XVII века. М.—Л., 1964, стр. 49.
- ²⁶ «Вопросы географии Камчатки», вып. 2, 1964, стр. 90.
- ²⁷ «Экспедиция Беринга», стр. 373.
- ²⁸ В 1742 г. В. Казанцев использовал эту карту при составлении своего чертежа Тихого океана, на котором особенно четко показано, что мифическая земля, изображенная восточнее Камчатки, одно время считалась частью Америки (см. схему В). Казанцев, как и Гоман, именовал эту землю «Терра Эссонис или земля Эссо» («*Terra Esonis*»). Но Петр I называл ее просто «землей, которая идет на nord» («*Terra borealis*»), так как на использованной им карте Камчатки 1722 г. название «Иедзо» (вариант «Эссо») уже было столь же ошибочно отнесено к самой Камчатке. Любопытно отметить, что если в 20-х годах XVIII в. «земля, которая идет на nord» («*Coasta Terrae Borealis*»), показывалась соединенной с Северной Америкой, то в самом начале XVIII в. в атласах Абрагама Алларда, Герарда Валка и Леонарда Валка, а также самого И. Б. Гомана мифическая «*Terra Esonis*» была с юго-востока отделена от Калифорнии проливом Аниан («*Fretum Anian*»). Так неожиданно выяснилось, что во времена Петра I пролив Аниан изображался отнюдь не в районе Берингова пролива, как полагали многие!
- ²⁹ Е. Г. Кушнарев. Нерешенные вопросы истории Первой Камчатской экспедиции. «Русские арктические экспедиции XVII—XX вв.». Л., 1964, стр. 12.
- ³⁰ «Экспедиция Беринга», стр. 91; ПСЗРИ, т. VIII, стр. 1004.
- ³¹ ПСЗРИ, т. VIII, стр. 1010.
- ³² «Экспедиция Беринга», стр. 65.
- ³³ Там же, стр. 364.
- ³⁴ Как известно, еще в 1732 г. первыми из русских достигли берегов Северной Америки участники экспедиции М. Гвоздева. Но в 1732 г. они плавали от берегов Чукотки и еще не знали: является ли открытая ими «Большая земля» (Аляска) островом или частью Северной Америки. Окончательно этот вопрос был решен лишь через несколько десятилетий после окончания Второй Камчатской экспедиции.

Флаг Российско-Американской компании

На рубеже XVIII и XIX столетий начался новый этап в освоении Россией открытых русскими островов Тихого океана и берегов Северо-Западной Америки. В июле 1799 г. Павел I подписал «жалованную грамоту», по которой вольный промысел морского пушного зверя в тихоокеанских водах был запрещен, и монополия в использовании всех природных богатств этого края была предоставлена на двадцатилетний срок Российско-Американской компании.

Компания получила право занимать в российское владение все вновь открытые ею земли по берегам Северо-Западной Америки и островам Алеутским, Курильским и другим не только к северу от 55° с. ш. «по праву обладания оных Россиею», но и к югу, «если оные никакими другими народами не были заняты и не вступили в их зависимость».

Компании было разрешено строить в Охотстке суда из казенного леса и плавать по всем окрестным водам, торговать со всеми близлежащими государствами, разрабатывать в свою пользу полезные ископаемые, строить в удобных местах укрепления и «заселения», для которых отпускался порох и свинец с государственных сибирских заводов. Особой статьей оговаривалось право найма рабочей силы¹.

Российско-Американская компания явилась для России совершенно необычным предприятием, совмещающим многообразные функции — политические, промыслово-торговые и функции по управлению новой обширной территорией.

Предоставляя Российско-Американской компании столь значительные полномочия, русское правительство рассчитывало с ее помощью расширить свои владения на Североамериканском материке и тихоокеанских островах и обеспечить России господствующее положение в стратегически важной северной части Тихого океана, оградив себя в первую очередь от английского соперничества.

Самый факт предоставления Российско-Американской компании права иметь особый флаг, отличный от русского национального коммерческого флага, отражал стремление русского правительства выделить ее среди остальных купеческих компаний и, еще раз подчеркнув идею монаршего покровительства, повысить авторитет компании на международной арене.

Ни в русской, ни в зарубежной литературе, посвященной Русской Америке, нами не обнаружено сведений по истории флага Российско-Американской компании. В специальных же изданиях, посвященных флагам², изображение флага Российско-Американской компании в значительной степени отличается от утвержденного образца. Поэтому основным источником нашего исследования послужили архивные и музейные материалы Москвы и Ленинграда.

* * *

Со времени основания Г. И. Шелиховым в 1784—1786 гг. постоянных русских поселений на островах Кадьяке, Афогнаке, на Кенайском полуострове и других пунктах Русской Америки над ними развевался российский флаг. В 1794 г. в этом воочию убедился английский мореплаватель Дж. Ванкувер, вошедший в Кенайский залив (зал. Кука). С высокого американского берега, где над селением был поднят российский флаг, его приход приветствовал салют из двух пушек³.

По-видимому, над русскими селениями в Америке положено было поднимать русский национальный коммерческий флаг, ибо в августе 1794 г. Г. И. Шелихов, задумав построить на Американском материке новый город Славороссию, превосходящий по масштабам все уже имевшиеся постоянные русские поселения в Америке, писал из Охотска на Кадьяк главному правителю Российских владений в Америке А. А. Баранову: «Батареи две или три постройте башнями красивыми, и на оных поставьте Российский большой герб. Ежели ж в том месте будет у Вас заведена корабельная верфь, то во оной поставьте и флаг российский купеческий, а особливо тогда, как иностранцы придут»⁴.

Русский национальный коммерческий флаг, которым пользовались все русские купеческие компании, представлял собой прямоугольное полотнище из трех горизонтальных равных по ширине полос — красной (нижней), голубой и белой. В первые годы своего существования этим флагом пользовалась и Российско-Американская компания.

Лишь семь лет спустя после официального утверждения Российско-Американской компании, 28 сентября (10 октября) 1806 г., Александром I был подписан указ о введении особого флага компании⁵.

Появлению на свет этого указа предшествовало успешное завершение Первой русской кругосветной экспедиции (1803—1806) под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, снаряженной на средства Российско-Американской компании и соединившей гигантским морским путем Камчатку и далекую Русскую Америку с Петербургом. Авторитет Российско-Американской компании неизмеримо возрос.

Проект о введении флага был внесен министром коммерции Н. П. Румянцевым, уделявшим делам компании много внимания и снарядившим впоследствии для исследования Русской Америки на собственные средства ряд научных экспедиций, в том числе кругосветную экспедицию под командованием О. Е. Коцебу в 1815—1818 гг.

Из текста указа следует, что после «высочайшего» утверждения он был заслушан сенатом и 19 октября 1806 г. направлен для исполнения в Главное правление Российско-Американской компании, переведенное в 1800 г. из Иркутска в Петербург, а также в адмиралтейств- и коммерц-коллегии. Одновременно по этим учреждениям рассылались «снятые при герольдии копии» с утвержденного рисунка флага и следующее его описание: «Флаг Американской компании имеет три полосы: нижнюю — красную, среднюю — голубую и верхнюю пространную — белого цвета с изображением на одной всероссийского государственного герба, под которым означена лента, висящая на лапах орла с надписью на оной: Российской Американской компании». К указу приложен полихромный рисунок флага.

Таким образом, для флага Российско-Американской компании был использован русский национальный коммерческий флаг с изменением пропорций трех полос и дополнением его государственным гербом и изображением ленты с надписью. По-видимому, основанием для введения в рисунок флага российского государственного герба послужило то, что в 1803 г. Александр I принял компанию под свое покровительство и сам стал держателем ее акций, этим жестом дав понять купечеству и дворянству, что участие в компании является важным государственным делом.

Флаг Российско-Американской компании имели право поднимать русские крепости в Северо-Западной Америке и на тихоокеанских островах, а также компанейские суда.

Особое значение флагу Российско-Американской компании придавал В. М. Головнин, который во время обоих своих плаваний (в 1807—1809 и 1817—1819 гг.) заходил в Ново-Архангельский порт, ставший с конца 1808 г. вместо Павловской гавани (на о-ве Кадьяке) столицей Русской Америки. В 1818 г. В. М. Головнин вторично напомнил, что, согласно морскому уставу, введенному еще Петром I, закон об обмене салютами «относится к судам, о торговых же крепостях ни слова не сказано, потому что их тогда не существовало». Сетуя на то, что Главное правление

Рис. 1. Флаг Российско-Американской компании

Российско-Американской компании так и не удалось возбудить ходатайства о внесении дополнений о своем флаге к морскому уставу, он настаивал на этом дополнении, «приняв в уважение то, что компания сия хотя и торговое общество, но владеет пространными областями, находится под высочайшим покровительством государя и имеет в торговом своем флаге императорский российский герб... А компанейский флаг... по многим отношениям заслуживает некоторого преимущества против обыкновенного купеческого». Исходя из этого, В. М. Головнин, вопреки морскому уставу, решил ответить на салют Ново-Архангельской крепости равным числом выстрелов⁶.

Единственный подлинный экземпляр флага Российско-Американской компании имеется в собрании Государственного Эрмитажа (рис. 1)⁷. Он сделан из тонкой шелковой ткани. Государственный герб и надписи выполнены масляной живописью. Двуглавый черный орел изображен с широко раскинутыми вытянутыми по горизонтали крыльями и четко очерченными перьями. На груди орла — почти квадратный, слегка стрельчатый книзу красный щит с московским гербом, на котором св. Георгий в голубой одежде изображен на скачущем белом коне, повернутом в левую (геральдическую) сторону; всадник копьём поражает дракона. Московский герб традиционно окружен цепью Андрея Первозванного. В лапах орла, кроме скипетра и державы, лента с надписью. От ее текста на лицевой стороне флага сохранилось лишь

окончание: «...ерикан : Компании». Однако на оборотной стороне флага, где изображение самого орла проступает едва видимым контуром, уцелела именно интересующая нас первая половина надписи на ленте: «Российско : Америк...». Таким образом, первоначально на изображении ленты на обеих сторонах флага были одинаковые надписи: «Российско : Американ : Компании». В отличие от рисунка, приложенного к указу, на данном флаге орел из левого верхнего угла сместился почти в центр полотнища, очертания крыльев утратили изящество; короны, венчающие орлиные головы, и центральная корона нарисованы примитивно и, вопреки правилам, не отличаются одна от другой ни размером, ни формой. Судя по всему, флаг расписывал не профессиональный художник.

Перечисляя ремесла, которыми занималось население Ново-Архангельска с 1818 по 1831 г., правитель Ново-Архангельской конторы К. Т. Хлебников отметил: «Особый человек занимается рисованием флагов, потому что для судов и по колониям каждый год требуется от 6 до 10 флагов»⁸. Однако обычно флаги изготовлялись не из шелка, а из флагтуха — легкой шерстяной ткани.

Среди немногочисленных выполненных очевидцами рисунков Ново-Архангельска с изображением интересующего нас флага, поднятого над крепостью, стоящей на гранитной скале, наиболее ранним является «Вид Ново-Архангельска с северной стороны» Ю. Ф. Лисянского. Рисунок сделан черной тушью пером на голубой бумаге в рукописном «Журнале кругосветного плавания корабля «Нева» 1803—1806 гг.». Флаг развевается на флагштоке, укрепленном тросами вблизи дома главного правителя. Явственно выделяется верхняя белая полоса, занимающая треть полотнища, в то время как нижняя часть флага перечеркнута косым крестом⁹.

Следует отметить, что при переводе этого рисунка в хромофотографию для Лондонского издания 1814 г. в изображение флага были внесены изменения: косой крест исчез, и флаг показан с тремя полосами, хотя чередование цвета полос не соответствует русскому национальному коммерческому флагу¹⁰.

Флаг на рисунке Ю. Ф. Лисянского не случайно привлек столь пристальное внимание. Он не соответствует ни русскому национальному коммерческому флагу, ни флагу Российско-Американской компании. К сожалению, в своем сочинении о кругосветном плавании на «Неве» Ю. Ф. Лисянский, описывая события 1804 г. на Ситхе, лишь кратко отметил: «Г-н Баранов, сойдя на берег с некоторым числом вооруженных людей, поднял флаг на довольно высокой горе посреди оставленного селения»¹¹. Между тем другой участник Первой русской кругосветной экспедиции приказчик Российско-Американской компании великоустюжский купец Николай Коробицын, находившийся на борту «Невы» и на протяжении всего плавания ведший подробные «Записки», особое

внимание уделит ритуалу поднятия флага в Ново-Архангельске. «Посреди крепости, — писал он, — находится площадь длиною до 20, а шириною до 10 сажень, на середине оной находится флагшток, на коем в праздничные дни, равно и при входе в гавань каких-либо судов, поднимается компанейский флаг, особо от правительства компании данный, изображающий в половину ширины белую полосу с находящимся на оной золотым российским гербом, другая же половина одного составляет синюю и красную полосы»¹².

Мог ли Николай Коробицын видеть в Ново-Архангельске именно флаг Российско-Американской компании за год до официального «высочайшего» утверждения рисунка флага или это ошибка памяти, вкравшаяся в «Записки» при их переписке с черновых набросков, — вот загадка, оставшаяся не разрешенной.

На известных рисунках Ново-Архангельска, выполненных очевидцами — участником Первой русской кругосветной экспедиции доктором медицины и натуралистом Г. Лангсдорфом в 1806 г.¹³, «штурманским 14-го класса помощником» И. Ф. Васильевым в 1807 г.¹⁴, Чернышовым (по-видимому, также в 1807 г.)¹⁵, — флаг над крепостью изображен с государственным орлом, крылья которого подняты вверх. Можно лишь предполагать, что утвержденный рисунок флага Российско-Американской компании к тому времени еще не дошел до Ново-Архангельска, и на первых порах на флаге помещали российского государственного орла начала XIX в.

Между тем на публикуемой впервые акварели, выполненной и подписанной «креолом Александром Ольгиным 20 июля 1837 года» (рис. 2)¹⁶, над домом Главного правителя в Ново-Архангельске и на стоящих на рейде компанейских судах подняты флаги, по виду более близкие флагу из Эрмитажного собрания.

Флаг Российско-Американской компании поднимался в Русской Америке до 1867 г. Согласно Мнению государственного совета, утвержденному 14 июня 1865 г. Александром II, относительно продления привилегий, прав и обязанностей Российско-Американской компании на четвертый по счету срок — до 1 января 1882 г., особым пунктом оговаривалось, что «сохраняется за компанией право поднимания на ее судах высочайше утвержденного особого флага, ношения формы одежды служащими на ее судах и употребление печати с государственным гербом»¹⁷.

В связи с заключением 30 марта (по новому стилю) 1867 г. договора о продаже русским правительством Аляски США, 18 октября того же года в Ново-Архангельске состоялась официальная церемония передачи Русской Америки Соединенным Штатам. Этой церемонии придавалось большое значение, и в литературе, особенно американской, ей уделено много внимания.

Для участия в церемонии смены флагов в Ново-Архангельск прибыли американские войска. 100 русских и 250 американских

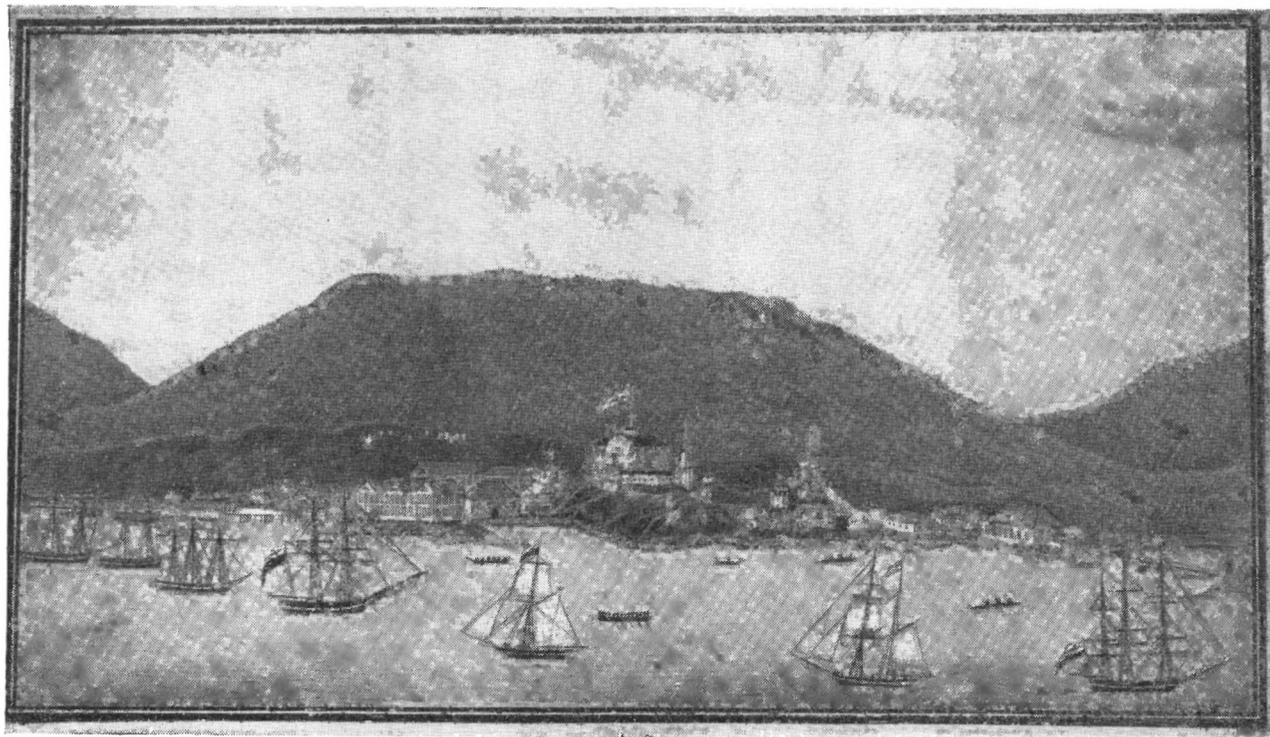

Рис. 2. Новоросси́йск 1837 г.

солдат и офицеров были выстроены в полной парадной форме на плац-параде у дома главного правителя. Салюту с американского судна ответили орудия в форте и с русских судов. После оглашения договора США с Россией начался спуск русского флага. Положение несколько осложнилось тем, что флаг при спуске застрял и русскому матросу пришлось подняться на 27-метровый флагшток, чтобы снять его. Спустя пять минут был поднят звездно-полосатый флаг США. При этом каждому флагу был дан двойной салют¹⁸.

Однако торжественность, которой была обставлена эта церемония, не могла скрыть истинного положения вещей. По сообщению комиссара Российско-Американской компании капитана 2-го ранга Коскуля, командированного в июне 1867 г. в Ново-Архангельск для ликвидации дел компании, права компании были нарушены и прямо и косвенно тотчас по получении известия об уступке колоний и задолго до передачи. «Обнаружилось, что суда компании не имели права плавать в некоторых случаях по отделам колоний под русским флагом, и потому нам приходилось различными угождениями и уступками приобретать для них американский флаг»¹⁹.

Так бесславно русское правительство покончило с делами своей далекой заокеанской территории — Русской Америки.

* * *

С первых лет господства США непрерывно росло военно-стратегическое значение Аляски. В послевоенные десятилетия Аляска заняла особое положение в планах правящих кругов США. Этим объясняется и непрерывный рост ассигнований на различные научно-исследовательские работы, в том числе и исторического характера.

В 1935 г. в США был принят специальный «Акт об исторических местах, представляющих исключительную ценность для увековечения или иллюстрации истории США». В этой связи возрос интерес к изучению русского периода в истории Аляски. Наибольший размах приобрели эти исследования после 1959 г., когда территория Аляски была объявлена 49-м штатом Америки. Одним из исторических мест объявлено место поднятия в 1867 г. американского флага в Ситке. На площадке, где происходила церемония передачи Аляски, установлен высокий флагшток с американским флагом. Рядом — мемориальная доска и шесть или семь старых русских железных пушек²⁰.

¹ П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. 1, приложение 3. СПб., 1861.

² «Album des pavillons, guidons, plammes de toutes les puissances maritimes a vec texte par M. A. LE CRAS...» Paris, 1858, tabl. 59 (ЦГА ВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 939).

- ³ Н. Н. Bankroft. Works. History of Alaska, vol. XXXIII. San Francisco, 1886, p. 335.
- ⁴ ЦГА ВМФ, ф. 198, оп. 1, д. 79, л. 38.
- ⁵ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 1, 1806 г., д. 304, л. 2—5.
- ⁶ «Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головинным». М., 1965, стр. 136; О флаге см. также: «Путешествие на шлюпе «Диана» из Кроноштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головинна в 1807—1811 годах». М., 1961, стр. 321.
- ⁷ Гос. Эрмитаж, отдел истории русской культуры, № 3н—Эр—6024. Общий размер флага 94×168 см, ширина нижней красной полосы—18,5 см, голубой—19,5 см, белой—56 см. Поступил в фонды Государственного Эрмитажа в 1848—1849 гг. из Артиллерийского исторического музея, куда он в свою очередь попал из старого эрмитажного собрания, вероятно, в конце 1820-х годов. О его первоначальном поступлении в Эрмитаж сведений не имеется. Сведения об эрмитажном экземпляре флага и его фотографии любезно предоставлены автору старшим научным сотрудником Эрмитажа К. К. Мамаевым.
- ⁸ К. Т. Хлебников. Записки о колониях в Америке. Рукописная копия. Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, ф. 115, д. 447, л. 112.
- ⁹ ЦГА ВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 2622, л. 66. Рисунок не имеет авторской подписи.
- ¹⁰ «A Voyage round the World, in the years 1803, 4, 5, 6... in the ship «Neva» by Urey Lisiansky». London, 1814, p. 218—219.
- ¹¹ «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах... на корабле «Нева» под начальством Юрия Лисянского», ч. 2. СПб., 1812, стр. 18.
- ¹² «Записки в продолжение 9-летнего в Сибирь обращения и 3-годичного на корабле «Нева» вокруг земного шара вояжирования, ведены с кратким и с практическим разных мест и народов замечаниями с 1795 по 1806 год великоустюжским купцом Николаем Коробицыным». Архив Географического общества СССР, разряд 99, оп. 1, д. 140, л. 49. Опубликованы под названием «Записки приказчика Российско-Американской компании, 1795—1807» в сб. «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв.». М., 1944.
- ¹³ G. H. Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807, Bd. 2. Frankfurt am Main, 1812, S. 76, Tabl. 6.
- ¹⁴ ЦГА ВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 133. Аналогичный рисунок опубликован в «Атласе географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке, XVII—XVIII вв.», под ред. члена-корр. АН СССР А. В. Ефимова. М., 1964, № 169 (нижняя правая четверть)
- ¹⁵ ЦГА ВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 133.
- ¹⁶ Там же, оп. 3, д. 61, л. 20.
- ¹⁷ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 181, № 10, л. 108.
- ¹⁸ Г. А. Агранат. Первые полвека американского господства на Аляске. «Летопись Севера», вып. 3. М., 1962, стр. 223; Romaine Hardcastle. Alaska Day Festival. Commemorating the Purchase Transfer of Alaska from Russia to U. S. A. [S. 1., s. d.].
- ¹⁹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 181, № 49, л. 323.
- ²⁰ Alaska History (1741—1910). Political and Military Affairs, 1865—1910. Special Study. Theme XXI. The National Survey of Historic Sites and Buildings. [S. 1.], 1961.

Неопубликованная статья «летописца Русской Америки»

К. Т. Хлебникова

(по поводу одного письма А. С. Пушкину)

Тридцать лет тому назад в Архиве Пушкинского Дома Академии наук СССР было найдено неизвестное ранее послание, адресованное великому поэту¹. «Один из здешних литераторов, будучи у меня в квартире, прочитал писанное мной для себя введение в историческое обозрение российских владений в Америке, — говорилось в нем, — и, не знаю почему одоблив его, советовал напечатать в Вашем или другом журнале, принимая на себя труд передать мою рукопись». Далее автор замечал: «Если бы случилось, что некоторые мысли мои будут противны Вашим, тогда их можно уничтожить; но буде Вам угодно будет на что-либо пояснения, тогда по первой повестке за особенную честь себе поставлю явиться к Вам, или куда назначите, для ответа... Мое дело было и есть удивляться Вашим образцовым произведениям, с которыми ознакомился, проживая в Новом Свете, и которые обязали меня быть к Вам всегда с полным уважением и преданностью...»

Письмо это, датированное 7 января 1837 г., принадлежало выдающемуся русскому путешественнику К. Т. Хлебникову², который возвратился незадолго до того из Америки, где провел многие годы. Не вызывает удивления то, что автору рекомендовали обратиться в журнал «Современник», проявлявший тогда, как и вся прогрессивная печать, интерес к американским проблемам. Да и его издателя, конечно, заинтересовала бы составленная знатоком работа об Америке и о русских поселениях.

Однако статья не была помещена на страницах «Современника»³. Через три с небольшим недели Пушкин погиб. Наверное, он не успел предпринять что-либо для ее напечатания. Тем не менее «Введение» вместе с сопроводительным письмом было передано поэту, и, надо полагать, в последние дни жизни он познакомился с ним. Но о какой же рукописи шла речь?

Л. Б. Модзалевскому при подготовке своей публикации не удалось обнаружить статьи Хлебникова под названием «Введе-

ние в историческое обозрение российских владений в Америке»⁴ и он выдвинул предположение, что это была работа, доставшаяся позднее от букиниста писателю А. П. Соколову и изданная в 1861 г.⁵ По словам А. П. Соколова, на книжный рынок рукопись попала от наследников бывшего директора Российско-Американской компании И. В. Прокофьева. Замечание Л. Б. Модзалевского повторялось затем как установленный факт в нескольких биографических очерках, посвященных Хлебникову⁶. Между тем едва ли можно считать эту гипотезу справедливой.

Если познакомиться с сочинением, напечатанным в 1861 г. в приложении к «Морскому сборнику», то прежде всего возникнет вопрос, как мог Хлебников в письме Пушкину назвать этот труд более чем в 10 печатных листов «запиской», а к тому же еще и «Введением в историческое обозрение», когда в нем последовательно излагались эпизоды этой истории. Непонятна и брошенная им фраза об отдельных мыслях, которые в крайнем случае «можно уничтожить». Исходя из этого, надо думать, что путешественник предлагал Пушкину какую-то другую рукопись, позже затерявшуюся среди архивных документов автора.

Еще первый биограф Хлебникова Н. А. Полевой говорил, что в наследии ученого множество ценных научных материалов, в особенности по истории Русской Америки и русских географических открытий, и что их владелец при жизни никак не находил времени привести эти сведения в порядок⁷. Н. А. Полевой в одной из заметок объяснил то, что большинство работ Хлебникова осталось неопубликованными, чрезвычайной скромностью автора, которая «была такова, что он уступал только самой неотступной просьбе других и сам никогда не хотел ничего печатать»⁸.

В переписке знаменитых русских ученых и мореплавателей Ф. П. Литке и Ф. П. Врангеля есть несколько замечаний, наводящих на мысль, что были и еще какие-то причины этого. Посетив летом 1827 г. Ново-Архангельск, Литке познакомился с понравившимся ему историческими записками Хлебникова и использовал их в книге о собственном путешествии⁹. Через пять лет Хлебников прислал ему в Петербург свою рукопись. Взявшись содействовать ее публикации, Литке натолкнулся на серьезные препятствия, что видно из его письма Врангелю на Ситху: «Прекрасные записки Хлебникова лежат под спудом под тем предлогом, что без автора издать их неловко. А посмотришь, придет автор, то ему даже попрепятствуют»¹⁰. Он высоко ценил труды Хлебникова, но, видимо, в них были какие-то соображения, малоугодные властям, или же сказалось то, что когда-то имя историка фигурировало в «Алфавите декабристов». Иначе трудно истолковать смысл этих строк. В следующем письме Литке Врангелю читаем: «Записки Хлебникова я отдал переписать; еще не знаю, что с ними буду делать»¹¹. После смерти автора рукопись оказалась у Врангеля, который также безуспешно пытался ее издать. Этими

материалами пользовался академик К. М. Бэр, что еще раз подчеркивает их научную значимость¹². Впоследствии они поступили, по всей вероятности, в Архив Географического общества. Такова судьба одного из сочинений Хлебникова, изученных, к сожалению, еще далеко не достаточно.

Возвратясь из-за океана в Петербург, Хлебников решил завершить свой долготелый труд, который скромно называл «Записками о колониях в Америке». Книга включала шесть объемистых частей (подробный обзор их впервые дается в статье Р. Г. Ляпуновой)¹³. Не раз посылал Хлебников эти разделы читать своим друзьям-литераторам, для чего снимал копии, дополняя и редактируя текст. Пожалуй, этим и объясняется обилие его разрозненных рукописей с одним названием в наших архивах.

«Введение», отправленное Хлебниковым А. С. Пушкину для напечатания в «Современнике», скорее всего представляло небольшую программную статью, которая должна была служить чем-то вроде предисловия к задуманному труду о Русской Америке. В поисках этого документа нам пришлось ознакомиться со многими рукописями ученого. Наиболее интересной в этом смысле оказалась одна из них, хранящаяся в Архиве АН СССР в Ленинграде¹⁴. Это переплетенный том, где собрано несколько статей и материалов. Первая из них — «Статистические сведения о колониях Российско-Американской компании» — была, как нам удалось установить, опубликована в 1834 г. без подписи в одной из петербургских газет¹⁵. Затем следует «Прибавление», начинавшееся словами: «Присовокупляю к сему некоторые известия о народах, населявших колонии Российско-Американской компании при смене Баранова, по тому понятию, какое по различным сведениям, соображениям и собственным наблюдениям я о них имею»¹⁶. Мы находим здесь любопытные заметки о тогдашних коренных обитателях Русской Америки, описание обычаев алеутов, эскимосов и др. Любопытны лингвистические заметки, сопоставления языка тлинкитов (колошей) с языком ацтеков в Мексике, приведенный «Алеутский букварь» И. Вениаминова (И. Е. Попова) и лингвистические таблицы, например «Сравнение главнейших слов языка гренландского происхождения».

На 28-м листе тома помещено «Оглавление» II части «Записок», содержащей подробные сведения об о-ве Кадьяк. Ему предшествуют пять листов, которые не могут не привлечь нашего внимания. Ровный каллиграфический почерк отличает эти страницы от остальных, они подписаны автором¹⁷. Вверху крупный заголовок — «Введение». За ним, судя по общему названию фолианта, выгравированному на корешке, должно было следовать «Историческое обозрение Российских владений в Северо-Западной Америке и по островам Алеутским». Этот текст не мог служить предисловием только к материалам об истории Кадья-

ка, среди которых случайно оказался, поскольку речь в нем шла об Америке в целом. Прочитав «Введение», легко убедиться, что эту-то тщательно переписанную рукопись и послал Хлебников Пушкину за несколько недель до смерти поэта.

Под заголовком — посвящение большому другу путешественника Ф. П. Врангелю¹⁸. Статья начинается восхвалением деяний Петра I, направленных на развитие русского мореплавания, а затем автор переходит к хорошо знакомой ему теме — открытию Америки. «Открытие Нового Света произвело эпоху во всемирной истории. Кто не знает Колумба, Пизарро, Кортеса? Окинем быстрым взглядом связь происшествий, помыслим дни первые и лета вечные помянем и поучимся»¹⁹. Испанские завоеватели твердили, что несут просвещение и религию нецивилизованным народам Америки, «но подобные предлоги не скрывали существенной цели, и История заметила, что Испания поставляла оную в золоте и серебре Мексики, Перу и Чили; Португалия — в золоте и алмазах Бразилии»²⁰, — писал Хлебников.

Он провел за океаном 16 лет, ему приходилось бывать в Бразилии, Эквадоре, Гватемале. «Несколько раз плавал он в Калифорнию, Мексику, Перу, Чили, обозрел, подробно узнал всю Русскую Америку, — рассказывал о Хлебникове Н. А. Полевой, — и едва ли кто имел о тамошних странах понятия столь верные, опытные и обширные»²¹. Он жил там как раз в те годы, когда страны Испанской Америки одна за другой освобождались от колониального гнета метрополии.

Одно упоминание об испанцах вызывало гнев у коренных жителей Перу, Чили, Мексики, отмечал Хлебников, и это было неудивительно. Вот причина тому: «Открыта Америка, найдено золото, и для приобретения оно пролиты реки крови человеческой, и, как говорят писатели, пролиты с намерением истребить первобытных жителей и сделаться самовластными обладателями сокровищ»²². Автор приводит красноречивые цифры о награбленных в Америке драгоценностях, заимствованные из трудов его современника Александра Гумбольдта.

Коварны были методы колонизации: «Система Испании была, чтоб истребить или, по крайней мере, сильно уменьшить коренных жителей и золото из недр земли извлекать отнятыми у родины африканцами; система Португалии была — содержать в строгом рабстве, обуздать религией и поддерживать ужасами инквизиции»²³. Не осталась вне внимания Хлебникова и внутренняя борьба завоевателей: «Голландцы, торговыми видами приманив обитателей Восточной Индии (правильно — Вест-Индии. — Б. Л.), осилили португальцев, но и сами в свою очередь гордым обхождением огорчили народы, которые охотно передались англичанам, кои подарками и свободным обхождением умели привязывать... Так они (англичане. — Б. Л.) приобрели доверенность, но, получив оную, подводили уже под свои прави-

ла постепенно и неприметно в кругу обыкновенных происшествий»²⁴.

Вторая часть «Введения» посвящена характеристике русских открытий и освоению Алеутских островов и Аляски, которое дается в сравнении с действиями испанских конкистадоров в Америке. Историк подчеркивает значительную разницу между опытными и вооруженными отрядами Кортеса, которые в поисках золота высадились в прекрасных в климатическом отношении районах Мексики, и горстью русских промышленников в 40 человек во главе с Михаилом Неводчиковым, сумевших в 1745 г. на плохих судах, благодаря только своему мужеству и ценой многих лишений открыть Алеутские острова.

Заканчивается «Введение» такими словами: «Храбрые, но жестокие испанцы с крестом в руках именем бога искореняли жителей-идолопоклонников. Грубые и сильные русские с крестом на груди поставляли за грех напрасно губить диких»²⁵.

При всем предпочтении, которое Хлебников отдает соотечественникам, он не склонен к безоговорочной апологии русских.

Хлебников рассказывает, например, что на суда частных торговых компаний, отправлявшихся к североамериканским землям, русское правительство назначало одного или двух казаков, чтобы собирать ясак с местных жителей этих краев.

«Введение» предназначалось для публикации, и это наложило определенный отпечаток на документ. Между строк нередко звучат нотки сомнения в благородстве царских предприятий. Но Хлебников, облеченный высшими полномочиями директора Российско-Американской компании, не позволяет себе далеко заходить в таких сомнениях и сразу же оговаривается, что насилие применялось только в самых необходимых случаях, а эпизоды раздоров и столкновений были настолько малозначимы, что о них можно и не упоминать.

И «Введение», и следующее за ним историческое описание Кадьяка серьезно готовились к печати, хотя изданы не были. Об этом говорят, например, пометки рукой неизвестного рецензента²⁶.

Принадлежавшее перу К. Т. Хлебникова предисловие к большому историческому труду о российских владениях в Америке, на наш взгляд, отчасти раскрывает общий замысел и направленность задуманной книги.

¹ Письмо было впервые опубликовано видным советским литературоведом Л. Б. Модзалевским (Л. Б. Модзалевский. Пушкин и К. Т. Хлебников. В сб. «А. С. Пушкин и Сибирь». М.—Иркутск, 1937, стр. 155—164). В настоящее время оно хранится в Рукописном отделе Ин-та русской литературы (Пушкинской Дом) АН СССР (ф. 244, оп. 2, № 211, лл. 1—1 об.).

² Кирилл Тимофеевич Хлебников (1780—1838) — талантливый и самобытный исследователь, писатель, с 1837 г. — член-корреспондент Петербургской Академии наук по разряду политических наук. В 1814 г. назначен правителем главной конторы Российско-Американской компании. Знакомство

с Г. И. Лангсдорфом, будущим академиком и генеральным консулом России в Бразилии, пробудило в нем интерес к естествознанию, к изучению природы. Его жизнь и бесконечные путешествия по Америке полны приключений. Только по морям он проделал огромный путь в 115 тысяч миль. С 1833 г. был правителем дел, а с 1835 г. — директором Российско-Американской компании. Из Америки часто присылал свои зоологические и этнографические находки в Академию наук.

³ Л. Б. Модзалевский. Указ. соч., стр. 163.

⁴ Там же, стр. 164.

⁵ «Записки К. Хлебникова о Америке». «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. III. СПб., 1861, стр. 1—174 (Приложение к журналу «Морской сборник», 1861, № 3).

⁶ См., например, Б. Н. Вишневецкий. Путешественник Кирилл Хлебников. Пермь, 1957, стр. 47, 48.

⁷ Н. А. Полевой. Кирило Тимофеевич Хлебников. «Сын Отечества», 1838, т. 4, отд. VI, стр. 5.

⁸ Н. Полевой. Кирило Тимофеевич Хлебников. «Северная пчела», 3.VIII 1838, № 174, стр. 696.

⁹ Ф. П. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». 1826—1829. М., 1948, стр. 45.

¹⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 2057, оп. 1, № 452, л. 54.

¹¹ Там же, л. 68 об.

¹² 11 июня 1841 г. К. М. Бэр писал Ф. П. Врангелю, сообщая, что собирается зайти к нему по делу: «Может быть, тогда я смогу бы еще раз просмотреть возвращенные Вам материалы Хлебникова об американских колониях. Мне надо в них справиться о появлении песцов на Курильских островах так как я нахожу об этом противоречивые сведения». Эти данные требовались ему в связи с работой над статьей «Известие о песце *Canis Lagopus*, убитом на южном берегу Финского залива...», опубликованной в 1842 г. в «Научном бюллетене» Академии наук (ЦГИА ЭССР, ф. 2057, оп. 1, № 472, л. 35 об.).

¹³ См. статью Р. Г. Ляпуновой в настоящем сборнике.

¹⁴ ЛОААН, р. II, оп. 1, д. 275, лл. 1—65 об.

¹⁵ «Статистические сведения о колониях Российско-Американской компании». «Коммерческая газета», 1834, № 80, стр. 313, 314; № 81, стр. 317, 318; № 87, стр. 341; № 90, стр. 354; № 93, стр. 365, 366; № 96, стр. 377; № 98, стр. 386; № 99, стр. 389.

¹⁶ ЛОААН, р. II, оп. 1, д. 275, л. 16.

¹⁷ Там же, лл. 23—27 об.

¹⁸ Фердинанд Петрович Врангель (1796—1870) — выдающийся мореплаватель, почетный член Академии наук. В 1829—1835 гг. — главный правитель русских колоний на Аляске; проявлял заботу об улучшении положения местных жителей и колонистов. С 1840 по 1849 г. был директором Российско-Американской компании. Об искренних, дружеских отношениях Врангеля с Хлебниковым рассказывает их неопубликованная переписка, хранящаяся в ЦГИА ЭССР и Государственном архиве Пермской области.

¹⁹ ЛОААН, р. II, оп. 1, д. 275, л. 23.

²⁰ Там же, л. 23 об.

²¹ Н. Полевой. Кирило Тимофеевич Хлебников. «Северная пчела», 3.VIII 1838, № 174, стр. 695.

²² ЛОААН, р. II, оп. 1, д. 275, л. 24.

²³ Там же, л. 25.

²⁴ Там же, л. 25 об.

²⁵ Там же, л. 27 об.

²⁶ Б. Н. Вишневецкий предположил, что рукопись, посланную К. Т. Хлебниковым А. С. Пушкину, предварительно читал и правил друг автора молодой поэт А. Г. Ротчев (Б. Н. Вишневецкий. Путешественник Кирилл Хлебников и его научное наследие. В кн.: «На Западном Урале. Сборник статей». Молотов, 1956, стр. 130).

Рукопись К. Т. Хлебникова
«Записки о колониях в Америке»
как источник по этнографии
и истории Аляски и Алеутских островов

Деятельность К. Т. Хлебникова, которого по праву называют «старожилом и летописцем Русской Америки»¹, относится к 30—40 годам XIX в.— ко времени интенсивного этнографического изучения Аляски русскими исследователями.

Кирилл Тимофеевич Хлебников (1780—1838), уроженец приуральского города Кунгура, «мещанский сын», с 1801 г. был служащим компании — приказчиком и комиссионером в Гижигинске и на Камчатке. В эти годы он встречался с крупнейшими мореплавателями и учеными И. Ф. Крузенштерном, П. И. Рикордом, В. М. Головниным, Г. И. Лангсдорфом и другими, что оказало на него значительное влияние.

В 1818 г. Хлебников был назначен правителем Ново-Архангельской конторы в Русской Америке. На этом посту он проработал 15 лет, основательно изучив за это время Русскую Америку, и все это время он интересовался естественнонаучными, историческими, политико-экономическими вопросами: собирал материалы по языку американских народов, их культуре, истории Российско-Американской компании. Кроме того, в этот период им были собраны ценные коллекции естественноисторических и этнографических предметов, которые хранятся в разных музеях Академии наук СССР.

В 1832 г. К. Т. Хлебников переехал в Петербург и стал одним из директоров Российско-Американской компании. В 1837 г. Петербургская Академия наук избрала его членом-корреспондентом (по разделу политических наук).

При жизни Хлебникова были изданы его «Записки о Калифорнии»² «Первоначальное поселение русских в Америке»³, «Жизнеописание А. А. Баранова»⁴, «Взгляд на полвека моей жизни»⁵, «Жизнеописание Г. И. Шелихова»⁶ и «Отрывки из записок русского путешественника (К. Х.) в Бразилию в 1833 г.»⁷ и некоторые другие статьи.

Этим не исчерпывается творческое наследие К. Т. Хлебникова. В его некрологе Н. А. Полевой писал: «Мы видели у него богатые запасы сведений по истории Русской Америки и русских путешествий, которых не находил он времени привести в порядок. Записи о своих собственных путешествиях составляли у К. Т. большие портфели»⁸.

В 1861 г. в «Материалах по истории русских заселений по берегам Восточного океана»⁹ была опубликована рукопись К. Т. Хлебникова «Записки об Америке»¹⁰. Содержание ее составляли две части: 1) «Новоархангельск на острове Баранове», 2) «Крепость Росс».

Но эти две части составляют лишь I и VI части «Записок...» К. Т. Хлебникова.

«Записки о колониях в Америке» в целом состоят из следующих частей: I — «Порт Новоархангельский на Ситхе»; II — «Кадьяк с подведомственными местами»; III — «Уналашка, часть полуострова Аляски и Лисьи острова»; IV — «Атха, Андреяновские, Ближние и Командорские острова»; V — «Прибыловы острова, остров Матвея и часть Северной Америки»; VI — «Селение Росс на берегах Нового Альбиона».

Основная рукопись «Записок...» (автограф) хранится в Архиве Всесоюзного географического общества в фонде Ф. Ф. Веселаго¹¹. В Архиве ЛОИИ АН СССР хранится другой экземпляр «Записок...» (писарская копия)¹², но без II части («Кадьяк с подведомственными местами»), которая находится в Архиве АН СССР и переплетена вместе с другой рукописью Хлебникова: «Историческое и статистическое обозрение русских владений в Северо-Западной Америке и по островам Алеутским»¹³.

В Архиве ВГО, также в фонде Ф. Ф. Веселаго, есть дело, озаглавленное «Кадьякский отдел, о-в Кадьяк (о положении дел в отделе). Замечания для пополнения записок К. Хлебникова (1833—1834 гг.)»¹⁴. Эту часть тоже следует отнести к «Запискам...»

Опубликованные части работы (I и VI) здесь рассматриваться не будут, так как текст рукописи совпадает с изданным. Исключения составляют дополнительные сведения в I части за период с 1826 по 1829 г., имеющиеся только в рукописи. В рукописи VI части отсутствует заключительный раздел, имеющийся в печатном тексте.

Часть II — «Кадьяк с подведомственными местами» — начинается с краткой истории освоения русскими о-ва Кадьяка, изложенной в основном по В. Берху¹⁵ и Г. Шелехову¹⁶. Затем даются сведения о природных условиях острова. При изложении сведений о его коренных обитателях Хлебников ссылается на труды Г. А. Сарычева, Ю. Ф. Лисянского, Г. И. Давыдова, Г. И. Лангсдорфа, В. М. Головнина и других, давая характеристику данным каждого автора. Он излагает мнения Г. Шелехова, Г. Лангс-

дорфа и датского натуралиста Вормснильда о сходстве кадьякцев с гренландскими эскимосами и приводит доводы в пользу азиатского происхождения кадьякцев (прежде всего сходство их с ительменами).

Далее идут сведения о численности островитян и материалы переписей 1792, 1796, 1800, 1806, 1817, 1824, 1825 гг. по Кадьяку и кадьякскому отделу¹⁷. Много страниц уделяется данным о промысле зверей и статистике его (с 1794 по 1833 г.). Приводятся также сведения о капитале, обращающемся по Кадьякской конторе (после смены А. Баранова с 1818 по 1829 г.).

Затем дана характеристика Павловской гавани на Кадьяке (местоположение, строения, коренное население и служащие, больница, школа и «воспитательный дом» для девиц). Описан промысел алеутами морских бобров и других морских животных, птиц, еврашек и других «земляных зверей» с указанием, какая одежда и из чего изготавливается.

Далее описаны отделы Кадьякской конторы: Игакская, Трехсвятительская, Карлукская, Афогнакская, Укалюкская артели¹⁸ и др. (местоположение, хозяйственная жизнь, население). При описании Николаевской крепости в Кенайской губе Хлебников излагает историю ее основания, говорит о природных условиях, о хозяйственном состоянии крепости, а затем дает характеристику обитающим около нее племенам, особо останавливаясь на их празднествах и на обмене. Затем рассказано о Константиновской крепости на о-ве Нучеке (история открытия острова и его освоение, природные условия, окружающие народы — чугачи и медновцы, торговля и обмен с ними). Подобным образом описана Александровская крепость на р. Нушагаке.

В заключение даны: «Отношения русских байдарщиков к алеутам и образ управления», «Сношения Кадьяка с подчиненными местами» и «Замечания о неизвестных островах в окрестности Кадьяка».

Часть III — «Уналашка, часть полуострова Аляски и Лисьи острова» — начинается с изложения истории первых посещений русскими Алеутских островов¹⁹. Затем Хлебников говорит об экспедиции Дж. Кука, испанских экспедициях Мартинеса и Харо (1788). Приведенные им замечания Баранова об Уналашке, относящиеся к 1790 г.²⁰, представляют большой интерес. Здесь описаны занятия алеутов, их жилища, орудия, оружие, «игрушки». Далее приводятся материалы Сарычева и Лангсдорфа и, наконец, замечания о жителях (число, нравы, обычаи, одежда, «замечание о разности алеутских диалектов») самого автора.

Хлебников приводит подробные сведения о вывозе алеутов в разные годы из Уналашки на Кадьяк, Ситху и другие места промыслов, где они преимущественно и оставались.

Здесь, так же как в предыдущих частях, даны таблицы промыслов пушных зверей.

Затем Хлебников описывает «настоящее состояние Уналашки и отделов оной». Он говорит сначала о природных условиях, затем о «состоянии в колониальном отношении»: «разные заведения», гавань и главное селение, Унгинская, Сангахская, Укамо-кская, Акунская и Умнакская артели. Описаны лисьевские алеты.

В разделе о промыслах рассказывается об охоте на моржей, китов, бобров, сивучей, нерп, песцов и птиц. Приводится статистика промыслов с 1818 по 1827 г.

Заканчивается раздел сведениями о капиталах в конторе (с 1818 по 1827 г.)

Часть IV — «Атха, Андреяновские, Крысы, Ближние и Беринговы острова» — также содержит большой исторический раздел, в котором описывается история открытия и исследования этих островов, имеются первые сведения об островитянах и начале хозяйственного освоения островов²¹.

Приводя большие выдержки из записок штурмана И. Васильева и оценивая их в общем весьма положительно, Хлебников дает к ним примечания, уточняя данные автора. Среди этих поправок есть любопытные сведения, например, о причине переселения алеутов с о-ва Амчитки.

Затем Хлебников описывает острова Атхинского отдела в целом, приводит географические сведения, данные о народонаселении — на 1827 г. Далее рассказано отдельно об о-ве Атха (природные условия, характеристика коренных жителей, любопытное описание пещеры с мумией, промыслы). В подобном же плане описаны острова Амля, Адах, Канага, Танах и более мелкие.

Более бегло сказано о Крысых островах.

При описании Ближних островов Хлебников приводит «мнения и рассуждения о названии Алеутские острова и алеут» Подробно описаны острова Атту, Агатту, Семичи и изложены «произведения сих островов». Далее — Беринговы острова: о-в Беринга и о-в Медный. Затем — Алеутские острова в целом: их расположение, природные ресурсы, алеутские предания о жителях островов.

Интересны выписки, сделанные Хлебниковым из документов, хранившихся у тоёна Голодова (о-в Атту). Это «архив — пишет Хлебников, — переходящий от тоёнов к наследникам их власти». Он иллюстрирует историю колонизации Алеутских островов (с 1769 по 1794 г.).

О порядке управления русских островами говорится в главе «О главном тоёне, выборе и утверждении оного».

Далее следует описание Атхинского отдела в «колониальном отношении» и селений на островах Атхе, Атту, Беринговых, Амчитке. В той же последовательности описано снабжение продовольствием русских промышленников.

Описание промыслов бобров, песцов и китов алеутами сопровождается интересными сведениями об оружии, организации промыслов и статистикой. В заключение даны сведения о капиталах конторы.

«Пополнение к IV части...» состоит из журнала морехода Ингенстрема с выдержками из путевых записок правителя. С. Сицова (плавание на боте «Сивуч» в навигацию 1828 г. для обозрения подведомственных Аткинской конторе отделов). «Пополнение» также содержит большой фактический материал по природным условиям островов. Далее приложены «Акты правительства по Андреяновским островам» (с 1780 по 1812 г.).

Часть V — «Прибыловы острова, остров Матвея и часть Северной Америки». Перед ней вложена копия с пространного донесения А. Кашеварова «Первоначальные сведения о состоянии и действии Редута Св. Михаила». Эта записка, относящаяся к 1834 г., содержит описание ранних отношений служащих редута с окружающими племенами и походов Глазунова. Здесь же имеются «замечания» Кашеварова с этнографическими сведениями о встреченных им народах.

Исторический раздел V части содержит выдержки из трудов Сарычева, Берха, Лангсдорфа, так как, по утверждению Хлебникова, сведения об этих островах в разных книгах разные и расходятся с его сведениями. Далее Хлебников излагает рассказы промышленников, свои собственные наблюдения и др., характеризующие природные условия островов, историю их освоения и население.

Затем описывается «состояние Прибыловых островов в колониальном отношении», их население с данными переписи 1825 и 1829 гг., его занятия (промысел котиков, сивучей, моржей, песцов, птиц и сбор выкидного леса), селения. После этого дана статистика промыслов. В заключение приведены сведения о капиталах конторы (с 1818 по 1829 г.).

Далее описан о-в св. Матвея, сведения о котором сообщены Хлебникову жившим там «промышленным» Архимандритовым. Здесь сказано о минералах на острове, его растительности, зверях, птицах, истории промыслов компании на острове.

При описании части Северной Америки (у Берингова пролива) Хлебников касается предания о р. Хеуверен и обитающих около нее русских. Сведения об этой части материка излагаются Хлебниковым по Куку, Коцебу, Хромченко и материалам капитанов Васильева и Бичи.

Для изучения культуры и быта коренного населения Аляски и Алеутских островов «Записки...» Хлебникова являются источником, значение которого трудно переоценить. Они позволяют восстановить многие важные страницы этнической истории Аляски и Алеутских островов первой половины XIX в. По широте охвата материала, по множеству сведений, по обилию статисти-

ческих данных рукопись К. Т. Хлебникова представляет собой уникальный источник.

- ¹ М. В. Степанова. Из истории этнографического изучения б. русских владений в Америке. СЭ, 1947, № 3, стр. 141—144.
- ² «Сын отечества», 1829, т. 174, ч. II и III.
- ³ «Радуга», 1833, кн. II, III, V.
- ⁴ СПб., 1835.
- ⁵ «Сын отечества», 1836, т. 175.
- ⁶ «Сын отечества», 1838, т. II, отд. III.
- ⁷ «Северная пчела», 1838, № 56 и 57.
- ⁸ «Сын отечества», 1838, т. IV, кн. VII, отд. VI.
- ⁹ Приложения к «Морскому сборнику», 1861, вып. 3.
- ¹⁰ На стр. I имеется примечание историка Русской Америки А. Соколова: «Рукопись найдена у букиниста, которому досталась от наследников бывшего директора Американской компании Прокофьева».
- ¹¹ Краткое упоминание об этой рукописи Хлебникова содержится в работе С. Окуня «Российско-Американская компания» (М.—Л., 1938, стр. 7). В «Известиях Всесоюзного географического общества» за 1955 г. (т. 37, вып. 6, стр. 579) сообщается: «В Архиве хранится в оригинале и копиях ряд документов, связанных с деятельностью Российско-Американской компании, собранных известным историком русского флота Ф. Ф. Веселаго.. Большой интерес представляют труды неизвестного автора «Записки о колониях Российско-Американской компании». Записки охватывают период с 1817 по 1830 г. (условно) и содержат интересные сведения по этнографии, статистике, географии, торговле и т. д.».
- ¹² Архив ЛОИИ, колл. 115, д. д. 344, 447.
- ¹³ Архив АН СССР, р. II, оп. 1, № 275, лл. 28—56об.
- ¹⁴ Архив ВГО, разряд 99, оп. 1, № 60.
- ¹⁵ В. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги Российского купечества... СПб., 1823, стр. 63—68.
- ¹⁶ Г. Шелехов. Российского купца Григория Шелехова странствование в 1783 г. СПб., 1791, стр. 20.
- ¹⁷ Кадьякский отдел включал в себя о-в Кадьяк, противоположащую ему часть Аляски, части побережий Кенайской губы и Чугацкой.
- ¹⁸ Названия артелей давались по селениям и островам.
- ¹⁹ В основном по В. Берху. Но Хлебниковым записан очень любопытный рассказ об этих событиях со слов одного старого алеута.
- ²⁰ Когда А. Баранов на судне «Три святителя» потерпел крушение у Уналашки и зимовал на ней.
- ²¹ Основываясь на изданиях Г. Стеллера, В. Берха, Г. Сарычева, записках штурмана И. Васильева и других материалах.

Происхождение и характер англо-американской войны 1812 года

О войне 1812 г. между Англией и США существует огромная литература — многие десятки больших и малых книг, специальных статей и обзоров. Их число еще более возросло в связи с отмечавшимся недавно столетием юбилеем. Детально исследованы самые разнообразные вопросы, связанные с ее предысторией, ходом военных действий, включая отдельные сражения, а также заключением Гентского мирного договора 24 декабря 1814 г. Несмотря на обилие исследований и большой период времени, прошедший с момента окончания войны, приходится, однако, констатировать, что по наиболее кардинальным проблемам, связанным с происхождением и характером конфликта, все еще не существует единого мнения ни в буржуазной, ни в марксистской литературе.

С давнего времени в американской буржуазной историографии утвердилось мнение о войне 1812 г. как о второй войне США за независимость. Патриотически настроенные историки доказывали, что между «республиканскими Соединенными Штатами и монархической Великобританией», которая «никогда не могла простить декларации независимости», конфликт был неизбежен. В рамках их логичной и простой концепции не было места ни противоречиям, ни сомнениям. Причин для недовольства действиями Англии у Соединенных Штатов оказывалось больше, чем достаточно, «огромное большинство американского народа» громко требовало прибегнуть к оружию, и соответственно с этим у конгресса не было другого выхода, кроме принятия декларации об объявлении войны¹.

В той или иной степени эту точку зрения разделяло большинство американских историков XIX в., обращавших внимание прежде всего на грубые нарушения Англией нейтральных прав США на море. По утверждению А. Мэхена, британские «указы в совете» (Orders in Council) вместе с «насильственной вербовкой» (impressment) американских матросов в английский флот

составляли главную и непримиримую основу разногласий, приведших к тому, что «оба государства были вовлечены в вооруженный конфликт»².

В несколько измененной и усовершенствованной форме традиционная концепция войны 1812 г. излагалась и в известной многотомной истории США, написанной Генри Адамсом. Хотя явная неприязнь консервативного автора к Т. Джефферсону (а отчасти и Д. Мэдисону) лишает в отдельных случаях его труд необходимой объективности, в нем дано одно из наиболее полных и компетентных описаний этой войны в буржуазной историографии³.

Развитая в американской литературе концепция оказала влияние и на европейских историков. В качестве примера можно сослаться на широко известную «Историю XIX века» под редакцией Лависса и Рамбо, где англо-американская война 1812 г. трактуется как «вторая война за независимость», цель которой — вырвать у Великобритании силой оружия отказ от «тиранических прав на море»⁴.

Постепенно, однако, традиционная точка зрения перестала удовлетворять даже самих американских авторов. В ее рамках оказывалось невозможным объяснить многие совершенно очевидные и бесспорные факты и прежде всего понять мотивы голосований в конгрессе США. Действительно, если усматривать причины столкновения только в политике Англии и ее деспотичных действиях на море, то в таком случае трудно понять, почему против войны решительно выступали как раз представители торговых северо-восточных штатов? И, наоборот, почему самыми воинственными оказались представители Запада и Юга, которых меньше всего затрагивали нарушения прав морского судоходства? Любой объективный исследователь не мог игнорировать экспансионистские притязания США в отношении английских и испанских владений на Американском континенте. И еще Г. Адамс со свойственной ему обстоятельностью был вынужден привести ряд воинственных высказываний конгрессменов от южных и западных штатов, которые открыто призывали к захвату Канады и полному изгнанию Англии с территории Северной Америки⁵.

В дальнейшем различные аспекты предыстории войны 1812 г. и, в частности, экспансионистские тенденции в политике самих США исследовались в работах Д. Андерсена, Л. Хэкера, Д. Пратта и др. Решающий удар по старым взглядам был нанесен в середине 20-х годов Д. Праттом, опубликовавшим специальную монографию об экспансионистах 1812 г. В отличие от Г. Адамса, Д. Пратт не только привел многочисленные факты об экспансионистских замыслах правящих кругов США, но и построил с их учетом новую концепцию войны 1812 г. Книга Д. Пратта выдержала несколько изданий (1925, 1949, 1957 гг.),

и в настоящее время ни один объективный исследователь не может игнорировать фактический материал, в изобилии приводимый на ее страницах⁶. Можно спорить о степени влияния экспансионистских планов США на характер войны 1812 г., но отрицать их наличие уже невозможно.

Наряду с монографией Д. Пратта значительная роль в понимании причин войны 1812 г. принадлежит Д. Тэйлору, который показал, что «экономическая депрессия» в предвоенные годы явилась «важным фактором», определившим поддержку, оказанную Западом сначала введению эмбарго, а затем и войне⁷.

Рассматривая историографию войны 1812 г., мы называем лишь наиболее важные исследования, сыгравшие принципиальную роль в изучении ее происхождения и характера. К сожалению, автору не удалось познакомиться с работой У. Гудмана, считающейся лучшим историографическим обзором «меняющихся интерпретаций» войны 1812 г.⁸

Характерной чертой большинства современных исследований является стремление возродить традиционную концепцию или в лучшем случае представить войну 1812 г. как следствие ряда «равнозначных» факторов. Эта тенденция ярко проявилась уже в обширной книге А. Берта, написанной преимущественно на основе официальной американской документации. Полемизируя с Праттом, автор вновь возвращался к старым аргументам, связанным с англо-американскими противоречиями на море, но не приводил новых фактов и документов⁹.

Простое повторение традиционной концепции, однако, уже не казалось достаточно убедительным даже самим американским историкам. Как заметил один из современных авторов, «ссылаться на насильственную вербовку американских матросов как на главное оправдание войны, все равно, что обвинять в своих неприятностях дедушку», и справедливо указывал, что в 1812 г. эта проблема была уже гораздо менее острой, чем в предшествующие годы¹⁰. Показательно также, что даже такой осторожный и осведомленный историк, как С. Ф. Бемис, счел необходимым добавить к традиционным причинам войны 1812 г. «американскую аграрную экспансию», стремление Запада и Юга воспользоваться европейской войной и захватить у Англии Канаду, а у ее союзника Испании — Флориду¹¹.

Среди большой группы новейших работ о войне 1812 г., вышедших в конце 50-х — начале 60-х годов, в первую очередь следует выделить фундаментальные монографии Бредфорда Перкинса, а также заключительные тома известной биографии Д. Мэдисона, написанной Ирвингом Брантом¹². Сын выдающегося американского историка внешней политики Декстера Перкинса, молодой Перкинс еще в своей ранней работе, названной им «Первое сближение», выдвинул тезис о вполне благожелательном и даже дружественном характере англо-американских

отношений в 1795—1805 гг.¹³ Но если этот период еще можно было с известной натяжкой охарактеризовать как «сближение» (хотя это и противоречит сложившимся представлениям и терминологии), то годы, предшествующие войне 1812 г., явно не укладываются в модную сейчас на Западе концепцию «атлантической сол дарности». Война между США и Англией стала в конце концов фактом, с которым исследователю приходится считаться, хотя он и называет ее «противоестественной». Справедливо утверждая, что война 1812 г. явилась следствием не какой-то одной причины, а влияния многих факторов, Б. Перкинс в то же время склонен преуменьшить роль экспансионистских тенденций США и даже показать, будто Вашингтон по существу не желал ни присоединения новых штатов, ни захвата Канады¹⁴. Не находя «рационального» объяснения возникновения вооруженного конфликта, автор обращает внимание в первую очередь на значение «эмоциональных факторов» и в конце концов приходит к выводу, что война началась вследствие «взаимного недоразумения»¹⁵. «Ни одна из сторон,— подчеркивает Б. Перкинс,— не стремилась к войне 1812 года, и очень скоро она стала трагически ненужной»¹⁶.

Если в трудах Б. Перкинса недостатки общей концепции в значительной степени перекрываются обилием и ценностью впервые введенного в научный оборот архивного материала, то другие новейшие исследования о войне 1812 г. для критики гораздо более уязвимы. В качестве главной причины конфликта современные авторы все чаще указывают насильственную вербовку американских моряков¹⁷. Они усердно реабилитируют правительство президента Д. Мэдисона и отрицают его стремление захватить Канаду. «Желание аннексировать Канаду,— приходит к выводу И. Брант,— не входило в причины войны, насколько их можно проследить в словах и действиях Мэдисона»¹⁸. Наиболее откровенное и четкое выражение тенденции к полному оправданию действий правительства и конгресса США перед войной 1812 г. получила в новейшей монографии Р. Брауна. Автор не случайно назвал свою книгу «Республика под угрозой: 1812». Его цель — показать, что у народа и правительства США летом 1812 г. не было иного выхода, кроме объявления войны или полного подчинения, капитуляции перед Великобританией. Как отмечает Р. Браун, его исследование впервые показало, что решение об объявлении войны Англии явилось результатом беспокойства конгресса о судьбе республиканского «эксперимента», а сама проблема может быть более ясно понята, прежде всего учитывая партийные, а не секционные интересы¹⁹. При этом он возражает не только против отдельных общеизвестных фактов и положений, но вообще считает, что «военных ястребов» как таковых в конгрессе не существовало. «Ни один член республиканской партии никогда в действительности

не отвечал такому определению», — указывает Р. Браун и выражает далее сомнение, что кто-либо голосовал за войну с Великобританией прежде всего в расчете на присоединение в будущем Канады и Флориды²⁰.

Полемизируя со сторонниками традиционной концепции войны 1812 г., сложившейся в американской буржуазной историографии еще в XIX в. и возрожденной в трудах ряда современных авторов, мы меньше всего стремимся преуменьшить значение англо-американских противоречий на море и тем более как-то обелить деспотическую политику Великобритании. В послании президента Д. Мэдисона конгрессу от 1 июня 1812 г. Великобритания справедливо обвинялась «в ряде актов, враждебных Соединенным Штатам как независимой и нейтральной стране»²¹.

Непосредственным поводом к войне действительно послужили известные «указы в совете», насильственная вербовка матросов с судов США в британский флот, незаконные захваты и обыски американских кораблей в открытом море под предлогом поисков дезертиров и т. д. Резко осуждая действия Англии на море, К. Маркс отмечал, что она «продолжала нарушать морские права Америки, в чем она сама признавалась. Это длилось с 1806 г. и было прекращено 23 июня 1812 г., после того как 18 июня 1812 г. Соединенные Штаты объявили Англии войну. Англия отказывалась таким образом, в данном случае в течение шести лет, не от того, чтобы дать удовлетворение за открыто совершавшееся ею нарушение права, — она отказывалась прекратить это нарушение»²².

И хотя в этом смысле война 1812 г. оказывалась в значительной степени продолжением революционной, освободительной борьбы США за независимость 1775—1783 гг., это отнюдь не означает, что обе войны были тождественны и что между ними можно поставить знак равенства. За 30—35 лет, истекших со времени войны США за независимость 1775—1783 гг., безусловно произошли изменения как в международной политике, так и во внутреннем положении самих Соединенных Штатов. Особенности исторического развития США, прежде всего наличие «подвижной границы» на Западе, способствовали тому, что тенденция к расширению, заложенная в самой природе капитализма и плантационного рабства, получила в Соединенных Штатах самое широкое развитие²³.

Первым советским историком, поставившим вопрос о влиянии тенденции США к экспансии на характер англо-американской войны 1812 г., был А. В. Ефимов, справедливо выделявший два основных момента: стремление буржуазии и плантаторов США к захвату новых территорий и политику Англии, направленную на подрыв экономики и торговли Соединенных Штатов²⁴.

Решительное разоблачение и осуждение экспансионистских планов США содержится и в новой книге известного канадского историка-марксиста С. Райерсона. «На протяжении почти целого десятилетия нарастало крещендо хриплых экспансионистских голосов, заявлявших, что захват Канады — это первоочередная, основная задача США», — отмечает С. Райерсон и приводит целую серию выразительных высказываний воинственных конгрессменов и газет²⁵.

Материалы конгресса США, личные бумаги Г. Клея, Д. Кэлхауна и других «военных ястребов» содержат многочисленные данные о широких экспансионистских планах правящих кругов США накануне войны 1812 г.²⁶ Весьма воинственную позицию занимали и многие ведущие американские газеты, в частности, влиятельная «Уикли Реджистер», начавшая издаваться Х. Найлсом в 1811 г. в Балтиморе²⁷.

Характерно, что территорию Соединенных Штатов предполагалось «округлить» сразу с двух сторон — с севера (Канада) и с юга (Флорида). Именно на этой основе в конгрессе сложился единый блок северных и южных экспансионистов — так называемая «канадско-флоридская сделка», — против которой так решительно протестуют некоторые современные авторы²⁸. Эта «сделка», понятно, никогда и нигде не была официально зафиксирована, но в силу объективных обстоятельств и северные и южные сторонники экспансии оказались по сути дела в одном лагере. Достаточно откровенно мысль о «сохранении равновесия правительства» путем одновременного присоединения к «этой империи» (речь шла о США) как Флориды, так и Канады сформулировал Ф. Грунди в выступлении в палате представителей 9 декабря 1811 г.²⁹ Именно в этом смысле восприняли его выступление не только позднейшие историки (Г. Адамс и Д. Пратт), но и его непосредственные слушатели в конгрессе, в частности знаменитый оратор Юга Д. Рэндольф³⁰. Кстати, последний в то время был настроен очень критически в отношении «военных ястребов» и зло высмеивал истинные замыслы своих коллег. Выступая в палате 16 декабря 1811 г., он заявил: «Если вы начнете войну, то это будет война не за сохранение или защиту ваших морских прав... Аграрная жадность, а не морское право вызывает необходимость войны... Мы слышим только одно слово — жалобно скулящее, вечно на одной и той же монотонной ноте — Канада! Канада! Канада!»³¹.

Д. Рэндольф был, конечно, прав, высмеивая лицемерность и лживость аргументов «военных ястребов», хотя важную роль противоречий в области торговли и мореплавания не следует при этом забывать. Кстати, само содержание этих противоречий в годы, непосредственно предшествовавшие войне 1812 г., начинает существенно меняться. «Речь идет не о посреднической торговле, — заявил в палате уже цитированный выше Ф. Грунди, —

по поводу которой в настоящее время наша страна спорит с Великобританией... Действительный предмет спора носит совсем иной характер; он затрагивает интересы всей нации. Дело заключается в праве экспортировать на внешний рынок продукцию нашего собственного сельского хозяйства и промышленности»³². Очень четко существо вопроса сформулировал спикер палаты представителей Г. Клей: «Еще вчера, — заявил он, — мы боролись за посредническую торговлю — право экспортировать в Европу вест-индский кофе и сахар. Сегодня мы отстаиваем требование на прямую торговлю — право экспортировать наш хлопок, табак и другие продукты отечественного производства»³³.

Итак, в целом война 1812 г., как нам представляется, явилась результатом, с одной стороны, своекорыстной политики Англии, ее стремления к подрыву торговли и экономики США, разбойничьих действий на море и нарушения элементарных прав нейтрального мореплавания. С другой стороны, она была вызвана экспансионистскими устремлениями правящих кругов самих США, их намерением захватить Канаду и Флориду, оттеснить индейские племена и т. д.

Нельзя не отметить также «весьма своеобразный канадский фактор», сыгравший определенную роль в исходе войны и оказавший существенное влияние на дальнейшее развитие канадцев как самостоятельной нации. Как отмечает С. Райерсон, «англо-канадское национальное чувство было порождено сопротивлением американской экспансии и агрессии». Не случайно поэтому в Канаде войну 1812 г. называют национальной, а иногда даже «канадской войной за независимость». Конечно, в известной мере антиамериканские чувства канадцев, рожденные войной 1812 г., носили верноподданнический характер и укрепляли их узы с Англией. Вместе с тем эти же чувства являлись проявлением (хотя и в зачаточной форме) национального самосознания канадского народа. Защитив свой дом от американских захватчиков, канадцы оказались в дальнейшем гораздо менее способными терпеть колониальную зависимость от Великобритании³⁴.

Выявление различных по содержанию и характеру тенденций, вызвавших войну 1812 г., еще не означает решения проблемы в целом. Следует выяснить, какая из этих основных тенденций и в какой период преобладала. Правильно решить этот вопрос, на наш взгляд, можно только с учетом конкретного внутреннего и международного положения США и Англии, а также развития событий в ходе самой войны.

К началу 1812 г. наполеоновская Франция находилась в зените могущества, а Великобритания, оказавшись практически в полной изоляции, переживала один из наиболее трудных периодов своей истории. Не случайно поэтому, защищая много лет спустя свои действия, Д. Мэдисон подчеркивал, что момент для

объявления войны был выбран американским правительством очень удачно³⁵.

С другой стороны, для Англии 1812 год был явно неподходящим временем для осуществления ее агрессивных замыслов в отношении США, и хотя британский кабинет отнюдь не желал отказаться от тиранической политики на море, ему так или иначе приходилось считаться с реальным развитием международных событий. В результате позиция Англии накануне войны 1812 г. не только не была более резкой по сравнению с предшествующими годами, но скорее характеризовалась известным стремлением к примирению. В этой связи следует обратить внимание на «частное» указание Кэстльри в специальном письме А. Фостеру от 10 апреля 1812 г. Британский министр иностранных дел настойчиво рекомендовал посланнику в Вашингтоне соблюдать в переговорах с правительством США «крайнюю умеренность» и ни в коей мере не провоцировать военное столкновение. «Мы должны строго придерживаться принципов, которыми это правительство считает нужным руководствоваться,— указывал Кэстльри,— но Вам надлежит избегать навязывать их Америке в такой форме, которая может привести переговоры к внезапному прекращению». Стремясь, насколько возможно, отсрочить разрыв, министр отмечал, что со временем «для американского правительства станет все труднее и труднее втянуть свою страну в войну с Великобританией»³⁶. Весьма характерно также, что за несколько дней до официального объявления войны конгрессом США лорд Кэстльри официально сообщил парламенту о намерении британского кабинета прекратить действие «указов в совете» в той части, в которой они касаются США, и сразу же направил А. Фостеру соответствующие секретные инструкции³⁷. 23 июня 1812 г., когда британский посланник нанес прощальный визит в Белый дом, злополучные «указы в совете» от 7 января 1807 г. и 26 апреля 1809 г., ограничивавшие доступ торговых судов иностранных держав в порты Франции и зависимых от нее стран, были уже отменены. Распоряжением от 23 июня 1812 г. британский королевский совет разрешал торговым судам США заход в указанные порты с 1 августа при условии, если американское правительство отменит введенные им ограничения в отношении торговли с Англией³⁸.

Вряд ли необходимо доказывать, что действия Англии и ее неожиданная «уступчивость» диктовались отнюдь не искренним стремлением к миру и прекращению разбойничьих действий на море, а были вынужденным тактическим шагом и дипломатическим маневром в условиях, когда приближалась решающая схватка с Наполеоном.

При всем значении международных проблем, и прежде всего грандиозной военной кампании 1812 г. в Европе, решающее

влияние на характер англо-американской войны 1812—1815 гг. оказывали в конечном счете внутривнутриполитические моменты.

Экспансионистские планы правящих кругов США не вызвали особого энтузиазма в народных массах. Воинственный конгресс еще в начале 1812 г. постановил увеличить регулярную армию, насчитывавшую 10 тыс. человек, на 25 тыс. человек. 6 февраля был одобрен законопроект, разрешавший президенту призвать на один год 50 тыс. добровольцев. Наконец в апреле 1812 г. было принято постановление о призыве 100 тыс. человек в милицию штатов³⁹. Все эти торжественные решения оставались, впрочем, на бумаге.

Хорошо осведомленный о действительном положении дел в США русский генеральный консул в Филадельфии Н. Я. Козлов неоднократно отмечал весной 1812 г. в донесениях в Петербург «отвращение народное от войны и медленность, с какою выполняются определения конгресса». Попытки правительства увеличить численность американских войск для завоевания Канады наталкивались, по его словам, на «непреодолимые трудности»⁴⁰.

Не удивительно поэтому, что уже в самом начале войны американцев ждало полное разочарование. Генерал Хэлл не только не смог захватить Канаду, но сам позорно капитулировал в Детройте 16 августа 1812 г.⁴¹ И это несмотря на то, что американцы занимали превосходную позицию, имели перевес в артиллерии и численности войск (в два раза!).

Не удалось Соединенным Штатам осуществить свои экспансионистские замыслы в отношении Канады и в дальнейшем, хотя в попытках вторжения недостатка не было. Американские захватчики, по словам С. Б. Райерсона, «встретили отпор как со стороны регулярной армии, так и со стороны ополчения при все возрастающей поддержке народа»⁴².

Между тем общее международное положение складывалось для США весьма неблагоприятно. По мере того как Наполеон терпел поражения в Европе, позиция британского правительства становилась все более жесткой. От первоначального «миролюбия» не осталось и следа. Открывшиеся 8 августа 1814 г. мирные переговоры в Генте в результате непомерных требований Англии быстро зашли в тупик, и уже 19 августа американские уполномоченные писали в Вашингтон, что у них нет «никакой надежды на мир»⁴³. В числе других условий английские делегаты настаивали на некоторых территориальных уступках, отторжении части территории будущего штата Мэн для проведения дороги от Галифакса до Квебека, запрещении для США содержать флот и возводить укрепления на Великих озерах, одновременном заключении мира с индейскими племенами, воевавшими на стороне Англии, и создании «буферного» индейского государства, прекращении рыболовства в Северной Атлантике (у берегов британских владений) и т. д.

Прибытие свежих подкреплений английских войск в Канаду создавало реальную угрозу территориальной целостности самих Соединенных Штатов, а захват Вашингтона (август 1814 г.) показывал уязвимость даже глубокого тыла. Положение осложнялось позицией федералистских лидеров и угрозой отделения северо-восточных штатов.

Так в ходе самой войны ее характер начал существенно изменяться, и на заключительном этапе она в связи с развитием в стране патриотического движения стала все больше приобретать характер борьбы за обеспечение независимости и территориальной целостности самих США. «Если война продолжится,— писал член американской делегации на переговорах в Генте сенатор Д. Бейард,— она не будет больше войной нашего правительства. *Как по своему характеру, так и по своим операциям она станет оборонительной.* Взгляды британского кабинета без сомнения изменились в результате огромных перемен, которые произошли на этом континенте». Заканчивая это письмо 20 августа, после получения так называемого ультиматума — ноты британских уполномоченных от 19 августа, Бейард с возмущением отмечал: «Их условия — это условия победителя побежденному народу...» — и делал следующий вывод: *«Когда характер войны коренным образом изменился и когда мы не просто отстаиваем честь нации, а вынуждены бороться за ее существование, федералисты докажут, что они... являются действительными и верными друзьями своей страны. Что касается происхождения войны, то в этом мы все согласны. Но когда отказывают в мире на справедливых и умеренных условиях и выдвигают самые экстравагантные притязания, что остается нам, как не мужественно бороться или подчиниться позору и гибели?»*⁴⁴

Если в начале войны американцы, как правило, стремились уклониться от вступления в армию и отказывались от участия в военных действиях против Канады, то теперь появляются признаки определенного патриотического подъема для отпора неприятелю. «В Балтиморе, в Нью-Йорке и даже в самой Филадельфии,— писал Н. Я. Козлов 27 августа 1814 г.,— жители встревожены до крайности. Первый из сих городов действительно в опасности, но Нью-Йорк приведен уже в некоторое оборонительное состояние. Что же касается до Филадельфии, то невероятно, чтобы англичане решились сделать на оную какое-либо покушение»⁴⁵. «Тем не менее,— сообщал русский консул несколько позже,— здесь чинятся... всевозможные на такой случай приуготовления. Город наполнен милицией. Везде бьют в барабаны, везде учение... На берегах Скульки и Делавара построены огромные батареи и, чтобы привести сей город совершенно в безопасное состояние, не достает здесь одних только пушек»⁴⁶. В течение нескольких дней в Нью-Йорке 25 тыс. человек встали под ружье, полные решимости оборонять город.

Среди них были рабочие нью-йоркской мануфактурной компании, члены городского общества печатников и т. д.⁴⁷

От планов захвата Нью-Йорка англичанам пришлось отказаться, зато они попытались повторить «вашингтонский вариант» в отношении Балтимора. На этот раз, однако, уже на дальних подступах к городу англичане встретили упорное сопротивление и предпочли «оставить свое предприятие». В связи с этим событием был написан национальный гимн США, воспевающий «усыпанное звездами знамя».

Полной неудачей закончилось и вторжение 11-тысячной английской армии под командованием губернатора Канады Г. Превоста, предпринятое в начале сентября 1814 г. Г. Превост так и не смог овладеть Платсбургом (американской базой на оз. Шамплейн), а британская флотилия была 11 сентября 1814 г. разгромлена более слабыми силами американцев⁴⁸. Наконец, в январе 1815 г., еще не зная о заключении мира в Генте, американские войска под командованием генерала Э. Джексона не только отразили нападение сильной английской экспедиции на Новый Орлеан, но и одержали полную победу над войсками Пэкинхэма⁴⁹. Это был самый крупный успех американцев за всю войну, который принес Э. Джексону огромную популярность. Комментируя эту победу, Н. Я. Козлов сообщал 13 февраля 1815 г.: «До какой бы степени ни простирались внутренние здесь беспорядки, и доколе не последует отделение северных штатов, чего поныне опасаться еще не следует, американцы не перестанут вести войну. Число регулярного войска их достаточно отразить всякое покушение со стороны Канады, а для защиты побережных городов каждая область сделала свои собственные распоряжения, и случившееся при Новом Орлеане есть пример, доказывающий, что оборонительное состояние сей республики соразмерно по крайней мере тем силам, какие поныне Англия могла употребить противу Соединенных Штатов»⁵⁰.

Подводя итоги, нельзя не признать удачным образное сравнение С. Б. Райерсоном англо-американской войны 1812 г. с «мотком пряжи» или «запутанной паутиной» (*the tangled skein*), распутать которую оказалось не так-то просто⁵¹. Экспансионистские устремления правящих кругов США (откровенные планы захвата Канады), деспотические действия Англии на море, ее настойчивые стремления подорвать торговлю и экономику Соединенных Штатов, своеобразный, хотя и не решающий, «канадский фактор», наконец, изменение характера войны в связи с развитием патриотического движения американского народа на ее заключительном этапе — таковы лишь главные черты, которые определяют общую окраску сложных и противоречивых событий 1812—1815 гг.

Начав войну с Англией в целях обеспечения своих законных прав на море и для осуществления захватнических планов в от-

ношении Канады, США за два с половиной года трудной борьбы не смогли достичь ни того, ни другого. В то же время американский народ сумел защитить свою страну от попыток английского вторжения и отстоять ее территориальную целостность. В США прочно укрепилась национальная промышленность и начался промышленный переворот. В результате войны с Англией окончательно распалась федералистская партия и было покончено с сепаратизмом Новой Англии. И в этом смысле, независимо от субъективных намерений и целей правящих кругов, война 1812 г. по своим объективным результатам оказывалась продолжением революционной войны за независимость.

- ¹ См., например: S. R. Brown. *An Authentic History of the Second War for Independence...*, vol. I. Auburn, 1815, p. 3—25.
- ² Alfred T. Mahan. *Sea Power in Its Relation to the War of 1812*, vol. I. Boston, 1905, p. 2.
- ³ H. Adams. *History of the United States of America during the Administrations of Jefferson and Madison*, vol. IV—IX. N. Y., 1931.
- ⁴ «История XIX века» под ред. Лависса и Рамбо. Пер. с франц. под ред. Е. В. Тарле, т. 2. М., 1938, стр. 369—401.
- ⁵ H. Adams. *Op. cit.*, vol. VI, p. 136, 141—146, 150, 212.
- ⁶ Julius W. Pratt. *Expansionists of 1812*. Gloucester, 1957.
- ⁷ G. R. Taylor. *Agrarian Discontent in the Mississippi Valley Proceeding the War of 1812*. «*Journal of Political Economy*», vol. XXXIX, № 4, 1931, p. 471. Применительно к Южной Каролине выводы Тэйлора получили подтверждение и развитие в статье М. Латимер («*American Historical Review*», vol. LXI (1956), p. 914—929).
- ⁸ W. Goodman. *The Origins of the War of 1821: a Survey of Changing Interpretations*. «*Mississippi Valley Historical Review*», vol. XXVIII, (1941—1942), p. 171—186.
- ⁹ A. L. Burt. *The United States, Great Britain and British North America from the Revolution to the Establishment of Peace after the War of 1812*. New Haven, 1940, p. 305—316.
- ¹⁰ A. Z. Carr. *The Coming of War. An Account of the Remarkable Events Leading to the War of 1812*. N. Y., 1960, p. 328.
- ¹¹ S. F. Bemis. *John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy*. N. Y., 1949, p. 180.
- ¹² B. Perkins. *Prologue to War: England and the United States 1805—1812*. Berkeley, 1961; *Idem*. *Castlereagh and Adams: England and the United States 1812—1823*. Berkeley, 1964; Irving Brant. *James Madison*, vol. 1—6. Indianapolis, 1941—1961. Для истории войны 1812 г. наибольшее значение имеют два последних тома.
- ¹³ B. Perkins. *The First Rapprochement: England and the United States 1795—1805*. Philadelphia, 1955.
- ¹⁴ B. Perkins. *Prologue to War*, p. 425, 426 (характерно, что заключительная глава монографии носит заголовок «*This Unnatural War*»).
- ¹⁵ *Ibid.*, p. 417.
- ¹⁶ *Ibid.*, p. 426.
- ¹⁷ After Tippecanoe: *Some Aspects of the War 1812*. East Lansing, 1963, p. 15. Показательно и переиздание в 1965 г. известной книги Ф. Алдайка (1915), считавшего главной причиной войны 1812 г. «непримиримый конфликт» между действиями Великобритании на море и торговлей Соединенных Штатов в особю выделявшего в этой связи насильственную вербовку американских моряков в английский флот (F. A. Updike. *The Diplomacy of the War of 1812*. Gloucester, 1965, p. 1, 3, a. oth.).

- ¹⁸ I. B r a n t. James Madison: Commander in Chief., p. 17.
- ¹⁹ R. B r o w n. The Republic in Peril: 1812. N. Y. and London, 1964.
- ²⁰ Ibid., p. 44, 130 etc.
- ²¹ J. M a d i s o n. Writings of James Madison, ed. by G. Hunt, vol. VIII N. Y.—London, 1910, p. 192—200.
- ²² К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 15, стр. 454—455.
- ²³ Подробнее см.: Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959, стр. 43—89.
- ²⁴ А. В. Е ф и м о в. Очерки истории США. М., 1958, стр. 186.
- ²⁵ С. Б. Р а й е р с о н. Основание Канады. Канада с древнейших времен до 1815. М., 1963, стр. 284—286 и др.
- ²⁶ См. в частности «The Papers of Henry Clay», vol. I. Ed. by James F. Hopkins. Lexington, 1959; «The Papers of John C. Calhoun», vol. I, Ed. by R. Merivether. University of South Carolina Press, 1959.
- ²⁷ «Niles' Weekly Register», 20.III; 4, 18, 12.IV 1812 а. oth.
- ²⁸ Эту мысль, выдвинутую в свое время еще Д. Праттом, критикуют, в частности, А. Берт, И. Брант и др. (A. Burt. Op. cit., p. 305; I. B r a n t. James Madison: Commander in Chief, p. 17, 18).
- ²⁹ «Annals of Congress», 12th Congress, 1st Session, p. 426, 427.
- ³⁰ Ibid., p. 441 etc.; H. A d a m s. Op. cit., vol. VI, p. 141; J. P r a t t. Op. cit., p. 140, 141.
- ³¹ «Annals of Congress», 12th Congress, 1st Session, p. 533.
- ³² Ibid., p. 424.
- ³³ «Annals of Congress», 12th Congress, 1st Session, p. 601.
- ³⁴ С. Б. Р а й е р с о н. Указ. соч., стр. 322—333.
- ³⁵ J. M a d i s o n. Writings vol. IX, p. 274.
- ³⁶ Instructions to the British Ministers to the United States, 1791—1812. B. Mayo (Ed.). «Annual Report of the American Historical Association for the Year 1936»; vol. III. Washington, 1941, p. 368.
- ³⁷ Ibid., p. 381—383.
- ³⁸ Интересно отметить, что косвенное давление на Англию весной 1812 г. оказала Россия, предприняв через своего представителя в Швеции П. К. Сухтелена специальный демарш с целью добиться скорейшей отмены «указов в совете» и тем самым предотвратить приближающуюся войну с Соединенными Штатами (АВПР, ф. Канцелярия, д. 10825, 10827; «Внешняя политика России XIX — начала XX века», т. VI. М., 1962, № 149, 150, 157).
- ³⁹ «Annals of Congress», 12th Congress, 1st Session; H. A d a m s. Op. cit., vol. VI, p. 294, 295; J. P r a t t. Op. cit., p. 144, 145.
- ⁴⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9242, лл. 63, 64.
- ⁴¹ H. A d a m s. Op. cit., vol. VI, p. 289—295; A. R. Gilpin. The War of 1812 in the Old Northwest. Michigan State University Press, 1958, p. 109—125.
- ⁴² С. Б. Р а й е р с о н. Указ. соч., стр. 332. Об отпоре, который США получили в Канаде, см. также стр. 304—321.
- ⁴³ Подробно об английских условиях мира, выдвинутых в Генте британскими уполномоченными, см. «Documents Relative to the Negotiations for Peace between the United States and Great Britain». Philadelphia, 1814, p. 53 а. oth.
- ⁴⁴ «Papers of James Bayard». Washington, 1915, p. 317, 318. (курсив наш — Н. Е.).
- ⁴⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9243, л. 71.
- ⁴⁶ Там же, л. 75.
- ⁴⁷ Ф. Ф о н е р. История рабочего движения в США, т. I. М., 1949, стр. 114, 115.
- ⁴⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9243, лл. 74, 75.
- ⁴⁹ Ch. B. В r o o k s. The Siege of New Orleans. Seattle, 1961.
- ⁵⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9244, лл. 2—5.
- ⁵¹ S R y e r s o n. The Tangled Skein of 1812. On the 150-th Anniversary of the Outbreak of the War. «The Marxist Quarterly», Summer 1962, № 2, p. 16—23.

Немецкие иммигранты и гражданская война в США

К началу гражданской войны выходцы из германских государств составляли в американском иммигрантском населении большую и влиятельную группу. Их было в США не менее 1,3 млн. человек (31,5% всех иммигрантов)¹. Значительная часть их влилась в американский рабочий класс, многие стали фермерами на западных землях. Соответственно, крупные группы немецкого населения образовались в сельских местностях и городах тогдашнего американского Запада — в штатах Висконсин, Иллинойс, Огайо, Миссури и др. — и больших, особенно портовых, городах Востока — Нью-Йорке, Балтиморе и т. д.

Германская эмиграция середины XIX в. была обусловлена глубинными процессами, связанными с революцией 1848 г. Многие американские новоселы-немцы участвовали в этой революции. «Людей 48 года», как называли в Америке деятелей европейских революций 1848—1849 гг., можно было встретить в разных слоях немецкой иммигрантской группы. Особенно много их было среди немецкой интеллигенции. Передовым отрядом «людей 48 года» являлись немецкие коммунисты, соратники и ученики Маркса и Энгельса, оказавшие большое влияние на развитие социалистической мысли и рабочего движения в США. Наиболее известные из них — И. Вейдемейер и Ф. А. Зорге.

Общественные установки немецких иммигрантов, принадлежавших в своем большинстве к трудовым классам американского общества, подверглись серьезному влиянию со стороны «людей 48 года», воплощавших и европейскую революционно-демократическую традицию и революционно-демократическое направление в американской жизни. С этим связана та прогрессивная роль, какую играла немецкая иммиграция в США в годы, предшествовавшие гражданской войне. Большинство немцев, в частности, отошло в 50-х годах от демократической партии, которая прежде пользовалась традиционной поддержкой иммигрантов. Немцы приняли активное участие в организации и деятельности республиканской партии².

Хотя избирательная победа Линкольна, послужившая сигналом к началу гражданской войны, и не вызвана голосованием немецких избирателей в его пользу³, о чем спорят специалисты, но немецкое население и объективно и субъективно существенным образом способствовало второй американской революции, причем важнейшую роль в этом сыграло немецкое население западных районов. «При более внимательном изучении американских дел,— писал Маркс Энгельсу в первые месяцы гражданской войны,— я пришел к заключению, что конфликт между Югом и Севером... разразился, наконец... благодаря тому воздействию, какое оказало на ход событий необычайное развитие штатов Северо-Запада». Далее Маркс отмечал «довольно большую примесь свежего немецкого и английского элемента»⁴ в населении этих штатов. Активная роль революционно-демократических немецких элементов Запада в назревании гражданской войны не ускользала от внимания современников. Русский посол в Вашингтоне Стебль доносил в сентябре 1861 г. великому князю Константину: «Западные Штаты Союза наполнены эмиграцией, выселившеюся из Европы, преимущественно из Германии, в 1848 году. Направление этой эмиграции, в политическом и религиозном отношении, самое радикальное и влияние таких начал немало содействовало к ускорению современного кризиса»⁵.

Политическая активность немецкого населения и в других районах США накануне гражданской войны выросла. Об этом свидетельствует хотя бы такой косвенный признак, как темп натурализации. В 1861 г., в первый год гражданской войны, число нью-йоркских немцев, принявших американское гражданство, сильно возросло, в то время как прежде они, по утверждению «Нью-Йорк дейли трибюн», уклонялись от натурализации, не желая выполнять обязанности присяжных⁶. Немецкие рабочие Нью-Йорка включились в политическую борьбу. Несмотря на запугивание со стороны владельцев нью-йоркских швейных фирм, которые в конце 1860 г. не давали портным работы под предлогом сокращения южных заказов из-за возможности избрания Линкольна, портные, в большинстве своем вильямсбергские немцы, высказывались на своих собраниях (где, между прочим, выступал Вейдемейер) за Линкольна⁷. Так же выступали немецкие рабочие и в других местах. В Цинциннати Линкольна, ехавшего в Вашингтон, чтобы приступить к обязанностям президента, приветствовала делегация 2 тыс. членов немецких рабочих обществ⁸.

Немецкие республиканцы способствовали приходу республиканской партии к власти и в соответствии с американскими политическими нравами требовали за это награды государственными должностями. Нью-йоркский адвокат Дж. Т. Стронг записал в дневнике 19 марта 1861 г., что коридоры большой нью-

йоркской гостиницы «кишат искателями должностей. Очень много немцев с Северо-Запада»⁹. Линкольн, уже поселившись в Белом доме, осведомлялся о чикагском социалисте д-ре Эрнсте Шмидте: «Почти все немцы побывали здесь и просили работы; почему же не приходит он?»¹⁰ Д-р Шмидт нашел себе работу армейского хирурга¹¹, но другие немецкие деятели добились, несмотря на иностранное происхождение, дипломатических постов как в Европе, так и в Латинской Америке. Европейское революционное прошлое не раз мешало им в этом. Карл Шурц, крупнейший и известнейший из немецких республиканцев, не был направлен послом в Италию, так как, по некоторым сведениям, этого не допустил нью-йоркский католический архиепископ Хьюз¹². Царское правительство, когда до него дошел слух, что Шурца прочат послом в Петербург, немедленно заявило, что оно его не примет. Радикальные воззрения, «настоящего американца» не послужили бы препятствием, но «мы не сможем распространить этот принцип на иностранных эмигрантов, опороченных в Европе революционными происками и позаимствовавших в Америке лишь случайную национальность», — инструктировал министр иностранных дел Горчаков Стекля¹³. Мадридский двор в 1861 г. не посчитался с такими соображениями и принял Шурца в качестве американского посла.

В общий поток добровольцев, влинувших в армию Севера после начала гражданской войны, влились и немцы. В Нью-Йорке был укомплектован ряд немецких полков и даже немецкая бригада. Некоторые полки носили имена немцев — деятелей американской войны за независимость — Штойбена, Кальба. Особенно выделялись военной выправкой полки турнеров¹⁴, «сильных, атлетического сложения парней». О 20-м турнеровском добровольческом полке Нью-Йорка газета «Нью-Йорк дейли трибюн» отзывалась как об «одном из лучших немецких полков» в городе и по физическим и по морально-политическим качествам¹⁵. Энтузиазм был велик. В один из немецких полков Огайо вступило 16 братьев Финч — все родом из Германии¹⁶. Добровольцы рвались в бой. На одном митинге нью-йоркских немцев было даже предложено образовать полк, вооруженный косами, как у польских повстанцев, потому что такое оружие дешевле и годится против конницы¹⁷. Нью-йоркские немцы провожали свои полки на фронт под пение немецких хоров и музыку оркестров. Отправка устраивалась торжественно, с вручением знамен. Прозносились торжественные речи о борьбе за свободу в обоих полушариях, о значении государственного единства¹⁸. Этот лозунг, особенно пропагандировавшийся в первый период войны, был близок сердцам немцев, узнавших на родине прелести партикуляризма.

Несмотря на большие потери немецких частей, добровольцы-немцы, отслужившие 3 месяца, на которые они были призваны в

начале войны, соглашались служить еще 3 года. Так было с 28-м бруклинским полком и многими другими немецкими добровольцами. Возвращавшихся на переформирование встречали так же торжественно, как и провожали. Улицы, особенно в немецких кварталах, бывали разукрашены¹⁹. В воззвании «К американским гражданам немецкого происхождения», которое подписали, в числе других, деятели Клуба коммунистов Камм и Зорге, с гордостью говорилось: «Когда 18 апреля 1861 г. президент Соединенных Штатов призвал верных граждан к оружию ради сохранения Союза, никто не проявил большей готовности посвятить руку и кровь сердца отечеству, чем вы, и так много вас собралось под звездным знаменем, что слова «немец» и «сторонник Союза» значат одно и то же по всему Северу и Югу великой республики»²⁰.

Немецкие добровольческие части имели для гражданской войны значение, какого не могли иметь отряды янки,— они обладали множеством профессиональных офицеров, а нередко и солдат, с европейским военным опытом, приобретенным преимущественно в 1848—1849 гг. «...В Америке было много людей, готовых помочь организации волонтеров и пригодных для этого дела,— писал Энгельс,— частью немецкие офицеры и солдаты, которые прошли регулярное обучение и побывали в боях во время кампании 1848—1849 гг...»²¹ Так, нью-йоркским полком имени Де Кальба командовал фон Гильза, ветеран шлезвиг-голландской войны. Многие офицеры этого полка служили в европейских армиях, большинство солдат отбывало в Германии военную службу. Даже форма в полку была та же, что у прусских стрелков²². Военным опытом обладали и многие другие немецкие части, что имело значение для боеспособности не только этих частей, но и всей армии Севера.

Особенно полезен был военный опыт немцев артиллеристов. В мае 1861 г. в Нью-Йорке, например, образовалась Первая немецкая полевая батарея. Немецкие военные специалисты занимались также обучением новобранцев, составлением карт и т. д.²³ Маркс отмечал: «Без значительного числа опытных в военном деле людей, иммигрировавших в Америку вследствие европейских революционных волнений 1848—1849 гг., организация унионистской армии потребовала бы гораздо большего времени»²⁴.

В сформированной наспех армии Севера остро ощущался недостаток опытных военных кадров. Упомянувшийся уже Стронг надеялся на то, что «военный энтузиазм американских немцев почувствуется на берегах Рейна и Дуная и приведет к нам опытных офицеров-добровольцев, выдавших службу»²⁵. Такие офицеры действительно приезжали из Европы, в частности из Пруссии и Австрии, и вступали в американскую армию. Среди них было немало искателей приключений, славы и наживы, были и изоб-

ретатели вроде графа Цеппелина, дирижабль которого впервые поднялся в Америке во время гражданской войны²⁶.

Разумеется, действиями немецких добровольцев, при всей их преданности делу Союза, руководил не один энтузиазм. Многие, как и люди из других групп, спасались от безработицы, охватившей незадолго до войны промышленные центры, нанимались за плату. У рабочих-добровольцев, из которых формировались целые полки, оставались в тылу семьи. Уже летом 1861 г. командир 1-й немецкой бригады Бленкер прислал в редакцию «Нью-Йорк дейли трибюн» письмо о помощи солдатским семьям, обещанной нью-йоркскими богачами в первый момент военного энтузиазма. «Рвение бойцов осталось непоколебимым,— писал он.— Исполнят ли богатые классы свой долг?»²⁷. Богатые классы явно свой долг не исполнили, бойцы получали из дому отчаянные письма и волновались. Им самим платили жалованья неаккуратно, это продолжалось всю войну и вызывало протесты солдат. Попытка удерживать часть жалованья солдат для выдачи их семьям не удалась. Немецкие полки отнеслись к ней подозрительно, сильнее всего сопротивлялись маркитанты, которым она сокращала доход²⁸. Нужда солдатских семей обострялась с ходом войны, случались «голодные бунты» солдаток. 1 мая 1862 г. сотня солдатских жен с детьми ворвалась к мэру Бруклина немцу Кальбфляйшу и по-немецки потребовала уплаты пособия, обещанного мужьям при вербовке, грозя оставить мэру детей²⁹. Без средств оказывались и инвалиды войны. Летом 1862 г. в Нью-Йорке собрались немецкие солдаты-инвалиды, чтобы «добиться платежей, обещанных им во время вербовки». Была послана петиция в конгресс и решено «сотрудничать в этом деле с англоязычными друзьями»³⁰.

Последующие наборы в армию, при изменившейся военной, экономической и политической конъюнктуре, проходили с трудом среди всего населения, независимо от национального происхождения, и нуждались в дополнительных стимулах. В августе 1862 г. состоялось собрание нью-йоркских купцов-немцев с целью «собрать средства на дополнительные платежи рекрутам, которые вступят в немецкие полки штата, находящиеся сейчас на фронте»³¹. Рекрутов покупало не только государство, не только организации буржуазии, но и отдельные буржуа, нанимавшие себе из бедноты, в том числе и немецкой, заместителей для отбывания службы в армии. Стронг, например, уже в конце войны нанял себе заместителем 20-летнего немца за 1100 долл.³²

Большое значение для хода гражданской войны имела борьба за штат Миссури. Владение этим пограничным рабовладельческим штатом, расположенным у слияния Миссури и Миссисипи, стратегически чрезвычайно важным, играло большую роль для каждой из воюющих сторон. Миссури остался за Севером и был обязан этим своему немецкому населению.

Немцы составляли приблизительно $1/12$ белого населения Миссури, причем больше половины их жило в Сент-Луисе, составляя более четверти его населения³³. Миссурийские турнеры даже решили выделить сент-луисский округ в самостоятельную единицу, подчиненную федеральному правительству, если в штате Миссури победят сепессионисты³⁴, а такая возможность существовала вполне реально: власти штата были за сепессию и опирались на значительную часть населения, связанную с Югом традициями и экономическими интересами. Они создавали сепессионистские отряды «минитменов», в противовес которым организовались немецкие полки, в том числе турнеровский, и отряды «внутренней охраны».

Вооруженная борьба началась из-за крупного арсенала, находившегося в Сент-Луисе. Немецкие добровольцы овладели арсеналом и принудили к капитуляции гарнизон сепессионистского лагеря. Богачи в панике бежали из города. Между немецкими отрядами и толпами враждебно настроенного гражданского населения происходили столкновения с жертвами с обеих сторон. Затем немецкие войска взяли столицу штата, Джефферсон-сити, и низложили губернатора³⁵.

За интересы Севера сражались в Миссури в первые месяцы войны практически только немцы. «Наши добровольческие войска,— писал корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн» из Сент-Луиса,—... состоят почти исключительно из немцев. Благодарение богу за немцев! Ибо они первые взялись за оружие в защиту правительства». Корреспондент с облегчением отмечал, что теперь, в июне 1861 г., в федеральную армию начинает вступать и американская молодежь Сент-Луиса³⁶. Автор другого письма в «Нью-Йорк дейли трибюн» произнес, вероятно уже не впервые, фразу, которую на все лады повторяли потом авторы, писавшие об этом этапе гражданской войны: «Если Миссури спасен для Союза..., то благодаря немцам»³⁷.

Миссурийские немцы так активно устремились в армию не только в силу своих политических настроений и экономической ориентации. Для них это было мерой самообороны. Странники сепессии терроризировали их, разоряли немецкие фермы и поселки, выгоняли и даже истребляли жителей, громили немецкие заведения. Партизанская война шла в Миссури до окончательного разгрома Юга³⁸. В октябре 1861 г. Маркс писал: «Миссури, наряду с Виргинией, является в настоящий момент главным театром гражданской войны»³⁹. В Миссури воевал и немецкий коммунист, соратник Маркса, один из зачинателей марксизма в США, Иосиф Вейдемейер, сперва строивший укрепления Сент-Луиса, а потом командовавший войсками, которые боролись с партизанскими отрядами сторонников южан⁴⁰.

Трудная обстановка создалась в начале гражданской войны для немцев другого пограничного рабовладельческого штата —

Мэриленда. Многочисленное немецкое население его крупнейшего города, Балтимора, раскололось. Рабочие и ремесленники, главным образом те из них, кто был турнерами, немедленно вступили в армию. Богачи, группировавшиеся вокруг клуба «Германия», были сторонниками очень сильных в Мэриленде сецессионистов. В апреле 1861 г., когда толпы пособников Юга нападали на войска северян, проходившие через Балтимору на фронт, был разгромлен гимнастический зал турнеров и редакция немецкой антирабовладельческой газеты «Векер». Редактору газеты, участнику революции 1848 г. Раппу, грозило линчевание. Он сбрил эмигрантскую бороду и в черной одежде, какую носили протестантские пасторы, бежал из Балтимора⁴¹.

Немцы Техаса (единственного на Юге штата, где имелась немецкая сельскохозяйственная колония), который вошел в состав южной Конфедерации, были терроризованы гораздо больше, чем миссурийские или мэрилендские немцы. Немецкий отряд ополчения в Сан-Антонио был распущен в самом начале войны за отказ присягнуть Конфедерации⁴². Тогда же жители немецкого городка в Техасе Нью-Браунфельса сорвали флаг Конфедерации, который попытались у них вывесить, но их предупредили, что в случае голосования за Союз они будут изгнаны из штата как аболиционисты, и предупреждение возымело успех⁴³. Многие немцы разными путями бежали на Север и там вступали в армию, в частности в миссурийские немецкие отряды. Летом 1862 г. почти полностью погиб отряд молодых техасских немцев, пытавшихся бежать в Мексику. Военные законы на Юге были гораздо суровее, чем на Севере, и большинству немцев пришлось служить конфедератам. При этом они нередко дезертировали, сдавались северянам, переходили на их сторону. Немцы были у южан на подозрении, многих гноили в тюрьмах, линчевали⁴⁴. Примерно таким же было положение немцев во всей южной Конфедерации, хотя немецкие отряды имелись и в армии южан. Сторону сецессионистских властей чаще держала богатая верхушка и потомки старых иммигрантских семей. Немецкие же иммигранты середины века обычно оказывались скрытыми юнионистами, иногда даже участвовали в подпольной борьбе негров. Негру Тиллмену, который угнал к северянам пароход конфедератов, помогал немец. Немец-каменотес участвовал в подготовке восстания негров Южной Каролины⁴⁵. «Нью-Йорк дейли трибюн» в редакционной статье о белых бедняках Юга особо выделяла немцев: «Немцы и тысячи других... истинные и верные сторонники Союза, которые сражаются против своей страны только потому, что иначе им нельзя»⁴⁶.

Немецкие бойцы вначале составляли в американской армии не только целые полки или роты, но и входили в части, скомплектованные без учета национальности. Позже немецких дивизий и бригад уже не было, более мелкие немецкие части входили

ли в общие крупные подразделения, а к концу войны немецких частей почти не осталось⁴⁷. Всего воевало, по довольно приблизительным подсчетам, около 200 тыс. немцев — относительно больше, по признанию разных авторов, чем представителей любой другой национальной группы⁴⁸.

Апологеты немецкого национального меньшинства вроде А. Б. Фауста представляют участие немецких отрядов в войне сплошным подвигом, а членов этих отрядов — рыцарями без страха и упрека. Это картина односторонняя. Действительно, ряд немецких частей ввиду своего относительно высокого политического и профессионального уровня выделялся из других частей американских войск. Корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн» сообщал летом 1862 г. из виргинской армии об особо хорошей выучке и дисциплине немецких полков⁴⁹. В другой корреспонденции давалась высокая оценка нескольким немецким генералам и немецким частям. «Я начинаю испытывать очень большое уважение к немецким солдатам, — писал ее автор. — Они воюют так, как следует воевать... Это... беспощадная мстительная война»⁵⁰.

Однако далеко не всегда о немецких полках отзывались хвалебно, и не все бывало в них гладко. В армии проявлялись до известной степени социальные противоречия и национальная рознь. В 1862 г. разразился скандал с немецкой бригадой Бленкера. В ней командовали на немецком языке, отдельные части комплектовались даже по принципу землячества. В одном из первых крупных боев эта бригада отличилась. Сам Бленкер, любитель роскоши и помпы, завел себе огромный штаб из титулованных германских и австрийских офицеров, которые враждовали с другими офицерами — ветеранами 1848 г. Когда Бленкер, выдвигавший знатных офицеров, назначил полковником прусского принца Зальм-Зальма, участник революции 1848 г. Густав Струве из протеста вышел в отставку. В бригаде обнаружилось хищения, и Бленкер, которого обвиняли в финансовых махинациях, был уволен. В американской печати велась кампания против всей бригады. Офицеры ее протестовали, выдвигая контробвинение во вражде к иммигрантам⁵¹.

И немецкие части не были свободны от распространенных во всей армии отрицательных явлений — недисциплинированности, пьянства. И в немецких полках офицеры, особенно прибывшие из Европы авантюристы, гнались за чинами, как в бригаде Бленкера, и там практиковалось жульничество и расточительность, задерживалось жалование и на этой почве происходили солдатские волнения⁵².

Недостатки, характерные для всей армии, и неудачи, когда они проявлялись в немецких частях, ставились в особую вину немцам тем более, что в их частях преобладал радикальный дух. Вина за поражение при Чэнслорсвилле в 1863 г. 11-го кор-

пуса, куда входила полунемецкая дивизия Шурца, была возложена именно на эту дивизию.

Некоторая часть немецкого населения поддерживала медянок (агентура южан на Севере). К ней относились висконсинские католики, оставшиеся верными демократической партии. В ноябре 1862 г. в районе Порт-Вашингтон в Висконсине даже произошли волнения против набора в армию, в которых участвовали выходцы из Люксембурга (католики) и немцы (лютеране)⁵³. Дело в том, что в середине гражданской войны, когда хлебные цены были высоки, а в сельском хозяйстве не хватало рабочих рук, висконсинские фермеры не желали идти на фронт. Впрочем, даже в Нью-Йорке в конце 1863 г. на выборах мэра немцы поддержали сторонника медянок Гунтера⁵⁴. Зато во время крупного мятежа летом 1863 г. в Нью-Йорке, организованного, вероятно, сторонниками рабовладельцев, немцы, по свидетельству Стронга, «вели себя хорошо и держались спокойно. Если они и действовали, то выступали против толпы, как, например, с большим успехом в седьмом округе»⁵⁵. За год до того чикагский шериф немец Хессинг, очень популярный среди негров, обратился к президенту Линкольну с просьбой набрать в Чикаго негритянский полк⁵⁶.

Самыми передовыми в военном и политическом отношениях среди немецкого населения оказались и в этот период ветераны 1848 г., немецкие радикалы.

Упоминавшееся уже воззвание «К американским гражданам немецкого происхождения», составленное с их участием 25 марта 1862 г., требовало законодательной и безвозмездной отмены рабства и нераздельности Союза⁵⁷. Это были требования передовых общественных сил, выдвигавшиеся в период народного подъема, который начинался в тот момент и привел к отмене рабовладения. Через полтора месяца после воззвания «Нью-Йорк дейли трибюн» сообщала об организации «немецко-американской радикальной антирабовладельческой партии»⁵⁸.

Центрами немецкого радикализма оставались, как и накануне войны, районы Среднего Запада, главным образом Чикаго и Сент-Луис⁵⁹. Немецкие радикалы шли в авангарде миссурийских радикальных республиканцев⁶⁰. Когда в конце 1861 г. Линкольн отстранил генерала Фримонта от командования миссурийскими войсками, потому что тот освобождал пленных рабов⁶¹, это вызвало на Западе бурю негодования, и в первых рядах протестующих были немцы. В Чикаго происходили бурные демонстрации⁶². Протестовали радикальные немецкие газеты и миссурийские немецкие полки — тем более, что после снятия Фримонта были уволены все набранные им офицеры, в том числе немецкие (в частности, Вейдемейер)⁶³. Миссурийские немцы уже не шли в армию с прежней готовностью; они не доверяли правым республиканцам и консервативным офицерам. «Немцы не намерены вступать

в полк, которым командуют сторонники рабства», — писал сент-луисский корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн»⁶⁴. Сопrotивление консервативному генералитету сосредоточилось вокруг фигуры немецкого демократа и революционера Зигеля, который благодаря своему политическому облику, европейскому военному прошлому (он был артиллерийским офицером и военным министром баденского революционного правительства в 1849 г.) и славе полковника миссурийских добровольцев стяжал большую популярность в радикальных, и не только немецких, кругах. Немцы настойчиво требовали его назначения на высокий военный пост, их поддерживали левые круги американского общества. Сообщая о том, что военный министр Стэнтон пригласил Зигеля в Вашингтон для назначения на новый пост, «Нью-Йорк дейли трибюн» замечала: «М-р Стэнтон не мог совершить более популярного поступка»⁶⁵. Впрочем, военный талант Зигеля, по мнению ряда современников и историков, не соответствовал возлагавшимся на него надеждам. К такому же выводу пришел и Энгельс, который писал Вейдемейеру в конце гражданской войны: «Из немцев, которые участвовали во всей кампании, лучше всех, по-видимому, держался Виллих; Зигель же, наоборот, неоспоримо доказал свою заурядность»⁶⁶. Что касается Виллиха, державшего перед своими солдатами речи о коммунизме⁶⁷ и очень им любимого, то и он был популярен, хотя далеко не так, как Зигель, и его назначения на высокий пост требовали немецкие радикалы. Офицеры его полка писали в «Нью-Йорк дейли трибюн»⁶⁸, что полковника Виллиха обошли продвижением. Они расценивали это как бесчестье для полка и для «всего немецкого населения».

Подобные требования не носили только национальный оттенок. Немецкие радикалы стремились к революционному ведению войны, к освобождению рабов, к развитию второй американской революции. В мае 1862 г. республиканцы Сент-Луиса разошлись по вопросу о том, что делать с освобожденными рабами. Многие защищали весьма серьезно обсуждавшийся тогда и поддерживавшийся самим Линкольном проект выселения негров из США и колонизации ими какого-нибудь пустынного края. Немецкие республиканцы выступили против этого проекта⁶⁹. Немцы-радикалы, как и радикалы вообще, критиковали Линкольна слева, причем очень энергично. В конце 1863 г. они созвали в Кливленде свою конференцию, где были представители 14 штатов, главным образом Среднего Запада. На конференции были представлены такие влиятельные рабочие общества, как чикагское, были там и марксисты, в их числе Зорге. Конференция высказалась за повсеместное освобождение негров и их равноправие, выдвинула программу коренной реконструкции Юга и потребовала, чтобы Соединенные Штаты выступили с оружием против европейских держав, проводивших в те годы интервен-

цию в Мексике. Немецкие радикалы высказались за Фримонта как кандидата в президенты на ближайших выборах, а не за Линкольна⁷⁰. Однако в дальнейшем, когда Фримонт снял свою кандидатуру, а Линкольна был выдвинут республиканским съездом, они поддержали Линкольна, и в том, что таким образом был избежит раскол республиканских избирателей, большую роль сыграла пропаганда сент-луисской левореспубликанской газеты «*Нейе цейт*», в которой тогда сотрудничал Вейдемейер⁷¹.

Материальное положение немецких рабочих, как и американских рабочих вообще, в годы гражданской войны ухудшилось, особенно в начале ее. Летом 1861 г., например, немецкие портные-надомники Нью-Йорка, выполнявшие военные заказы, жаловались на низкую заработную плату и высказывали намерение создать профсоюз⁷². В мае 1862 г. немецкие столяры-краснодеревщики собрались в Нью-Йорке на митинг с целью «призывами и доводами повлиять на хозяев», чтобы те увеличили рабочим заработную плату, «недостаточную для содержания их семей»⁷³. Рабочие союзы испытывали большие организационные трудности вследствие ухода лучших кадров на фронт и из патриотических соображений не всегда решались на забастовки. Но в конце гражданской войны немецкие, как и другие, рабочие организации стали оправляться, причем впереди, по свидетельству Зорге, шли столяры, а немецкий рабочий союз Нью-Йорка поддерживал тесную связь с союзом англоязычных рабочих⁷⁴.

* * *

В годы гражданской войны среди американского населения бытовало представление, что немцы, все как один, — защитники дела Севера. Как пример можно привести слова «*Нью-Йорк дейли трибюн*», которая, рекомендуя немца на муниципальную должность, писала, что он, «как все немцы, ревностный сторонник войны за свободу»⁷⁵. Как видно из вышеизложенного, такое безоговорочное высказывание не соответствовало действительности, но оно показательно для общественного настроения. Более того, существовало мнение, что Север победил именно благодаря немцам. Командующему армией южан Ли приписывались слова: «Уберите немцев из союзной армии, и мы легко побьем янки»⁷⁶. Через несколько десятилетий, на похоронах Шурца, оратор американец заявил, что победа в гражданской войне была одержана именно благодаря упорству и решительности немцев⁷⁷. Подобные мнения, подхватывавшиеся и развивавшиеся затем немецкими националистическими историками, следует отвергнуть. Вторая американская революция была гораздо более широким и глубоким процессом, и объяснять ее исход деятельностью какого бы то ни было национального меньшинства никак нельзя. Однако нельзя не признать, что американские немцы внесли значитель-

ный вклад в гражданскую войну. Благодаря опыту революции 1848 г., более высокому классовому сознанию, отсутствию традиционных связей с рабовладением, наконец, наличию кадров революционной интеллигенции, в особенности марксистской, немецкие иммигранты оказались на передовых позициях фронта и тыла гражданской войны и больше других национальных групп способствовали ее революционно-демократическому развитию.

Гражданская война смягчила национальную рознь, потребовав напряжения всех сил страны. Военные заслуги немецких отрядов вызывали уважение. В особенности это относилось к турнерам, прежде злейшим врагам незнаек⁷⁸. На фронтах выковывалось боевое братство солдат разных национальностей, все больше немецких солдат воевало в общих частях. Многие эмигранты 1848 г. вообще считали, что создавать отдельные немецкие полки не стоит, так как к американской войне немецкое землячество отношения не имеет⁷⁹. Инвалиды — немцы и американцы — совместно требовали пособий, а немецкие и американские рабочие организовывали в конце войны общие профсоюзы. В правящей республиканской партии немецкие деятели играли важную и прогрессивную роль. Консолидация американского национального государства положила конец мечтам о немецком государстве в Америке, попытки создать которое предпринимались не раз с 20-х годов XIX в. до самой гражданской войны⁸⁰.

В силу всего этого вторая американская революция обусловила и начало в процессе ассимиляции немцев, как и других национальных групп. Сближение происходило с обеих сторон, хотя национальная дискриминация давала себя чувствовать и в годы войны. Впрочем, дискриминация, являвшаяся главным препятствием к ассимиляции, не была чем-то наносным, — она в разной степени и разных формах сопутствует всем стадиям частнособственнического общества.

¹ Ш. А. Богина. Иммиграция в США. М., 1965, стр. 87.

² Радикализм и единодушие немецкого населения сильно преувеличены в кн. М. Н. Захаровой «Народное движение в США против рабства» (М., 1965, стр. 370).

³ L. S. Thompson and F. X. Braun. The Forty-Eighters in Politics. «The Forty Eighters. Political Refugees of the German Revolution of 1848». N. Y., 1950, p. 139—141; C. Wittke. Refugees of Revolution. The German Forty-Eighters in America. Philadelphia, 1952, p. 217.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, стр. 143.

⁵ АВПР, фонд посольства в Вашингтоне, 1861 г., д. 76, л. 160.

⁶ NYDT, 9.XII 1861.

⁷ К. Obermann. Joseph Weydemeyer. Pioneer of American Socialism. N. Y., 1947, p. 109—112.

⁸ Там же, стр. 115.

⁹ «The Diary of G. T. Strong», vol. 3. N. Y., 1952, p. 111.

¹⁰ H. B. Johnson. Adjustment to the United States. «The Forty-Eighters...», p. 63.

¹¹ A. V. Faust. The German Element in the United States, vol. II. [s. l., s. d.], p. 662.

- ¹² С. Wittke. Refugees of Revolution, p. 218.
- ¹³ АВПР, ф. посольства в Вашингтоне, 1862 г., д. 80, л. 142.
- ¹⁴ Турнеры составляли массовое немецкое спортивное и просветительное общество, активно участвовавшее в политической жизни и боровшееся с рабовладением. Три четверти турниров сражалось в армии Севера (Ш. А. Богина. Указ. соч., стр. 145—150).
- ¹⁵ NYDTr, 30.V 1861; 8.VI 1861.
- ¹⁶ NYDTr, 20.V 1861.
- ¹⁷ NYDTr, 27.VII 1861.
- ¹⁸ NYDTr, 25.X 1861.
- ¹⁹ NYDTr, 29.VII 1861.
- ²⁰ Собрание «Deutsche in America». Библ. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Фотокопия.
- ²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 393.
- ²² NYDTr, 4.V 1861, 8.VII 1861.
- ²³ NYDTr, 16.V 1861; W. Kaufmann. Die Deutschen im amerikanischen Bürgerkrieg. München — Berlin, 1911, S. 181.
- ²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 500.
- ²⁵ «The Diary of G. T. Strong», vol. 3, p. 142.
- ²⁶ L. Adams. A Nation of Nations. N. Y.—London, 1945, p. 180.
- ²⁷ NYDTr, 17.VII 1861.
- ²⁸ Brother B. L. Lee. Discontent in New York City, 1861—1865. Washington, 1943, p. 85, 86.
- ²⁹ NYDTr, 2.V 1862.
- ³⁰ NYDTr, 24.VI 1862.
- ³¹ NYDTr, 23.VIII 1862.
- ³² «The Diary of G. T. Strong», vol. 3, p. 479.
- ³³ W. Kaufmann. Op. cit., p. 194—197; «Population of the United States in 1860. Compiled from the Original Returns of the 8th Census». Washington, 1864, p. 614.
- ³⁴ А. В. Фауст. Op. cit., vol. I, p. 532. Сецессионисты — сторонники южан.
- ³⁵ W. Kaufmann. Op. cit., p. 192—198; А. В. Фауст. Op. cit., vol. I, 529—542; NYDTr, 3, 14, 15, 17, V 1861.
- ³⁶ NYDTr, 7 июня 1861 г.
- ³⁷ NYDTr, 3 июня 1861 г.
- ³⁸ W. Kaufmann. Op. cit., p. 187; А. В. Фауст. Op. cit., vol. I, p. 538—540; NYDTr, 31 мая 1861 г.
- ³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 351.
- ⁴⁰ К. Оберманн. Op. cit., 118—122.
- ⁴¹ A. J. Prah. The Turner. В сб.: «The Forty-Eighters...», p. 103, 104.
- ⁴² W. Kaufmann. Op. cit., p. 154.
- ⁴³ NYDTr, 16.V 1861.
- ⁴⁴ W. Kaufmann. Op. cit., p. 155—162.
- ⁴⁵ Р. Ф. Иванов. Борьба негров за землю и свободу на Юге США. М., 1958, стр. 27, 30.
- ⁴⁶ NYDTr, 29.VIII 1862.
- ⁴⁷ С. Wittke. We Who Built America. N. Y., 1945, p. 254; W. Kaufmann. Op. cit., p. 183.
- ⁴⁸ W. Kaufmann. Op. cit., p. 132, 133; А. В. Фауст. Op. cit., vol. II, p. 522, 523 и др.
- ⁴⁹ NYDTr, 1.VIII 1862.
- ⁵⁰ NYDTr, 12.VIII 1862.
- ⁵¹ NYDTr, 23.VI 1862; 4.VII 1862; «The Forty-Eighters...». p. 193, 194; W. Kaufmann. Op. cit., p. 166—181.
- ⁵² С. Wittke. Refugees of Revolution, p. 230—232.
- ⁵³ L. H. Larsen. Draft Riots in Wisconsin, 1862. «Civil War History», 1961, p. 421—427.
- ⁵⁴ «The Diary of G. T. Strong», vol. 3, p. 375.

- ⁵⁵ Ibid., p. 343.
- ⁵⁶ NYDTг, 26.VI 1862.
- ⁵⁷ Фотокопия (собр. «Deutsche in America»).
- ⁵⁸ NYDTг, 9.V 1862.
- ⁵⁹ Н. В. Johnson. Op. cit., p. 63.
- ⁶⁰ К. Obermann. Op. cit., p. 126—127.
- ⁶¹ А. В. Ефимов. Очерки истории США. М., 1958, стр. 341—343.
- ⁶² W. Kaufmann. Op. cit., p. 241.
- ⁶³ К. Obermann. Op. cit., p. 120.
- ⁶⁴ NYDTг, 20.IX 1862.
- ⁶⁵ NYDTг, 26.V 1862.
- ⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 31. стр. 360.
- ⁶⁷ «The Forty-Eighters...», p. 201.
- ⁶⁸ NYDTг, 28.VII 1862.
- ⁶⁹ NLDTr, 22.V 1862.
- ⁷⁰ К. Obermann. Op. cit., p. 125; C. Wittke. We Who Built America, p. 255; Idem. Refugees of Revolution, p. 245; H. Schlüter. Die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung in Amerika. Stuttgart, 1907, S. 186.
- ⁷¹ К. Obermann. Op. cit., p. 125.
- ⁷² NYDTг, 20.VII 1861.
- ⁷³ NYDTг, 19.V 1862.
- ⁷⁴ Ф. А. Зорге. Рабочее движение в Соединенных Штатах. СПб., 1907, стр. 97.
- ⁷⁵ NYDTг, 25.IX 1862.
- ⁷⁶ W. Kaufmann. Op. cit., p. 133.
- ⁷⁷ Н. В. Johnson. Op. cit., p. 68.
- ⁷⁸ Незнайки (Know — Nothings) — реакционная «Американская» партия, резко враждебная иммигрантам. В течение нескольких лет была очень влиятельна.
- ⁷⁹ W. Kaufmann. Op. cit., p. 182.
- ⁸⁰ Ш. А. Богина. Указ. соч., стр. 153—156.

Проблемы истории гражданской войны в США 1861—1865 гг. в трудах советских историков

В 1926 г. в Советском Союзе впервые была опубликована работа о гражданской войне в США — популярный очерк Д. Заславского «Гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки (1861—1865 гг.)»¹. За 40 лет, прошедших с момента опубликования работы Заславского, советские историки внесли значительный вклад в изучение сложных проблем этого важного периода истории США.

Интерес советских историков к этой теме определяется тем, что гражданская война была поворотным пунктом в истории страны, ознаменовавшим начало нового этапа в развитии заокеанской республики. В истории США не было ни одного другого крупного события, в котором столь активную роль сыграли бы широкие народные массы — подлинные творцы истории. Активное участие в гражданской войне народа наложило глубокий отпечаток как на ход войны, так и на ее результаты, придало войне характер буржуазно-демократической революции. В ожесточенной четырехлетней гражданской войне американский народ сокрушил рабство, уничтожив тем самым главное препятствие на пути экономического и политического развития страны. После окончания гражданской войны США устремились вперед такими быстрыми темпами, которых не знала до этого ни одна страна мира. В кратчайшие исторические сроки они обогнали Англию, Францию, Германию и прочно заняли первое место в мире по объему промышленного производства.

Гражданская война в США явилась событием, значение которого вышло далеко за географические рамки Соединенных Штатов.

В. И. Ленин указывал на «величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке!»².

Главное внимание советских историков привлекают сложные проблемы социально-экономических предпосылок гражданской

войны, вопрос о роли народных масс в борьбе за уничтожение рабства, аграрная проблема в годы второй американской революции, негритянское освободительное движение, внешнеполитические проблемы гражданской войны.

Указанная выше работа Заславского вошла составной частью в опубликованные им в 1931 г. «Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв.»³. Это была первая сводная марксистская работа по истории США, изданная в СССР. Значительное внимание в ней уделялось важнейшим проблемам истории гражданской войны. Но вполне естественно, что в рамках популярного очерка Д. О. Заславский не мог дать научного исследования истории гражданской войны.

Первой в советской историографии исследовательской работой по истории США была монография А. В. Ефимова «К истории капитализма в США», опубликованная в 1934 г.⁴ Ее хронологические рамки не охватывают периода гражданской войны.

Однако, анализируя аграрную проблему, которая исследуется фактически на протяжении всей истории США XVIII—XIX вв., проблемы феодальных отношений в Северной Америке, «общественных земель», колонизации Запада, гражданской войны в Канзасе в 1854—1856 гг., политический кризис в стране накануне гражданской войны, подробно исследуя проблему рабства на протяжении всей истории США до гражданской войны, анализируя сложные проблемы истории промышленного переворота, А. В. Ефимов вносил большой вклад в изучение одной из важнейших проблем второй американской революции — экономических и политических предпосылок гражданской войны.

За 30 с лишним лет, прошедших после опубликования этой работы, сложилась и оформилась марксистская школа историков в США, внесшая значительный вклад в изучение истории гражданской войны. За эти годы была создана и советская марксистская школа историков США. Советские историки опубликовали немало обобщающих трудов по истории Соединенных Штатов, в которых значительное внимание уделено исследованию гражданской войны, в СССР был издан ряд монографических исследований по важным проблемам истории второй американской революции.

В свете всех этих бесспорных достижений марксистской историографии в изучении второй американской революции большой интерес представляет критическая оценка работы А. В. Ефимова «К истории капитализма в США». Время — лучший ценитель достоинств и недостатков любой работы, и можно сказать с полным основанием, что работа А. В. Ефимова, положившая начало советской научной американистике, с честью выдержала испытание временем. Все важнейшие положения этой работы получили подтверждение и дальнейшее развитие в последующих трудах советских историков.

В монографии А. В. Ефимов на основании анализа новой истории США делал вывод «об отсутствии каких бы то ни было оснований для утверждения о какой-то «исключительности» американского капитализма»⁵. Этими словами автор заканчивал свое исследование. И данный вывод, глубоко аргументированный во всех главах монографии, сохраняет и в настоящее время большое научное и политическое значение. Одной из наиболее распространенных реакционных буржуазных теорий в настоящее время является широко пропагандируемый миф об «исключительности» американского капитализма, о его коренном отличии от капитализма в других странах.

С точки зрения внутреннего погребения «теория исключительности» имеет целью приукрасить американский капитализм, прикрыть рассуждениями об «исключительности» его эксплуататорскую сущность «Теория исключительности» преследует и немаловажные внешнеполитические цели: с ее помощью подводится слегка закомуфлированный «теоретический» базис под претензии реакционных американских кругов на мировое господство.

Одним из важнейших положений, выдвигаемых сторонниками этой «теории», является утверждение, что на США не распространяются законы общественного развития, открытые основоположниками марксизма-ленинизма, что эта страна никогда якобы не знала классовой борьбы.

А. В. Ефимов разоблачил полную научную несостоятельность «теории исключительности». Анализируя экономические и политические предпосылки гражданской войны, он показал, что все содержание исторического развития США определяется ожесточенной классовой борьбой. На основании всестороннего исследования движения скваттеров в Канзасе и в других штатах, насильно захватывавших «свободные» земли, автор пришел к выводу, «что эти формы классовой борьбы, хотя и в менее развитом виде, были характерны не только для Канзаса, но также для других территорий и штатов в период их заселения, и что скваттерские организации прибегали к насилию в своей борьбе за землю не только в 50-х годах, но и в более ранний период»⁶.

В главе о гражданской войне в Канзасе в 1854—1856 гг. А. В. Ефимов вскрыл классовую сущность революционных событий в этом штате, принявших общенациональный характер: «„Драка“ с „буйным пограничным сбродом“ (в Канзасе.— *Р. И.*) была в сущности началом гражданской войны в США»⁷.

Борьба между плантаторами и свободными поселенцами за землю в Канзасе и в других районах «свободных» земель переросла в борьбу за власть в национальном масштабе между сторонниками и противниками рабства. «Итак,—делал вывод А. В. Ефимов,—вопрос о плодородных землях в новых

территориях превращался в вопрос о сохранении рабовладельцами государственной власти»⁸.

Анализ гражданской войны в Канзасе в монографии А. В. Ефимова явился важным вкладом в изучение истории гражданской войны 1861—1865 гг. В работах советских историков о гражданской войне 1861—1865 гг. в США, опубликованных в последующие годы, были широко использованы все важнейшие положения и выводы, сделанные А. В. Ефимовым в главе о гражданской войне в Канзасе. Подводя итог своему исследованию гражданской войны в Канзасе, А. В. Ефимов писал: «Она показала склонность буржуазных лидеров партии «свободного штата» к соглашательству и компромиссам с рабовладельцами, она показала фермерам и рабочим важность политического момента, показала, что, несмотря на то, что местное свободное население победило рабовладельцев в парламентской и в вооруженной борьбе, рабовладельцы, опираясь на центральную власть, оказались все же победителями. После канзасской войны перед широкими массами населения встал вопрос о необходимости отнять центральную власть у плантаторов.

За время событий в Канзасе произошел раскол в старых партиях, образовалась новая республиканская партия и изменилась расстановка классовых и партийных сил в стране»⁹.

Трудно переоценить важность теоретических выводов о месте и роли аграрной проблемы во второй американской революции, сделанных в монографии. Значительное внимание автор уделял анализу борьбы широких народных масс США за гомстед. Акт о гомстедах, принятый в ходе гражданской войны 20 мая 1862 г., явился одним из крупнейших завоеваний народных масс во второй американской революции. Но бесспорно, что принятие этого важного закона, сыгравшего большую роль во всей последующей истории страны, было подготовлено революционной борьбой предшествующих поколений. «Этот акт,— писал А. В. Ефимов,— был результатом длительной и ожесточенной классовой борьбы скваттеров в западных территориях и классовой борьбы в старых восточных штатах, он был вырван революционным путем, был завоеван фермерами и рабочими и явился одним из важных условий для развития капитализма в сельском хозяйстве...»¹⁰.

С полным основанием автор писал, что борьба за гомстед началась еще в колониальный период, когда появились первые скваттеры, и продолжалась вплоть до принятия закона о гомстедах. Периодизация борьбы за гомстед, увязанная с крупнейшими революционными событиями внутри страны и за рубежом, не вызывает сомнений. А. В. Ефимов писал, что эпоха революции 1848 г., гражданская война в Канзасе в 1854—1856 гг. и гражданская война в США 1861—1865 гг. были тремя этапами билля о гомстеде. И действительно, революция 1848 г. вызвала

значительные отклики в США, где активизировалось рабочее и фермерское движение, причиной чего не в малой степени явился мощный поток демократической иммиграции, устремившийся в США после поражения революции 1848 г. в Европе. Именно в этот период билль о гомстеде был внесен в конгресс. Во время революционных событий в Канзасе сторонники рабовладения добились отклонения этого билля. «Приход республиканцев к власти и контрреволюционный мятеж юга, давление масс севера сделали этот билль законом»¹¹.

Принятию закона о гомстедах предшествовала продолжительная и ожесточенная борьба в конгрессе по вопросу о том, на каких условиях будет предоставлена земля поселенцам. Консервативные республиканцы сумели добиться включения в текст закона положений, которые создавали условия для спекуляции земельными наделами. Следствием этого явилось то, что первые и наиболее удобные участки попали в руки перекупщиков, а от них — к железнодорожным и другим компаниям.

Окончательный вариант закона, подписанного президентом Линкольном, гласил, что любой гражданин США или иностранец, желающий принять американское гражданство и уплативший 10-долларовый регистрационный сбор, получал из государственного земельного фонда 160-акровый (65 га) гомстед — земельный участок. После пяти лет проживания на полученном участке и обязательной обработки его гомстедер превращался в собственника участка.

Закон о гомстедах, удовлетворявший одно из важнейших требований народных масс, способствовал укреплению позиций республиканского правительства в борьбе с мятежными рабовладельцами, росту авторитета президента Линкольна, он активизировал народные массы в борьбе с плантаторами. Каждый солдат мог быть уверен, что победа в гражданской войне даст ему возможность получить бесплатный земельный надел.

В монографии А. В. Ефимова «К истории капитализма в США» дан всесторонний анализ закона о гомстедах, его роли в последующем развитии страны. Автор делал вывод, что введение гомстедов «являлось буржуазной мерой для наиболее быстрого развития капитализма. Гомстед-акт в совокупности с другими социальными и политическими завоеваниями гражданской войны... был одним из моментов, обеспечивающих тот путь развития капитализма в сельском хозяйстве, который Ленин называл „американским“»¹².

В реализации закона было много злоупотреблений, спекуляция земельными участками привела к обогащению многочисленных спекулянтов и авантюристов, поселенец, получивший бесплатный земельный надел, сталкивался со значительными трудностями в создании фермы. Но несмотря на все недостатки закона и злоупотребления, которые сопровождали его претво-

рение в жизнь, для своего времени это было самым демократичным решением аграрной проблемы. «Закон о гомстедах был «демократическим» решением аграрного вопроса, решением, вырванным массами в итоге двух революций и длительной борьбы скваттеров на западе»¹³.

А. В. Ефимов анализирует закон о гомстедах в неразрывной связи с исследованием характера революционных событий периода гражданской войны 1861—1865 гг. «Акт о гомстеде был одним из моментов буржуазно-демократической революции в Америке...»¹⁴, — говорится в монографии. Постановка вопроса о гражданской войне, как своеобразной форме буржуазно-демократической революции, была новым словом в марксистской исторической литературе. Этот тезис, получивший признание во всей марксистской исторической литературе, был автором всесторонне развит в «Очерках истории США», а также подробно проанализирован им в главах, опубликованных в коллективной работе советских историков «К столетию гражданской войны в США»¹⁵.

В монографии «К истории капитализма в США» А. В. Ефимов исследовал еще один важный вопрос истории гражданской войны — роль негров в победе Севера, в уничтожении рабства.

В двух главах монографии охарактеризовано плантационное рабство в США, показана его связь с развивавшейся капиталистической системой. Перечислив экономические и политические причины кризиса плантационной системы, А. В. Ефимов подчеркивал: «Был еще один важнейший момент, малоизученный и плохо освещенный, который подрывал рабство изнутри, — это классовая борьба самих рабов»¹⁶.

Таким образом, впервые в советской исторической литературе был дан марксистский, научный анализ не только экономических и политических предпосылок гражданской войны, но и ряда аспектов самой войны.

В приложении к «Очеркам истории США» А. В. Ефимов писал, что все важнейшие положения и выводы, сделанные в работе «К истории капитализма в США», по его мнению, сохраняют свое значение¹⁷. К этому мнению нельзя не присоединиться. Вполне естественно, что так как в научный оборот введено множество новых материалов, ряд положений этой первой в СССР исследовательской работы по истории США требует уточнения. Но бесспорно то, что все основные теоретические выводы, сделанные в этой монографии, правильны и для сегодняшнего дня. И не случайно, что в работах советских американистов они получили дальнейшее развитие.

В 1953 г. вышли первым, а в 1958 г. вторым изданием «Очерки истории США» А. В. Ефимова, в которых автор анализирует историю США от открытия Америки до окончания гражданской войны. Значительное внимание в этой работе уделено развитию

американского капитализма. Эта проблема исследуется в тесной связи с проблемой буржуазной революции. И вполне естественно, что наряду с войной за независимость 1775—1783 гг. А. В. Ефимов уделяет значительное внимание исследованию гражданской войны 1861—1865 гг. Он подробно анализирует экономические и политические предпосылки гражданской войны, роль народных масс в революционных событиях этого периода, в частности вклад негров в разгром мятежной Конфедерации и уничтожение рабства, специальный параграф посвящен периодизации войны. Большое внимание в монографии уделено анализу чисто военных проблем, внутренней политики правительства Линкольна, внешнеполитических вопросов, связанных с гражданской войной. Исследование истории гражданской войны заканчивается анализом важнейших событий периода реконструкции, восстановления Союза.

Большой интерес представляют теоретические выводы автора о гражданской войне как своеобразной буржуазно-демократической революции. Отметив, что во время гражданской войны в движение были приведены многомиллионные народные массы, А. В. Ефимов с полным основанием выделяет и другую сторону участия народных масс в революционных событиях гражданской войны. Он пишет: «Однако решает вопрос не количество населения, вовлеченного в гражданскую войну, а тот факт, что народным массам удалось наложить отпечаток на ход событий, повлиять на объективное содержание, на результаты гражданской войны»¹⁸.

И автор показывает, как под давлением широких народных масс правительство Линкольна пошло на принятие важных революционных решений: уничтожение рабства, закон о гомстедах, переход от конституционных методов ведения войны к революционным, отмена поправки к конституции о неприкосновенности личности, переход к периоду радикальной реконструкции.

В «Очерках» А. В. Ефимова впервые в марксистской литературе был дан четкий анализ классового состава радикальных республиканцев. А. В. Ефимов с полным основанием рассматривает их как представителей промышленной буржуазии северных штатов. Автор показывает сильные стороны в деятельности радикалов, усматривая их в том, что они, борясь за уничтожение всех препятствий на пути развития капитализма, выступали в годы гражданской войны в союзе с широкими народными массами. Он показывает ограниченность этих буржуазных революционеров, проявлявшуюся в их непоследовательности в вопросе об освобождении негров-рабов: большинство радикалов рассматривали уничтожение рабства как чисто военную меру. Радикалы занимали очень умеренную позицию и в вопросе о предоставлении земли неграм. В этих ошибках и непоследовательности радикальных республиканцев были заложены корни той compro-

миссной политики, которая в 1877 г. завершилась предательством интересов негров республиканцами, вступившими в сговор с бывшими рабовладельцами.

Значительное внимание А. В. Ефимов уделяет в «Очерках» внешнеполитической истории гражданской войны, в частности вопросу о позиции России, об отношении правящих кругов России и передовой русской общественности к войне между Севером и Югом. Он с полным основанием делает вывод, что Россия занимала объективно благоприятную позицию для Севера.

Характерной особенностью «Очерков» является глубина анализа и вместе с тем предельно доступное для самых широких кругов читателей изложение материала, что делает эту работу особенно ценной.

Большим вкладом в изучение истории гражданской войны в США явилась монография М. М. Малкина «Гражданская война в США и царская Россия», опубликованная в 1939 г.¹⁹

В этой работе исследовалась не только дипломатическая история гражданской войны в США: автор анализирует и многие важные вопросы внутренней истории гражданской войны. В частности, в монографии приведен большой и интересный фактический материал об участии негров в гражданской войне, в рядах федеральной армии, о восстаниях негров в тылу мятежной Конфедерации. Подробно анализируются социально-экономические отношения между борющимися силами Севера и Юга.

Анализируя внешнеполитические проблемы гражданской войны, автор рассматривает и такой важный вопрос, как влияние рабочего класса Англии и прогрессивных кругов интеллигенции на внешнеполитическую курс Англии, на политику реакционных правящих кругов страны по отношению к Северу.

М. М. Малкин использовал многочисленные документы из Архива внешней политики России, американскую, английскую, русскую прессу, мемуары, монографические исследования — практически все источники, которые были доступны в то время советскому исследователю. И можно полностью присоединиться к мнению редактора книги и автора предисловия к ней академика Е. В. Тарле, который писал: «Если эта книга будет переведена на английский язык, то американские историки будут благодарны за включение в научный оборот целого ряда неизвестных до сих пор фактов, имеющих немаловажное значение для характеристики общей политической обстановки великой междоусобицы»²⁰.

К сожалению, книга не была переведена на английский язык, но тем не менее она широко известна и получила высокую оценку не только нашей, но и зарубежной научной общественности.

В работах советских историков о гражданской войне в США значительное внимание уделяется историографическим проблемам. В частности, в «Очерках» А. В. Ефимова рассматривается

вопрос о том, как современные американские реакционные историки пытаются аргументировать свою концепцию об исторической «бессмысленности» гражданской войны в США.

Но вполне естественно, что в специальных исследованиях, посвященных истории гражданской войны, было трудно дать глубокий и всесторонний анализ всех аспектов историографии гражданской войны в США. Этот серьезный пробел в изучении истории второй американской революции был восполнен опубликованием монографии И. П. Дементьева, посвященной анализу огромной литературы о гражданской войне в США²¹. Достоинством монографии является то, что анализ чисто историографических проблем увязан с рассмотрением конкретных исторических событий гражданской войны, что является необходимым условием для написания любой серьезной историографической работы.

Перед автором стояла еще очень сложная задача: в огромной литературе о гражданской войне выделить важнейшие школы и направления, показать, как они формировались, какие конкретные причины социально-политического порядка порождали возникновение тех или иных концепций истории гражданской войны.

Значительный интерес представляет разбор И. П. Дементьевым взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на гражданскую войну в США. Автор с полным основанием приходит к выводу, что работы основоположников марксизма о гражданской войне — образец подлинно научного анализа сложных проблем второй американской революции.

В монографии И. П. Дементьева глубоко проанализированы оценки гражданской войны крупнейшими деятелями американской демократии, активными участниками второй американской революции — Ф. Дугласом, Д. Брауном, В. Филлипсом, Т. Стивенсом. Автор рассматривает работы историков буржуазно-либерального, буржуазно-реформистского, социал-реформистского направлений. Значительное внимание уделено анализу буржуазной историографии гражданской войны в период общего кризиса капитализма. Особое внимание И. П. Дементьев уделяет анализу взглядов известного американского историка Ч. Бирда. «Неоконсерватизм», «школа бизнеса», либеральные направления всех оттенков современной американской историографии глубоко проанализированы И. П. Дементьевым.

Бесспорной удачей автора является анализ американской марксистской историографии гражданской войны в США.

На наш взгляд правомерно выделение автором негритянской историографии. В оценке истории гражданской войны, особенно роли негров в разгроме мятежников и уничтожении рабства, американские историки — негры, отнюдь не являющиеся марксистами, занимают, как правило, значительно более правительные позиции, чем многие буржуазные историки.

Работа И. П. Дементьева не лишена недостатков. Автор уделил недостаточно внимания оценке ряда спорных проблем в истории гражданской войны и не определил своего отношения к ним. Работа выиграла, если бы автор дал более подробный разбор того, что сделано советскими историками в исследовании этого важного периода истории США. Нельзя также не присоединиться к большинству критических замечаний, высказанных в рецензии на монографию А. В. Ефимовым и Ш. А. Богиной²². Однако перечисленные недостатки не меняют общего, очень высокого мнения о работе И. П. Дементьева.

В рамках небольшой статьи невозможно дать оценку тех значительных достижений, которых добилась советская историческая наука в изучении истории гражданской войны в США. Помимо разобранных выше работ советских авторов по истории гражданской войны, были опубликованы монографии Ш. А. Богиной, Г. П. Куропятником, Р. Ф. Ивановым²³. Главы в коллективных трудах и статьи по истории гражданской войны опубликованы многими другими советскими историками.

Можно сказать с полным основанием, что в нашей стране сложилась школа исследователей гражданской войны в США, которая плодотворно работает над изучением этого важного революционного периода американской истории.

¹ Д. О. Заславский. Гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки (1861—1865 гг.). М.—Л., 1926.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 58.

³ Д. О. Заславский. Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв. М., 1931.

⁴ А. В. Ефимов. К истории капитализма в США. М., 1934.

⁵ Там же, стр. 246.

⁶ Там же, стр. 87.

⁷ Там же, стр. 102.

⁸ Там же, стр. 97.

⁹ Там же, стр. 111.

¹⁰ Там же, стр. 133.

¹¹ Там же, стр. 134.

¹² Там же, стр. 140.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 141

¹⁵ «К столетию гражданской войны в США». М., 1961.

¹⁶ А. В. Ефимов. К истории капитализма в США, стр. 187.

¹⁷ А. В. Ефимов. Очерки истории США. М., 1958, стр. 423.

¹⁸ Там же, стр. 384.

¹⁹ М. М. Малкин. Гражданская война в США и царская Россия. М.—Л., 1939.

²⁰ Там же, стр. 7.

²¹ И. П. Дементьев. Американская историография гражданской войны в США (1861—1865 гг.). М., 1963.

²² «Новая и новейшая история», 1964, № 6.

²³ Ш. А. Богина. Иммиграция в США в годы гражданской войны. М., 1964; Г. П. Куропятник. Вторая американская революция. М., 1961; Р. Ф. Иванов. Авраам Линкольн и гражданская война в США. М., 1964.

Один из представителей
американской школы социологии
международных отношений —
Раймон Арон

«Планетарная система в термоядерный век» — таков главный предмет, главный прицел солидного исследования проф. Раймона Арона. Оно представляет попытку дать теоретический фундамент для ответов на коренные вопросы отношений политических систем на нашей планете в эпоху термоядерного оружия.

В 1954 г. Раймон Арон в статье «Об анализе дипломатических констелляций» впервые провозгласил возможность социологии международных отношений. В 1961 г. он завершил обширный труд об этой новой отрасли социологии под названием «Мир и война между народами». Это теоретическое исследование Р. Арона вызвало повсюду большой интерес, в том числе весьма содержательные реплики на страницах журнала «Анналь» (1963 г., №1).

Раймон Арон — француз. Но данная его работа нимало не связана с состоянием и традициями французской науки. Книга Р. Арона написана в США, с помощью субсидий американских научных фондов (о чем автор пишет в предисловии). Но самое главное — она представляет как бы вершину в целой цепи работ американских авторов, отчасти подготовивших концепцию Р. Арона, отчасти продолжавших и развивавших ее в дальнейшем. Таковы книги Моргентхау (1960), Вольферса (1952), Спрут (1962), Гоффмана (1960), Франкеля (1952), Падельфорда и Линкольна (1962), Дачека и Томсона (1960), Паркера и Перкинса (1953), Райта (1955), Палестона (1955), Страус-Хапе и Поссоны (1950), Фокса (1959). С полным основанием можно говорить о целой школе при всем разнообразии терминологии и аспектов.

Однако американская база теорий Р. Арона усматривается не только в академических и литературных традициях школы. В сущности к всемирно-историческому масштабу обобщений его привела та специфическая «биполярная» (по его термино-

логи) ситуация, когда мировая политика в большой степени определяется наличием и противоречиями двух могучих держав — США и СССР. Эта ситуация и направляет социологическое мышление Р. Арона. При этом на «биполярность» он смотрит с одного из двух полюсов: с полюса американского. И этого было бы достаточно, чтобы считать проф. Арона, по крайней мере как автора данной книги, лишь выразителем американских социологических идей, хотя бы и с французской кафедры.

История дипломатии и история войн, словом история международных отношений, до сих пор оставалась наиболее описательной, фактографичной отраслью исторической науки, где обобщения касались более дипломатического и военного искусства, чем сущности самих международных отношений. Поскольку недоставало общей теории, постольку открывался простор для преувеличения личной роли отдельного дипломата, полководца, государственного деятеля. Труд Р. Арона и поставил вопрос, в какой мере здесь возможна генерализация, может ли социология вооружить историка (как и политика) «политикологией».

Скажу сразу же, что я сторонник поисков и создания такой общей теории. В этом смысле я согласен с Р. Ароном. Если существуют и успешно развиваются обобщающие социологические дисциплины о разных сферах общественной и исторической жизни — от теоретической экономики до социальной психологии, — то не может остаться чисто идеографической, регистрирующей индивидуальные факты вся сфера познания международных отношений и их исторического развития. Представляется необходимым существование такой социологической дисциплины. Однако не надо преуменьшать встающие на пути трудности. На мой взгляд они огромны. Вряд ли такую новую дисциплину можно просто пристроить в качестве флигеля к той или иной социологической системе: неизбежно будет серьезно затронуто все здание любой социологии, будь то материалистической или идеалистической, если удастся выяснить неизвестные ранее законы, относящиеся к области взаимных отношений между государствами, нациями, народами.

Увы, в концепции проф. Арона удивительно мало действительно новых идей. Это систематика, а не открытие. Введены некоторые новые рабочие понятия и термины, например «конфигурация соотношения сил», «гомогенные и гетерогенные системы», «биополярные и плюриполярные (мультиполярные) системы». Описаны некоторые категории и явления, относящиеся к сфере войны и внешней политики. Этот рабочий аппарат, вероятно, будет использован с теми или иными оговорками будущими создателями социологии международных отношений.

Попытка проф. Арона является шагом вперед в том смысле, что она служит отрицанием предшествующей попытки в данной

области — немецкой геополитики. Методы и взгляды Р. Арона решительно противостоят всему духу геополитики и претензиям ее создателей на научность. Под этим углом зрения возникновение концепции Р. Арона, ее быстрое распространение, сам факт вынесения ее на обсуждение международного форума социологов (в форме проблемы социологии международных отношений) представляют определенный прогресс. Мы вполне солидарны с Р. Ароном в его отрицании геополитики. А само понятие социология международных отношений есть уже противовес геополитике: там — волюнтаризм, здесь — стремление к познанию объективных закономерностей. Мало того, можно сказать, что по своему политическому кредо геополитика устремлена к войне, тогда как социология международных отношений — к мирному сосуществованию, хотя бы и трактуемому, как «продолженный конфликт». К сожалению, проф. Арон, говоря о современности, приписывает лишь западным державам стремление искать мирные решения и урегулирование международных проблем перед лицом конфликта, а марксизму-ленинизму безосновательно приписывает тезис о неизбежности и благотворности войн до окончательного распространения социализма на всей земле. Не эта ли предвзятость и ложность актуальной политической позиции помешала проф. Арону достигнуть научной глубины в своем социологическом исследовании?

Эту неполноту и неудовлетворительность концепции Р. Арона я усматриваю в трех отношениях: 1) в пространстве, т. е. в географическом ограничении «международных систем» (за исключением современной); 2) во времени, т. е. в ограничении базы социологической теории фактическим материалом из одной исторической эпохи; 3) в ограничении сущности международных отношений стратегией и дипломатией.

Начнем с пространственного ограничения. В противоположность историкам, описывающим факты международных отношений, исходя из политики отдельного государства или каждого участника конфликта, социолог идет от целого и видит в каждом государстве и его политике часть системы. Но, чтобы не оказаться в замкнутом кругу, социолог должен бы всегда исходить из предельного большого целого — из человечества. Тогда все границы между народами и государствами выступят в качестве внутренней структуры этого целого, Человечество состоит из тысяч народов и племен. Мыслима ли история каждого из них по отдельности? Перед социологом стоит вопрос, насколько плотно сложено это целое из этих частей, можно ли, например, изъять любую часть, не потревожив и ближайшие части и косвенно все целое; можно ли мысленно реконструировать любую изъятую часть по оставшемуся окружению, если допустить, что оно не трансформировалось. По правде сказать, историки никогда не задавались вопросом, насколько они уполно-

мочены объективной действительностью изолировать историю отдельной страны от ее антагонизмов и притяжений с другими странами.

Несомненно, что эти антагонизмы и притяжения могут быть как прямыми и непосредственными, так и через посредство большего или меньшего числа промежуточных звеньев. Два народа или два государства могли в историческом прошлом объективно находиться в каком-то взаимном отношении, даже и не подозревая о существовании друг друга: между ними была цепная, непрямая, опосредствованная связь. Поэтому представляется неоправданным ограничить, как делает Р. Арон, понятие международной системы только теми государствами, между которыми существуют прямые регулярные сношения и прямой взаимный учет военной силы. Есть обширная область косвенных, подчас не сознаваемых действующими лицами зависимостей, без которых, однако, представление о системе остается не полным.

Нельзя не согласиться с проф. Ароном, что на самом дне отношений между государствами на протяжении целых исторических эпох мы находим соотношение и учет военных сил, т. е. отношения войны. Мирное время выступало как отсроченная или сбалансированная война. Дипломатия — как превентивное взвешивание военных угроз, наращивание военного могущества своей страны с помощью приобретения союзников, парирование подобных же усилий противника. Война оставалась *ultima Ratio* международных отношений. Справедливы замечания проф. Арона, что в прошлом все завоеватели, будь то монголы или испанцы, убивали и грабили, причем их хищность ничуть не зависела от политической гетерогенности, которая, напротив, усиливалась самой войной. Это заставляет думать, что войны были явлением, в социологическом смысле лежащим глубже, чем оправдывавшие их мотивы — политические, идейные и др. Впрочем, как увидим, сам проф. Арон отнюдь не доходит до таких выводов из своих наблюдений. Он и в малой мере не склонен рассматривать проблему: почему виду *Homo sapiens* на протяжении тысячелетий его эволюции было присуще в широких масштабах истреблять себе подобных? Но социология международных отношений проф. Арона по крайней мере подводит к другому обобщению: люди в истории могли надолго удерживать друг друга от открытой войны посредством взаимной угрозы, взаимного учета могущества и военной силы противников и целых противостоящих друг другу блоков. Соответственно военное принуждение заменялось дипломатическим убеждением. Но, может быть, можно сказать гораздо больше, — что вся человеческая цивилизация росла как средство отодвинуть, отсрочить войну. В ходе истории развивались и возможности, и следствия уравнивания сил.

Далее, как сказано выше, слабостью концепции проф. Арона мне представляется фактическое ограничение им поля своего исследования во времени: книга «Мир и война между народами» в общем посвящена эпохе от 1945 г. до наших дней.

Правда, в книге рассеяно некоторое число примеров из истории международных отношений, начиная от Пелопоннесской войны. Наполеон и Клаузевиц довольно часто всплывают в памяти автора. Мало того, в предисловии Р. Арон намекает, что хотя книга его трактует преимущественно современный мир, она имеет некие более глубинные устремления. Однако фактом является то, что автор связал себе руки, пытаясь извлечь общесоциологические законы из пятнадцатилетнего отрезка истории, к тому же в высшей степени исключительного. Социология оказалась подчиненной политическим симпатиям и антипатиям и весьма обедненной в поисках общих причин и общих законов. По-моему, всю историю международных отношений можно было бы разделить на три хронологические части. Первая охватывает отношения доклассовых племен и союзов племен, подобных американским индейцам; иначе говоря, первая эпоха охватывает время до возникновения таких «политических единств» (по терминологии проф. Арона), которые по внутренней структуре представляют картину не единства, а антагонизма классов. Вторая эра начинается в глубокой древности и объемлет почти всю писаную историю. Третья начинается с 1917 г., с появления в системе государств сначала одного, позже нескольких, имеющих качественно новую внутреннюю структуру: без антагонистических классов.

Думается, что для открытия коренных законов социологии международных отношений первоначально надо исследовать вторую из названных частей мировой истории. Тогда окажется, что всякое классово-антагонистическое по внутреннему строению «политическое единство» является в своей внешней политике потенциальным экспансионистом и агрессором. Мы оставим сейчас в стороне анализ связи того и другого. Достаточно тезиса, что эта связь имеет всеобщий характер, т. е. не допускает мысли о каких-либо исключениях. Если таково общее правило, то останется лишь добавить, что эта потенциальная агрессивность была в конкретной истории по большей части либо парализована встречной агрессивностью, либо даже превращена в чисто оборонительную внешнюю политику. Но стоило ослабить внешней угрозе, как такое государство само начинало грозить тем или иным соседям. Это значит, что во всей прошлой писаной истории до 1917 г. не было государств или блоков государств, которые по самой своей природе говорили бы «нет» войне. Они все могли быть лишь вынуждены к миру.

Вот на этой исторической арене и надлежало сделать исходные обобщения социологии международных отношений. А уже

после этого можно вносить в общий закон модификацию: картина стала существенно иной со времени появления в международной стратегической и дипломатической системе таких государств, внутренняя структура которых не имеет этой оборотной стороны медали. Их внешняя политика по их внутренней природе не может быть агрессивной и экспансионистской. Это, конечно, не исключает отдельных дипломатических и стратегических ошибок. В общем же отнюдь не случайно, что именно эти государства предложили ясное и простое определение агрессии и что все остальные, несмотря на ясность, уклонились от определения агрессии и тем самым от ее осуждения.

Наконец, выше было упомянуто о неполноте самого понятия международных отношений в концепции Р. Арона. В его толковании международные отношения — это отношения межгосударственными в точном и узком значении этого слова. Их действующими лицами являются дипломаты и солдаты — только они и никто больше. Такое ограничение невольно сводит вопрос на юридическую почву, влечет автора от вопросов «войны и мира» к вопросам «права войны и мира».

Но изучение подлинной картины истории международных отношений, в частности в новой истории, убеждает, что необходимо внести по крайней мере два существенных дополнения. Во-первых, мы видим, что весьма важным инструментом международной политики является экономическое и финансовое давление. Если рассматривать дипломатию как смягченное средство воздействия на политических противников или укрепления союзных связей, то в неменьшей мере это можно сказать, например, о торговой блокаде и бойкоте, о предоставлении займов и других орудиях внешнеполитического воздействия. Во-вторых, в узкие рамки, предложенные проф. Ароном, не укладываются, скажем, отношения между метрополией и колониями или подмандатными территориями. Огромная сфера международных отношений ускользает, таким образом, из поля зрения социологии международных отношений только потому, что она не укладывается в форму равноправных отношений суверенных держав. Но ведь социолог должен был обобщать подлинную историческую реальность, а она включает в себя и неравноправные международные отношения. Проф. Арон весьма неубедительно указывает выход из затруднения в том, что национально-освободительное движение, приобретая форму войны, может стать чем-то средним между гражданской войной и внешней войной или даже превратиться в межгосударственное отношение. Наконец, недостает в этой социологической теории и такой существенной стороны реальности, как разведка и шпионаж.

Вернемся к общему вопросу о возможности или невозможности на современном уровне науки разработать строго науч-

ную теорию социологии международных отношений. Глаз историка угадывает и усматривает эту возможность. Поэтому инициатива Р. Арона полезна и может стать плодотворной. Но самым главным пунктом наших расхождений в чисто теоретической плоскости является то, что проф. Арон назвал «исходным пунктом» в своей книге. Я имею в виду не слова Клаузевица, а философскую сущность его определения войны: «Война есть акт насилия, призванный принудить противника выполнить нашу волю». Итак, в основе социологии международных отношений оказывается «воля», вернее, множество и многообразие воль, желаний, борющихся между собой. Исходный пункт — субъективное начало. Проф. Арон дает весьма капитальную классификацию разных целей войны, встречающихся в анналах истории. Но он даже не ставит вопроса: почему, откуда, как появляются стремления политиков к распространению власти, славы или идеологии. Так социолог оказывается в плену волюнтаризма. Куда откровеннее заявил Фридрих II: сначала надо захватить чужую землю, а потом юристы придумают обоснование. Сам проф. Арон тоже местами вынужден отметить, что подчас мотивы и цели идут не впереди внешней политики, а подбираются для ее оправдания и пропагандирования. Но эти наблюдения — лишь дань непоследовательности.

Инициатор создания специальной дисциплины — социологии международных отношений — сам признал, что она в его руках не обрела характера строгой науки, подобной, например, экономической теории. Он полагает, что это вообще недостижимо: «Не может быть общей теории международных отношений, сравнимой с общей экономической теорией». Этот пессимизм — плод ощущаемой самим автором шаткости и фундамента, и многих элементов его теории.

Знакомство с этим незаурядным плодом американской социологической мысли дает толчок к занятиям советских историков и социологов общими законами и категориями истории международных отношений. «Политикология» в смысле Раймона Арона еще не родилась как наука. Но родилась как неотложная задача.

Обострение франкоканадского вопроса

Накануне столетнего юбилея канадской конфедерации¹, который состоится в 1967 г., в стране резко обострились классовые и национальные конфликты. Причина этого кризиса заключается в фактическом неравенстве, существующем в положении двух наций — англоканадцев и франкоканадцев, — неравенстве экономическом, политическом, социальном. Канадская и зарубежная печать полна сообщений о серьезных волнениях, происходящих в стране, особенно в провинции Квебек. Здесь проходят демонстрации студентов, рабочих, фермеров. В 1964 г. в Монреале сепаратистами были взорваны бомбы. Во время традиционного визита английской королевы Елизаветы в Канаду в октябре 1964 г. в Квебеке раздавались требования разрыва с Англией и национального равноправия для французской Канады. Для предотвращения волнений власти вынуждены были принять особые меры предосторожности.

В канадских газетах и журналах появилось множество статей под характерными заголовками: «Распадается ли Канада?», «Кризис конфедерации», «Одна Канада?», «Будущее Канады» и т. п. В последние годы вышел ряд книг, посвященных франкоканадской проблеме². Авторы всех работ, политические деятели всех партий согласны в том, что в Канаде происходят важнейшие исторические события, что страна испытывает острейший в своей истории кризис.

О серьезности сложившейся ситуации свидетельствует высказывание известного деятеля КПК Н. Кларка. «Если кризис в отношениях между франко- и англоканадцами не будет разрешен,— пишет Кларк,— он может расколоть страну»³. Характеризуя настроения франкоканадцев, руководитель квебекских коммунистов С. Уолш говорит: «Сегодня многие канадцы во французской Канаде слово «конфедерация» произносят как проклятие»⁴.

Серьезность и острота франкоканадской проблемы определяется рядом факторов. Один из них — значительный удельный

вес франкоканадцев в населении страны: они представляют вторую по численности этническую общность и составляют почти треть населения. По последней переписи (1961 г.) в Канаде проживало почти 8 млн. англоканадцев и 5,5 млн. франкоканадцев, (т. е. 30,4% 19-миллионного населения страны)⁵.

Важным фактором, усиливающим роль франкоканадской нации, является компактность ее расселения: в трех провинциях страны (Квебеке, Нью-Брунсуике и Онтарио) сосредоточено 92,4% франкоязычного населения Канады⁶. В других районах страны, в частности в провинциях Запада, они живут главным образом в сельской местности. В 1951 г. в сельских районах проживало более половины франкоканадцев Манитобы, 75% — Саскачевана, 60% — Альберты⁷. В Саскачеване франкоканадцы разбросаны по всей провинции, а в Манитобе и Альберте они живут компактными группами. Однако в последние годы в связи с экономическим развитием и в провинциях прерий неуклонно растет городское франкоканадское население. Большинство франкоканадцев Британской Колумбии является жителями Ванкувера, Нью-Вестминстера и других городов провинции.

Исторически сложившейся национальной территорией франкоканадского народа является провинция Квебек, одна из 10 провинций страны. Именно здесь сосредоточено большинство канадцев французского происхождения, и когда говорят о «французской Канаде», имеют в виду прежде всего Квебек. Из 5259 тыс. его жителей французский в 1961 г. был родным языком для 4270 тыс. (т. е. для 85% населения), а английский — только для 700 тыс.⁸. Квебек — самая крупная провинция Канады — занимает громадную площадь (1600 тыс. кв. км), превышающую в три раза территорию Франции. По численности населения он стоит на втором месте после Онтарио.

40% населения Квебека (и 10% населения страны) сосредоточено в самом крупном городе Канады — Монреале, который является франкоязычным центром страны и вторым по численности после Парижа городом с населением, говорящим на французском языке. Численность населения Монреала — свыше 2 млн.; 800 тыс. жителей города говорят только на французском языке, втором государственном языке страны, около полумиллиона — только на английском и более $\frac{3}{4}$ млн. двуязычны⁹. Монреаль — крупнейший центр промышленности, культуры и политической жизни провинции. Двуязычие его населения определяет двуязычный характер всей провинции. Здесь четвертая часть населения говорит на двух языках, а в Нью-Брунсуике и Онтарио — соответственно 19 и 7,9%. В Нью-Брунсуике, где, по прогнозам специалистов, есть перспектива значительного роста численности франкоканадцев и превращения их в большинство населения провинции, сейчас франкоканадцы составляют более трети населения¹⁰.

Подъем национального движения франкоканадцев связан с глубокими процессами, происходящими в социально-экономической структуре общества, и в первую очередь с индустриализацией. Начало быстрой индустриализации Канады положила вторая мировая война. Этот процесс ускорился в 50—60-е годы. В экономике Квебека, как и в экономике всей страны, произошли глубокие сдвиги, причем промышленность росла здесь намного быстрее, чем в любой другой части страны и даже Северной Америке в целом¹¹. В течение последних пяти лет (1960—1965 гг.) темпы роста промышленности в Квебеке были в два раза выше темпов индустриального развития Канады в целом. Провинция стала районом передовой фабрично-заводской промышленности. Индустриализация изменила соотношение городского и сельского населения. В 1870 г. только 37% населения провинции проживало в городах, а в 1961 г.— уже 75%¹². Доля рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, упала к 1961 г. до 10%¹³.

Наиболее важным фактором в социально-экономической жизни является рост промышленного пролетариата. Уже в 40-х годах промышленный пролетариат стал самым многочисленным классом и французской Канады¹⁴. К началу 60-х годов рабочий класс составлял абсолютное большинство самостоятельного населения Квебека: в 1961 г. число наемных рабочих провинции возросло до 1,5 млн. человек¹⁵. Рост пролетариата происходит главным образом за счет переселения в города сельского населения.

Глубокие преобразования переживает сельское хозяйство Квебека, старейшей житницы страны. Экстенсивное, преимущественно зерновое хозяйство уступило место интенсивному высокомеханизированному хозяйству, в котором преобладает животноводство, а также производство технических культур и овощей. Этот переход был по плечу лишь относительно небольшой части фермеров, располагавших достаточными средствами, чтобы постоянно увеличивать капиталовложения в свое хозяйство. Последствия интенсификации производства для массы средних и мелких фермеров оказались весьма тяжелыми. Из года в год деревни покидают тысячи людей, отправляясь в поисках заработка в города. Свыше 40% квебекских ферм, обремененных долгами, находятся на грани разорения. «Почти повсюду мы видим,— пишет канадский экономист,— что большинство ферм едва сводит концы с концами»¹⁶. Еще хуже положение сельских рабочих. Квебекский сельскохозяйственный рабочий получает самую низкую в Канаде заработную плату. В то же время растет удельный вес крупных капиталистических хозяйств. Так, в 1931 г. в Квебеке не было ни одного фермера, который владел бы хозяйством с земельной площадью свыше 480 акров, а в 1961 г. таких хозяйств насчитывается в провинции уже 2,5 тыс.¹⁷

Экономическое развитие французской Канады задерживает-

ся господством американских, британских, англоканадских монополий, эксплуатирующих богатейшие ресурсы французской Канады, труд ее рабочих и фермеров. Особую опасность для народа Квебека, как и для всей Канады, представляет усиление влияния американского капитала, занимающего ключевые позиции в хозяйстве страны. В настоящее время на 90% экономика провинции контролируется монополиями США¹⁸. По признанию канадского исследователя «почти все крупнейшие предприятия и целые отрасли обрабатывающей промышленности находятся в руках канадцев английского происхождения и иностранцев, главным образом американцев»¹⁹. В результате хозяйничания американских и англоканадских монополий в экономике Квебека добыча сырья значительно преобладает над обрабатывающей промышленностью. Вместе с тем провинция обладает довольно развитой легкой промышленностью. Однако ни легкая, ни, в частности, широко развитая пищевая промышленность не в состоянии компенсировать слабое развитие металлургии и машиностроения и создать прочный базис для процветающей экономики, дать постоянный заработок тысячам безработных.

Несмотря на послевоенный бум и быструю индустриализацию, Квебек продолжает отставать от англоканадских провинций, в особенности от приморских и от Онтарио. Доход на душу населения в Квебеке на 14% ниже среднего уровня дохода по Канаде в целом и на 27% меньше дохода, приходящегося на 1 жителя Онтарио²⁰. Зарботная плата в квебекской промышленности, начиная с 20-х годов XX в., постоянно была на 15% ниже уровня заработной платы в Онтарио²¹. Чистый доход ферм Квебека не превышает 2/3 дохода ферм Онтарио²². Квебек отстает от Онтарио по всем экономическим показателям.

Индустриализация и экономическая конъюнктура за два последних десятилетия способствовали определенному усилению местной франкоканадской буржуазии. Однако франкоканадская буржуазия владеет менее чем 20% индустрии провинции. Среди крупнейших канадских корпораций только 7% являются франкоканадскими²³. Франкоканадский капитал, составляющий лишь 15% всего канадского капитала, вложен в основном в мелкие предприятия обувной, пищевой и деревообрабатывающей промышленности и поэтому не в состоянии вступить в открытую борьбу с англоканадскими и американскими монополиями²⁴. По данным известных канадских экономистов Хьюза и Макдональда, 86,6% капиталов предприятий в Монреале принадлежит англоканадцам, и всего 12% — франкоканадцам. Это значит, что в руках последних сосредоточены главным образом мелкие предприятия²⁵. «Только небольшое число франкоканадцев может конкурировать с англоканадцами,— пишет канадский ученый Н. Хейфиц.— Создается впечатление, что это те франкоканадцы, кото-

рые англоязычные»²⁶. О настроениях, господствующих среди франкоканадской буржуазии, свидетельствует выступление профессора Лавальского университета Жерара Диона. «Франкоканадцы устали от дискриминации в большом бизнесе, — заявил он. — Чтобы добиться успеха в борьбе с английским конкурентом франкоканадскому предпринимателю надо быть вдвое сильнее»²⁷.

В то же время обострение национальной борьбы и рост франкоканадского национализма местная буржуазия стремится использовать в своих узкоклассовых интересах. Предприниматели Квебека основали «Совет экономического развития», число членов которого увеличилось с 77 в 1960 г. до 1100 в 1964 г. Совет, поддерживавший квебекское правительство Лесажа, выдвинул лозунг: «Квебек, покупай!» Члены совета, призывая жителей Квебека покупать франкоканадские товары, доказывают, что таким образом «патриоты (т. е. национальная буржуазия. — Л. Ф.) завоюют ведущие позиции в экономике провинции»²⁸. В целях поддержки франкоканадской буржуазии правительство Квебека национализировало энергетические предприятия, создало правительственную финансовую корпорацию, добилось увеличения отчислений в бюджет провинции с 18 до 47% общей суммы собираемых в провинции подоходных налогов²⁹.

Национальная дискриминация проявляется и в положении государственных чиновников, административного аппарата предприятий, инженерно-технических кадров. По данным бывшего члена парламента Мориса Аллара, среди служащих федеральных учреждений, получающих жалование свыше 5 тыс. долл. в год, франкоканадцы составляют всего 10%, а среди 139 высокооплачиваемых служащих нет ни одного франкоканадца³⁰. Англоканадцы доминируют также в техническом и административном персонале провинции Квебек. В Монреале англоканадцы представляют почти 74% административно-управленческого персонала крупнейших предприятий, франкоканадцы же — 22%³¹. В работе Ив де Жокаса и Ги Роше доказывается, что, в категории собственников, управляющих предприятиями, специалистов³² пропорционально англоканадцев больше, чем франкоканадцев.

От национальной дискриминации в первую очередь и сильнее всего страдают франкоканадские рабочие. Для политики правящего класса Канады характерно стремление разобщить многонациональный рабочий класс страны, помешать единству его действий, настраивать одни национальные группы против других. На практике эта политика проявляется в том, что франкоканадские трудящиеся получают меньшую заработную плату, чем англоканадцы. В Квебеке значительно больше рабочих занято в низкооплачиваемых отраслях. В Онтарио в таких отраслях сосредоточено 26% рабочих, а в Квебеке — 42%³³. Несмотря

на рост промышленности, Квебек занимает одно из первых мест среди канадских провинций по числу безработных (на долю Квебека приходится 40% всех безработных, зарегистрированных в стране). В 1963 г. в Квебеке не имело работы 11% рабочих, тогда как по Канаде в целом — 5,5%³⁴.

В самом Квебеке франкоканадские рабочие составляют большинство неквалифицированных рабочих. В исследовании профессора Карлтонского университета Д. Портера убедительно показано, что франкоканадцы занимают «нижние ступени классовой системы», что они менее образованы, чем англоканадцы, доля которых среди людей физического труда за последнее десятилетие еще более сократилась³⁵. «Англоканадское меньшинство держит в подчинении основное население провинции», — такой вывод делает канадский ученый Н. Хейфиц³⁶.

Результаты конкретных социологических исследований, проведенных в 60-х годах, показывают, что доля франкоканадцев в категории неквалифицированных рабочих имеет тенденцию к неуклонному росту от поколения к поколению. В то же время англоканадцы переходят из категории лиц неквалифицированного труда в категорию лиц квалифицированного труда гораздо быстрее, чем франкоканадцы. Это обстоятельство способствует росту национализма франкоканадской рабочей молодежи. Сыновья франкоканадских фермеров, лишённые возможности наследовать занятие отцов, в городе становятся главным образом неквалифицированными рабочими, сыновья же англоканадских фермеров часто переходят в разряд служащих.

Социальное неравенство франкоканадцев, — пишет руководитель компартии Квебека С. Уолш, — проявляется и в том, что «за ними отрицается право продвижения по службе и в частной промышленности даже в Квебеке. У них более низкий уровень здравоохранения, образования и социального благосостояния»³⁷. Недостаток квалифицированных кадров среди франкоканадского населения является результатом и политики центрального правительства Канады. Из 284,5 млн. долл., выделенных федеральными властями на техническое образование в 1962 г., Квебек получил лишь 13,5 млн., т. е. менее 5%, а провинция Онтарио свыше 186 млн.³⁸ Одной из причин недовольства в Квебеке служит большой разрыв между вкладом Квебека в общую казну и сравнительно незначительными ассигнованиями из государственного бюджета на покрытие потребностей провинции. Характеризуя положение франкоканадцев в стране, председатель КПК Тим Бак писал в 1963 г.: «Франкоканадская нация — меньшинство в Канаде. Франкоканадцы в течение последних двух веков являются жертвами систематической дискриминации, проводимой в отношении их правящим классом, костяк которого состоит из англоканадцев»³⁹.

Современное движение франкоканадцев направлено не только против экономической дискриминации, но и против политического неравенства, закрепленного в существующем государственном устройстве. Политическое неравноправие франкоканадцев зафиксировано в канадской конституции — в так называемом Британском акте о Северной Америке, согласно которому Квебек является одной из 10 провинций страны. Отсутствие национального правительства французской Канады, располагавшего возможностью «поддерживать интересы франкоканадцев, защищать их культуру и цивилизацию», рассматривается в Квебеке как прямое следствие неравноправного статута Квебека. Франкоканадский социолог Брюне видит выход из кризиса в создании двух национальных правительств Канады — англоканадского и франкоканадского, в предоставлении «максимума автономии провинциям»⁴⁰. Агитация 60-х годов, по мнению Райерсона, сосредоточена вокруг требования об изменении «государственной структуры путем установления новых федеральных отношений с английской Канадой или путем прямого отделения»⁴¹.

Акт закрепляет не только национальное неравноправие Квебека, но и зависимость Канады от Англии. По ряду вопросов канадский парламент до сих пор не может принять окончательное решение без согласования с английским парламентом. Таким образом, франкоканадская проблема связана с проблемой полного государственного суверенитета самой Канады в целом. Поскольку в федеральном устройстве Канады сохраняются пережитки колониальной эпохи, «франкоканадский вопрос (или точнее кризис конфедерации), — указывал Л. Моррис, — также включает ликвидацию юридических и конституционных остатков колониальных отношений».

Все больше франкоканадцев приходят к мысли о необходимости коренного пересмотра конституции, о предоставлении им статута полноправной нации, а не статута одной из 10 провинций. КПК поддерживает это справедливое требование. «То, что мы фактически имеем в Канаде, — писал Л. Моррис, — это не 10 провинций, а франкоканадская нация в Квебеке и англоканадская нация», населяющая девять провинций⁴².

Требования франкоканадцев о пересмотре конституции раздаются в то время, когда по всей стране подвергается резкой критике вся система взаимоотношений между центральными властями и провинциями. Во всех провинциях выдвигаются лозунги демократизации конституции. Но при этом провинциальные права часто смешивают с национальными.

Разрешению национального конфликта препятствует господствующий класс, заинтересованный в сохранении существующего положения. Вот почему нет разницы в позиции основных партий крупного капитала: обе партии — и либералы, и консерваторы — сходятся на том, что Акт 1867 г. надо сохранить.

Правда, либеральное правительство Пирсона, уступая давлению франкоканадцев, готово пойти на некоторое расширение прав Квебека, но только как провинциального правительства. Оттава избегает всякого формального акта, который мог бы быть истолкован как признание Квебека особой самостоятельной территорией франкоканадской нации. Поэтому Пирсон допускает, например, расширение прав Квебека в налоговом обложении при одновременном предоставлении этих прав и остальным провинциям. Стремление сохранить статус-кво путем незначительных реформ федеральной структуры не устраняет существующих противоречий. Политика статус-кво привела к поражению на выборах в июне 1966 г. премьер-министра Квебека либерала Д. Лесажа, потерявшего голоса тысяч франкоканадцев, выступающих за право Квебека на самоуправление⁴³.

Обострению национальных чувств франкоканадцев способствуют проявления шовинизма, нашедшего свое отражение в теории англосаксонского превосходства и являющегося идеологией господствующей англоканадской буржуазии. В 1963 г. даже королевская комиссия признала существование в английской Канаде «предрасудков», направленных против франкоканадцев. Франкоканадцы унижены отношением англоканадцев, «в котором они часто находят высокомерие, невежество»⁴⁴.

Сейчас политическую остроту приобретают и некоторые чисто теоретические вопросы, связанные с определением понятия нации. В ряде работ канадских буржуазных авторов утверждается, что франкоканадская нация не существует. Например, проф. Э. Форсей отождествляет понятие «нация» с понятием «государство», объявляет несуществующими франко- и англоканадскую нации и отвергает, таким образом, их право на самоопределение. Наличие единого канадского государства становится аргументом для отрицания его двунационального характера⁴⁵. Путаница проявляется и в употреблении таких терминов, как «канадская нация», «квебекская нация» и т. п.

Вот почему деятели КПК постоянно подчеркивают и теоретически обосновывают тезис существования франкоканадской нации. В работах «Французская Канада», «Основание Канады» и других С. Райерсон исследовал исторические корни образования франкоканадской нации. Этой же проблеме посвящен его доклад «Образование двух национальных общностей, англо- и франкоканадской в XVII—XX вв.» на VII Международном конгрессе этнографов и антропологов в 1964 г. Видный деятель КПК Н. Кларк, характеризуя основные признаки франкоканадской нации, указывает, что кроме языка и территории, «франкоканадцы обладают суммой культурных традиций, совершенно отличных от традиций остальных канадцев — традиций, которые включают сильное чувство национальной гордости»⁴⁶.

Изменения в экономической структуре, и в особенности индустриализация ранее отсталых районов страны, вызвали глубокие сдвиги в расстановке классовых сил. Соотношение их изменилось в пользу промышленного пролетариата. Особенно заметно это в Квебеке. Господство в экономике провинции англоканадского капитала придает угнетению пролетариата национальный оттенок.

Окрепшая за последние годы франкоканадская буржуазия еще более остро ощущает свое неравноправное положение. Стесненная в своем развитии американскими и англоканадскими монополиями, франкоканадская буржуазия, особенно мелкая и средняя, стала проявлять недовольство существующим положением вещей.

Однако буржуазия Квебека в силу своей классовой ограниченности не способна перейти к решительным средствам борьбы. Она отвергает такие радикальные меры достижения экономической независимости, как экспроприация и национализация, считая их опасными⁴⁷. Франкоканадская буржуазия добивается укрепления своих позиций в Квебеке путем использования методов государственно-монополистического капитализма, «чему, однако, мешает отсутствие политической самостоятельности»⁴⁸. Умеренные круги франкоканадской буржуазии стремятся перевести национальное движение в русло реформ, предпочитая дать бой своим англоканадским соперникам в более безопасной области образования, языка и культуры.

Важная особенность франкоканадского движения заключается в том, что и национальное движение, и социальные конфликты развиваются на почве незавершенности буржуазно-демократических преобразований в Квебеке, что является одной из самых существенных причин социально-экономического, политического и культурного отставания провинции. Большим влиянием в квебекском обществе пользуется католическое духовенство, особенно в области просвещения. Через католические профсоюзы церковь сохраняет сильные позиции даже в рабочем движении. Не случайно поэтому прогрессивные круги квебекской интеллигенции, студенчества ведут борьбу против господства клерикализма в школах и университетах страны, за демократизацию системы образования.

В борьбе за национальные права заинтересованы рабочий класс, фермерство, передовая интеллигенция (особенно студенчество), мелкая и средняя буржуазия. Справедливым требованиям франкоканадцев все больше сочувствуют демократические силы других провинций. Этому фронту противостоят реакционные силы в лице англоканадской и франкоканадской финансовой олигархии, тесно связанных с американскими монополиями. В то же время перед лицом угрозы подчинения США чрезвы-

чайно актуальной задачей для всей Канады становится соединение национального и демократического движения с борьбой против американского империализма.

Произошли существенные изменения в характере и методах национальной борьбы. В 60-х годах Квебек стал ареной демонстраций, митингов протеста, выступлений студенчества, походов фермеров. Поэтому весной 1963 г. парламент Квебека был вынужден принять важное решение о создании специальной комиссии «для определения целей французской Канады» в новой федеральной конституции. Под возрастающим давлением общественности либеральное правительство Пирсона вынуждено было пойти на маневр в духе испытанных методов британского парламентаризма, создав в том же году специальную «королевскую комиссию по билингвализму и бикультурализму». Свести всю проблему к «билингвализму» и «бикультурализму» означает, по мнению Л. Морриса, искажение национального вопроса. Опасность такого подхода к проблеме заключается в том, что определение франкоканадской нации как «культурной» или «языковой» группы (в случае проведения в жизнь этой концепции) привело бы к разделению населения в стране по принципу культурной автономии при сохранении гегемонии англоканадской буржуазии⁴⁹.

Однако работа комиссии пошла не совсем так, как этого хотелось бы ее инициаторам. Канадская общественность с большим вниманием следила за ее деятельностью. В публичных дискуссиях и в заседаниях комиссии, проводившихся в различных частях страны, участвовало около 12 тыс. человек, что позволило ей составить более или менее объективное представление о настроении различных слоев общества. После 17 месяцев работы комиссия подготовила предварительный доклад, который был опубликован в марте 1965 г. и сразу же стал бестселлером. О том, что этот доклад не оправдал надежд правящих кругов, свидетельствовала реакция премьера провинции Онтарио, обвинившего комиссию в том, что она «оказывает плохую услугу Канаде», выдвигая концепцию равного партнерства⁵⁰.

Королевская комиссия вынуждена была во всеуслышание заявить, что Канада переживает величайший в ее истории кризис. «Все, что мы видели и слышали,— писали авторы доклада,— привело нас к убеждению, что Канада находится в самом критическом периоде своей истории со времени создания конфедерации..., наступил момент, когда надлежит принять решения и когда развитие событий может привести к распаду Канады или же к образованию новых условий для ее будущего существования»⁵¹. В докладе признавалось, что франкоканадская проблема переросла в конфликт между двумя «большинствами, большинством во всей Канаде и большинством в Квебеке». По мнению комиссии, англоканадцам следует признать существование сильной автономной франкоязычной общности. Но комиссия не

сделала выводов, естественно вытекавших из этого анализа, не сумела рекомендовать эффективных средств разрешения кризиса.

Выход из создавшегося положения наметила Коммунистическая партия Канады. С самого начала кризиса канадские коммунисты принимали активнейшее участие в обсуждении острых вопросов канадской действительности. В письме КПК, переданном комиссии 3 марта 1965 г., высказывалось требование созыва конституционной ассамблеи, которая должна быть избрана на основе равного представительства французской и английской Канады с целью разработки новой конституции. По мнению коммунистов, будущая конституция должна четко разграничить сферы деятельности центральных и провинциальных властей; в функции правительства федерации должны входить все дела, касающиеся «обоих Канад в их взаимоотношениях с иностранными государствами», в том числе заключение договоров и соглашений, дипломатическое представительство, а также решение вопросов гражданства, внешней торговли, обороны и вооруженных сил. Это требование направлено против усилившихся за последние годы сепаратистских устремлений крайних националистических группировок.

Для сохранения единства Канады КПК предлагает осуществить централизованное руководство и финансирование социальных мероприятий, здравоохранения и экономического развития в общегосударственном масштабе, но при условии полного равноправия обеих наций в разрешении этих вопросов. Каждое такое мероприятие должно получить добровольное согласие их представителей.

По предложению КПК решение жизненно важных вопросов для всего государства должно подлежать компетенции общего парламента федерации. В интересах соблюдения равноправия франкоканадцев вопросы должны решаться не простым большинством, когда англоканадцы, используя численное превосходство, могли бы навязать свою волю. Во избежание этого следует создать двухпалатный парламент, одна из палат которого избиралась бы на основе пропорционального представительства всего населения в целом, а вторая составлялась бы из равного числа депутатов двух наций. Обе палаты должны иметь равные права, и любой законопроект должен получить одобрение обеих палат⁵². Предложения КПК, кроме того, предусматривают действенные конституционные гарантии против любой расовой и национальной дискриминации, обеспечение равных прав для всех национальных меньшинств, включая индейцев и эскимосов. Вместе с тем КПК разработала меры, гарантирующие национальные права франкоканадского меньшинства в английской Канаде и англоязычного меньшинства во французской Канаде. По существу письмо КПК представляет собой развернутый проект новой конституции.

Подъем национального движения франкоканадцев способствовал усилению чувств общеканадского патриотизма. Это проявляется не только в растущей оппозиции проникновению США, но и в других новых явлениях общественной жизни. Весной и летом 1964 г. в центре внимания канадской общественности стал вопрос о создании собственного национального гимна и государственного флага Канады. Под давлением общественности в конце мая правительство Пирсона вынуждено было поставить этот вопрос на обсуждение парламента. Наконец, после 32 дневных дебатов, самых длительных в истории канадского парламента, большинством голосов был принят закон о канадском флаге и государственном гимне. В центре нового флага на белом поле изображен кленовый лист (символ Канады) красного цвета; поле обрамлено с двух сторон красными полосами.

Однако рост демократического в целом движения в Квебеке сопровождается усилением сепаратистских тенденций. За полное отделение Квебека и за создание независимой франкоканадской республики выступает незначительное меньшинство, главным образом националистически настроенные студенты, клерикалы, ультраправые группы мелкой буржуазии⁵³. Прогрессивные круги справедливо считают, что стремление к отделению французской Канады от английской объективно способствует ослаблению обеих наций и их борьбы за независимость страны. Наиболее крайние элементы сепаратистского движения, создавшие собственную организацию — «Фронт освобождения», — за последние два года перешли к актам прямого террора и совершили ряд нападений на полицейские участки, почты, оружейные склады⁵⁴. Франкоканадская буржуазия пытается использовать движение сепаратистов для оказания давления на своих англоканадских конкурентов.

Коммунистическая партия Канады занимает четкую позицию в отношении сепаратистского движения. Коммунисты выступают против отделения Квебека, считая этот шаг в данных конкретно-исторических условиях вредным не только для интересов рабочего класса страны, но и для всего населения. Компартия категорически отвергает террористические действия отдельных крайних элементов сепаратистского движения.

Право на самоопределение для франкоканадцев компартия провозгласила в 1929 г. и подтвердила его в 1934 г. Этой позиции КПК неизменно придерживалась и все последующие годы. Особое место национальный вопрос занимал в работе XVII, XVIII и XIX партийных съездов. В специальной резолюции «Конфедерация и французская Канада» XVII съезд (1962 г.) подчеркнул необходимость предоставления французской Канаде права самой выбирать «ту форму государственного правления, которую она предпочтет, — сепаратную, или независимую, или же добровольный союз с английской Канадой»⁵⁵. На съезде было тор-

жественно заявлено, что КПК полностью поддерживает требование о разработке новой конституции и о «заключении нового федерального пакта между французской и английской Канадой», гарантирующего равенство прав и интересов каждой из них и право самоопределения для французской Канады⁵⁶. Коммунисты исходят из того, что общие усилия для создания нового союза всего канадского народа будут способствовать усилению сопротивления американскому империализму и борьбы против господства монополий, за мир, демократию и независимость.

XVIII съезд КПК (1964 г.), подтвердив справедливость борьбы франкоканадского народа за национальное равноправие, вместе с тем признал необходимость сохранения Канады в качестве единой страны. В резолюции съезда указывалось, что Канада не может более рассматриваться как «собрание 10 провинций, она состоит из двух национальных общностей, франкоканадской и англоканадской»⁵⁷. Съезд потребовал принятия новой конституции, основанной на следующих принципах: 1. Отказ от непризнания «национальной индивидуальности» французской Канады и гарантирование полного равенства обеим нациям. 2. Принятие всех мер, необходимых для защиты общих интересов двух наций. На съезде говорилось о важности широкой воспитательной работы в борьбе с проявлением идей «англосаксонского превосходства в английской Канаде и национальной исключительности во французской Канаде». Учитывая серьезность сложившейся в стране обстановки и руководствуясь интересами народа, компартия настаивала на мирном урегулировании разногласий. «Если не будет найдено мирное решение, то это будет трагедией для Канады и в равной мере для канадцев обеих национальностей»⁵⁸, — писал Л. Моррис.

Проблемам французской Канады и новой конституции, включая вопрос о самоопределении Квебека и взаимоотношениях между двумя нациями, был посвящен специальный раздел отчетного доклада Национального комитета КПК XIX съезду (май 1966 г.). Сохранение Канады как единого государства, указывалось на съезде, требует демократического решения франкоканадского вопроса⁵⁹. Съезд признал необходимым разрешение национального вопроса путем законодательного признания права на самоопределение обеих наций. Вместе с тем съезд отметил, что «пока еще не существует достаточно мощного национального и демократического движения в английской и французской Канаде, способного добиться принятия такой конституции»⁶⁰. «Для того чтобы структура самой партии отражала двунациональный характер Канады»⁶¹, весной 1965 г. на пленуме Национального комитета КПК было принято решение о создании Коммунистической партии Квебека. Обосновывая это важное решение, председатель Компартии Квебека С. Уолш указывал на необходимость дать почувствовать рабочим Квебека,

что Компартия Квебека принадлежит им, а не является просто представителем компартии английской Канады в Квебеке. С. Уолш отметил, что этот акт «не является уступкой франкоканадскому национализму»⁶². Осенью 1965 г. в Монреале состоялся учредительный съезд Компартии Квебека, провозгласивший ее «самостоятельной единицей, полностью контролирующей свою политику и структуру и остающейся частью Коммунистической партии Канады». Давая оценку этому событию, генеральный секретарь КПК Р. Каштан заявил на XIX съезде КПК, что этот шаг был «органической частью борьбы КПК за добровольное и равное партнерство английской и французской Канады»⁶³.

Отношение КПК к проблемам французской Канады является примером подлинного интернационализма. Коммунисты Канады высоко оценивают роль Квебека в истории страны и в канадской действительности. «Французская Канада благодаря национальному самосознанию ее народа и сохранению своей культуры, языка оказывала на протяжении всей истории Канады огромное, а часто и решающее влияние на развитие страны. В частности, она оказала решающее влияние на достижение самоуправления для всей Канады. Не будет большим преувеличением сказать, что одного влияния французской Канады было бы достаточно для того, чтобы история Канады не пошла по тому же пути, что и история США, или не стала ее простой копией», — писал Т. Бак⁶⁴. Коммунисты последовательно выступают за демократическое решение франкоканадского вопроса в интересах всех народов страны, во имя процветания и прогресса подлинно независимой Канады.

¹ В 1867 г. произошло объединение отдельных провинций в конфедерацию и Канаде был предоставлен статут доминиона. Формально Канада — федеративное государство, фактически же все важнейшие вопросы внешней и внутренней политики решаются центральными властями.

² W. Morrin. L'Independence du Quebec. Montreal, 1963; P. Garigue. L'option politique du Canada francais. Montreal, 1963; «Quebec States her Case». Toronto, 1964; M. Bernard. Le Quebec change de visage. Paris, 1964; «Quebec to-day», Toronto, 1960; «French Canada to-day». Saskiville, 1961; R. Barbeau. La liberation economique du Quebec. Ottawa, 1963; «Canadian Society». Toronto, 1965; H. Myers. The Quebec Revolution. Montreal, 1963; и др.

³ N. Clarke. Two Nations — One Country. Toronto, 1965, p. 28.

⁴ «Canadian Tribune», 1.VII 1963.

⁵ «1961 Census of Canada. Dominion Bureau of Statistic». Series 1, 3. Bull. 1, 3—2. Ottawa, 1963, p. 1.

⁶ «1961 Census of Canada». Series 7, 1. Bull. 7, 1—9, p. 9—3.

⁷ G. F. Stanley. French and English in Western Canada. «Canadian Dualism». Toronto, 1960, p. 343.

⁸ «1961 Census of Canada. Population». Series 1, 3—10, p. 121; P. Vallieres. Quebec: Nationalism and the Working Class. «Monthly Review», 1965, vol. 16, № 10, p. 606.

⁹ S. Lieberman. Bilingualism in Montreal. «The American Journal of Sociology». Chicago, 1965, July, vol. LXXXI, p. 10.

- ¹⁰ «1961 Census of Canada». Series 7, 1. Bull. 7, 1—9, 1963, p. 9—3; «1961 Census of Canada». Series 3, 1. Bull. 1, 3—10, p. 121—5, 121—6.
- ¹¹ «Quebec to-day». Toronto, 1960, p. 37; P. Camu, E. P. Weeks, S. W. Sametz. Economic geography of Canada. Toronto, 1964, p. 277.
- ¹² F. C. Jeannert. Op. cit., p. 37; «1961 Census of Canada». Series 7, 1. Bull. 7, 1—2, 1963, p. 27.
- ¹³ P. Camu, E. P. Weeks, S. W. Sametz. Op. cit., p. 80.
- ¹⁴ S. Ryerson. French Canada. Toronto, 1943, p. 158.
- ¹⁵ «1961 Census of Canada». Series 3, 3. Bull. 3, 2—8, 1963, p. 9—83, 9—84.
- ¹⁶ P. Harvey. The Economy of Quebec. «Quebec to-day», p. 333.
- ¹⁷ C. Vance. Farm Crisis in Quebec. «Marxist Quarterly», 1963, № 5, p. 46, 49.
- ¹⁸ P. Vallieres. Op. cit., p. 604. Процесс подчинения Канады американскому империализму буржуазными идеологами Канады и США называется модным в последнее термином «интеграция». Т. Бак указывает, что этот термин искажает сущность сложившихся между двумя странами отношений. Новым и чрезвычайно важным моментом этих отношений Т. Бак считает переход американского империализма от подчинения отдельных канадских предприятий к контролю над целыми отраслями экономики Канады (T. Bueck. Canada and the Problems of Contemporary Capitalism. «Marxist Quarterly», 1963, № 4, p. 48). Об этом свидетельствует рост иностранных капиталовложений (с 13,5 млрд. долл. в 1955 г. до 23,3 млрд. в 1960 г. и 25 млрд. в 1966 г.).
- ¹⁹ P. Siekman. The Revolt of French Canada. «Fortune», 1965, 75, № 2.
- ²⁰ S. Ryerson. Divided Canada. «Labour Monthly», 1965, October, p. 161.
- ²¹ A. Reynaud. Croissance et structures économiques de la province du Québec. «Marxist Quarterly», 1965, № 15, p. 58; P. Harvey. Op. cit., p. 331.
- ²² P. Harvey. Op. cit., p. 331.
- ²³ N. Clarke. Two Nations — One Country, p. 9.
- ²⁴ «Canadian Journal of Economic and Political Science», 1965, August; «Canadian Tribune», 13.VII 1964.
- ²⁵ R. Barbeau. Op. cit., p. 67.
- ²⁶ N. Keyfitz. Some Demographic Aspects of French-English Relations in Canada. «Canadian Dualism». Toronto, 1960, p. 137.
- ²⁷ «Canadian Tribune», 14.IX 1964.
- ²⁸ «Canadian Tribune», 13.VII 1964.
- ²⁹ P. Siekman. The Revolt of French Canada, «Fortune», 1965, 75, № 2.
- ³⁰ «Canadian Tribune», 1.VII 1963.
- ³¹ E. C. Hughes, M. I. McDonald. French and English in Montreal. «Canadian Journal of Economic and Political Science». Toronto, 1941, vol. 7, № 4, p. 495.
- ³² Ives de Jocas and Guy Rocher. Intergenerational occupational mobility in the Province of Quebec. «Canadian Society». Toronto, 1965, p. 445.
- ³³ Ives de Jocas and Guy Rocher. Op. cit., p. 446.
- ³⁴ «Canadian Tribune», 1.IV 1963.
- ³⁵ I. Porter. The Vertical Mosaic. An Analysis of Social Class and Power in Canada. Toronto, 1965; «Marxist Quarterly», 1965, № 15, p. 62.
- ³⁶ N. Keyfitz. Some Demographic Aspects of French-English Relations in Canada, p. 137.
- ³⁷ S. Walsh. Confederation and French Canada. «Canadian Tribune», 1.VII 1963.
- ³⁸ R. Barbeau. Op. cit., p. 32.
- ³⁹ Предисловие Т. Бака к книге С. Райерсона «Основание Канады» (М., 1963, стр. 10).
- ⁴⁰ M. Brunet. Canadians and Canadiens, p. 29—32.
- ⁴¹ S. Ryerson. Divided Canada, p. 461.
- ⁴² L. Morris. Mr. Pearson. «Biculturalism» and the Reactionary Device on «Cultural Autonomy». «Marxist Quarterly», 1963, № 7, p. 7.

- ⁴³ «Canadian Tribune», 3.VI 1966.
- ⁴⁴ Ibid., 4.IX 1964.
- ⁴⁵ I. Senegali. Eugene Forsey and the Question: What is a Nation? «Marxist Quarterly», 1963, № 7, p. 23.
- ⁴⁶ N. Clarke. Two Nations-One Country, p. 7.
- ⁴⁷ M. Bernard. Le Quebec change de visage. Paris, 1964, p. 171.
- ⁴⁸ S. Ryerson. Divided Canada, p. 461.
- ⁴⁹ L. Morris. Mr. Pearson. «Biculturalism...», p. 8.
- ⁵⁰ «Canadian Tribune», 5.IV 1965.
- ⁵¹ «Marxist Quarterly», 1965, № 15, p. 4.
- ⁵² «Canadian Tribune», 5.IV 1965.
- ⁵³ S. Ryerson. Divided Canada, p. 462.
- ⁵⁴ «Marxist Quarterly», 1963, № 7, p. 44.
- ⁵⁵ «Проблемы мира и социализма», 1962, № 6, стр. 29.
- ⁵⁶ «Canadian Tribune», 6.IV 1964.
- ⁵⁷ «Marxist Quarterly», 1965, № 15, p. 25.
- ⁵⁸ «Canadian Tribune», 6.IV 1964.
- ⁵⁹ Ibid., 17.V 1965.
- ⁶⁰ Т. Бак. Под знаком сопротивления политике монополий. «Проблемы мира и социализма», 1966, № 8, стр. 54.
- ⁶¹ Л. Жак. За национальное самоопределение французской Канады. «Проблемы мира и социализма», 1966, № 8, стр. 64.
- ⁶² «Canadian Tribune», 7.VI 1965.
- ⁶³ Ibid., 30.V 1966.
- ⁶⁴ Т. Букк. Canadian History and Canadian Independence. «Marxist Quarterly», 1963, № 6, p. 75.

Население Гренландии во II тысячелетии до н. э.—I тысячелетии н. э.

Долгое время Гренландия считалась областью эйкумены, наиболее поздно заселенной человеком. Все исследователи были убеждены, что человек впервые появился в Гренландии не раньше I тысячелетия н. э. Казалось почти несомненным, что лишь за несколько веков до открытия Гренландии норманнами (IX в. н. э.) там появились эскимосы. Однако в последние 10—15 лет археологические раскопки датских ученых значительно изменили наши представления о истории заселения Гренландии¹.

В результате работ в первую очередь А. Кнута на севере острова, на земле Пири, были найдены остатки новой палеоэскимосской культуры. Она получила название культуры индепенденс по имени фиорда, около которого была впервые обнаружена. Здесь расположен самый крупный фиорд Гренландии, открывающийся в полярный бассейн. В глубь страны он разветвляется на три больших фиорда: Индепенденс, Хаген-фиорд и Данмарк-фиорд. У своего окончания фиорды переходят в широкие долины, подобных которым нет в других частях острова. В общем широкое 100-километровое горло этих трех фиордов попадает много плавного леса, приносимого течением из Сибири. Затем он разносится водой по отдельным фиордам. Теперь эти фиорды даже в самые теплые месяцы года редко освобождаются полностью от льда, и плавник обычно не достигает их верховьев. И все же Кнут обнаружил там много выкидного леса на древних береговых террасах, высоко поднятых над уровнем моря. Отсюда он сделал естественный вывод, что в прошлом, когда эти террасы находились еще на уровне воды, климат был теплее, верховья фиордов регулярно освобождались от льда и плавник беспрепятственно достигал этих мест².

Теперь лед большую часть года покрывает фиорды Земли Пири. Далеко врезаются в сушу эти ледяные дороги, ведущие от моря в глубь страны. И, начиная в 1947 г. свои раскопки на Земле Пири, А. Кнут предположил, что именно по этим путям

проникли в Гренландию ее первые поселенцы. Впоследствии это предположение полностью подтвердилось³. Данные радиоуглеродного анализа показали, что люди пришли сюда по меньшей мере около 4 тыс. лет назад (3840 ± 170) и что следующая иммиграция на Землю Пири людей со сходной палеоэскимосской культурой, т. е. культурой индепенденс, имела место около 3 тыс. лет назад (2830 ± 130)⁴.

Люди культуры индепенденс жили в домах, представлявших собой комбинацию постоянного дома и палатки. Еще в начале века Г. Стинсби высказал предположение о существовании в прошлом у эскимосов таких жилищ и назвал эти гипотетические жилища землянками-палатками. Открывший их А. Кнут дал им имя домов-палаток⁵.

Впервые остатки этих жилищ были найдены А. Кнутом во время раскопок 1947—1950 гг. на юго-западе Земли Пири в верховьях Иорген-Бронлунд-фиорда (стоянка Дельтатеррасерне).

Основание такого жилища имело форму эллипса, составленного из наполовину вкопанных в землю больших камней. От передней к задней стене шел проход, огороженный плоскими камнями. Посредине проход прерывался четырехугольной вымощенной площадкой. Здесь помещался открытый очаг. Жировой лампы люди культуры индепенденс не знали⁶. Верх такого жилища, очевидно, крылся шкурами.

Кнут, на наш взгляд, прав, считая, что жить круглый год в подобных жилищах можно было только в том случае, если климат на севере Гренландии был тогда теплее, чем в наше время.

Что касается хозяйственного облика носителей культуры индепенденс, то они прежде всего охотились на мускусных быков. Меньшее место занимала охота на тюленей, зайцев, гусей, птармиганов, а также ловля рыбы в устьях рек и озерах. Этот вывод был сделан А. Кнутом в результате анализа орудий и костного материала, найденных им на стоянках этой культуры⁷.

С другой стороны, охота на дикого северного оленя, являющаяся характерной чертой эскимосской культуры, почти не велась палеоэскимосами Земли Пири. Весь костный материал содержит лишь один кусок оленьего рога.

Вероятнее всего, на Земле Пири в этот период не было или почти не было оленей.

Находки, сделанные А. Кнутом в остатках жилищ, дают некоторое представление об орудиях, которыми пользовались их обитатели. Это наконечники стрел, боковые и концевые скребки, лезвия ножей, микролезвия, микролитические ножевидные пластинки и кремневая проколка, идентичная ипиутакским образцам этого инструмента.

Характерно, что было найдено только два наконечника гарпунов: оба с открытым гнездом. Это, наряду с анализом костного материала, также свидетельствует в пользу предположения,

что морская охота не играла большой роли в хозяйстве палеоэскимосов Земли Пири.

1954—1955 гг., работая у Данмарк-фиорда, А. Кнут обнаружил на мысе Холбек остатки жилищ и оружия, несколько отличавшиеся от найденных им ранее в Дельтатеррасерне. Кнут производил раскопки на прибрежных террасах. На верхних террасах (высота 10—12 м над уровнем моря) хозяйственный инвентарь был сделан преимущественно из халцедона, а не из кремня, как большинство орудий в Дельтатеррасерне, и датировался 2000 г. до н. э. Здесь же были найдены остатки жилищ в виде круглых углублений в земле с открытым каменным очагом в центре.

Весьма характерными для культуры верхних террас были широкие микролезвия (некоторые из них с ретушью) и маленькие ланцетовидные наконечники стрел, обнаруживающие параллели с соответствующими орудиями палеоэскимосов Аляски (ипиутак) и Западной Гренландии (саркак). В то же время находки на нижних террасах (4—6 м над уровнем моря) были сходны со сделанными в Дельтатеррасерне и датированы с помощью радиоуглеродного метода 1000 г. до н. э.

Ни на верхних, ни на нижних террасах не было найдено ни одного гарпуна.

На основании сравнения верхнего и нижнего слоев культуры индепенденс Кнут подразделил ее на два этапа: индепенденс I и индепенденс II. Индепенденс I тесно связана с саркаком северо-восточной Канады и Гренландии и ранними культурами Аляски и Алеутских островов. Индепенденс II обнаруживает некоторые параллели с дорсетом, но в ней отсутствуют такие важные черты дорсета, как использование сланца в качестве материала для орудий, шлифовка и жировая лампа. Сам Кнут определяет индепенденс II как преддорсетскую культуру⁸.

Возвращаясь к индепенденс I, надо сказать, что если по типу некоторых орудий (резцов) она сближается с саркаком, то в то же время между этими культурами имеется и ряд различий. Орудия культуры индепенденс крупнее и грубее, чем орудия того же типа культуры саркак. Например, в саркаке не найдены большие, длиной в 4—5 см, резцы, характерные для культуры индепенденс. В то же время резцы сходного вида имеются в комплексе денби (Аляска)⁹.

По единодушному мнению исследователей, индепенденс I не только по абсолютной хронологии, но и по облику является наиболее ранней из обнаруженных до сих пор археологических культур Гренландии¹⁰.

Кнут считает, что культура индепенденс I стоит гораздо ближе к первоначальной палеоэскимосской культуре, чем такие специфические ее дериваты, как ипиутак и дорсет. Он предполагает, что люди культуры индепенденс пришли на север Гренландии

с Земли Элсмira в то время, когда климат здесь был теплее, чем теперь. Когда же климат ухудшился, они вслед за мускусными быками стали распространяться на юг вдоль восточного и западного берегов острова¹¹. Однако там вряд ли можно найти следы этой первоначальной миграции. Слишком много волн переселенцев прошло с тех пор вдоль берегов Гренландии.

Другим районом, где обнаружены следы палеоэскимосов, является залив Диско на западном побережье Гренландии. Здесь была открыта крупнейшая археологическая стоянка Гренландии — Сермермиут и еще около двух десятков небольших стоянок. Исследование остатков палеоэскимосской культуры в этом районе обаяно в первую очередь работам, проводившимся, начиная с конца 1940-х годов, датскими археологами Х. Ларсеном и И. Мельдгаардом.

На стоянке Сермермиут были выявлены два палеоэскимосских культурных слоя, разделенных слоем, не содержащим культурных остатков.

Выше опять следовал стерильный слой, а затем слои с остатками неэскимосской культуры инугсук, постепенно переходящей в западногренландскую культуру XV—XVIII вв. Самый верхний слой снова был стерильным, так как около 100 лет назад сел. Сермермиут было покинуто жителями из-за наступления ледника. По определению Г. Ларсена и И. Мельдгаарда, нижний из палеоэскимосских горизонтов стоянки Сермермиут принадлежит саркаку, а верхний — дорсету¹².

Саркак впервые был открыт в западной Гренландии и выделен как отдельная культура И. Мельдгаардом в 1952 г.¹³ Сделанный впоследствии радиоуглеродный анализ показал, что саркакская культура существовала в Гренландии примерно 2500—3000 лет тому назад¹⁴.

Несколько лет спустя И. Мельдгаард, проанализировав результаты своих раскопок 1954 и 1957 гг. в Иглулике (северная Канада), пришел к выводу, что там также существовала саркакская культура, причем более древняя, чем в Гренландии (4000 лет назад по радиоуглеродному анализу)¹⁵.

Однако, по мнению Г. Коллинза, материал И. Мельдгаарда из Иглулика значительно различается по типам орудий (резцам, ножевидным пластинкам, концевым скребкам) от гренландского саркака. Исходя из этого, Коллинз считает, что Мельдгаард открыл в Канаде не саркак, а какую-то другую преддорсетскую культуру. Он полагает также, что саркак является весьма поздним и локальным (гренландским) членом ряда преддорсетских культур Канады и Гренландии¹⁶.

Пока дальнейшими раскопками не будет решен этот спор, останется неясным, была ли саркакская культура принесена в Гренландию переселенцами с материка или же она выросла на острове из каких-то местных корней.

Саркак буквально значит солнечная сторона. И действительно, данные палеоклиматологии свидетельствуют, что в период существования саркакской культуры в Гренландии было сравнительно тепло и сухо. Теплое лето с открытой водой и зима с небольшими снегопадами облегчали охоту на тюленей и оленей.

На сочетании этих двух видов охоты, по-видимому, и было основано хозяйство саркакцев¹⁷. Время появления этой культуры в Гренландии не вполне ясно. Определенно известно лишь, что на западном побережье Гренландии в районе залива Диско эта культура господствовала в первой половине I тысячелетия до н. э. и что ее исчезновение совпало с наступлением в Гренландии более влажного периода с обильными снегопадами¹⁸. В этой связи надо отметить, что у саркакцев, по-видимому, не было собачьей упряжки.

Одной из отличительных черт саркакской культуры залива Диско является предпочтение кремнистого сланца в качестве материала для каменных орудий. Из 1190 предметов, найденных в нижнем горизонте Сермермиута, 1150, т. е. 97%, сделаны из кремнистого сланца. Наиболее характерное орудие саркака Гренландии — резец. Кроме резцов, распространенными орудиями этой культуры были лезвия симметричной формы, очевидно служившие наконечниками копий, а также маленькие треугольные лезвия (менее 2 см длиной), употреблявшиеся как наконечники стрел. Поэтому Ларсен и Мельдгаард считают беспорным, что люди культуры саркак пользовались луком и стрелами¹⁹.

По всей вероятности, каменная индустрия саркака генетически тесно связана с ранними культурами Аляски, в то же время отличаясь от последних наличием своеобразных ретушированных резцов. Саркак наиболее близок к находкам в пещерах Крик (Аляска)²⁰.

Остатков жилищ людей саркака на стоянке Сермермиут не найдено, но они обнаружены Ларсеном и Мельдгаардом на других, также находящихся на берегу залива Диско стоянках, а именно в Туперсуит и в Игдлуларсук²¹. Они имели овальную в плане форму, ограниченную рядом камней. По имеющимся данным невозможно решить, служили ли эти камни, чтобы придерживать палатки из шкур, или же они были остатками стен постоянного жилища. Форма жилища напоминает дома-палатки, найденные А. Кнудом на Земле Пири, но в отличие от них эти жилища не имеют центрального огороженного камнями прохода. Поэтому их, очевидно, нельзя типологически объединять с жилищами людей культуры индепенденс.

Датировать жилища Туперсуита и Игдлуларсука помогают найденные в них резцы, симметричной формы лезвия и некоторые другие предметы. Почти все они сделаны из кремнистого сланца и типологически все относятся к саркакской культуре. Очевидно, к этой же культуре относятся и остатки самих жилищ.

Лучше всего в жилищах саркакцев сохранились огороженные и выложенные изнутри плоскими камнями открытые очаги. В очагах остались сложенные кучкой небольшие камни, почерневшие и потрескавшиеся от нагревания.

Ларсен и Мельдгаард предполагают, что эти камни использовались для кипячения воды, варки пищи в кожаных или деревянных сосудах²². Это предположение кажется очень убедительным, если учесть, что в саркаке не найдено ни одного остатка каменного или глиняного горшка и что способ варки пищи с помощью камней еще в XIX в. применялся эскимосами р. Кобук (Аляска)²³.

Возможно, правда, что камни употреблялись с другой целью, а именно служили своеобразными аккумуляторами тепла. Если саркакцы пользовались для костров вереском, который хотя и дает жаркое пламя, но быстро сгорает, для них было очень важно сохранить тепло.

И то и другое использование камней не известно ни по этнографическим, ни по прежним археологическим данным о эскимосах Гренландии.

В позднейшее время у неозскимосов Гренландии (культуры туле, инугсук) для отопления жилища и варки пищи служили жировые лампы. На саркакских стоянках залива Диска экспедиция Ларсена и Мельдгаарда нашла одну совсем маленькую, видимо игрушечную, жировую лампу и фрагменты нескольких большего размера, но также некрупных ламп. Все они были сделаны из мыльного камня и имели круглую форму, чем отличались от четырехугольных дорсетских ламп.

Судя по наличию очага в жилищах, а также по небольшим размерам ламп, они у саркакцев служили только для освещения жилища.

Как уже было сказано выше, на рубеже VI и V вв. до н. э. развитие саркакской культуры в Гренландии прекращается. По-видимому, немалую роль в этом сыграло резкое изменение климатических условий, стало холоднее, исчезли кустарники, служившие топливом для очагов, а больших жировых ламп у саркакцев не было. К тому же из-за обильных снегопадов стали трудными передвижение и сухопутная охота, так как не было собачьих упряжек.

С наступлением нашей эры климат в Гренландии снова становится более теплым и сухим. Именно этим временем датируются первые следы дорсетской культуры в Гренландии, обнаруженные на старых саркакских стоянках.

Как известно, культура дорсет была впервые выделена и описана Д. Дженнесом в 1925 г. на основе материалов раскопок на мысе Дорсет в Гудзоновом проливе и о-ве Коутс в Гудзоновом заливе²⁴. В последующие десятилетия культура дорсет была обнаружена на Лабрадоре, на севере Канады и в Гренлан-

дии. Судя по данным радиоуглеродного анализа, дорсетская культура существовала в Канаде в течение 2000—2500 лет.

Она возникает между X и VIII вв. до н. э. и сохраняется до 1300—1350 гг. н. э.²⁵

По мнению Мельдгаарда, дорсет имеет южное происхождение и формировался под сильным влиянием древнеиндейских культур в лесном районе, где-то в треугольнике между Великими озерами, Джемс-бей и Ньюфаундлендом²⁶.

По инвентарю дорсет резко отличается от предшествовавшего ему саркака. Почти весь инвентарь канадского дорсета не имеет параллелей в саркаке. Очевидно, дорсетцы были на севере новой группой населения, вытеснившей или быстро ассимилировавшей прежде живших здесь людей саркакской культуры.

Судя по материалам раскопок, у дорсетцев в отличие от саркакцев не было луков и стрел, не было собак (у саркакцев они были, хотя и не использовались в упряжке), не было ряда типов орудий труда²⁷.

Для инвентаря дорсетцев характерно наличие большого числа весьма тщательно ретушированных микролитических орудий необычных форм. Одной из отличительных черт дорсетской культуры служит также отсутствие в ней такого традиционного для эскимосов орудия, как лучковое сверло. Все отверстия в дорсетских инструментах выдолблены или вырезаны²⁸.

Дорсетцы охотились с копьями, гарпунами, снабженными наконечниками с открытым гнездом, лучили рыбу острогами, имевшими наконечники со многими несимметрично расположенными бородками.

Добычу и другие грузы они, по-видимому, перевозили на ручных нартах с полозьями из кости.

У дорсетцев, как и у саркакцев, были жировые лампы, но не округлой, а четырехугольной формы.

Одевались эти люди в парки без капюшонов. Отсутствие последних необычно для эскимосской одежды. Жили дорсетцы Канады в полуземлянках. Что касается занятий канадских дорсетцев, то они охотились на оленей карибу, зайцев, лисиц, а также моржей, тюленей и белых медведей. Морская и сухопутная охота, по-видимому, играла в их жизни равную роль.

В Гренландии первые найденные следы дорсетской культуры относятся к более позднему времени, чем в Канаде, а именно к началу нашей эры.

В дорсетском горизонте Сермермиута полностью отсутствуют орудия саркакских типов. Подавляющая часть орудий (80%) сделана из халцедона, а не из кремнистого сланца, как в саркаке. Господствующей формой орудий становятся пластинки (длина от 2,2 до 4,2 см, ширина от 0,4 до 1 см). Наряду с ними встречаются асимметричные лезвия, вогнутые концевые скребки, а также некоторые другие орудия.

В дорсетском слое Сермермиута были найдены фрагменты трех четырехугольных тонкостенных ламп из мыльного камня.

К сожалению, экспедиции Ларсена и Мельдгаарда не удалось найти в районе залива Диско сколько-нибудь хорошо сохранившиеся остатки жилищ дорсетцев. Кроме того, даже найденные остатки не поддавались датировке. Поэтому не представляется возможным сказать что-либо определенное о форме и типе жилищ у дорсетцев залива Диско.

Не вполне ясным остается и вопрос о датировке дорсетской культуры залива Диско. И. Мельдгаард сопоставляет ее с хорошо изученным дорсетом района Иглулик (Канада) и приходит к выводу, что дорсет Сермермиута надо датировать V в. н. э.²⁹ В то же время его соавтор Г. Ларсен сближает дорсет залива Диско с предметами той же культуры на о-ве Саутгемптон (стоянка № 1), изготовленными, по определению радиоуглеродным методом, 2000 (± 230) лет назад. Таким образом, он относит дорсет залива Диско к последним векам до нашей эры³⁰.

На составленной же этими исследователями хронологической таблице культур Сермермиута дорсет занимает всю первую половину первого тысячелетия нашей эры³¹. Нам кажется весьма вероятным, что при дальнейшем исследовании дорсета Гренландии эти хронологические рамки значительно расширятся. В пользу этого говорит тот факт, что в Канаде, по данным радиоуглеродного анализа, дорсет длился с VIII в. до н. э. до XIII в. н. э. или, по датировке других образцов, с 10000 г. до н. э. до 1350 г. н. э.

Таковы некоторые данные о палеоэскимосах западной Гренландии, о людях саркакской и дорсетской культур. Исходя из наличия не содержащего культурных остатков слоя между саркакским и дорсетским горизонтами Сермермиута, логично предположить, что вторые не были прямыми потомками и наследниками первых, что здесь имели место две отдельные волны иммиграции. При этом полное отсутствие саркакских типов в дорсетских слоях свидетельствует в пользу гипотезы Г. Ларсена, что саркакцы ушли из района залива Диско раньше, чем там появились дорсетцы. Но пока не известно, как исчезли или куда ушли люди саркакской культуры³².

Однако очень показательно, что пришедшие им на смену дорсетцы не искали для своих поселений новые места, а предпочитали обосновываться на местах брошенных саркакских стоянок. Так произошло на 21 из 23 раскопанных Г. Ларсеном и И. Мельдгаардом стоянках залива Диско.

За небольшим исключением эти стоянки располагались на галечных или песчаных террасах, лежащих на несколько метров выше уровня моря, у основания выдающихся в него скалистых мысов. Г. Ларсен пишет, что с таких мысов удобно высматривать тюленей, особенно весной, когда они лежат на льду, греясь

на солнце. Кроме того, лед весной раньше всего ломается именно около таких мысов, и в полыньях здесь собираются тюлени. По всему этому Г. Ларсен высказывает весьма логичное, на наш взгляд, предположение, что найденные им стоянки были весенними стойбищами охотников на тюленей³³.

Если же у саркакцев и дорсетцев были лодки, то у мыса всегда можно найти для причала укрытое от волн место. В этом случае стоянки могли быть и летними стойбищами. Но пока ничего не известно о том, были ли лодки у палеоэскимосов западной Гренландии. К этим интересным соображениям Г. Ларсена хотелось бы добавить только одно. На наш взгляд, выбор дорсетцами тех же мест для стоянок, какие были у саркакцев, свидетельствует о наличии фундаментальных черт общности и преемственности в хозяйстве людей этих двух культур. Очевидно, несмотря на различие в происхождении и в типах каменных орудий, направления и приемы охотничьего промысла были у них сходными. Возможно, это сходство во многом обязано тому, что саркакцы и дорсетцы в Гренландии жили в одинаковых географических условиях.

На рубеже V и VI вв. н. э. дорсетская культура исчезает с побережий залива Диско. Первые же следы культуры инугсуков относятся здесь, судя по данным Г. Ларсена и И. Мельдгаарда, только к середине XIII в. н. э.³⁴ Видимо, в течение более чем семи веков в этом районе никто не жил. Археология Гренландии изучена еще недостаточно, чтобы можно было сказать, какова судьба носителей дорсетской культуры и до какого времени они жили в других районах острова. Но достаточно определенно известно, что неозскимосы — носители культуры туле появились в Гренландии не ранее XII—XIII вв. По археологическим и фольклорным данным (норманнские саги) известно также, что на западном побережье Гренландии к югу от залива Диско ни в X в., ни в XI в., не было эскимосского населения.

Именно здесь, на юго-западе Гренландии, появилась в конце X в. совершенно новая этническая группа — люди европейской расы, переселенцы из Исландии.

¹ E. Knuth. An outline of the archeology of Peary Land. «Arctic» vol. 5, 1952, № 1; I dem. The Paleo-Eskimo culture of Northeast Greenland elucidated by three new sites. «American Antiquity», vol. 19, 1954, № 4; I dem. Archeology of the Farthest North. Proceedings of the thirty-second intern. congr. of Americanists (1956). Copenhagen, 1958; H. Larsen. Eskimo-Archeological problems in Greenland. «Acta Arctica», Fasc. 12. Copenhagen, 1960; I dem. Archeology in the Arctic, 1935—1960. «American Antiquity», vol. 27, 1961, № 1. H. Larsen and J. Meldgaard. Paleo-Eskimo cultures in Disko Bugt, West Greenland. «Meddelelser om Grønland», Bd. 161, N 2. København, 1958; Th. Mathiassen. The Sermermiut excavations 1955. «Meddelelser om Grønland». Bd. 161, № 3, 1958; J. Meldgaard. A Paleo-Eskimo culture in West Greenland. «American Antiquity», vol. 17, 1952, № 3; I dem. Origin and evolution of Eskimo cultures in the eastern Arctic. «Canadian Geographical Journal», vol. 60, 1960, № 2; I dem. On the

- formative period of the Dorset culture. «Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America». Montreal, 1962.
- ² E. Knuth. Archeology of the Farthest North, p. 561, 562.
 - ³ Ibid., p. 561—567.
 - ⁴ Ibid., p. 570.
 - ⁵ Ibid., p. 563.
 - ⁶ E. Knuth. The Paleo-Eskimo culture of Northeast Greenland..., p. 370, 371, 377.
 - ⁷ Ibid., p. 377.
 - ⁸ E. Knuth. Archeology of the Farthest North, p. 572, 573.
 - ⁹ E. Knuth. The Paleo-Eskimo culture of Northeast Greenland..., p. 376.
 - ¹⁰ W. Taylor. Pre-dorset occupations at Ivugivik in Northwestern Ungava. «Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America». Montreal, 1962, p. 90.
 - ¹¹ E. Knuth. The Paleo-Eskimo Culture of Northeast Greenland..., p. 378, 379.
 - ¹² H. Larsen and J. Meldgaard. Paleo-Eskimo cultures in Disko Bugt..., p. 18.
 - ¹³ J. Meldgaard. The Paleo-Eskimo culture of West Greenland, p. 222—230.
 - ¹⁴ Th. Mathiassen. The Sermermiut excavations..., p. 22.
 - ¹⁵ J. Meldgaard. Prehistoric culture sequences in the eastern Arctic as elucidated by stratified sites at Igloodik. «Selected Papers of the 5th Intern. Congr. of Anthropol. and Ethnol. Sciences». Philadelphia, 1956, p. 588—595; F. Rainey and E. Ralph. Radiocarbon dating in the Arctic. «Amer. Antiquity», vol. 24, 1959, № 4, p. 373.
 - ¹⁶ H. Collins. Bering Strait to Greenland. «Prehistoric cultural relations...», p. 127, 128; по этому вопросу см. также помещенную в том же сборнике статью: W. Taylor. Pre-dorset occupations at Ivugivik in Northwestern Ungava, p. 89, 90.
 - ¹⁷ J. Meldgaard. Origin and evolution of Eskimo cultures in the Eastern Arctic, p. 66.
 - ¹⁸ Th. Mathiassen. The Sermermiut excavations..., p. 22.
 - ¹⁹ H. Larsen and J. Meldgaard. Paleo-Eskimo cultures in Disko Bugt..., p. 18.
 - ²⁰ Ibid., p. 69; H. Bardi. The Burins in the Eskimo area. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 10, 1963, № 2, p. 23.
 - ²¹ Ibid., p. 35, 36, 44—46.
 - ²² Ibid., p. 35, 36.
 - ²³ J. Giddings. Forest Eskimos. Philadelphia, 1956.
 - ²⁴ J. Jenness. A new Eskimo culture in Hudson Bay. «Geographical Review», vol. 15, 1925, p. 428—437.
 - ²⁵ J. Meldgaard. On the formative period of the Dorset culture. «Prehistoric cultural relations...», p. 92; W. Taylor. Review and assessment of the Dorset problem. «Anthropologica», vol. 1, 1959, № 1-2, p. 45.
 - ²⁶ J. Meldgaard. On the formative period of the Dorset culture, p. 95.
 - ²⁷ J. Meldgaard. Origin and evolution of eskimo cultures in the eastern Arctic, p. 75.
 - ²⁸ H. Collins. Recent developments in the Dorset culture area. «Asia and North America». Salt Lake City, 1953, p. 32—39.
 - ²⁹ H. Larsen and J. Meldgaard. Paleo-eskimo cultures in Disko Bugt..., p. 19, 20.
 - ³⁰ Ibid., p. 70.
 - ³¹ Ibid., p. 23.
 - ³² Ibid., p. 66.
 - ³³ Ibid.
 - ³⁴ Ibid., p. 23.

Антропологическое своеобразие коренного населения Аляски и биполярные расы

(о связи антропологии с географией)

Своеобразие антропологического типа эскимосов — коренного населения Аляски — издавна обратило на себя внимание исследователей. После того как антропологическими измерениями были охвачены все или почти все территориальные группы эскимосов, оказалось возможным составить представление об их морфологических особенностях и о локальных различиях между отдельными группами¹. Эскимосов отличают небольшой рост, плотное сложение, сравнительно большая длина туловища при небольшой длине конечностей, иссиня-черные прямые жесткие волосы, относительно темная кожа, очень большие размеры лица, выступающие вперед, как принято говорить в антропологии, прохейличные губы, сравнительно высокое для монголоидов переносье, также сравнительно сильно выступающий по монголоидному масштабу нос, высокая и очень длинная голова. Большие материалы, накопленные по краниологии эскимосов, позволяют дополнить эту характеристику комплексом краниологических признаков — специфическим строением черепной коробки, при котором высота почти равна ширине или даже превышает ее, относительно резкой вертикальной профилировкой лицевого скелета, малой шириной грушевидного отверстия, соответствующей ширине носа на живом субъекте. Территориальные варианты антропологического типа эскимосов различаются по черепному указателю и ширине грушевидного отверстия. Наименьшие величины носового указателя характерны для эскимосов Гренландии, наибольшие величины черепного указателя — для эскимосов Аляски.

Археологические исследования, которые интенсивно проводились и проводятся на всей территории расселения эскимосов, но особенно широко на Аляске, значительно расширили наши возможности в изучении этапов формирования характерных для них антропологических особенностей. Наиболее древние палеоантропологические материалы из эскимосских могильников, полученные в процессе этих раскопок, датируются рубежом нашей

эры. Старые материалы, в свое время опубликованные А. Грдличкой, были подвергнуты повторному исследованию Т. Стьюартом с привлечением всех новых сведений об их датировке, накопившихся после первой публикации². Большой краниологический материал был получен при раскопках в Ипиутаке³. Значение этого материала увеличивается тем, что древняя культура ипиутакских эскимосов, вскрытая раскопками, оказалась исключительно богатой и своеобразной. Наконец, два могильника были раскопаны на северо-востоке Чукотского полуострова в Эквене и Уэлене, и они также дали две обширные палеоантропологические серии⁴. Рассмотрение этих четырех серий позволяет сделать твердый вывод — отличительные антропологические особенности эскимосов уже были четко выражены 2000 лет тому назад. Однако этим выводом не ограничивается тот вклад, который вносит палеоантропологический материал в проблему происхождения эскимосского антропологического типа. Черепа из Ипиутака отличаются от других эскимосских серий так же, как отличаются от них краниологические серии сибирских монголоидов. Иными словами, характерные эскимосские особенности выражены в ипиутакской серии менее отчетливо, чем в других сериях из древних могильников. Это можно истолковать двояко.

Можно предполагать, что в населении, оставившем огромный Ипиутакский могильник, мы имеем дело с какой-то восточноазиатской по происхождению группой, какими-то палеоазиатами или тунгусо-маньчжурами, переселившимися на север Аляски с Чукотского полуострова или из внутренних районов Сибири. В пользу этого предположения можно привести чисто морфологические аргументы — несколько более плоские носовые кости и более низкий череп в Ипиутакской серии по сравнению с сериями из могильников, расположенных на мысе Барроу, или с сериями из Эквена и Уэлена. Это как раз те отличия, которые характерны для континентальных монголоидов Сибири по сравнению с эскимосами в настоящее время. Другое возможное предположение: в серии из Ипиутака мы сталкиваемся с недифференцированным типом, в котором отсутствуют четко выраженные эскимосские особенности. Эти особенности, если судить по серии из Ипиутака, еще не сформировались полностью на рубеже нашей эры. Но при таком заключении игнорируется твердо установленный факт четкой выраженности особенностей эскимосского типа в сериях из других древнеэскимосских могильников. Поэтому все же следует отдать предпочтение первому предположению и сделать вывод, что какие-то антропологические элементы континентального происхождения присутствовали на рубеже нашей эры на Аляске и, может быть, даже оказали известное влияние на формирование эскимосского типа. Что же касается того периода, когда население Чукотского полуострова и Аляски отличалось недифференцированными чертами, то его

нужно отнести на два тысячелетия вглубь. Речь идет о находке черепа начала II тысячелетия до н. э., обнаруженного в неолитическом могильнике на Чукотке и имеющего сходство как с эскимосскими, так и с тунгусскими черепами⁵. Весьма вероятно, что именно такой антропологический тип был характерен для древнейшего населения северо-востока Сибири — сочетание эскимосских и тунгусских признаков. В соответствии с этой точкой зрения эскимосский, или арктический, тип, как его называют в антропологической литературе, — особый вариант тихоокеанской ветви монголоидной расы⁶, — образовался на протяжении двух тысяч лет с начала II тысячелетия до н. э. до рубежа нашей эры. Многочисленные соображения об этапах формирования арктического типа могут быть сведены к трем гипотезам.

Д. Дженнес, так же, как и все другие исследователи, исходивший из реальных различий в черепном указателе населения Аляски и Гренландии (на Аляске, как мы помним, — мезокефалы, в Гренландии — долихокефалы) и выделявший два варианта в составе арктического типа — западный и восточный, — полагал, что древнейшим из них является восточный вариант⁷. Позже с запада на территории Аляски появились мезокефалы, которые оттеснили первоначальное долихокефальное население на восток, в Гренландию, а частично смешались с ним. Непосредственной преемственности между мезокефальным и долихокефальным типами нет. Однако с такой точки зрения трудно понять единство арктического типа во всех других признаках, кроме ширины носа и головного указателя, и неясными остаются место и причины формирования мезокефалов. Многолетние работы А. Грдлички на Аляске привели его к выводу, что древнейшим является как раз мезокефальный западный вариант и что восточный гренландский вариант, отличающийся крайней долихокефалией и узконосостью, образовался позже, под влиянием приспособления к суровым арктическим условиям⁸. Но палеоантропологический материал, полученный после публикации А. Грдлички, не укладывался в его схему: древние серии оказались более длинноголовыми, чем современные. Последняя гипотеза, сформулированная М. Г. Левиным и в наибольшей степени соответствующая современному уровню наших знаний об изменениях признаков во времени, сближается с гипотезой Д. Дженнеса в том, что М. Г. Левин признает, в полном соответствии с палеоантропологическими данными, большую древность долихокефального восточного варианта⁹. Древнее население Аляски относилось именно к этому варианту. Но в отличие от Д. Дженнеса М. Г. Левин устанавливает преемственность между долихокефалами и более поздним мезокефальным населением, справедливо полагая, что речь должна идти не о переселении мезокефалов с запада, а о перестройке формы черепа во времени — процессе так называемой брахикефализации.

Против гипотезы А. Грдлички об образовании восточного гренландского варианта под влиянием адаптации к суровым арктическим условиям может быть высказано и одно возражение уже чисто географического порядка — условия крайне суровы по всему американскому северу, и предполагать, что именно в Гренландии они оказывают особое влияние на физический тип человека, нет оснований. Но в подходе А. Грдлички к происхождению антропологического типа эскимосов есть и рациональное зерно — он первым задумался над той исключительной ролью, которую могло играть приспособление к арктическому климату в формировании антропологических особенностей северного населения. Не обсуждая проблемы в целом, что требует привлечения данных по многим расовым признакам и сопоставления их со средовыми факторами в пределах всей эйкумены, укажу лишь на два важных факта.

Эскимосы относятся к так называемым брахиморфным расам, т. е. отличаются сравнительно большим весом тела по отношению к росту, относительно большой длиной туловища, укороченными нижними конечностями. Обширные исследования, проведенные среди теплокровных животных на разных материках, показали, что арктические формы отличаются от тропических в пределах тех же видов укорочением конечностей и, как правило, большим объемом туловища. Эта закономерность получила в зоогеографии и экологии животных наименование «правила Аллена». Правило это находит объяснение в замедлении теплоотдачи при благоприятном соотношении между объемом и весом тела, что важно в условиях сильного холода. Близко к правилу Аллена примыкает и другая закономерность — увеличение размеров тела животных в арктических районах. Это так называемое правило Бергмана¹⁰. Географические вариации размеров тела человека и их соотношений также до известной степени подчиняются этим закономерностям, что нашло выражение в географической изменчивости веса тела и поверхности тела. Известный французский исследователь Э. Шрейдер получил высокую корреляцию между соотношением этих двух признаков и средней годовой температурой¹¹. Для эскимосов как раз и характерно оптимальное в холодном климате соотношение между поверхностью тела и его весом.

Другой адаптивный признак — ширина носа и носовой указатель. Для эскимосов характерны близкие к минимальным величины и ширины носа и носового указателя. Б. Лундман опубликовал карту распределения носового указателя современного населения в пределах Восточной Сибири и северных районов Северной Америки, на которой видно, как этот признак постепенно уменьшается по мере приближения к Берингову проливу и достигает минимума на северо-востоке Чукотского полуострова и в западной Аляске¹². Между тем ширина носа и носовой

указатель обнаруживают чрезвычайно высокую зависимость от климата в своих географических вариациях. Зависимость эта была показана несколько раз, подтверждена статистически и может считаться твердо установленным фактом¹³. В субтропических и особенно тропических районах земного шара население отличается очень широким носом, в северных — узким. Признак этот вошел, как известно, в число основных признаков негроидных и австралоидных типов. Его физиологическое значение состоит в том, что при широком носе, очевидно, усиливается теплоотдача, при узком — наоборот, она уменьшается, а, кроме того, холодный воздух втягивается меньшими порциями и успевает обогреться. Таким образом, узкий нос эскимосов, так же как и брахиморфный тип телосложения, может рассматриваться как приспособительный признак к условиям проживания в арктической зоне.

Все эти факты показывают, что гипотеза А. Грдлички в той части, которая касается значительной роли адаптационных процессов в образовании антропологических особенностей эскимосов, верна, но она должна быть перенесена с восточных групп эскимосов на всех эскимосов. Кстати сказать, эти адаптационные процессы проявляются и в специфических физиологических приспособлениях — при понижении температуры среды температура тела и скорость кровотока в сосудах руки уменьшаются у эскимосов вдвое медленнее по сравнению с европейцами¹⁴. Но признание роли адаптационного фактора в формировании арктического антропологического типа и последовательное проведение адаптационной гипотезы ставят вопрос большой теоретической важности для теории расообразования. Речь идет о параллельной изменчивости антропологических признаков в северном и южном полушариях по мере удаления от тропического пояса. Совершенно очевидно, что климатический фактор, коль скоро он играет какую-то роль в расообразовании, должен сказываться в одинаковых широтах сходным образом и на север, и на юг от экватора. Разумеется, полного параллелизма ожидать трудно — сходное действие температуры проявится только в тождественных или почти тождественных географических условиях, закономерности в географическом распределении признаков затушевываются миграциями населения и стохастическими процессами (направленные изменения признаков в изолированных популяциях), сами признаки формируются не только под влиянием адаптации. Тем более весомы факты, свидетельствующие о параллельной географической изменчивости.

Подобное явление широко распространено в органическом мире. Среди морских и наземных животных и даже среди растений выделяются группы родственных или тождественных форм, свойственных умеренным зонам обоих полушарий, но отсутствующих в тропическом поясе. Исключительно полную ревизию

всех относящихся сюда фактов произвел Л. С. Берг¹⁵. Он связывает это явление, получившее название «биполярности» в географическом распределении органических форм, с охлаждением тропической зоны в ледниковую эпоху и переселением организмов из одного полушария в другое. Переселения эти прекратились к концу ледниковой эпохи, что обусловило прерывистость ареалов многих биполярных видов. Существуют и другие объяснения биполярности. Однако для нашей темы причины биполярности имеют второстепенное значение, важен самый факт реального проявления этой закономерности в формообразовании.

Такие биполярные варианты можно выделить в географическом распределении носового указателя. Население умеренных областей обоих полушарий отличается средними величинами носового указателя, для населения северных районов Евразии характерны малая ширина носа и низкий носовой указатель. Население Африки и Австралии отличается широконосоностью даже в тех районах, которые лежат за пределами тропического пояса. Но оно и в расовом отношении не отличается от населения тропической зоны. Этим обстоятельством нарушается последовательность и стройность географического распределения носового указателя в южном полушарии. Поэтому важно рассмотреть вариации этого признака у коренного населения американского материка — единственного, расположенного строго меридионально и в то же время заходящего далеко на север в северном полушарии и далеко на юг — в южном. Это тем более важно, что для соотношения поверхности тела с весом нет данных, которые широко охватывали бы популяции американских индейцев и в то же время были бы собраны с применением единых методических приемов и хорошо сопоставимы между собой.

Вариации носового указателя у индейцев обеих Америк, а также и эскимосов показаны на карте. В целях полной сравнимости материалов для ее составления использованы краниологические материалы из разных источников¹⁶. Она достаточно выразительна. Наименьшие величины характерны для эскимосов Аляски и Гренландии. У алгонкинов и атапасков носовой указатель повышается, но не достигает величин, зафиксированных в южных районах Северной Америки. Индейцы области Мексиканского залива и Панамского перешейка отличаются наиболее широким носом, и им свойственны наибольшие величины носового указателя. В Южной Америке, насколько можно судить по выборочным и чрезвычайно неполным материалам, носовой указатель постепенно уменьшается с севера на юг, достигая минимума у населения Огненной Земли. По этому признаку огнеземельцы мало отличаются или совсем не отличаются от эскимосов. Налицо, следовательно, отчетливая биполярность в распределении признака в меридиональном направлении.

Распределение носового указателя у населения американского континента

Параллелизм вариаций одного признака в северном и южном полушариях в пределах американского материка имеет существенное значение для доказательства важности адаптивных процессов в расообразовании. Однако еще более важны другие любопытные совпадения в антропологических особенностях двух групп населения, занимающих окраины американского континента, — эскимосов и огнеземельцев. Краниологические данные по всем трем группам огнеземельцев — яганам, алакалуфам и бона — содержатся в указанной работе М. Неумана и Т. Стьюарта. Все эти группы отличаются чрезвычайно длинной и массивной черепной коробкой, характерной и для эскимосов. Высотный диаметр черепной коробки приближается по величине к поперечному, что также свойственно эскимосским сериям. Лицо чрез-

вычайно широкое и довольно высокое. Эти черты ясно видны и на фотографиях современных огнеземельцев¹⁷. Нужно специально подчеркнуть, что этот комплекс признаков несвойствен американским индейцам в целом. Многие этнические группы в Венесуэле, особенно живущие по соседству с Колумбией, отличаются малой высотой черепа, для них же, а также для коренного населения южного Чили, характерно довольно узкое лицо. Другими словами, эскимосов и огнеземельцев объединяет сходство во многих важных признаках, которые заметно варьируют в разных группах американских индейцев. Очевидно, так же как и у эскимосов, значительную роль в формировании антропологического типа огнеземельцев сыграло приспособление к очень суровым климатическим условиям Огненной Земли. Иначе трудно понять, в чем причина антропологического сходства двух групп, не связанных между собой генетическим родством и разделенных тысячами километров.

Возвращаясь к явлению биполярности и его роли в расообразовании у человека, отмечу выдающийся интерес того обстоятельства, что совпадение антропологического типа по многим признакам наблюдается на противоположных оконечностях американского материка и что оно проявляется в районах, для которых одинаково специфична крайняя суровость климатических условий. Эскимосов и огнеземельцев можно рассматривать поэтому как две биполярные расы, у которых сходство в антропологических признаках образовалось вследствие адаптации к среде и представляет собой результат параллельной изменчивости. Само явление биполярности в территориальном распределении расовых признаков и расовых комплексов демонстрирует значительную роль географического фактора в расообразовании и настоятельно напоминает о необходимости учитывать физико-географическую характеристику природной среды при рассмотрении происхождения антропологических типов.

Осталось сказать, что биполярность не свойственна непременно перечисленным признакам. Любая адаптивная особенность будет обнаруживать биполярность в своем географическом распределении, коль скоро она отражает приспособление к жаркому или холодному климату. Поэтому есть основания ожидать, что на заре появления человека современного типа биполярные расы могли характеризоваться сходной пигментацией, сходной формой волос и т. д., т. е. проявляли сходство в тех признаках, которые имеют адаптивное значение, но утратили в пределах Старого Света биполярность в своем географическом распределении. Очередная задача — дальнейшие поиски примеров биполярности в расообразовании.

Выводы очевидны: 1) биполярность, характерная для ареалов многих органических форм, проявляется и в расообразовании у человека; 2) хорошим примером биполярных рас служат эскимо-

сы и огнеземельцы; 3) явление биполярности наряду с адаптивностью многих расовых признаков свидетельствует о значительной роли географического фактора в расообразовании.

- ¹ Обзор см.: М. Г. Левин. К антропологии эскимосов. «Сов. этнография», т. VI—VII. М.—Л., 1947.
- ² T. Stewart. Skeletal remains from the Vicinity of Point Barrow, Alaska. In: J. Ford. Eskimo prehistory in the Vicinity of Point Barrow, Alaska. «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», vol. 47, pt. 1. N. Y., 1959.
- ³ G. Debetz. The skeletal remains of the Ipiutak cemetery. «Actas del XXXII Congreso Internacional de Americanistas, San Jose». Costa Rica, 1959.
- ⁴ М. Г. Левин. Об антропологическом типе древних эскимосов. «Тр. Московского об-ва испытателей природы», т. XIV. М., 1964; М. Г. Левин, Д. А. Сергеев. Древние могильники Чукотки и некоторые аспекты эскимосской проблемы. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1964.
- ⁵ И. И. Гохман. Древний череп с Чукотки. «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. II. Магадан, 1961; Г. В. Лебединская. Процесс восстановления головы по черепу из Усть-Бельского могильника. Там же.
- ⁶ См. например: Н. Н. Чебоксаров. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии. «Тр. Ин-та этнографии АН СССР» (нов. серия), т. II. М.—Л., 1947.
- ⁷ D. Jenness. The problem of the Eskimo. «The American aborigenes, their origin and antiquity». Toronto, 1933.
- ⁸ Г. Грдличка развивал эту точку зрения во многих работах (например, A. Hrdlicka. Anthropological survey in Alaska. «46 Annual Report of the Bureau of American Ethnology». Washington, 1930).
- ⁹ Наиболее полную аргументацию см.: М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. «Тр. Ин-та этнографии АН СССР» (нов. серия), т. XXXVI, М., 1958.
- ¹⁰ Об этих правилах см.: Е. И. Лукин. Дарвинизм и географические закономерности в изменении организмов. М.—Л., 1940.
- ¹¹ E. Schneider. Geographical distribution of the body-weight-body-surface ratio. «Nature», vol. 165, 1950.
- ¹² B. Lundman. Ein Paar kleine Bemerkungen über die Anthropologie der Beringvölker. «Folk», vol. 5, 1963.
- ¹³ Например: A. Thomson, D. Buxton. Man's nasal index in relation to certain climatic conditions. «Journal of the Royal Anthropological Institute», vol. 53, 1923; J. Weiner. Nose shape and climate. «American Journal of Physical Anthropology» (new series), vol. 12, 1954, № 4.
- ¹⁴ См., например: M. Brown, J. Page. The effect of chronic exposure to cold on temperature and blood flow of the hand. «Journal of Applied Physiology», vol. 5, 1953, № 5.
- ¹⁵ Последнее издание см.: Л. С. Берг. Биполярное распространение организмов и ледниковая эпоха. Избранные труды, т. V. М., 1962.
- ¹⁶ Библиографию основных работ по краниологии североамериканских индейцев см.: Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области. «Тр. Ин-та этнографии АН СССР» (нов. серия), т. XVII. М., 1951. Краниологии южноамериканских рас посвящена сводка: T. Stewart, M. Newman. Anthropometry of American Indian skeletal remains. «Handbook of South American Indians», vol. 6. Washington, 1950.
- ¹⁷ A. Lipschutz, G. Mostny, H. Helfritz, F. Jeides, M. Lipschutz. Physical characteristics of Fuegians. An analysis aided by photography. «American Journal of Physical Anthropology» (new series), vol. 5, 1947, 3.

ЛАТИНСКАЯ
АМЕРИКА

Индийские источники по истории и этнографии народов горной Гватемалы в X—XVI вв.

История и культура индейских народов юго-западной Гватемалы до испанского завоевания не привлекла к себе особого внимания американистов. В начальный период развития американистики (т. е. около века тому назад) история этой области была освещена в нескольких работах французского исследователя Ш. Э. Брассера де Бурбур, в частности в его капитальной монографии «История цивилизованных народов Мексики и Центральной Америки»¹. В ней Брассер впервые использовал (и таким образом ввел в научный обиход) некоторые письменные источники, найденные им в архивах Гватемалы, Мексики и Испании. Ряд их имеет первоклассное значение (например, «Пополь-Вух», «Летопись какчикелей» и др.), и деятельность этого энтузиаста американистики не может быть переоценена. После путешествий Дж. Л. Стивенса и Фр. Казервуда и исследований Д. Шарне, А. П. Моудсли и других обнаруженная ими блестящая культура майя в низменной части Гватемалы настолько затмила свою более скромную сестру, что ее почти совершенно забыли. В самом конце XIX в. О. Штолль, К. Заппер, Г. Берендт и другие путешественники, географы, этнографы и языковеды обратили снова внимание исследователей на родственные классическим майя индейские народы нагорья Гватемалы.

Это пробуждение интереса, однако, ограничилось лишь появлением ряда исследований по географии, языкам и этнографии отдельных индейских народностей данной области и публикацией некоторых источников. История и культура горной части Гватемалы доиспанского периода по-прежнему оставалась (да и в настоящее время остается) золушкой американистики. Пока нельзя назвать в этой области ни одного крупного исследования, ни одной монографии. Даже в большой работе известного гватемальского исследователя А. Вильякорта истории этого района отводится весьма скромное место². В значительной степени такое положение объясняется тем, что количество письменных источников со времен Брассера почти не увеличилось. До сих пор в архи-

вах Гватемалы и научных учреждениях США лежат неопубликованные документы большой научной ценности. Совершенно недостаточно этот район обследован и в археологическом отношении, что затрудняет сопоставление данных письменных источников и памятников материальной культуры.

Более того, и опубликованные письменные источники почти не изучены; не существует ни обзоров, ни их классификации³, ни сводного издания. В настоящей работе сделана попытка рассмотреть группу письменных источников по древней истории горной Гватемалы, наиболее важную, но одновременно и самую трудную для истолкования,— документы на индейских языках. Эта группа сравнительно невелика и не может быть сравнена ни по разнообразию, ни по количеству информации с имеющимися, например, источниками по доиспанской истории центральной части Мексиканского нагорья. Тем не менее, изучение ее является делом первостепенной важности, так как она содержит неоценимый материал по истории и этнографии рассматриваемого периода. Только отсюда исследователь может узнать о формах владения землей, видах дани, организации общества, различных сторонах древней религии индейцев, о рабстве, терминах родства и др.

Хотя испанские хронисты неоднократно упоминают об иероглифических рукописях индейцев горной Гватемалы⁴, ни одна из них не дошла до нас. Причины этого те же, что и у майяских народов низменности: варварство и изуверство испанских монахов и завоевателей. Учитывая особенности климата, у нас нет оснований надеяться и на находки иероглифических рукописей, захороненных вместе с их владельцами до появления в стране испанских завоевателей⁵.

Дошедшие до нас письменные источники можно разделить на несколько групп. К первой из них, самой малочисленной, относятся некоторые пиктографические рукописи мексиканских народностей, упоминающие об интересующем нас районе. Мы можем назвать только два таких источника, но вполне вероятно, что после окончательной дешифровки миштекских кодексов число их увеличится. Первый из них — знаменитое «Полотно из Тлашкалы», созданное индейскими мастерами между 1550—1556 гг. В нем содержатся сведения о боевых действиях испанских завоевателей в Сапотитлане, Кесальтенанго, Атитлане, Эскинтепеке и Куаухтлемаллане. К сожалению, эта рукопись сохранилась только в копии XVIII в.⁶ Второй источник — кодекс «Порфирио Диас» — не может быть пока с достаточной точностью связан с каким-либо определенным народом древней Мексики; так как он имеет надписи на куикатекском языке, его относили к культуре куикатексов; но по художественным особенностям он ближе всего к стилю Ватиканского кодекса Б. Поэтому вероятнее всего он является копией испанского времени с доиспанской рукописи,

созданной где-то в восточной части миштекской территории. В начале этого документа описывается отправление какой-то военной или торговой экспедиции из Гватемалы на Теуантепекский перешеек, ее возвращение на место отправления и сражения в окрестностях Кесальтенанго⁷.

Более многочисленна вторая группа источников, к которой относятся все памятники, написанные на индейских языках, но при помощи латинского алфавита (сразу же следует оговориться, что время записи еще не свидетельствует об обязательном послеиспанском происхождении источника). Все они явственно делятся на три подгруппы, каждая из которых имеет характерные черты как в смысле идеологической направленности, так и по тематике и оформлению. Первая подгруппа наиболее близка по содержанию к средневековым европейским хроникам: это написанные представителями индейской знати истории своего рода, записи различных событий и т. д. Известно, что первое время после конкисты испанские завоеватели всячески заигрывали с туземной аристократией; чтобы укрепить свое положение в завоеванной стране, они использовали знатные индейские роды и как орудие в своих руках для эксплуатации рядового населения. Отсюда — практика сохранения за потомками прежних правителей их прав на земельные и иные владения, выдача особых удостоверений о знатности, браки между испанцами и индейскими «принцессами» и др. Это и вызвало у потомков прежней индейской аристократии желание запечатлеть историю своего народа и обычаи своих предков. В центральной Мексике мы можем насчитать десятки таких авторов: Фернандо де Альва Иштлильшочитль, Хуан Баутиста Помар, Альварадо Тесосомок, Чимальпахин Куаухтлехуаницин и др., в горной Гватемале их было несравненно меньше. До нас дошла только одна такая хроника, которая может быть сравнима с письменными памятниками Центральной Мексики: «Летопись какчикелей». Другие источники, как, например, «История киче» Хуана де Торреса и «Войны киче и какчикелей» (первая из них наиболее объемиста и интересна), являются распространенными «титulos».

«Летопись какчикелей», известная также под названием «Летопись из Солола» или «Мемориал Текпан-Атитлана», была создана вскоре после испанского завоевания. Какой-то представитель знатного какчикельского рода Шашила (возможно, отец упоминаемого ниже Франсиско Эрнандес Арана) записал на родном языке, но пользуясь уже латинским алфавитом, предания и историю своего народа. Возможно, что в этом ему помогли несколько других членов его рода, добавляя, а может быть, и вписывая собственноручно различные события. Первым из таких соавторов, в дальнейшем (около 1560 г.) ставшим регулярно вести хроникальные записи, был Франсиско Эрнандес Арана (приблизительный год рождения — 1505), внук правителя какчи-

келей Хунига. Рукопись эта постепенно превратилась в своеобразный дневник жизни индейской общины в Солола, куда записывались даты рождения и смерти жителей селения, имена должностных лиц, земельные споры, пожары и землетрясения, прибытие знатных гостей, общинные расходы, затмение солнца, помощь нуждающимся членам общины и др. Последняя запись, в которой упоминается имя Франсиско Арана, датирована декабрем 1581 г. С 1583 г. в тексте появляется новое имя — Франсиско Диаса, потомка правителя какчикелей Ошлахух Ци. Он вел записи до 1604 г., на котором обрывается текст летописей⁸. Возможно, какое-то число заключительных страниц потеряно.

«Летопись из Солола» — один из наиболее ценных письменных источников по истории какчикелей и киче. Сведения, содержащиеся в первой части, помогают понять как политическую историю народов горной Гватемалы до испанского завоевания, так и их общественное устройство. Материалы второй части ярко освещают появление в стране испанцев, драматические события завоевания и постепенное укрепление колониальной системы.

Этот письменный памятник имел свою историю, хотя и не столь запутанную, как у «Пополь-Вух». Где-то в начале XVII в. записки Франсиско Эрнандеса Арана и Франсиско Диаса были переписаны одной рукой (по всей вероятности, профессиональным писцом) и помещены в библиотеку монастыря Сан-Франсиско (г. Гватемала), осуществлявшего духовный надзор за населением данной местности. Эта рукопись, состоящая из 48 листов фолио, и является для нас подлинником текста, так как оригинал, с которого производилось переписывание, бесследно исчез. В конце XVII века «Летописью какчикелей» пользовался Франсиско Васкес, историк францисканского ордена в Гватемале, включивший в свое сочинение несколько отрывков из нее. Васкес, ссылаясь на рукопись, называет ее «индейскими бумагами», очевидно считая ее собранием «титулос»⁹.

В 1844 г. молодой гватемальский историк Хуан Гаваррете был командирован в монастырь Сан-Франсиско для приведения в порядок его архивов. Гаваррете, усердно собиравший и копировавший все интересные документы по истории своей страны (известно, например, что он собственноручно переписал «Историю провинции Сан-Висенте-де-Чиапа и Гватемала» Фр. Хименса, состоявшую из шести томов общим объемом около 2200 стр.), обратил внимание на рукопись «Летописи» и оценил ее значение для истории. Когда в 1855 г. в Гватемалу приехал Ш. Э. Брассер де Бурбур, то Гаваррете сообщил ему о рукописи. Брассер сделал с нее черновой перевод на французский, а подлинник, по меткому выражению А. Ресиноса, оставил у себя с той же легкостью, с какой он приобретал себе и другие подобные документы¹⁰. Перед отъездом из Гватемалы Брассер подарил копию своего перевода Х. Гаваррете, который, переведя в свою очередь его на

испанский, опубликовал в 1873 г. под данным этому памятнику французским исследователем названием «Мемориал из Текпан-Атитлана»¹¹.

Брассер широко использовал «Летопись какчикелей» при написании своей «Истории цивилизованных народов Мексики и Центральной Америки» и даже включил в эту работу значительные отрывки из своего перевода, но так и не опубликовал ни его, ни текста целиком. Первым переводом этого источника на французский следует считать появившийся в 1838 г. отрывок, напечатанный известным собирателем старых документов по истории Америки А. Терно-Компаном¹². После смерти Брассера его коллекция древних рукописей была распродана на аукционе в Париже в 1884 г. Подлинник «Летописи какчикелей» и Брассеровский перевод были приобретены известным американистом Д. Г. Бринтоном, который через год издал свой перевод памятника на английский, в ряде случаев расходившийся с толкованиями Брассера¹³. К переводу были присоединены оригинальный текст на какчикель, большая вступительная статья и краткий комментарий. Бринтон перевел далеко не всю рукопись, а лишь 48 страниц из 96, в которых, по его мнению, содержался наиболее интересный материал. Ограниченное знание языка какчикель не позволило ему справиться со всеми трудностями текста, и сам Бринтон считал, что эта его публикация должна рассматриваться скорее как черновой материал для исследования, а не законченная работа.

Профессор Сорбонны Жорж Рейно после изучения «Пополь-Вух» подготовил частичный (до 1589 г.) перевод «Летописи какчикелей» на французский¹⁴. Испанский перевод с него, сделанный М. А. Астуриасом и Х. М. Гонсалес де Мендосой, был опубликован в 1927 г. в Париже¹⁵. Второе издание этого перевода появилось на родине переводчиков в 1937 г. Тремя годами раньше в Гватемале историк Х. Антонио Вильякорта выпустил свое издание «Летописи»; в нем был воспроизведен весь текст на какчикель, сопровождаемый испанским переводом¹⁶. К сожалению, последний является не чем иным, как ухудшенной копией перевода Бринтона; кроме того, попытка Вильякорты фонетизировать собственные имена и названия местностей оказалась крайне неудачной. В 1946 г. С. Н. Телетор¹⁷ попытался дать перевод непереуведенной Бринтоном части «Летописи», представляющей собой что-то вроде журнала актов местного суда. Это несомненно более поздняя часть документа, хотя она и занимает первые 17 страниц «Летописи».

В 1950 г. гватемальским ученым А. Ресиномом был опубликован первый достаточно авторитетный перевод этого важного памятника на испанский¹⁸. Через несколько лет Оклахомским университетом был издан английский перевод с издания Ресиномса (к сожалению, в значительном сокращении)¹⁹. Опушен ряд со-

общений о жизни Солола в ранний колониальный период, среди которых имеются и материалы, позволяющие лучше понять некоторые явления общественной жизни какчикелей до испанского завоевания. Наконец, в 1952 г. была издана фототипическим способом и сама подлинная рукопись, хранящаяся в настоящее время в библиотеке музея Пенсильванского университета²⁰. Благодаря этому изданию исследователи впервые перестали зависеть от старого издания Бринтона, воспроизводившего какчикельский текст не всегда достаточно точно.

Не изданная до сих пор летопись городского совета из г. Сан Хуан Аматитлан представляет собой краткую запись событий колониального времени и таким образом близка по содержанию ко второй части «Летописи какчикелей». Интересно отметить, что хотя 18 листов ее написано на языке поком, а 14 листов — на пипиль, писал ее один человек — секретарь Франсиско, сын правителя дона Хуана.

Другой подгруппой письменных источников на индейских языках являются «титulos». Этот вид источников возник вскоре после испанского завоевания, когда представители знатных родов в том или ином селении составляли (на родном языке, но пользуясь уже латиницей) историю своего рода или селения, в которой указывались границы принадлежащих им земельных владений. Эти документы часто использовались при судебных разбирательствах по поводу споров между индейскими общинами о принадлежности земель и при попытках испанских помещиков присвоить общинные участки. Почти в каждом селении имелись такие тщательно хранившиеся «титulos». Только в последней четверти XIX в., когда президент Гватемалы Хусто Руфино Барриос в интересах дальнейшего развития капитализма в стране предпринял наступление на неотчуждаемые земли индейских общин, «титulos» были объявлены не имеющими юридической силы. Результатом этого постановления было исчезновение массы ценных исторических документов, так как в большинстве селений «титulos» перестали хранить. С другой стороны, некоторые индейские общины постановили, чтобы эти рукописи никому больше не показывались, и поэтому, хотя они тщательно сохраняются старейшинами селения, исследователю они недоступны. Так, например, в сел. Сан Педро Солома (департамент Уэуэтанго) такой «титulo» выносятся в свет только один раз в год, в день праздника местного святого. Второй алькальд торжественно несет его перед статуей святого в запертom и закутанном в красный бархат ящике во время торжественной процессии. После этого документ снова возвращается в тайник²¹.

Не существует даже точного списка тех селений горной Гватемалы, где еще сохраняются подобные документы, но по отрывочным сведениям путешественников, историков и этнографов можно предположить, что некоторое число их сохранилось в об-

ластях, населенных киче и мамами. По сообщению К. Заппера, в начале текущего столетия они сохранялись и в отдельных поселениях ишилей, а также у покончи и кекчи в нижнем и верхнем Верапасе²². Наибольшее же количество «титулос», по-видимому, сохранилось в департаменте Уэуэтенанго в селениях Сан-Хуан-Ишкой, Сан-Педро-Солома, Санта-Эулалиа, Сан-Матео-Иштатан, Тодос-Сантос и Кабрикан²³. О документе из последнего даже сообщается, что он якобы относится ко времени Филиппа II.

Из всех дошедших до нас документов этого рода наиболее полными и интересными являются «Титуло из Тотоникапана» и «История киче» Хуана де Торрес. Происхождение и история первого «титулос» следующая. В 1834 г. индейцы, жители г. Тотоникапана, обратились с просьбой к губернатору департамента Сакапулас Сантьяго Солорсано. Просьба их состояла в том, чтобы священник сел. Сакапулас Дионисио Хосе Чонай перевел с языка киче на испанский один важный для них документ. После того как Чонай выполнил поручение губернатора, индейцы представили оригинал документа и его перевод местному судье, прося, чтобы «два понимающих человека» освидетельствовали бы документ и заверили точность выполненного перевода. Желание индейцев было выполнено, а копия перевода по приказанию судьи оставлена в архиве суда. Чонай, переводя документ, сократил его. Это явствует из его письма к Сантьяго Солорсано, приложенного к переводу.

В 1860 г., во время своего вторичного пребывания в Гватемале, Ш. Э. Брассер де Бурбур, находясь в Тотоникапане, обнаружил перевод Чоная и снял с него копию. Эта копия — в настоящее время единственный источник, так как ни оригинал документа, ни перевод Чоная, несмотря на все поиски, до сих пор не обнаружены²⁴. После смерти Брассера копия перешла в руки французского американиста Г. Шаранси, который опубликовал ее, сопроводив своим переводом на французский²⁵. В 1950 г. текст был переиздан А. Ресиносом как приложение к его изданию «Летописи какчикелей»²⁶. Здесь же гватемальским исследователем был издан и другой документ киче XVI в. — «Происхождение сеньоров Сапотитлана», близкий по духу к «Титуло из Тотоникапана». Оба этих документа составлены во второй половине XVI в. какими-то лицами из правящего рода киче Кавек.

Другим интересным «титулос» является «История киче» Хуана де Торрес, потомка правящего рода Экоамакиб в племени там. В конце рукописи имеется дата ее составления: 12 октября 1580 г. К сожалению, «История киче» дошла до нас в копии начала прошлого века (сентябрь 1812); она была приобретена известным собирателем материалов по языкам майя У. Гэйтсом где-то в Гватемале и в настоящее время хранится в Принстоне (США). В ней содержатся ценные сведения по истории племени

там и по родословной его правителей. «История киче» была опубликована впервые А. Ресиносом в 1957 г.²⁷

В этом же издании гватемальский исследователь собрал другие документы подобного рода на языке киче, хранящиеся в архивах и библиотеках научных учреждений Гватемалы и США. Это завещания знатных индейцев, различные «титулос», «пробансас» и др. Некоторые из них сохранились, как «Титуло из Тотоникапана», лишь в испанских переводах. Наиболее интересными и содержательными из этих документов являются: «Титулос древних наших предков, тех, кто захватил эти земли Оцо́йа... в 1300 году» (титулос семьи Ишкуин из рода Нехаиб), «Совместные войны киче и какчикелей» (1554, род Сибак?), «титуло» Франсиско Искина (1558, род Нихаиб), «Завещание Шпанцай» (1554) и др.²⁸ Очевидно, подобным же документом была и рукопись в виде тетрадки, носившая название «Титуло де ахпопкехам» («Титуло де ахпопкамха?»), хранившаяся у индейцев сел. Сан Андрес Шекуль (около Тотоникапана), о которой упоминает гватемальский хронист Франсиско Антонио де Фуэнтес и Гусман²⁹. Описывая завоевание Кесальтенанго испанцами, Фуэнтес основывался на почерпнутых из этого источника данных. Весьма вероятно, что и «Рукопись цутухилей», на которую неоднократно ссылается в своих работах Брассер де Бурбур, была таким же «титуло». Тот же исследователь имел в своем распоряжении «Титуло де лос сеньорес де Сакапулас»³⁰, но, к сожалению, этот документ до нас не дошел.

Из «титулос» на других индейских языках Гватемалы опубликован пока лишь один на поком (1565 г.), хранившийся в г. Сан Кристобаль Кахкох. Там же была найдена и более подробная копия этого документа, датирующаяся началом XVII в.³¹ Судя по ней, покомамы продолжительное время странствовали по территории чолей, где останавливались на землях племени акала, и поселились в Кахкохе только после испанского завоевания. Завещание на языке кекчи, датированное 1565 г., было опубликовано Э. Дизельдорфом³².

Известно, что испанские власти широко практиковали в начале колониального периода рассылку на места различных вояжеров для сбора всех сведений по истории и культуре покоренных народов, которые могли бы оказаться им полезными. Это делалось для более всесторонней, а следовательно, и усиленной эксплуатации индейского населения страны, так как в ответах часто имелись данные о природных богатствах края и способах их разработки, а также податях, которые платило население при прежних властителях. Такого рода сообщения («реласьонес»), относимые нами к третьей подгруппе, часто являются важными историческими источниками. Из интересующей нас области Гватемалы, насколько мне известно, существует лишь одно такое сообщение, составленное потомками прежней знати цутухилей

(неизданный подлинник хранится в библиотеке Техасского университета США) ³³.

Немногочисленные литературные памятники индейских народностей горной Гватемалы, дошедшие до нас, также могут быть использованы в качестве исторических источников. К этому исследователя побуждают два обстоятельства: первое и наиболее важное — скудость и отрывочный характер всех других письменных индейских источников, перечисленных выше, и второе — тесная связь доиспанских литературных произведений с исторической традицией. К сожалению, этот вид материала еще более скуден, чем предыдущий. В сущности к нему мы можем отнести лишь эпос киче «Пополь-Вух» и тексты нескольких драматическо-танцевальных представлений.

«Пополь-Вух» был обнаружен монахом-доминиканцем Франсиско Хименесом, занимавшим в 1701—1703 г. должность настоятеля церкви в маленьком гватемальском городке Санто-Томас Чувила, или Чичикастенанго ³⁴. Хорошее знание языка киче и горячий интерес к доиспанскому прошлому Гватемалы позволили ему оценить всю важность и значимость найденного им литературного памятника. Хименес переписал индейский текст, перевел его и неоднократно использовал в своих работах по истории древней Гватемалы. Дальнейшая судьба рукописи, ее издания и изучение, а также значимость этого эпоса как исторического источника изложены в сопроводительной статье к русскому переводу «Пополь-Вух», к которой мы и отсылаем читателя ³⁵. Индейский текст последний раз издан в 1944 г. немецким исследователем Л. Шульце-Иена ³⁶.

Имеются сообщения нескольких исследователей о том, что в горной части Гватемалы (сел. Сан-Педро-Карча) до недавнего времени еще сохранялась рукопись какого-то эпического произведения, являющегося или вариантом «Пополь-Вух» на языке кекчи или самостоятельным эпосом этого народа ³⁷. Не следует терять надежды, что этот литературный памятник будет еще обнаружен.

В 1850 г. все тот же неутомимый Брассер де Бурбур получил от жителя сел. Рабиналь, потомка прежних правителей Бартоло Сис, запись текста драматическо-танцевального представления «Рабиналь-ачи» («Воин из Рабиналя»). Несмотря на такое позднее время записи, это произведение несомненно является литературным памятником киче доиспанского периода и, по всей вероятности, было создано во второй половине XV в. В нем рассказывается о борьбе между сыном правителя Рабиналя Рабиналь-ачи и сыном правителя соседнего города-государства Кунен Кече-ачи. Заканчивается драма смертью последнего на жертвенном алтаре Рабиналя. Отдельные места «Рабиналь-ачи» дают яркое представление о характерных чертах общественного строя и быта киче и соседних с ними народов во второй половине XV в. ³⁸

До нас дошли упоминания еще о двух драмах на языке киче, имевших, по всей вероятности, историческое содержание. Первая из них, носившая название «Шахох киче-винак» («Танец людей киче»), по свидетельству Брассера де Бурбур исполнялась еще в его время³⁹. Сюжетом этого драматического произведения были приключения сына правителя какчикелей, проникшего под видом волшебника во дворец повелителя Кумаркааха; драма заканчивается его смертью на жертвенном алтаре. О втором драматическо-танцевальном представлении — «Алит» — мы не знаем в сущности ничего, кроме названия, имени его героини — индейской «принцессы» Алит-Сиспуа, и места действия (Рабиналь)⁴⁰.

Известную ценность для исследования этнографии индейских народов горной Гватемалы до испанского завоевания представляют правила религиозных общин (главным образом XVII в.) и календари колдунов-предсказателей, потомков прежних жрецов (XVIII в.). В них, наряду с заимствованными из католицизма представлениями, содержатся некоторые данные по старой религии, календарю и обычаям. К сожалению, ни один из этих документов еще не опубликован.

Наконец, богатый материал по этнографии и частично по истории рассматриваемого периода дают ранние словари индейских языков, составлявшиеся духовенством для лучшего овладения языками паствы. Хотя формально их можно отнести уже к источникам на испанском языке, однако вкрапленные в них термины и отрывки древних текстов представляют исключительный интерес, поскольку в них содержится обширная информация, собранная среди индейцев. Так, по материалу словаря Д. Суньиги (около 1608 г.) С. Майлз смогла написать исследование о социальном строе поколам⁴¹. Словари языков киче, какчикель и цутухиль, составленные Фр. Хименесом, П. де Гусманом, Т. Кото, Д. де Бассета, Фр. Варела и другими, в этом отношении еще не исследованы.

¹ Ch. E. Brasseur de Bourbourg. Histoire des nations civilisées du Mexique et de l'Amérique Centrale durant siècles antérieurs à Christophe Colomb, vol. I—V. Paris, 1857—1859.

² A. Villacorta. C. Prehistoria e Historia Antigua de Guatemala. Guatemala, 1938.

³ Попытка классификации источников на языке киче сделана в статье: M. S. Edm on s o n. Historia de las Tierras altas mayas, segun los documentos indigenos. DCM, México, 1964, p. 255—278.

⁴ Antonio de Herrera y Tordesillas. Historia general de los hechos de los castellanos en las islas i tierra firme del mar oceano. De. III. lib. IV, cap. 18. Madrid, 1726—1730 (рукописи в К'умаркаахе); Fr. Ximenez. Historia de la Provincia de San Vicente de Chiapa y Guatemala de la Orden de Predicadores. Guatemala, 1929, lib. I, cap. 37, p. 108 (какчикели); Alonso de Zorita. Breve y Sumaria Relación de los Señores de la Nueva España. Nueva Colección de documentos para la historia de México, vol. III. México, 1892, стр. 225, 226 (рукописи в К'умаркаахе более 800-летней давности?) и др.

- ⁵ Остатки рукописей, найденных при раскопках гробниц в Сан Агустине и Небахе (A. V. Kidder. Notes on the ruins of San Agustín Acasaguastlan, Guatemala. CIW, СААН, № 15, 3, p. 112. Washington, 1935; A. L. Smith. Excavations at Nebaj, Guatemala. CIW, Pub. N 594, p. 186. Washington, 1951) слишком фрагментированы, чтобы можно было судить об их содержании. Иероглифические надписи на стелах более раннего периода из этого района еще не дешифрованы, см. HMAI, vol. 2, p. 111. Austin, 1965.
- ⁶ «Codex Colombiano (Lienzo de Tlaxcala)». México, 1892, pl. 66—175.
- ⁷ «Codice Porfirio Diaz. Antigüedades Mexicanas... por la Junta Colombina de Mexico». Ed. A. Snavero. Mexico, 1892, p. 1—29.
- ⁸ Следует отметить, что в старых переводах к имени Франсиско Эрнандеса Арана было произвольно прибавлено слово Шахила, а к имени Франсиско Диаса — Гебута Кех. Франсиско Арана, вероятно, действительно был из рода Шахила, но сам ни разу об этом не упоминает. Гебута Кех же не имеет никакого отношения к Франсиско Диасу, это другой человек.
- ⁹ Fr. Francisco Vazquez. *Crónica de la Provincia del Santísimo Nombre de Jesús de Guatemala*. vol. I, cap. XXI. Guatemala, 1937.
- ¹⁰ A. Recinos. *The Annals of the Cakchiquels* Norman. University of Oklahoma Press, 1953, p. 7.
- ¹¹ «Memorial de Tecpán Atitlán, escrito por Don Francisco Hernandez Arana Xahilá y continuado por Don Francisco Diaz Xebutá Queh». «Boletín de La Sociedad Económica de Guatemala», vol. III. Guatemala, 1873—1874, p. 29—43.
- ¹² «Recuête de plusieurs chefs indiens d'Atitlan á Philippe II». «H. Ternaux-Compans. Voyages. Relations et Memoires Originaux... Recueil de Pièces relatives a la conquête du Mexique». Paris, 1838, p. 415—428.
- ¹³ D. G. Brinton. *The Annals of the Cakchiquels*. The original text with a translation, notes, and introduction. Philadelphia, 1885.
- ¹⁴ G. Raynaud. *Les Dieux, les heros et les hommes de l'ancien Guatemala*. Annales de les Xahil. Paris, 1927.
- ¹⁵ «Anales de los Xahil de los indios cakchiqueles». Trad. M. Angel Asturias y J. M. González de Mendoza. Paris, 1927. Второе издание: Guatemala, 1937; третье издание: «Biblioteca del Estudiante Universitario», № 61, México, 1946.
- ¹⁶ «Hernández Arana Xahila, Francisco y Diaz Gebutá Queh, Francisco. Memoriales le Tecpán Atitlán (Anales Cakchiqueles). Texto y traducción revisados con notas sobre lingüística guatemalteca, por J. A. Villacorta». Guatemala, 1934.
- ¹⁷ C. N. Teletor. *Memorial de Tecpán Atitlán (Última Parte)*. Guatemala, 1946.
- ¹⁸ «Memorial de Solola. Anales de los Cakchiqueles. Seguido de Título de los Señores de Totonicapán». Ed. de Adrián Recinos. México, 1950.
- ¹⁹ «The Annals of the Cakchiquels. Title of the Lords of Totonicapan. Translated from the Cakchiquel Maya by Adrian Recinos and Delia Goetz». Norman. University of Oklahoma Press, 1953.
- ²⁰ «Memorial de Tecpán-Atitlán (Solola). Anales de los Cakchiqueles. Historia del antiguo Reino del Cakchiquel dicho de Guatemala». Ed. Ernst Mengin. *Corpus Codicum Americanorum Medii Aevi*, vol. IV. Copenhagen, 1952.
- ²¹ Fr. Termer. *Zur Ethnologie und Ethnographie des Nördlichen Mittelamerika*. Hamburg, 1930, S. 399.
- ²² K. Sapper. *Título del Barrio de Santa Ana, Agosto 14 de 1565*. XIV IAK, Stuttgart, 1906, S. 375.
- ²³ Fr. Termer. *Op. cit.*, p. 399.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 399—400.
- ²⁵ H. de Charencey. *Título de los Señores de Totonicapán, escrito en lengua Quiché, el año de 1554, y traducido al la castellana el año 1834*, por Padre Dionisio-José Chonay, indígena, cura de Sacapulas. *Titre de Généalogique des Seigneurs de Totonicapán*. Alençon, 1875.

- ²⁶ «Memorial de Solola... seguido de Título de los Señores de Totonicapán». Ed. de Adrián Recinos. México, 1950.
- ²⁷ A. Recinos. Crónicas indígenas de Guatemala. Guatemala, 1957, p. 23—67.
- ²⁸ A. Recinos. Op. cit., p. 71—181.
- ²⁹ Fr. A. Fuentes y Guzmán. Historia de Guatemala o recordación florida, III. Guatemala, 1933, p. 159—162.
- ³⁰ Ch. Brasseur de Bourbourg. Popol Vuh. Le Livre Sacré et les mythes de l'antiquité américaine... Paris, 1861, p. CCLXI.
- ³¹ K. Sapper, V. A. Narciso. Título del Barrio de Santa Ana, Agosto 14 de 1565. XIV IAK, Bd. 2, S. 373—397. Stuttgart, 1906.
- ³² E. P. Dieseldorf. Kekchi will of 1565. «Maya Society Quarterly». Baltimore 1932, № 1, p. 65—68.
- ³³ «Relación del pueblo y cabecera de Atitlan», ms., 1585.
- ³⁴ О жизни Фр. Хименеса в Гватемале см.: J. Rodríguez Cabal. Apuntes para la vida del M. R. Padre presentado y predicador general Fr. Francisco Ximénez. Guatemala, 1935.
- ³⁵ P. В. Кинжалов. Книга народа киче. В кн.: «Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана». М.—Л., 1959, стр. 159—187.
- ³⁶ L. Schultze Jena. Popol Vuh. Das heilige Buch der Quiché—Indianer von Guatemala. Stuttgart und Berlin, 1944.
- ³⁷ K. Sapper. Über den Charakter und die geistige Veranlagung der Kekchi-Indianer. Festschrift Eduard Seler. Stuttgart, 1922, S. 435; Fr. Termer. Op. cit., p. 400; E. P. Dieseldorf. Extracto del libro antiguo que conserva la cofradía de Carcha. XIV IAK, Bd. II. Stuttgart, 1906, S. 399—402.
- ³⁸ Единственный пока известный текст «Рабиналь-ачи» на киче был опубликован Брассером в качестве приложения к его грамматике языка киче (Ch. E. Brasseur de Bourbourg. Gramática de la lengua Quiché, pt. 2. Paris, 1862). Оценка драмы как исторического источника дана в статье P. В. Кинжалова «Драма киче «Рабиналь-ачи»» (ВИМК, 1961, № 5, стр. 92—96).
- ³⁹ Ch. E. Brasseur de Bourbourg. Histoire des nations civilisées... t. II. Paris, 1858, p. 543—545.
- ⁴⁰ A. Barrera Vásquez. Idioma Quiché. AINAH, t. I, México, 1945, p. 187.
- ⁴¹ S. W. Miles. The Sixteenth Century Pokom maya: a documentary analysis of social structure and archaeological setting. TAPhS, vol. 47, pt. 4. Philadelphia. 1957, p. 733—781.

Поздняя история Юкатана по хроникам майя

В поздней истории Юкатана (от тольтекского до испанского завоевания) до сих пор остается много неясного. Часто и в популярных, и в специальных работах говорится, что после тольтекского завоевания центром Юкатана стал Майяпан, где правила династия Кокомов, основанная Хунак Кеелем. Майяпан был в союзе с городами Чичен-Ица и Ушмаль, и эти три города составляли «Майяпанскую лигу» (наподобие союза трех городов во главе с Теночтитланом в центральной Мексике). Однако детальное рассмотрение и сопоставление источников дает совершенно иную картину.

Основными источниками по истории Юкатана после тольтекского завоевания являются исторические тексты (в том числе три хроники) на языке майя в книгах Числам Балам, относящихся к колониальному периоду. Ряд дополнительных сведений имеется в «Сообщениях из Юкатана», сочинении Ланда и других испанских источниках.

В хрониках майя указаны события, происходившие в течение «двадцатилетий» (для упрощения принималось, что год «двадцатилетия» равен 360 дням), по которым велось летоисчисление майя. Каждое «двадцатилетие» обозначалось названием его последнего дня (всегда Ахав) с различными числами 13-дневной недели. В тех случаях, когда «двадцатилетия» в хрониках выписывались подряд, хронологическая последовательность событий ясна. Однако компиляторы хроник часто механически соединяли более ранние отрывки, в результате чего хронологическая последовательность оказалась спутанной. Кроме того, компиляторы, плохо владевшие старой системой летосчисления, часто отсчитывали годы не с начала (как полагалось), а с конца «двадцатилетия». Такой «счет назад» никогда не применялся в старом летосчислении.

Некоторые дополнительные исторические сведения имеются в пророчествах о «двадцатилетиях». По жреческим учениям,

исторические события повторяются. Поэтому в пророчествах обычно упоминаются события, происходившие в предыдущие «двадцатилетия», имеющие то же название.

Некоторые источники крайне тенденциозны. Так, осведомитель Ланда (по-видимому, дон Хуан Кокон, потомок правителей Майяпан) утверждает, что Майяпан стал столицей после тольтекского завоевания. Гаспар Антонио Чи (родственник Тутуль Шив, правителей Мани) утверждает, что столицей была Чичен-Ица, а уже значительно позже Майяпан, где якобы правили Тутуль Шив («Сообщения из Юкатана») ¹.

Согласно всем источникам тольтекское завоевание произошло в X в. Это подтверждается расчетами по генеалогиям вождей в «Пополь-Вух» и «Летописи какчикелей», сообщением Ланда и мексиканских историков. Надписи на зданиях дольтекского периода в Чичен-Ица и Ушмале имеют даты до 900 г. (по общепринятой синхронизации летосчислений майя и европейского).

В год 8 Текпатль (876) правителем тольтеков стал Топильцин (букв. «главный жертвоприноситец»). Он носил также имя бога Кецалькоатля («кецаль — змей», или, как чаще переводят, «пернатый змей»), вероятно, считаясь его имперсонатором. Кецалькоатль, называвшийся также Се Акатль (календарное имя), был богом планеты Венеры и изображался в виде гремучей змеи с перьями кецалья на теле. Майя называли его Кукулькан (калька тольтекского названия). Кроме того, Топильцин носил имя бога путешественников Накшитля («четвероногий», в текстах майя Накшит).

По легендам, Топильцин был внебрачным сыном правителя и знатной женщины, носившей имя богини Шочикецаль («цветок-кецаль»). В связи с этим в пророчествах майя цветок (шучит или никте) стал символом разврата. Изображение Топильцина, стоящего в извилах пернатого змея, есть на скале около тольтекской столицы Толлана. В конце IX в. в результате междоусобной войны объединившиеся против правителя «мятежные вассалы» захватили Толлан. Топильцин со своими сторонниками бежал на восток, но был достигнут врагами в провинции Тотоланпан и потерпел окончательное поражение. После этого Топильцин скрылся в слабонаселенных «пустынях Ноноалко», где обитали различные племена (в том числе говорившие на языках семьи майя — киче), признававшие верховную власть тольтекских правителей, но часто враждовавшие друг с другом. Ноноалко (в текстах майя Ноноал) соответствует областям в низовьях Усумасинты и около лагуны де-Терминос, где находился г. Шикаданко, в дальнейшем крупный торговый центр.

Топильцин и его наследники со своими сторонниками укрепились в Ноноалко и отсюда решили двинуть подвластные им племена на завоевание территорий майя. Тольтеки стремились захватить северный Юкатан с богатыми городами. По-видимому,

тольтекские военачальники решили нанести удары по северному Юкатану одновременно с двух сторон, двигаясь сначала вдоль обоих берегов.

Основной ударной силой тольтеков было племя ица (говорившее на одном из языков майя — киче). Это племя охраняло Болонпел Йокхаа («девять рек»; тольтекская резиденция в низовьях Усумасинты называлась Тулапан-Чиконаухтлан, «столица страны девяти рек») и Болонпел Виц («девять гор», Салиназде-Нуэве-Серрос на р. Чишой в Гватемале, около границы с Чиapasом). Племя ица состояло из четырех фратрий (Ах Канул, Ах Кавич, Ах Нох, Ах Пуч), в каждой из которых было четыре рода.

В «двадцатилетие» 8 Ахав (928—948) племя ица (по-видимому, отряд двух фратрий) пересекло южный Юкатан и захватило на восточном побережье провинцию Бакхалал около озера того же названия. Очевидно, вторжения племен в этом направлении бывали и раньше, так как город майя Бекан на подступах к этому озеру окружен стенами (что очень редко встречается у майя).

В то же «двадцатилетие» 8 Ахав (928—948), племя тутульшив покинуло Ноноалко и ушло в безводную «юкатанскую пустыню», медленно продвигаясь на север.

Укрепившись в Бакхалале, ица захватили о-в Кусамиль (Косумель) и сосредоточили там свои войска. В следующем «двадцатилетии», 6 Ахав (948—968), разведовательные отряды ица появились у древнего города майя Уук-Йабналь (Чичен-Ица).

Захватом Бакхалала, Кусамиля и Уук-Йабналя, по преданию, руководил тольтекский военачальник Сакаль Пук (вероятно, Сакаль Бук, букв. «белая одежда»; тольтекские военачальники носили белую набедренную повязку и белый плащ).

Завоевание северного Юкатана началось в «двадцатилетие» 4 Ахав (968—987). Войска четырех фратрий племени ица двинулись из занятых ими ранее местностей.

Первый отряд из Кинколах-Петен (о-в. Кусамиль) высадился на побережье и занял порт Пооле.

Второй отряд двинулся «прямо на север» из Накокоб (название, очевидно, искажено).

Третий отряд выступил из Хольтун Суйва (район лагуны де-Терминос) и двинулся вдоль западного берега по суше или в лодках. Майя широко использовали лодки для перевозки грузов. Морская торговля, несомненно, велась между городами северного Юкатана и Шикаланко (равно как и на восточном побережье Юкатана). От купцов тольтеки могли получить все интересующие их военные сведения. Очевидно, тольтекский правитель стоял во главе именно этого отряда. По словам Ланда, Кукулькан пришел в северный Юкатан с запада, а впоследствии возвратился в Мексику «по той же дороге» (по которой пришел), остановившись по

пути в Чампотоне. По Лас-Касасу, Кукулькан вернулся из Юкатана в провинцию Шикаланко (у лагуны де-Терминос).

Четвертый отряд, видимо резервный, выступил из Болонте-Виц («девять гор»).

В «двадцатилетие» 4 Ахав (968—987) отряды ица (вероятно, первый и второй) захватили древний город майя Уук-Иабналь и переименовали в Чичен-Ица («отверстие колодца людей ица»).

В «двадцатилетие» 2 Ахав (987—1007) племя тутуль шив под предводительством вождя Ах Суйток, выбравшись из «Юкатанской пустыни», подошло к невысоким горам Чак-Набитон (Чак-Набил-Тун), обосновалось в Машкану и заняло древний город майя Ушмаль. По другим сведениям, это произошло в «двадцатилетие» 13 Ахав (1007—1027).

В «двадцатилетие» 11 Ахав (1027—1047) завоевание было завершено.

В это время Иашум (символ сестры Ах Кавич) «захватил провинцию Чакан». «Союзные владыки» (у лак ахавооб) соединились в Ичкаансихоо (Мерида), где была «циновка ягуара» (трон правителя). Завоеванные земли измерил жрец Тепанкис по прозвищу Ах Писте («измеритель») и «подмел» (т. е. умиротворил) владыка Мискит (мискитль, название дерева).

Во главе государства стоял «владыка» (ахав). У него было три соправителя-наместника, носивших титулы чаак («помощник», вероятно, титул не связан с аналогичным именем бога дождя) и мектан («военачальник»). Правитель и три соправителя (кантул виикооб, «четыре человека», по числу сестер) имели резиденции в Ичкаансихоо, на Кусамиле (где в дальнейшем было одно из важнейших святилищ), в Ицмале и Ушмале. Кроме того, завоеванные земли были разделены на 16 (по числу родов в племени ица) более мелких владений, которыми управляли «главы племени» (у хоол дооп). Границы этих владений установил верховный жрец Ах Май. Верховный жрец (всегда из рода Ах Май) носил титул «страж циновки ягуара» и был советником правителя. Из «владык» Ичкаансихоо известны Ах Чабле и его сын Хольтун Балам («пещерный ягуар»). При Ах Чабле соправителями были Павахтун (Кусамиль), Киич Каак Моо (Ицмаль) и Кабаль Шив (Ушмаль), а верховным жрецом Мутупул («несущий птицу»), иначе Вайом Чич («имеющий тотемом птицу») из рода Ах Май.

В «двадцатилетие» 11 Ахав (1027—1047) стали собирать дань с подвластных земель «для четырех людей» «такую же, как в Хольтун Суйва».

Таким образом, победители разделили завоеванные земли по традиционному числу сестер и родов в племени ица. Однако такое деление было, очевидно, в значительной степени чисто номинальным. В числе трех соправителей появляется вождь племени тутуль шив (по-видимому, вместо сестры Ах Нох).

Во время правления «владыки» Почек-иш-цой («попирающий пленниц») «трон ягуара» был перенесен в Чичен-Ица («двадцатилетие» II Ахав?), вероятно, в результате военного конфликта и разгрома Ичкаансихоо. Во всяком случае Ичкаансихоо в дальнейшем не фигурирует в источниках.

Чичен-Ица оставалась столицей в течение «двухсотлетнего» периода. Организация государства осталась, по-видимому, сходной. В Чичен-Ица правил «владыка», наместниками которого считались правители городов Ицмаль, Майяпан (вместо Ичкаансихоо) и Ушмаль. При «владыке» по-прежнему состоял верховный жрец, «страж владыки» (ахав кан). Данниками «владыки» Чичен-Ица были все правители Юкатана, и даже извне, из Мексики, Гондураса, Гватемалы и Чианаса и других провинций ему посылали дары в знак мира и дружбы» («Сообщения из Юкатана»). Сооружения в Чичен-Ица этого периода напоминают тельтекскую столицу Толлан.

В конце «200-летнего» периода против Чичен-Ица сложилась коалиция трех городов, управлявшихся наместниками. Начало войны связано с легендарными подробностями (очевидно, заимствованными из несохранившихся эпических источников).

В это время в Чичен-Ица правил Чак Шиб Чаак, сын Эк Йууан Чаака, а верховным жрецом был Хапай Кан. Последний требовал из Ицмалья людей для принесения в жертву богам, что вызвало возмущение в Ицмале.

Непосредственным поводом к войне послужило похищение невесты правителя Ицмалья Улиля во время брачного пира. Ее похитил младший брат Чак Шиб Чаака Хун Йууан Чаак, по прозвищу Воох Пук.

Против правителя Чичен-Ица объединились правитель Ицмалья Улиль, правитель Ушмалья из династии Тутуль Шив (по-видимому, вообще претендовавший на верховную власть) и правитель Майяпана. Если во времена гегемонии Ичкаансихоо в качестве трех других главных административных центров упоминаются Кусамиль, Ицмаль и Ушмаль, то теперь место Кусамиля занимает Чичен-Ица, ставшая столицей, а место Ичкаансихоо (более не упоминаемого в источниках) занимает Майяпан. В это время к власти в Майяпане пришел Хунак Кеель. Он был на службе Ах Меш Кука («усатая белка»), который включил его в число обреченных в жертву богам. Хунак Кеель был сброшен в священный колодец в Чичен-Ица в качестве посланца к богам (обычно такие жертвы приносили при засухе, чтобы через посланцев умолить богов ниспослать дождь). Хунак Кеель сумел выбраться из колодца и, как посланец, побывавший у богов, потребовал назначить его правителем Майяпана. Ах Меш Кук уступил ему власть. Хунак Кеель, став правителем Майяпана, претендовал на верховную власть (тем более, что именно Майя-

пан занял место Ичкаансихоо, старой столицы) и возглавил коалицию против Чичен-Ица.

Основной ударной силой союзников, по-видимому, были войска правителей Тутуль Шив. Чан Токиль (калька тольтекского имени Ицкуат, «змея с обсидиановыми ножами»), иначе Ош Халал Чан («змея-стрелок») выступил в поход в боевой раскраске из Машкану (по-видимому, именно здесь, а не в Ушмале, была фактическая резиденция правителей Тутуль Шив). Решающая битва произошла у Чикин Чеен (совр. Чикин Цонот, «западный колодец»). Войска Чичен-Ица были разбиты, причем в плен попал верховный жрец Хапай Кан (вызвавший возмущение требованиями человеческих жертв). Он был уведен в Чемчан, предместье Ушмаля, и здесь сам принесен в жертву.

Вскоре Чичен-Ица была взята войсками коалиции (1178). Взятие богатейшего города сопровождалось массовым грабежом. На следующий день (как полагалось по обычаям майя) были принесены в жертву знатные пленники. В «Песне ица» упоминается, что один из них перед смертью угрожал врагам вернуться и разрушить их город. Хунак Кеель приказал бросить в воду (по-видимому, в тот самый колодец жертв, в который он сам был когда-то сброшен) священные стелы, воздвигавшиеся каждое «двадцатилетие» (действительно, в Чичен-Ица стел этого периода не найдено).

Правитель Чичен-Ица Чак Шиб Чаак с остатком войск бежал на восток, а затем двинулся вдоль побережья на юг, в провинцию Бакхалаль. Хунак Кеель преследовал его до восточного побережья.

Беглецы из Чичен-Ица недолго оставались в Бакхалале и вскоре начали наступление на северный Юкатан. В «двадцатилетие» 6 Ахав (1204—1224) ица предприняли поход на Чаканпутун (Чампотон) и взяли его, выйдя в тыл «владыкам» северного Юкатана. Вероятно, ица действовали в союзе с племенами Табаско. Полководец ица Какупакал, носивший также тольтекское имя Текуилу («курильница»), нанес сокрушительные поражения своим противникам. Он взял Майяпан, Мотуль и Ицмаль, где разрушил храмы Па Хооль Чаак и Кин Ич Каак Моо. Вероятно, еще ранее потерпели поражение Тутуль Шив, следствием чего, видимо, был перенос их резиденции из Машкану и Ушмаля в Мани.

Победители избрали своей столицей Майяпан, где пришла к власти династия Кокомов, возводящая свой род к Кукулькану. Правители носили тольтекский титул котекпан («тот, кто в доме владык»), а также ахав («владыка»). Верховные жрецы, как и раньше, были из рода Ах Май. Во время правления Кокомов централизация власти была, по-видимому, сильнее, чем ранее («тирания Кокомов»). Кокомы опирались на наемные войска, приглашенные из Табаско. Майяпан был окружен стенами, внут-

ри которых находилось более 4 тыс. каменных зданий. Ряд сооружений напоминает Чичен-Ица.

Во время гегемонии Майяпана родственник Кокомов Нох Кабаль Печ восстановил Мотуль, где стали править его наследники из рода Печ. Мо Чель, зять майяпанского жреца, основал Текох (заменивший Ицмаль) и стал родоначальником династии Челей, правившей в этом городе. Тутуль Шив обосновались в Мани.

Попытки Кокомов усилить централизацию власти, в частности появление в Майяпане новых наемных войск из Табаско, привели к созданию коалиции против Майяпана, которую возглавил правитель Мани из династии Тутуль Шив.

В 1-й год «двадцатилетия» 8 Ахав (1441) Майяпан был взят союзниками и разграблен. Победители убили правителя Майяпана и всех его сыновей, за исключением одного, бывшего в отлучке. Этот последний, возвратившись, обосновался в Сотуте, где династия Кокомов правила до испанского завоевания. Северный Юкатан распался на независимые враждующие города-государства. До испанского завоевания ни одному из них не удалось добиться гегемонии.

Таким образом, после тольтекского завоевания столица была сначала в Ичкаансихоо, затем в Чичен-Ица, а после междоусобных войн — в Майяпане. Юкатан был разделен завоевателями на четыре «наместничества» (по числу фратрий в племени ица). Это традиционное деление сохранялось и впоследствии. При гегемонии Ичкаансихоо тремя остальными административными центрами были Кусамиль, Ицмаль и Ушмаль, при гегемонии Чичен-Ица — Ицмаль, Майяпан и Ушмаль, при гегемонии Майяпана — Мотуль, Текох и Мани. Организация государства оставалась сходной. Во главе стоял «владыка» с тремя соправителями и верховным жрецом в качестве советника.

¹Д. де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М.—Л., 1955, стр. 15, 16.

Нарративные источники по истории открытия и завоевания Нового Света

Великие географические открытия конца XV — начала XVI в. произвели огромное впечатление на современников. Тот, чья жизнь совпала с этим грандиозным историческим рубежом, увидел «землю, расширенную странствованиями Колумба и Магеллана, над ним разверзлось небо, углубленное Коперником»¹.

В Испании — стране, сыгравшей особенно важную роль в открытии земель Западного полушария — с конца XV по XVII в. появляется целая плеяда авторов, избравших предметом своего историописательства открытие и завоевание Нового Света. В известной мере эти авторы опирались на традиции средневековых испанских хронистов, воспринятые через посредство тесно с этими традициями связанной испанской гуманистической историографии XV в. Не случайно поэтому в литературе за всей этой группой авторов закрепилось собирательное наименование — «хронисты Индий», а период с конца XV до середины XVII в. нередко называют «веком великих хронистов»².

Сочинения «хронистов Индий» прочно вошли в научный оборот. Начиная с эпохи Просвещения, они широко используются в качестве важнейших нарративных источников историками различных школ и направлений, исследующими самые различные аспекты истории открытия и завоевания Америки, этнической истории и исторической географии этой части света. Уместно напомнить, что с сочинениями весьма широкого круга испанских хронистов XVI—XVII вв. был хорошо знаком К. Маркс³.

Несколько иначе обстоит дело с детальным, целенаправленным изучением интересующих нас трудов в специальных — историко-географическом и историографическом — аспектах.

С одной стороны, имеется немало работ, посвященных жизни, деятельности и наследию того или иного отдельно взятого хрониста; однако вниманье исследователей распределяется между представителями данной группы авторов весьма неравномерно.

С другой стороны, явно узок круг работ, исследующих всю совокупность нарративных источников XVI—XVII вв.⁴ Сравни-

тельно подробно разбирались в литературе лишь те разделы этих сочинений, где содержатся сведения о плаваниях Колумба. Из работ же по проблеме в целом отметим новейшие издания — монографию шведского исследователя С. Арнольдссона⁵ и интересную, тщательно составленную Л. Н. д'Ольвером антологию комментированных отрывков из нарративных сочинений — «Хронисты о доколумбовых культурах»⁶, — содержание которой, несомненно, шире заглавия.

Крайне редко встречаются исследования, где подвергается детальному сравнительному анализу творчество двух или нескольких хронистов. Тем более следует упомянуть обстоятельную, хотя во многом и очень спорную, работу А. М. Саласа⁷.

Что касается советской литературы, то, поскольку наша латиноамериканистика в целом — одна из самых молодых отраслей советской исторической науки, постольку сравнительно поздно началось у нас и введение в научный оборот сочинений «хронистов Индий». Необходимо, однако, подчеркнуть, что для советских исследователей историко-этнографических проблем Центральной и Южной Америки всегда было характерно стремление проследивать весь путь развития этих проблем, начиная с эпохи открытия и колониального порабощения Америки, а это, естественно, требовало привлечения испанских нарративных источников. Вместе с тем у некоторых наших этнографов наблюдалась одно время известная недооценка историко-этнографического значения этих сочинений⁸.

Начало переводам, публикации и изучению интересующих нас памятников было положено в послевоенные годы. В 1950 г. в сборнике документов, посвященном открытию Америки Колумбом⁹, были помещены фрагменты из сочинений А. Бернальдеса и Б. де Лас-Касаса (в переводе и с обстоятельными комментариями Я. М. Света); работа над расшифровкой письменности майя побудила Ю. В. Кнорозова обратиться к анализу хроники Дизго де Ланда. Перевод и комментированное издание этого ценного нарративного источника¹⁰ явились важной вехой на пути к созданию у нас источниковедения колониального периода Латинской Америки. Недавно был издан сборник документов об открытии Амазонки, где впервые в русском переводе опубликованы фрагменты труда Овьедо¹¹. В последние годы появились и отдельные работы советских авторов, в которых нарративные источники привлекаются более или менее широко для решения конкретных исследовательских задач¹². Вместе с тем приходится констатировать отсутствие у нас пока специальных источниковедческих и историографических работ на разбираемую тему. Совершенно не рассматриваются сочинения «хронистов Индий» в обобщающем труде О. Л. Вайнштейна¹³; обойден этот вопрос и в статье Я. М. Света «Испанская колониальная империя»¹⁴.

Настоящая статья, не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающий анализ нарративных источников по истории открытия и завоевания Америки, имеет целью осветить лишь некоторые аспекты этих сочинений и поставить вопрос о принципах их классификации.

* * *

Выше уже отмечалось определенное сходство сочинений «хронистов Индий» со средневековыми хрониками. В частности, если говорить об историко-этнографических аспектах, то у многих «хронистов Индий» ощущается влияние античной концепции «Золотого века» (в ее средневековой интерпретации), библейских представлений о первых людях и суждений Фомы Аквинского относительно «первозданной чистоты»¹⁵.

Нельзя не отметить и некоторые черты формального сходства: труды представителей каждого последующего поколения «хронистов Индий» почти всегда вбирали в себя фактический материал нескольких более ранних хронистов, дополненный изложением событий, происшедших после окончания трудов предшественников. При этом, естественно, использовались главным образом *опубликованные* труды, хотя в ряде случаев позднейшим хронистам удавалось получить доступ и к неопубликованным рукописям. Так, оставшийся на протяжении трех столетий в недрах испанских архивов труд Лас-Касаса «История Индий» был частично использован такими хронистами, как Хосе де Аокста (1539—1600)¹⁶ и Антонио де Эррера (1559—1625)¹⁷; хронисту Карвахала таким же образом использовал Овьедо¹⁸.

Наконец, сочинения «хронистов Индий» могут и должны рассматриваться двояко — как *источники* для изучения различных сторон открытия и колониального порабощения земель Западного полушария и как *памятники историографии*, и это снова сближает их со средневековыми хрониками вообще¹⁹. Значение хроники как исторического источника определяется принадлежностью хрониста к более раннему или к более позднему поколению. Разные части одной и той же хроники в этом смысле не равноценны; те части поздних хроник, которые излагают хронологически более ранние события, в значительной мере компилятивны, и с каждым последующим поколением ценность этих частей как первоисточников падает. Сказанное не относится, однако, к этнографическим описаниям, поскольку каждая последующая хроника фиксирует состояние коренного населения Америки на определенном этапе исторического процесса.

Вместе с тем сочинения «хронистов Индий» присущи черты, самым существенным образом отличающие их от средневековых испанских хроник. И прежде всего это касается самого предмета историописательства. Если до 1492 г. центральной темой была

реконкиста, причем описаниям ее событий неизменно предшествовало изложение истории Испании от римских времен²⁰, то с 1492 г. интерес к этой теме резко падает: главное внимание испанской историографии обращено отныне за океан. Открытие и завоевание «Индий» закономерно становится главным объектом внимания испанских историков, с изображения деяний Колумба начинается почти каждое из произведений данного цикла, и даже те авторы, которые остаются вне круга «хронистов Индий», неизменно уделяют американским сюжетам достаточно серьезное внимание.

Но не только в этом проявилась тематическая новизна исторических сочинений той эпохи. Мир, который в результате великих открытий «сразу сделался почти в десять раз больше»²¹, был не просто новый мир, «Новый Свет» — простое арифметическое приращение новых площадей земли и моря к землям и морям, уже известным издревле. Это был *населенный* мир. Говоря словами французского писателя эпохи Просвещения аббата Прево, не только «новые небеса, новые земли явились перед взорами людскими — природа как бы дала жителям земного шара крылья... для взаимного между собою сношения»²². Иными словами, произошло событие огромной важности — взаимное познание двух разобщенных на протяжении тысячелетий ветвей человечества. Люди Нового Света сразу привлекают к себе пристальное внимание всех тех, кто брался за перо, чтобы описать необычайные события, совершавшиеся за океаном. Некоторые исследователи даже говорят о творчестве «хронистов Индий» как об особом *этнографическом направлении* в европейской историографии²³. В известной мере это справедливо.

Этот элемент не сразу приобрел вполне самостоятельное значение — не сразу приучились мыслить о связи обнаруженного за океаном населения с уже известными ветвями человечества. Для европейца начала XVI в. «Америка была скорее феноменом природы, нежели историческим явлением. Только что открытая, она представлялась не имеющей истории, и все ученые того века интересовались главным образом естественной историей Нового Света»²⁴. Не вдаваясь здесь в критический разбор этого излишне категоричного тезиса Ч. Гриффина («все ученые»), отметим все же, что в самих названиях некоторых из важнейших сочинений хронистов XVI в. подчеркивается сугубое внимание последних именно к географическим и естественнонаучным моментам²⁵; и уже как составная часть этих последних входят в труды таких авторов этнографические описания.

Нельзя, однако, сказать, что такого рода описания появились в трудах «хронистов Индий» сами по себе, лишь на основе познания тех новых исторических явлений, о которых только что говорилось. Нельзя, подобно Э. Фютеру, утверждать, будто до появления этих трудов в европейской историографии не было

никаких традиций такого рода²⁶. Можно упомянуть об античных, восходящих к Геродоту и Цезарю, традициях, отражавших интерес к облику, быту и культуре далеких и малоизвестных народов. Традиции эти были усвоены гуманистической историографией XV—XVI вв., искавшей у античных писателей ответа на разнообразные (в том числе научно-познавательные) вопросы современности²⁷.

Можно упомянуть далее о некоторых чертах западноевропейской историографии XIII—XIV вв., когда в общие исторические труды начинают включаться этно-географические описания далеких стран, заимствованные уже не из античной литературы, как прежде, а из сообщений современных путешественников — паломников, дипломатов, купцов²⁸, и в этой связи напомнить о рождении в XIII в. так называемого «предпортугальского» цикла сочинений о тропической Африке²⁹.

Необходимо отметить и некоторые факты, непосредственно предшествовавшие появлению первых сочинений об Америке. Известно, например, что видный итальянский гуманист Джулио Помпонно Лэто (1428—1497), оказавший немалое идейное воздействие на испанскую историографию вообще и на «хронистов Индий» в частности, проявлял живейший интерес к народам, населявшим Восточно-европейскую равнину³⁰ и бывшим для западноевропейской науки XV в. не менее загадочными, нежели народы Западного полушария — для науки XVI в. Многие были сделаны португальскими хронистами XV в., писавшими о плаваниях соотечественников вдоль западного побережья Африки и о народах, встреченных на этих берегах и на прилегающих островах.

Вместе с тем несомненная связь сочинений «хронистов Индий» с традициями предшествующей европейской историографии не должна заслонять от нас глубокого качественного своеобразия этих сочинений — как по содержанию, так и по форме. Это — *новый жанр* исторического повествования, где во многом преодолены каноны и схемы старых анналистов³¹; жанр, где географический и этнографический элемент впервые занял *самостоятельное* место — иногда рядом с повествованием о событиях, а иногда даже заменяя это повествование³²; жанр, творцы которого ориентируются не только на собратьев по профессии, которым через несколько десятков лет доведется переписать данную хроникку, механически добавив к ней новый кусок, но и на более широкого читателя и поэтому все чаще и чаще придают своим сочинениям полубеллетристическую форму³³. Вот почему называть сочинения об открытии и завоевании Америки «хрониками», а их авторов — «хронистами» можно лишь с известной натяжкой, скорее в силу традиции, нежели по существу их деятельности; и нельзя не согласиться с кубинским этнографом Ф. Пичардо Мойя, когда он именует интересующих нас авторов «исто-

риками Индий», считая термин «хронисты» пережитком тех времен, когда некоторым из этих авторов такое наименование было присвоено в качестве официального звания³⁴.

* * *

До сих пор мы говорили о «хронистах Индий» как о некоей целостной группе. Попытаемся теперь классифицировать этих авторов.

Надо сказать, что в литературе та или иная классификация предлагалась не раз, хотя в то же время имеются авторы, которые ограничиваются простым перечислением большего или меньшего числа хронистов, кратко характеризуя их труды и творческий облик³⁵. Не касаясь здесь одного из самых ранних опытов — устарелого «реестра хронистов», по-дилетантски составленного В. Ирвингом³⁶, отметим некоторые позднейшие работы.

Одна из них — статья М. Менендеса-и-Пелайо — специально посвящена обзору историографии открытия Америки³⁷. Скольконибудь стройной систематизации нет по существу и здесь, но есть ее, так сказать, зародыш: выделены в особую группу два наиболее ранних хрониста — Андрес Бернальдес (середина XV в. — около 1513 г.) и Пьетро Мартире д'Ангьера³⁸. С другой стороны, Менендес-и-Пелайо считает первым хронистом самого Колумба³⁹, тогда как его записи, будучи исключительно ценными документальными источниками, никак не могут быть отнесены — ни по содержанию, ни по форме, ни по целенаправленности — к категории памятников историографии.

По-иному строит свою схему Э. Фютер: он (и вслед за ним Ч. Гриффин⁴⁰) делит «хронистов Индий» на две большие группы — авторов общих трудов об открытии и завоевании и авторов работ об отдельных землях⁴¹. Но такое деление страдает существенными изъянами, поскольку проведение четкой «демаркационной линии» между теми и другими крайне затруднено; к тому же внутри каждой группы немецкий историк не выявляет никаких градаций, ограничиваясь характеристикой индивидуальных черт творчества отдельных хронистов. Как и его испанский коллега — и даже еще более решительно — Э. Фютер ставит во главе «хронистов Индий» Колумба⁴². По этому пути следуют почти все анализируемые здесь авторы, и лишь А. Д. Люблинская четко отделяет Колумба от хронистов⁴³.

В зарубежной литературе столь же четко ставят этот вопрос, насколько нам известно, лишь Б. Санчес Алонсо и Ш. Обрен.

Первый со всей определенностью различает повествования автобиографического характера (сочинения Колумба, Веспуччи, Пигафетты, Кортеса и других авторов, писавших только о тех событиях, в которых участвовали сами, и о своих личных впечатлениях от этих событий)⁴⁴ и исторические сочинения в собствен-

ном смысле этого слова. Однако каких-либо градаций внутри последней категории Б. Санчес Алонсо не намечает.

Что касается Ш. Обрена, то в своей схеме классификации он специально выделяет «первые донесения» (и вообще записки, заметки, дневники, донесения мореплавателей и других путешественников)⁴⁵. Но в остальном предлагаемая французским историком систематизация, на наш взгляд, искусственна. Ш. Обрен делит хронистов на две особые группы, проводя границу между ними почему-то через 1530 год, причем сочинениям, написанным в первые три десятилетия XVI в. и объемлющим якобы Новый Свет в целом, противопоставляются сочинения 30-х—40-х годов, характерные (опять-таки якобы!) региональной тематикой⁴⁶. В итоге снова воцаряется путаница.

Полное недоумение вызывает классификация, предлагаемая крупным современным французским американистом П. Шоню. Этот автор тоже выделяет две группы, но самый принцип деления уловить у него весьма трудно. Одну из групп он именует «Великими историками», а другую — просто «историками», никак не поясняя, чем можно заслужить более высокий ранг; недоумение растёт, когда выясняется, что к сонму «великих» сопричислены пятеро разнохарактерных авторов — Пьетро Мартине д'Ангьера, Лас-Касас, Овьедо, Лопес де Веласко и Эррера, а в «рядовых» шагают носители еще труднее сопоставимых имен, нередко принадлежащие к разным историческим эпохам, — Акоста, Бенцони, Инка Гарсиласо де ла Вега (XVI в.), Гейдж и Дампьер (XVII в.), Шарлевуа (XVIII в.) и даже Гумбольдт (XIX в.)!⁴⁷ Бернальдес, Лопес де Гомара, Солорсано Перейра, Писарро-и-Орельяна оказались вообще «не у дел...»

Нельзя признать удачной и попытку Л. Н. д'Ольвера классифицировать хронистов по месту рождения и расовому признаку⁴⁸.

Короче говоря, сколько-нибудь удовлетворительной классификации «хронистов Индий» пока в литературе не предлагалось. Несомненно, задача эта отнюдь не принадлежит к числу легких; в то же время важность ее решения не нуждается, думается нам, в особых доказательствах. Представляется поэтому целесообразным предложить некую «рабочую классификацию». Какие же принципы следует, по нашему мнению, положить в ее основу?

Во-первых, коль скоро с самого начала речь идет о *нарративных* сочинениях, мы, вслед за А. Д. Люблинской, Б. Санчесом Алонсо и Ш. В. Обреном, выносим «за скобки» все те письменные свидетельства современников, которые в силу ли жанровых особенностей, или же по тем целям, которые ставили себе авторы, выпадают из указанного круга памятников. Этим мы никоим образом не хотим — да и не можем — умалить ценность таких документов, как дневники и письма Колумба (где впервые сообщались важнейшие географические и этнографические дан-

ные) или сочинения Веспуччи (благодаря которым в европейский научный оборот впервые вошли сведения о многих чертах быта аборигенов Америки, равно как и ценные сведения из области географии и естествознания).

Во-вторых, мы выделяем две основные категории исторических сочинений XVI—XVII вв. о Новом Свете. В одну из них, здесь не рассматриваемую, войдут труды тех авторов, которые писали о какой-либо одной стране (например, книга Ремесалья — первого историка Гватемалы⁴⁹) и уже поэтому не могут именоваться историками «Индий» (т. е. Нового Света в целом). Нас же интересует другая категория — сочинения тех, кто повествует обо всей Америке, начиная с ее открытия, или во всяком случае о более или менее широком круге заокеанских земель (что, конечно, не исключает, как уже отмечалось, параллельного обращения многих из этих авторов к региональной тематике).

В третьих, мы предлагаем (отчасти используя и, в известной мере, развивая мысль Ш. Обрена) рассматривать «хронистов Индий» *по поколениям*. Тогда в первую группу мы, вслед за М. Менендесом-и-Пелайо, сможем включить Андреса Бернальдеса и Пьетро Мартире д'Ангьера⁵⁰. Назовем их *ранними* хронистами. В следующую группу, естественно, войдут две крупнейших среди историков «Индий» фигуры — Бартоломе де Лас-Касас (1474—1566) и Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес (1478—1557). Назовем их (разумеется, как и в предыдущем случае, лишь условно) *старшими* хронистами. Третью группу — *младших* хронистов — составят Франсиско Лопес де Гомара (1510—1598) и Джеронимо Бенцони (1519—1570)⁵¹. Что касается более поздних авторов, то, как уже отмечалось, в их трудах с каждым последующим поколением усиливаются черты компилятивности. Уже такой сравнительно близкий по времени к Гомаре автор, как Антонио де Эррера-и-Тордесильяс (1559—1625), который длительное время считался чуть ли не «корифеем» испанской историографии Америки⁵² и по традиции долго вписывался — и поныне вписывается — в круг основных хронистов, был на деле прежде всего компилятором. Нельзя не напомнить в этой связи, что В. Ирвинг в свое время назвал Эрреру — быть может, чересчур резко — «копиистом Лас-Касаса»⁵³, а Дж. Уинсор, критиковавший «рабски-хронологический метод» Эрреры, прямо заявлял о несостоятельности его как историка⁵⁴.

Особое место займет Фернандо Колон (1488—1539). Дело, разумеется, не в том, что дата рождения ставит сына великого мореплавателя где-то между поколением Лас-Касаса — Овьедо и поколением Гомары — Бенцони, а в далеко не до конца еще исследованном тематическом своеобразии его книги и вместе с тем в серьезных сомнениях относительно его авторства. Не случайно самые несхожие между собою исследователи подчеркивают необ-

ходимость выделения Фернандо Колона из общего круга «хронистов Индий»⁵⁵.

Как видим, предлагаемая нами классификация внешне как будто носит чисто формальный характер: принадлежность каждого хрониста к той или иной группе определяется фактором, на первый взгляд не имеющим прямого отношения к его творчеству — хронологическими рамками жизненного пути. Но на деле оказывается, что в эти формальные рамки хорошо укладываются гораздо более существенные особенности авторов, писавших об «Индиях».

Так, ранние хронисты — это не просто люди, уже убеленные сединами в те годы, когда Лас-Касас и Овьедо только вступали в пору зрелости. Это те, кто стоял непосредственно у истоков грандиозного по замыслу и еще более — по результатам предприятия Колумба и донес до потомства сведения о нем, полученные из первых рук. Точно так же старшие хронисты — не просто те, кто встретил пору зрелости на пороге «века конкисты» — XVI века. Это люди, оказавшиеся в числе непосредственных участников или свидетелей завоевания Нового Света.

Если же мы попробуем сопоставить творчество представителей хотя бы этих двух групп хронистов с точки зрения объема и относительной ценности этнографического материала, то качественные градации будут проступать еще более явственно.

Не затрагивая с этой стороны литературное наследие А. Бернальдеса, где этнографический момент занимает сравнительно скромное место, остановимся на трудах Пьетро Мартире д'Ангьера.

Интерес итальянского гуманиста к обитателям новооткрытых земель обнаруживается уже в его знаменитых письмах, оповестивших культурный мир Европы об итогах I экспедиции Колумба вскоре после ее окончания. Первое письмо содержит только краткое сообщение о благополучном возвращении «лигурийца Кристобала Колона» от «западных антиподов»⁵⁶. Но уже четыре месяца спустя, ознакомившись, видимо, с материалами экспедиции и получив возможность личного общения с привезенными адмиралом индейцами⁵⁷, Пьетро Мартире в письме графу Тендилья обобщает сведения как о природе, так и о людях Нового Света — об их внешнем облике, одежде, пище и т. д.⁵⁸ В одном из последующих писем, пополнив свой пока еще поневоле скудный этнографический багаж новыми данными, Пьетро Мартире впервые сообщает об этнической неоднородности населения Антилл: «Соседи их (обитателей Гаити. — В. А.) зовутся канны-балами, и они ходят такими же обнаженными, как весь тот народ»⁵⁹.

Если для адресатов Пьетро Мартире его письма служили источником сведений об удивительных событиях и заокеанских

диковинках, если уже эти письма, говоря современным языком, вводили в научный оборот совершенно новые факты, то для их автора они были лишь своего рода эскизами будущего большого труда — знаменитых «Декад Океана», или «О Новом Свете»⁶⁰, где, кстати говоря, сохранена эпистолярная форма, доведенная этим итальянским гуманистом до высокой степени совершенства. Письма Пьетро Мартире отражают ту напряженную работу по собиранию разнообразных сведений о новых землях, которую хронист вел на протяжении долгих лет, иногда как будто охлаждая к ней на более или менее длительный период, но затем вновь и вновь обращаясь к отбору и обобщению интересовавших его фактов. С несчетным количеством людей из самых различных слоев общества встречался этот неутомимый ученый, царедворец и клирик. «...Все испытывали удовольствие, давая ему отчет в виденном и слышанном, ибо был он человек уважаемый», — писал впоследствии Лас-Касас⁶¹. Позднейший биограф хрониста Ж.-А. Марьежоль добавляет, что Пьетро Мартире «в погоне за новостями хватал на ходу и капитана, и матроса, и чиновника;... он сам искал людей и вызывал их на откровенность, не пренебрегая никакими средствами, чтобы узнать правду»⁶².

И «новости» стекались. Среди них материалы этнографического характера занимали далеко не последнее место; не последнее место принадлежит им и на страницах «Декад». Там нет каких-либо специальных разделов, целиком посвященных аборигенам Нового Света: на единую хронологическую нить нанизывает историк события и даты, факты и наблюдения; и когда речь заходит о жизни и быте еще вчера неведомых заморских обитателей, плотная ткань живого, насыщенного, энергичного повествования расшивается узорами непривычных для уха и глаза европейца имен, названий мест и предметов, описаний странных обычаев и бытовых черт.

Но как ни обильны и ценны были сами по себе эти сведения, как ни широк был круг информаторов Пьетро Мартире (а среди них фигурировали те, кто лично возглавлял смелые морские походы на Запад — Колумб, Кабот, Пералонсо Ниньо), как ни скрупулезен и добросовестен был он сам, — все-таки сведения *этнографического* характера, попадавшие в его распоряжение, могли быть и были лишь сведениями *из вторых рук*. Для оценки и освещения всех вопросов, связанных со снаряжением, ходом и результатами морских экспедиций (а затем и походов конкистадоров), Пьетро Мартире, занимавший на протяжении восьми последних лет своей жизни пост официального историографа Совета по делам Индий, располагал, как никто другой в его время, возможностью доступа к документам первостепенной важности и ценности. Но для создания этнографических сочинений, в особенности когда речь идет об этнических группах, встреченных впервые, непосредственный контакт, непосредственное наблюдение

ние их в естественной географической, этнической и социальной среде ничем не могут быть заменены.

Здесь следует отметить, что в последние годы некоторые авторы — М. Риверо де ла Калье, Г. В. Степанов — высказываются в том смысле, будто Пьетро Мартире в какой-то период своей жизни лично побывал в Новом Свете⁶³. Такая точка зрения совсем не обоснованна: жизненный путь итальянского гуманиста изучен достаточно хорошо, и никаких данных относительно какой-то поездки его за океан не имеется. Упомянутая версия обязана своим появлением, видимо, давно известному факту возведения Пьетро Мартире 15 августа 1524 г. в сан аббата Ямайки. Но столь же давно известно, что сан этот был чисто номинальным; на протяжении своего длительного пребывания в Испании гуманист имел целый ряд таких званий.

Итак, *способ добывания сведений о народах новооткрытых земель* — вот тот качественный критерий, который объединяет между собой ранних хронистов и вместе с тем служит водоразделом между ними и хронистами следующего поколения — поколения Лас-Касаса — Овьедо, ибо эти последние черпали этнографические сведения уже *из первых рук*, в ходе своей деятельности в Западном полушарии. Хронисты третьего поколения, напротив, были лишены какой-либо возможности лично наблюдать многие этнические группы Нового Света, истребленные в первые десятилетия конкисты, а быт и культура уцелевших народов подчас представляли перед ними в известной степени изменившимися под воздействием колониального гнета.

Намечаемый вариант классификации, разумеется, отнюдь не снимает вопроса о различиях между разными хронистами одного поколения. Ясна глубокая пропасть между Овьедо — апологетом конкисты и колониальной эксплуатации и Лас-Касасом — защитником индейцев и непримиримым обличителем рабства и угнетения. Среди «младших» хронистов одни в Новом Свете были лично, другие — нет.

Не подлежит сомнению, что дальнейшее изучение и сопоставление таких интересных и важных во многих отношениях трудов, как нарративные источники по истории открытия и завоевания Америки, позволит более глубоко вскрыть особенности и ценность каждого из этих сочинений и вместе с тем значительно уточнить классификацию так называемых «хронистов Индий».

¹ И. П. Голенищев-Кутузов. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков. М., 1963, стр. 273.

² Ch. C. Griffin. Unidad y variedad en la historia Americana. В кн.: «Ensayos sobre la historia del Nuevo Mundo». México, 1951, p. 103.

³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 135; т. 28, стр. 346; «Архив Маркса и Энгельса», т. IX. М., 1941, стр. 14, 19, 27, 67, 85, 115—131.

⁴ Мы не останавливаемся здесь на обобщающих трудах и пособиях по источниковедению истории средних веков и средневековой историографии; где, между прочим, почти всегда говорится в немногих словах и о «хронистах

Индий», а также на работах по испанскому источниковедению, в которых удельный вес интересующего нас материала, естественно, выше.

5 S. A g n o l d s s o n. Los momentos históricos de América según la la historiografía hispanoamericana del periodo colonial. Madrid, 1956.

6 «Cronistas de las culturas precolombinas». Antología. Prólogo y notas de Luis Nicolau d'Olwer. México — Buenos-Aires, 1963.

7 A. M. S a l a s. Tres cronistas de Indias. Pedro Martir de Angleria. Gonzalo Fernández de Oviedo. Fray Bartolomé de las Casas. México — Buenos-Aires, 1959.

8 См., в частности: М. О. К о с в е н. Матриархат. История проблемы. М.—Л., 1948, стр. 29, 30; В. К. Н и к о л ь с к и й. История первобытного общества. М., 1951, стр. 18, 19.

9 «Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы». М., 1950. 10 Диего де Л а н д а. Сообщение о делах в Юкатане. М.—Л., 1955.

11 «Открытие великой реки Амазонки. Хроника и документы XVI в. о путешествиях Франсиско де Орельяны». М., 1963, стр. 123—142.

12 См., например: А. Д. Д р и д з о. О судьбе первоначальных обитателей острова. В кн.: «Куба. Историко-этнографические очерки». М., 1961, стр. 192—202; М. А. К о г а н, В. Л. А ф а н а с ь е в. Имеются ли основания для пересмотра общепринятой концепции о предыстории и целях первого плавания Колумба? «Известия Всесоюзного географического общества», т. 93, 1961, вып. 5, стр. 384—394; С. А. С о з и н а. К вопросу о социальном строе общества чибча-муисков в Колумбии в середине XVI века. «Вестник Московского ун-та», серия IX, № 2, 1965, стр. 81—89; М. А. К о г а н. О географических воззрениях европейцев накануне великих географических открытий. В кн.: «Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках». М.—Л., 1965, стр. 109—119; В. Л. А ф а н а с ь е в. Легенда о «неизвестном кормчме». Там же, стр. 120—131.

13 О. Л. В а й н ш т е й н. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964.

14 «Советская историческая энциклопедия», т. 6. М., 1965, стб. 408—416.

15 S. A g n o l d s s o n. Op. cit., p. 8, 9.

16 E. O' G o r m a n. Prólogo. В кн.: J. de A c o s t a. Historia natural y moral de las Indias. México — Buenos-Aires, 1962, p. LXXXVI.

17 «Colección de documentos inéditos para la historia de España», t. VIII. Madrid, 1846, p. 558; В. Ирвинг. История жизни и путешествий Христофора Колумба, т. 4. СПб., 1837, стр. 306.

18 «Открытие великой реки Амазонки...», стр. 95.

19 Ср.: О. Л. В а й н ш т е й н. Указ. соч., стр. 55, 57.

20 Ломка этой традиционной структуры испанских хроник наблюдается уже накануне открытия Америки — в хронике Фернандо дель Пульгар (1436—1493), который начинает изложение с 1468 г.

21 Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 21, стр. 83.

22 «Histoire générale des voyages, ou nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre...», t. I. La Haye, 1747, p. 2.

23 E. F u ë t e r. Geschichte der neueren Historiographie. München — Berlin, 1936, S. 291.

24 Ch. C. G r i f f i n. Op. cit., p. 102.

25 G. F. de Oviedo y Valdés. Sumario de la natural Historia de las Indias. Toledo, 1526; i d e m. Historia general y natural de las Indias, I—III. Valladolid, 1552; J. A c o s t a. Historia natural y moral de las Indias. Barcelona, 1591.

26 E. F u ë t e r. Op. cit., p. 293.

27 В. К. Я ц у н с к и й. Историческая география. М., 1955, стр. 86.

28 О. Л. В а й н ш т е й н. Указ. соч., стр. 187..

29 Подробнее см.: А. Д. Д р и д з о. Африка южнее Сахары в представлениях европейских географов XIII в. В кн.: «Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках». М.—Л., 1965, стр. 153—159.

- ³⁰ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. XXXIX.
- ³¹ E. Fuëter. Op. cit., p. 291.
- ³² Ibidem.
- ³³ Л. А. Шур. Художественная литература Латинской Америки в русской печати. М., 1960, стр. 10.
- ³⁴ F. Pichardo Moyá. Caverna, Costa y Meseta. La Habana, 1945, p. 133.
- ³⁵ См.: например А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Изд. ЛГУ, 1955, стр. 332—333; C. Pressoir, E. et H. Trouillot, Historiographie d'Haïti. México, 1953, p. 15—49; B. Penrose. Travel and Discovery in the Renaissance. 1420—1620. Cambridge, Mass., 1960, p. 290—304; J. Alvarez Conde. Historia de la geografía de Cuba. La Habana, 1961, p. 79—90.
- ³⁶ См. об этом: В. Л. Афанасьев. Указ. соч., стр. 124—125.
- ³⁷ M. Menéndez Pelayo. De los historiadores de Colón. «Obras completas», t. XII. Santander, 1942, p. 76—93.
- ³⁸ Ibid., p. 80—85.
- ³⁹ Ibid., p. 76.
- ⁴⁰ Ch. C. Griffin. Op. cit., p. 103.
- ⁴¹ E. Fuëter. Op. cit., p. 294—307.
- ⁴² Ibid., p. 294, 295.
- ⁴³ А. Д. Люблинская. Указ. соч., стр. 332.
- ⁴⁴ B. Sánchez Alonso. Historia de la historiografía española, t. I. Madrid, 1947, p. 433—447.
- ⁴⁵ Ch. V. Aubrin. Histoire des Lettres hispano-américaines. Paris, 1954, p. 16, 18—21, 25—26.
- ⁴⁶ Ibid., p. 16.
- ⁴⁷ P. Chaunu. Séville et l'Atlantique (1504—1650), 2ème partie, t. VIII. Paris, 1959, p. LIII—LVII.
- ⁴⁸ «Cronistas de las culturas precolombinas...», p. XI.
- ⁴⁹ A. de Remesal. Historia de la Provincia de S. Vicente de Chiapa y Guatemala. Madrid, 1619.
- ⁵⁰ Итальянец по происхождению, Пьетро Мартире д'Ангьера основным содержанием своей деятельности принадлежит испанской культуре.
- ⁵¹ См. по этому поводу Дж. Уинсор. Христофор Колумб и открытие Америки. СПб., 1893, стр. 45.
- ⁵² См., например: J. Martí. «Galería de Colón». «Obras completas», t. 5. La Habana, 1963, p. 203; J. Alvarez Conde. Op. cit., p. 89.
- ⁵³ В. Ирвинг. Указ. соч., т. 4, стр. 306.
- ⁵⁴ Дж. Уинсор. Указ. соч., стр. 45.
- ⁵⁵ А. Д. Люблинская. Указ. соч., стр. 333; J. Martí. Op. cit., p. 203.
- ⁵⁶ «Epistolario de Pedro Martir de Angleria», lib. VI, ep. 130 (далее — P. Martí, Ep.). В кн.: «Documentos inéditos para la historia de España» (далее — DOINHE), t. IX. Madrid, 1953, p. 236—237.
- ⁵⁷ Г. В. Степанов. Об индийских заимствованиях в испанском языке. Сб. «Романская филология». Л., 1961, стр. 205.
- ⁵⁸ P. Martí, Ep., VI, 133. DOINHE, IX, p. 242—243.
- ⁵⁹ P. Martí, Ep., VII, 142, 143. Ibid., p. 261, 269.
- ⁶⁰ «Libretto di tutta la navigazione dei Rei di Spagna delle isole e terreni nuovamente trovati; De Orbe Nove Decades...». Alcalá, 1516; «De orbe novo Decades octo». Alcalá, 1530.
- ⁶¹ B. de Las Casas. Historia de las Indias, t. II. México — Buenos-Aires, 1951, p. 39.
- ⁶² J.-A. Mariéjol. Pierre Martyr d'Anghera, sa vie et ses oeuvres. Paris, 1887, p. 199—200.
- ⁶³ М. Риверо дела Калье. Коренное население Кубы. В кн.: «Куба». М., 1961, стр. 459; Г. В. Степанов. Указ. соч., стр. 207.

Население Ямайки в период испанского владычества

«Испанский период» истории Ямайки охватывает, как известно, примерно полтора столетия. За это время население острова менялось несколько раз полностью или частично. Очень быстро были истреблены индейцы. В этническом составе видное место заняли переселенцы из Испании (а затем из Португалии). Появились первые группы негров. В свою очередь начало английской колонизации повлекло за собой почти полное изменение этнического состава Ямайки.

К сожалению, все эти интереснейшие процессы чрезвычайно скудно освещены в источниках и литературе.

Испанские публикации документов¹ содержат буквально несколько строчек, относящихся к Ямайке. Английские публикации дают материал лишь для следующего периода, начинающегося уже после захвата Ямайки англичанами. Чрезвычайно мало сообщают нам и хронисты, даже Эррера, у которого данных по истории острова больше всего.

Специальная литература (если не считать небольших разделов в общих работах, например, у Эдвардса или Мартина²) состоит всего только из двух названий. Это книга Кандэлла и Питерша, пока оставшаяся нам недоступной, и исследование Моралеса Падрона³, почти целиком построенное на неопубликованных ранее документах испанских архивов. Но даже и в этой обстоятельной монографии этнической истории острова уделено очень мало места.

Систематическая колонизация Ямайки началась в 1509 г., хотя еще в 1494 г. там провели несколько месяцев Колумб и его спутники. Сначала остров, в придачу к другим пожалованиям, был передан Алонсо де Охеде и Диего де Никуэсе. Им представлялось право вывозить оттуда продовольствие и обращать местных жителей в рабство, прикрепив их к рудникам. Охеда успел уже раньше побывать на острове и положить начало его разграблению и уничтожению индейцев. В ноябре 1509 г. на

Ямайке появился Хуан де Эскивель с отрядом из 70 человек. Королевский указ предписывал ему в первую очередь заняться поисками золота. Через два года другим указом (от 6 июня 1511 г.) повелено было тех испанцев на Кубе, которые задолжали короне, отправлять на Ямайку и дать им индейцев; последние должны были разрабатывать золотые прииски, а обнищавшие идальго — расплатиться найденным золотом с казной. Другой задачей, о которой пеклись правители Испании, было обращение аборигенов в христианство⁴.

Эскивель энергично принялся за колонизацию острова. Так как золотые россыпи и рудники не оправдали возлагавшихся на них надежд, он сумел использовать труд индейцев иначе: завел первую сахарную плантацию, начал разводить виноград, ввез крупный рогатый скот, активизировал старинный индейский промысел — обработку хлопка. Эти первые шаги определили дальнейшее развитие хозяйства острова как колонии. Испанский ученый Ф. Моралес Падрон справедливо замечает в этой связи, что Ямайка коренным образом отличалась от большинства остальных вест-индских островов; если там главное внимание уделялось добыче золота, то здесь основой экономики были земледелие и скотоводство.

Не следует, однако, переоценивать масштабов того, что сделал Эскивель (и его преемники: он оставался на посту губернатора всего лишь три года, а официально только два — 1510—1512). Ямайка была самой маленькой и самой незначительной колонией Испании в Новом Свете. Сохранились любопытные данные о жаловании губернаторов разных областей Карибского района. Самое высокое было у губернатора и генерал-капитана Гвианы и Тринидада (3000 дукатов), самое низкое (если не считать Ямайки) — у губернатора о-ва Маргариты (1500); губернатор же Ямайки получал совершенно ничтожную сумму, чуть ли не вдвое меньше — 600 песо!⁵.

И все-таки в первой половине XVI в. Ямайка играла определенную роль в экономике близлежащих испанских колоний. Уже в 1514 г. оттуда начали вывозить на Кубу продовольствие, а затем и кукурузу для посева. На ямайских лошадях сражались в Мексике всадники Кортеса⁶. В континентальные колонии с 1536 г. экспортировался крупный рогатый скот...

Основную причину всех этих успехов испанский хронист Эррера видел в «добросердечии» Эскивеля, в его «мягком обращении» с индейцами. На самом же деле Эскивель вовсе не отличался ни гуманностью, ни стремлением облегчить участь аборигенов. На Ямайку он прибыл с Гаити, где принял самое активное участие в кровавых расправах с индейским населением. Однако именно этот гаитянский опыт в сочетании с трезвым расчетом заставил его обратиться на управляемом им острове к иным методам. Эскивель нашел, что истребление ямайских

индейцев — дело чрезвычайно легкое, но экономически нецелесообразное. Целью его было заставить индейцев работать на колонизаторов, а для этого возможно большее число араваков надо было оставить в живых.

Но даже и при нем численность коренных жителей Ямайки сокращалась с катастрофической быстротой. Они гибли от руки завоевателей, от непосильного труда, от голода, от эпидемий...

Уже в 1515 г. казначей острова Педро де Масуэло предсказывал, что через два года индейцев на острове не останется совершенно. В этом году, по-видимому, началось введение системы репартимьенто. О результатах можно судить, обратившись к прошению некоего Франсиско Гарсиа Бермехо. По первому репартимьенто он получил в свое распоряжение долину касика Гоайарабо со всеми ее обитателями. Но к 1525 г. там осталось всего четыре или пять индейцев⁷...

Коренные жители острова пытались оказать колонизаторам сопротивление. Им удалось даже разрушить испанский городок Севилью (1523)⁸. Последовала кровавая расправа с индейцами.

Рабочей силы в этот период колонизаторам уже не хватало, и не случайно именно на начало 20-х годов приходится ввоз первых значительных групп негров.

К концу первой половины XVI в. индейцев на Ямайке практически уже не осталось. Куба и Ямайка, говорится в донесении бакалавра Алонсо де Пирада (1527), «разорены вконец и с каждым днем становятся все более безлюдными». Когда 12 ямайских индейцев были в 1541 г. без надлежащего разрешения вывезены на Санто Доминго, это повлекло за собой строгий выговор из Мадрида⁹.

К 1552 г., по словам Лас-Касаса, число индейцев на острове не превышало уже 200 человек¹⁰.

О самых последних десятилетиях истории индейцев на Ямайке нам известно очень немного. Точную дату окончательного их истребления назвать затруднительно. По мнению Росенблата, эта дата предшествовала 1570 г. Лопес де Веласко, между 1571 и 1574 гг. отмечал, что индейцев на Ямайке не осталось ни одного¹¹.

Может быть, испанцы в определенной степени практиковали и переселение индейцев на другие острова¹². Известно, что существовало распоряжение: с тех островов, где золота не было, переселять коренных жителей на другие, богатые драгоценными металлами. Ямайка явно принадлежала к числу первых.

О смешанном индейско-испанском населении сведений нет совершенно. А. Росенблат во втором томе своей работы вообще не упоминает Ямайки. Однако метисное население на острове все же существовало. Это явствует хотя бы из сообщения о рейде англичан на Ямайку, совершенном в 1597 г. под начальством Энтони Ширли. Проводником 250 англичан, высадившихся в

районе Кигауайя, был метис¹³,— надо полагать, местный, ибо уроженец материка или другого острова проводником, конечно, служить не мог.

В конце XVI в. какая-то часть коренных жителей острова ушла от колонизаторов в горы и, укрывшись в самых труднодоступных местах, существовала еще некоторое время¹⁴. Можно назвать одно из таких мест — Уайт Марл, где сравнительно недавно была найдена индейская керамика, в том числе портретное изображение испанца¹⁵. Колонизаторы несколько раз пытались проникнуть в эти районы, но, по-видимому, безуспешно. Так было, например, в 1600 г., когда губернатор Мельгарехо организовал военную экспедицию в Голубые горы. Цель его состояла в том, чтобы найти и обратить в рабство укрывшихся там «независимых индейцев»¹⁶. К сожалению, никаких подробностей об этой экспедиции не сохранилось.

Последняя известная нам цифра о числе коренных жителей Ямайки относится к 1611 г. В донесении аббата Бернардо де Бальбуэна, помеченном 16 июня этого года, говорится о 74 индейцах; общее число жителей составляло тогда 1510 человек, из них 523 взрослых испанца.

К моменту захвата острова Англией (1655) коренные его обитатели совершенно исчезли.

Следует отметить, что зверское истребление индейцев в вестиндских колониях Испании и, в частности, на Ямайке было достаточно хорошо известно не только на Пиренейском полуострове, но и за его пределами. Противники испанцев (как и противники католицизма вообще) очень широко использовали эти факты в своей борьбе за господство на морских путях, в ожесточенном соперничестве из-за колоний. Весьма симптоматично, что на следующий же год после захвата Ямайки англичанами в Лондоне вышел английский перевод «Кратчайшего сообщения о разорении Индий» Лас-Касаса, причем в заглавии книги (по обычаю того времени чрезвычайно длинном) была специально упомянута Ямайка¹⁷. Ни в подлиннике, ни в других английских переводах название интересующего нас острова никогда раньше в заглавии не выносилось, тем более, что и автор касается его лишь мимоходом. Но в обстановке 1656 г., когда Ямайка была только что отвоевана у испанцев, печальная судьба его аборигенов была для англичан весьма выигрышным историческим фактом, который они всячески старались подчеркнуть.

Вследствие очень быстрого истребления индейцев они оставили весьма небольшой след в культуре Ямайки. Здесь можно только назвать несколько топонимов (само название острова; Гуанабоа на северо-западе; Гуатибакоа в приходе Клэрндон; Ла Каобана и т. п.). Джекобс, не выделяя перечисленных названий, акцентирует внимание лишь на таких топонимах, которые представляют собой, видимо, переводы или переделки старин-

ных индейских наименований: Лаковиа, Уэг Уотер ривер (от испанского Агуа Альта, восходящего к индейскому Гуанагуата), гора Дьявола и т. п. Не совсем ясно, почему он отказывается от несомненных доказательств (каким являются слова явно индейского происхождения) и обращается только к доказательствам гипотетическим, приводя даже и здесь далеко не все возможные примеры (не упомянута; в частности, Лигэни — долина близ Кингстона) ¹⁸.

К сожалению, об остальном населении острова в этот период нам известно еще меньше.

Эта захолустная колония Испании не очень-то привлекала колонизаторов, тем более, что ни золота, ни серебра здесь не оказалось: Сюда попадали главным образом неудачники, которые не смогли почему-либо обосноваться в Мексике, Перу или на более крупных, чем Ямайка, островах Вест-Индии.

Не случайно еще 26 ноября 1526 г. колонистам было запрещено переселяться куда бы то ни было с Ямайки (и соседних островов), ибо острова эти, говорилось в соответствующем документе, и так уже обезлюдели от переселения в новооткрытые области материка. Попытка нелегально уехать с острова влекла за собой смертную казнь с конфискацией имущества. Конквистадор, вздумавший набрать себе здесь экипаж, должен был оставить взамен ровно столько человек, сколько он увозил с собой ¹⁹.

Вся власть, и экономическая, и политическая, находилась в руках восьми испанских семей. По числу этих семей остров был разделен на восемь округов ²⁰.

Значительную часть населения Ямайки составляли негры.

Вопрос о том, когда начался их ввоз, решить затруднительно. По-видимому, это произошло уже во время экспедиции Хуана Эскивеля ²¹. В 1513 г. на острове было три негра ²²; в 1515 г. ввезли еще двух для некоего Франсиско Эскивеля. В 1517 г. Карл V разрешил ввозить на Гаити, Кубу, Пуэрто Рико и Ямайку по 4 тыс. негров ежегодно ²³. Трудно сказать, какую реальную силу имело это разрешение и сколько рабов было по нему ввезено. Но совершенно очевидно, что большинство их попало на более крупные острова (хотя какая-то часть, несомненно, досталась и ямайским плантаторам).

Часть эта, надо полагать, была очень незначительна. В 1520 г. для ввоза одного негра с материка потребовалось специальное разрешение очень высоких инстанций метрополии... Появление более или менее значительного числа африканцев на Ямайке можно, пожалуй, датировать 1523 г. Именно тогда, в-первых, начался систематический ввоз негров в Вест-Индию; на долю Ямайки пришлось 300 рабов. Во-вторых, тогда же португальцы получили разрешение ввезти в Америку 5 тыс. негров, из них 700 — на Ямайку.

Можно предполагать, что эти планы не были в полной мере реализованы. Рабочей силы по-прежнему не хватало. Именно поэтому в 1534 г. уже упоминавшийся Педро де Масуэло получил разрешение принять участие в одной из первых экспедиций за рабами непосредственно в Африку. По-видимому, речь шла не столько об участии личном, сколько о финансовой поддержке отправляемого судна. Масуэло разрешено было везти на остров 30 негров²⁴. Есть сведения о ввозе рабов в 1588 и 1609 гг.

Однако далеко не всегда просьба плантаторов о ввозе новой партии негров приводила к желанному для них результату. Колониальная империя росла, рабов требовалось все больше, и «заявки» Ямайки удовлетворялись, конечно, далеко не в первую очередь. Так, в 1600 г. на прошение о выдаче 1000 лицензий последовал отказ; разрешено было везти лишь небольшое число африканцев лично для губернатора и аббата острова. Можно предполагать, что экспедиция в Голубые горы (о которой уже шла речь) находилась в прямой связи с этим эпизодом. Тем не менее ввоз рабов продолжался в контрабандном порядке, и число их к этому времени возросло до 1000.

Об этническом составе рабов известно очень немногое. Их доставляли главным образом с побережья Гвинейского залива (с Золотого и Невольничьего берега). Преобладали так называемые короманти (т. е. ашанти и фанти) с Золотого берега (современная Гана).

Область применения труда рабов была достаточно обширной. Больше всего негров работало на сахарных плантациях, на сахарных заводах и прессах (трапичес). Они были охотниками (об этом пойдет речь ниже), рубили лес, дубили кожи, строили укрепления, обслуживали хозяина и его семью и т. п. Есть сообщение, что рабов использовали для поисков полезных ископаемых, в первую очередь золота, так как они «были приспособлены для такой работы» (1582)²⁵. По-видимому, для этого отбирали именно тех африканцев, которые еще на родине как-то были связаны с горным делом.

Но главным образом негры были заняты в сахарной промышленности (если уместно употребить этот термин применительно к Ямайке того времени). На каждый завод (*ingenio*) приходилось 150—200 рабочих²⁶, а инхенио этих на острове было немало: для 1523 г. называли цифру 30; правда, к моменту захвата острова Англией их осталось, по одним сведениям, всего только семь²⁷, а по другим — даже три²⁸.

Уже шла речь о том, что среди негров на Ямайке были не только рабы, но и свободные (так называемые *hoggos*). Свободных негров²⁹ было не так уж мало — около 16% от общего числа африканцев, живших на острове. К сожалению, никакими иными данными о них мы не располагаем. Не совсем ясно положение

ние еще одной группы — *negros criollos*, т. е. негров, родившихся на острове. Есть указание, что они входили в состав ополчения, поддерживали порядок в городе и т. п.³⁰

Весьма значительную роль в этнической (и не только в этнической) истории Ямайки сыграла очень своеобразная группа населения, возникшая в период испанского владычества, — так называемые «охотники». Когда появилась на острове эта группа, сказать трудно. Известно лишь, что возникновение ее связано с развитием скотоводства. К 1587 г., пишет Мартин, количество крупного рогатого скота, лошадей, свиней возросло настолько, что Ямайка вела уже значительную торговлю мясом, жиром, кожами. Рабочих рук для ухода за скотом не хватало. Часть коров и быков дичала и разбегалась. Внутреннюю часть острова постепенно заполняли стада одичавшего скота. Появился новый промысел — охота; до этого на Ямайке она не была распространена прежде всего из-за отсутствия промыслового зверя³¹. Немногочисленные выходцы из Европы — плантаторы, офицеры, духовенство, чиновники — к охоте в суровых горных долинах приучены не были, да и стимула к такой охоте быть у них не могло. На этот промысел начали отряжать рабов, в числе которых сначала были, наверное, и индейцы — единственные, кто хорошо знал внутреннюю часть острова³². Однако араваки, число которых не могло быть значительным (во второй половине XVI в. индейцев на острове почти уже не осталось), очень быстро растворились среди негров, составлявших подавляющее большинство даже в самых первых отрядах охотников. Негры эти по положению резко отличались от остальной части негритянского населения острова.

Специфика охоты требовала длительных переходов, долгих отлучек рабов из тех мест, где жили их хозяева. Она до крайности затрудняла контроль над охотниками. Более того, контроль (или требование, чтобы охотники периодически возвращались в поместье) отрицательно сказывался на результатах охоты, в которых хозяева были кровно заинтересованы. И постепенно мясо и кожа стали своего рода выкупом. Регулярно снабжая ими испанцев (сначала, может быть, в порядке оброка, потом — в обмен на нужные товары), охотники практически оказывались вне власти рабовладельцев. Конечно, никаких юридических формальностей при этом не производилось. Но фактически такие рабы получили свободу.

Неграм удало даже добиться, что вся их жизнь протекала теперь не в поместьях испанцев или португальцев, а во внутренней части острова, где колонизаторы предпочитали вообще не появляться. Охотничьих селений, по-видимому, было два или три: селение Хуана Луболо (англичане неправильно называли его Хуан де Болас) в горах нынешнего прихода Сент Джон; селение «Вера-Махольис Саванна» в центре острова и треть

где-то на р. Рио Хуана (в современной географической номенклатуре острова такого названия нет; может быть, это то же, что второе селение). Селения эти назывались испанским словом «паленке» (paleque — палисад, частокол; в более старом значении — укрепленная индейская деревня)³³. Любопытно, что это слово вошло и в английский язык XVIII в. (в форме polnik). Вероятно, паленке были постоянными селениями, хотя абсолютной уверенности в этом нет. Охотники, возможно, устраивали здесь небольшие поля и огороды, выращивая злаки и овощи.

Огнестрельное оружие в охоте не применялось. Вероятно, колонизаторы опасались доверять его рабам. Охотники были вооружены луками; возможно, у них были также арбалеты.

Очевидно, разговорным языком в паленке был «короманти» (т. е. ашанти), как и в поселках восставших негров-марунов в XVII—XVIII вв. Рабы (это уже отмечалось выше) принадлежали в основном к народам ашанти и фанти. Им был знаком также и испанский язык. Джекобс вслед за Моралесом Падроном предполагает, что охотники уже были обращены в католичество, но считает и язык их, и религию весьма «искаженными» (corrupt).

Следует добавить, что подобного рода «охотники» существовали и на других островах, хотя они и не пользовались такой свободой, как на Ямайке. Об этом, в частности, свидетельствует английский документ, относящийся к Гаити, но датированный именно тем временем, которое нас интересует, — 1655 г. Речь идет о дневнике некоего Генри Уистлера — участника английской экспедиции в Вест-Индию. Описывая события, связанные с неудачной попыткой англичан захватить о-в Гаити, Уистлер замечает: «Живет здесь разновидность негодяев, которых спасли от виселицы в Испании, и король послал их сюда; называют их быкобойцами (cowkillers), и это и есть их занятие, ибо живут они тем, что убивают скот из-за шкур и жира. Они-то и причиняли нам все зло, и с ними — негры и мулаты, их рабы...»³⁴. Далее в документе говорится о свободе, обещанной этим рабам за участие в войне против англичан. На Ямайке дело обстояло иначе. Испанский губернатор острова, призывая охотников выступить на его стороне, подчеркивал как раз то обстоятельство, что англичане, захватив Ямайку, вновь обратят их в рабство!³⁵

К сожалению, никаких иных данных, помимо перечисленных выше, у нас об охотниках Ямайки нет.

* * *

В начале второй половины XVII в. значительно усилилась активность англичан в Карибском море. В 1625 г. в их руках уже был Барбадос, а частью Сент-Кристофера они овладели еще раньше (1623). После победы английской буржуазной револю-

ции колониальная экспансия началась в гораздо более широком масштабе. Отправляя в Карибское море завоевательную экспедицию (1654), Кромвель связывал с нею весьма обширные планы.

Инструкции, данные экспедиции, предусматривали три варианта; выбор наиболее подходящего из них был оставлен на усмотрение начальника сухопутных сил и губернатора будущих колоний — генерала Р. Венэблза. В первом варианте речь шла о высадке десанта на Гаити или «Сент-Джонсе» (Сан-Хуан, т. е. Пуэрто-Рико) и о захвате в дальнейшем о-ва Куба. Второй предусматривал нападение на материк (главная цель — захват Картахены в нынешней Колумбии; район, однако, указывался достаточно обширный — от устья Ориноко до Пуэрто-Бельо). Третий вариант предписывал сочетать первый и второй, т. е. сначала напасть на перечисленные острова, а затем уже и на материк³⁶.

С 12 апреля по 3 мая англичане пытались овладеть о-вом Гаити, но безуспешно, и экспедиции пришлось довольствоваться Ямайкой, высадка войск на которую началась 10 мая 1655 г.

Литература о высадке англичан на остров и о захвате его достаточно обширна. Для нас, однако, важнее всего отчеты непосредственных участников экспедиции, составившие собрание документов, изданное в Лондоне³⁷. На его страницах немало интересного для этнической истории острова. Полезно будет сопоставить все эти материалы с испанскими документами, которыми пользовались Моралес Падрон и Анхель Росенблат.

По мнению А. Росенבלата, к 1570 г. население Ямайки состояло из 1300 человек (300 белых, остальные — негры и мулаты)³⁸. В 1597 г. оно сократилось почти вдвое, составив всего лишь 730 человек³⁹. По данным аббата Ямайки Бернардо де Бальбуэна от 16 июля 1611 г. взрослых испанцев было 523, детей — 173, иностранцев — 75, рабов — 558, свободных негров — 107, индейцев — 74; итого 1510 человек⁴⁰.

Эти данные, столь скрупулезно перечисляющие всех обитателей острова, представляют особый интерес, хотя их и нельзя назвать ясными до конца. Остается, например, открытым вопрос об охотниках — включены они в какую-либо из приводимых аббатом цифр или данные о них вообще опущены? Неизвестно, далее, в точности, кого имеет в виду аббат, говоря об «иностранцах». В XVI в. в Испании иностранцами считались только жители тех стран, которые, как говорилось в указе Карла I (18 июня 1540 г.), «не входят в состав наших королевств»⁴¹. Таким образом, среди колонистов на Ямайке могли быть фламандцы, голландцы, немцы. И все они иностранцами не считались. Другое дело начало XVII в., когда территории, подвластные испанским Габсбургам в Европе, уже основательно сократились. Голландец или португалец, попавший на остров еще будучи испанским

подданным, мог теперь в отчете Бальбуэны рассматриваться как иностранец.

Последующие десятилетия освещены в доступных нам испанских документах менее подробно. Известно, например, что эпидемия 1650 г. унесла 150 жизней; 100 человек из этого числа были негры-рабы, 50 — испанцы. К 1651 г. население острова составило 800 человек, а в 1655 г., перед самой высадкой англичан — 1500⁴².

Данные же английских документов после захвата Ямайки англичанами столь же разнообразны, сколь и противоречивы. Венэблз, руководивший экспедицией, доносил, что население острова превышало 3 тыс. человек, причем почти все они жили в г. Сантьяго де ла Вега, либо поблизости от него. В городе, сообщает он далее, столько домов, что можно разместить 20 тыс. жителей⁴³.

Адмирал Пенн, его помощник по морской части, указывает, что испанцев и португальцев на Ямайке — от 1200 до 1400 человек, но под ружьем — всего 500⁴⁴.

В документе, датированном 26 сентября 1655 г., говорится: люди, находившиеся на месте высадки англичан (the people found upon the place), «числом 1400», бежали в горы, кроме небольшой группы негров и португальцев, сдавшейся нападавшим⁴⁵.

В дневнике еще одного участника высадки (имя его остается пока неизвестным) сказано, что на месте высадки, испанцев было «не более 500 и еще некоторое число негров-рабов»⁴⁶.

Документ от 1 июня 1655 г. (автор его также остается пока неизвестным) оценивает испанские силы в 4 тыс., из них только 600 собственно испанцев. В другом месте того же документа отмечается, что рабов на острове было от 3 до 4 тыс.⁴⁷

На данных Венэблза до сих пор основывается большинство авторов, расшифровывая их так: 1500 белых и примерно столько же негров и мулатов⁴⁸. Одно из немногочисленных исключений — мнение ямайского автора У. Э. Робертса: в столице острова — 3 тыс., из них белых — 1400; еще 1500 испанцев и португальцев разбросано по всему острову⁴⁹.

Этот бросающийся в глаза разнобой, разительное несоответствие приведенным выше статистическим данным объясняется достаточно просто.

Вспомним о характере карибской экспедиции англичан, об обстоятельствах, приведших этих колонизаторов на Ямайку. Попытка их захватить Гаити не удалась, идти к материку после такого поражения явно не стоило, и руководителям экспедиции это было совершенно ясно. Можно было лишь попробовать свои силы на менее значительном и — необходимо подчеркнуть! — возможно хуже защищенном объекте. Вот тут-то и вспомнили о Ямайке. «Оборона ее, — как совершенно справедливо писал

Моралес Падрон,— была плохая, а стратегическое значение она имела огромное».

Здесь предсказать результат было нетрудно. На месте высадки англичан находилось не более 500 испанских солдат, сведенных в шесть пехотных рот, и один эскадрон кавалерии, обычно патрулировавший побережье. Может быть, цифра 500 даже несколько преувеличена; в 1644 г., например, испанские документы (применительно к месту высадки) говорят не о пяти, а всего лишь о четырех сотнях. На эту горсточку обленившихся от длительной службы в захолустье и вооруженных всего 300 единиц огнестрельного оружия⁵⁰ испанцев обрушилось 9—10 тыс. англичан, разозленных гаитянской неудачей и рвущихся к ускользающим от них пока испанским сокровищам...

Неясным (и прежде всего — для Лондона) оставалось другое. Потери у посланной в Карибское море экспедиции были довольно велики. На уже, казалось бы, захваченном острове приходилось продолжать военные действия — сначала против испанцев, потом против негров. Надо было обосновать ценность нового приобретения для Британской империи... Так и появились в английских отчетах и донесениях только что приведенные нами цифры.

Наш вывод, таким образом, сводится к тому, что английские данные о населении Ямайки сильно преувеличены, — и в какой-то мере сознательно. Эта тенденция продолжала сохраняться и в последующие десятилетия.

Захват англичанами острова коренным образом изменил его этнический состав. Уже в 1658 г. Ямайку покинули последние группы испанцев, переселившиеся на Кубу и в другие испанские колонии⁵¹. Португальцы (среди которых было немало марранов) не последовали этому примеру. Большинство их сдалось англичанам, а некоторые, как, например, Дуарти Акоста ди Ногера, открыто перешли на сторону войск Кромвеля. Это, возможно, объяснялось наличием среди португальцев на Ямайке людей, антиабсолютистски настроенных, которые, может быть, покинули Европу из-за преследований не только по поводу марранского происхождения. Во всяком случае упомянутого выше Акосту один испанский документ прямо именует «республиканцем»⁵².

Разумеется, горстка португальцев никак не определила лица белого населения Ямайки, ставшей английской колонией. Судьба негритянского населения была иной. Рабовладельцы, поспешно покидая остров, не смогли взять с собой рабов, и они, таким образом, неожиданно оказались свободными. Уйдя из городов и плантаций в горы, негры присоединились к охотникам (там, где они были). Так, образовалось на Ямайке ядро повстанцев — «марунов», которым удалось сохранить свободу вплоть до самого конца XVIII в.

Охотники и ушедшие в горы бывшие рабы составили лишь незначительную часть негров острова. Начало этнических процессов, в результате которых сформировалось нынешнее население Ямайки, падает на первые десятилетия британской колонизации. Таким образом, переход острова из рук испанцев в руки англичан оказался важнейшим рубежом не только гражданской, но и этнической его истории.

¹ См.: CDI, CDU.

² B. Edwards. History Civil and Commercial of the British Colonies in the West Indies, vol. 1—3. London, 1801; R. M. Martin. History of the West Indies, vol. 1, 2. London, 1836.

³ F. Cundall and J. L. Pietersz. Jamaica under the Spaniards. Kingston, 1919. Специалистами она оценивается невысоко. (см.: F. Morales Padron. Jamaica. Sevilla, 1952, p. XXIX).

⁴ CDI, t. XXXII. Madrid, 1879, p. 264. CDU, t. I. Madrid, 1885, p. 7, 8, ll.

⁵ F. Morales Padron. Op. cit., p. 278, 279 etc.

⁶ M. Carley. Jamaica. N. Y., 1963, p. 24; P. Boyd-Bowman. Indice geobio-grafico de cuarenta mil pobladores españoles de America en el siglo XVI, t. I. Bogota, 1964, p. 125.

⁷ F. Morales Padron. Op. cit., p. 260, 264, 278—282 etc.

⁸ B. Edwards. Op. cit., vol. I, p. 177.

⁹ CDU, t. I. Madrid, 1885, p. 434; t. VI. Madrid, 1891, p. 164.

¹⁰ B. de Las Casas. Breve relacion de la destruyccion de las Indias. Mexico, 1957, p. 65.

¹¹ A. Rosenblat. La Poblacion Indigena y el Mestisaje en America, t. I. Buenos Aires, 1954, p. 88.

¹² F. Morales Padron. Op. cit., p. 264.

¹³ W. A. Roberts. Jamaica. A Portrait of an Island. London, 1954, p. 14.

¹⁴ B. Edwards. Op. cit., vol. I, p. 169.

¹⁵ J. S. Tindal Biscoe. The Jamaican Arawak — his Origin, History and Culture. «The Jamaican Historical Review», vol. III, № 3, March 1962, p. 8.

¹⁶ F. Morales Padron. Op. cit., p. 267, 60.

¹⁷ «The Tears of the Indians. Being an Historical and True Account of the Cruel Massacres and Slaughters of Above Twenty Millions of innocent People; Committed by the Spaniards in the Islands of Hispaniola, Cuba, Jamaica etc.» Fritten in Spanish by Casaus an Eye — witness of those Things, and made English by J. P. [hillips]. London, 1956. Это издание было указано нам В. Л. Афанасьевым.

¹⁸ H. P. Jacobs. The Spanish Period of Jamaican History. «Jamaican Historical Review», vol. III, № 1, 1957, p. 90, 91; M. Carley. Op. cit., p. 30.

¹⁹ T. Southey. Chronological History of the West Indies, vol. 1. London, 1827, p. 156.

²⁰ R. Martin. Op. cit., vol. 1, p. 9.

²¹ F. Morales Padron. Op. cit., p. 268.

²² W. Bryce. Reference Book of Jamaica. Kingston, 1947, p. 13.

²³ B. Edwards. Op. cit., vol. 2, p. 44.

²⁴ По другим данным, разрешение на ввоз 700 рабов датируется 1521 г.

²⁵ F. Morales Padron. Op. cit., p. 269, 270, 274—60, 273.

²⁶ Ibid., p. 270. Это данные 1556 г.; относятся они к Сан-Доминго, но автор считает, что их можно отнести и к Ямайке.

²⁷ N. Deerr. The History of Sugar, vol. 1. London, 1949, p. 175.

²⁸ «The Narrative of General Venables». London, 1900, p. 139.

- ²⁹ Рабам разрешено было выкупать свою свободу еще 9 декабря 1526 г. (Р. Альтамира-и-Кревеа. История Испании, т. I. М., 1951, стр. 159).
- ³⁰ F. Morales Padron. Op. cit., p. 273.
- ³¹ R. Martin. Op. cit., vol. I, p. 10.
- ³² Моралес Падрон полагает, что это были местные араваки; Джекобс считает их ввезенными с материка (H. J. Jacobs. Op. cit., p. 87).
- ³³ G. Friederici. Amerikanistisches Wörterbuch. Hamburg, 1947, S. 469, 470.
- ³⁴ «The Narrative of General Venables», p. 156.
- ³⁵ Эти страницы основаны преимущественно на статье Джекобса (указ. соч., стр. 87, 89). См. также: M. Carley. Op. cit., p. 28.
- ³⁶ Подробнее см.: «The Narrative of General Venables», p. 111—115; А. Самойло. Колониальная политика протектората. В кн. «Английская буржуазная революция XVII в.», т. II. М., 1954, стр. 54, 55.
- ³⁷ «The Narrative of General Venables».
- ³⁸ A. Rosenblatt. Op. cit., t. I, p. 88 (подсчет автора книги).
- ³⁹ H. Jacobs. Op. cit., p. 86.
- ⁴⁰ F. Morales Padron. Op. cit., p. 60.
- ⁴¹ Р. Альтамира-и-Кревеа. Указ. соч., стр. 263.
- ⁴² F. Morales Padron. Op. cit., p. 59—61.
- ⁴³ «The Narrative of General Venable», p. 98. В другом документе того времени говорится, что домов было 1000, а других городов Ямайка не имела (там же, стр. 139).
- ⁴⁴ B. Edwards. Op. cit., vol. I, p. 193. Венэблз с цифрой 500 согласен не был, считая ее, по-видимому, преуменьшенной («The Narrative of General Venables», p. 98). Об этих пяти сотнях см. также: «Cambridge History of the British Empire», vol. I. London, 1929; p. 229.
- ⁴⁵ «Calendar of State Papers, Colonial, America und the West Indies, 1574—1660». London, 1860, p. 429.
- ⁴⁶ «The Brief and Perfect Journal of the proceedings and Succers of the English Army in the West Indies... London, 1655; «The Harleian Miscellany», vol. III. London, 1745, p. 497. (В упомянутом выше издании по истории английской революции неправильно указан т. VI).
- ⁴⁷ «The Narrative of General Venables», p. 137.
- ⁴⁸ См., например: R. Martin. Op. cit., vol. I, p. 11 (Мартин ссылается при этом на Венэблза; данные последнего, однако, указанного Мартином деления не содержит); B. Edwards. Op. cit., vol. I, p. 193; A. Rosenblatt. Op. cit., p. 1, p. 222).
- ⁴⁹ W. A. Roberts. Op. cit., p. 19.
- ⁵⁰ F. Morales Padron. Op. cit., p. 5, 235, 60.
- ⁵¹ «The Present state of Jamaica...». London, 1683, p. 36.
- ⁵² «The Narrative of General Venables», p. 39; F. Morales Padron. Op. cit., p. 330.

Материалы русского путешественника и дипломата А. С. Ионина как источник по истории и этнографии стран Латинской Америки

В исследованиях, посвященных истории и этнографии стран Латинской Америки, еще почти не использовались оригинальные русские источники — путевые записки, дневники, мемуары, письма русских путешественников, побывавших в Латинской Америке, официальные донесения русских дипломатов и т. п. материалы. Между тем такие документы представляют большой интерес как источник для изучения проблем истории и этнографии Латинской Америки.

Среди документальных материалов русских дипломатов, побывавших в Латинской Америке, наибольший интерес в этом плане представляют, пожалуй, книги, статьи, донесения и письма русского путешественника, дипломата и писателя А. С. Ионина, сыгравшего важную роль в истории русско-латиноамериканских отношений конца XIX в.

А. С. Ионин (1837—1900) почти всю жизнь провел в русских консульствах и посольствах в Турции, Италии, Испании, Черногории, Болгарии и других странах. С 1884 по 1889 г. он пробыл в Бразилии в качестве русского посланника. За эти пять лет Ионин успел основательно познакомиться не только с Бразилией, но и с другими странами Южной Америки. Он совершил несколько путешествий, побывал в Уругвае, Аргентине, Парагвае, Чили, Перу и Боливии.

Ионин хорошо понимал необходимость установления и укрепления связей России со странами Латинской Америки. Это определялось прежде всего ростом экономического и политического значения стран Южной Америки, особенно Аргентины и Чили, в 80-х годах XIX в. В одном из своих донесений он писал: «Россия могла бы извлечь пользу, поддерживая частые и дружеские сношения с Южной Америкой»¹. Благодаря активной деятельности Ионина Россия установила в 1885 г. дипломатические отношения с Аргентиной, а в 1887 г. с Уругваем. Ионин

много сделал также и для укрепления экономических и культурных связей России с другими странами Латинской Америки.

В последние годы дипломатическая деятельность А. С. Ионина в Южной Америке нашла некоторое отражение в советской исторической литературе². Однако печатные и особенно рукописные материалы русского путешественника и дипломата еще почти не использовались нашими исследователями в качестве источника по истории и этнографии Латинской Америки.

Основной труд Ионина — книга очерков «По Южной Америке»³. Четыре тома этой книги вышли в 1892—1902 гг. По выражению одного из критиков книга Ионина «открыла русскому читателю Южную Америку»⁴. Путевые записки Ионина были первой русской работой, целиком посвященной Латинской Америке, которая была переведена на иностранные языки. Сразу же после выхода в свет книга была переведена на немецкий язык, отрывки из нее и изложение отдельных глав появились на французском и испанском языках. В 1897 г. русская Академия наук присудила Ионину за его труд премию.

Книга «По Южной Америке» родилась из донесений Ионина в министерство иностранных дел и писем друзьям и знакомым. В первом томе описано морское путешествие автора вдоль южных берегов Бразилии до Рио-Гранде-до-Сул, затем поездка по Уругваю до Буэнос-Айреса. Большая часть второго тома посвящена Аргентине, ее природным условиям, истории, современному политическому положению и т. п. В этом же томе рассказывается и о путешествии Ионина в Парагвай. Третий том целиком посвящен Чили. Четвертый том, который вышел в 1902 г., уже после смерти Ионина, включает в себя лишь 11 глав, посвященных Перу. Смерть помешала Ионину рассказать о Боливии и о своем путешествии по Амазонке; не был написан также и очерк о Бразилии.

Путевые очерки «По Южной Америке» даже в незаконченном виде — явление чрезвычайное. Писатель дает не только широкую, но и тщательно детализированную картину природы, населения, быта и нравов, истории, а также политической борьбы в странах Латинской Америки в конце XIX в., много места уделяет развитию национальной культуры и литературы. Подробный разбор книги требует специальной работы — достаточно сказать, что объем ее достигает почти 1700 страниц.

Характерная особенность книги — органическое влечение в живописную ткань повествования историко-географических сведений об описываемых странах и народах. Ионин привел огромное количество сведений географического характера, дал подробные историко-этнографические очерки Аргентины, Уругвая, Парагвая, Чили и Перу. В то же время труд Ионина — художественное произведение, увлекательно написанное, с массой живых зарисовок и пейзажей.

Книга Ионина представляет собой не только ценный источник по истории стран Южной Америки 80-х годов XIX в. Не меньшее значение она имеет и как источник по этнографии этих стран. Так, например, очень интересны заметки Ионина о народной поэзии Ла Платы. Он так описал свои впечатления от услышанной песни гаучо по дороге в Монтевидео в уругвайской пампе: «Песня была очень грустная, протяжная и в минорном тоне, с довольно короткими куплетами, мне вспомнилась и «Лучинушка» и «Не белы то снеги»... Я прислушался к словам: это была незатейливая история влюбленного гаучо, переданная самым незатейливым образом: гаучо оставил «ее» в своем ранчо и едет через степь добыть денег и вернуться назад, чтобы купить быков и жениться, он вспоминает, какие у нее глаза, походка и т. д.»⁵. Ионин приводил свой перевод этой песни и писал: «Я впоследствии записал несколько степных песен, но потом, к сожалению, во время дальнейших странствий, затерял эти клочки бумаги»⁶.

Ионин рассказывал о разных жанрах фольклора гаучо — «тристе», «видалитас» и замечал, что «здешняя вольная жизнь не убила инстинктивных порывов поэзии, как в Бразилии с ее душным лесом, с ее рабством, где вся национальная музыка ограничивается звуками цепей рабов, согнутых над раскаленной почвою»⁷.

В третьем томе книги, описывая свое путешествие по Чили, Ионин много места уделил Араукании. Он был одним из первых русских путешественников, совершивших большую поездку по этому району Чили. Ионин встречался с арауканцами, беседовал с вождями индейских племен. Этнографически точные описания арауканцев, их одежды, жилищ, особенностей быта и нравов придают книге особую ценность как историко-этнографическому источнику.

Рукописные материалы Ионина еще менее известны исследователям. Донесения Ионина в министерство иностранных дел хранятся в Архиве внешней политики России. В Центральном государственном архиве Октябрьской революции находится личный фонд Ионина, в котором представлены биографические документы, письма и т. п. материалы. Многие документальные материалы Ионина, особенно его письма, еще не разысканы. Среди них, возможно, имеются и неизвестные его письма из Латинской Америки.

Большая часть донесений и писем Ионина из Америки относится, естественно, к Бразилии. Русский дипломат приехал в заокеанскую империю в 1884 г., когда в стране нарастало движение против рабства. Уже к 60—70-м годам XIX в. рабовладельческая система стала главным тормозом в развитии страны. В ноябре 1884 г. в одном из своих первых донесений из Рио-де-Жанейро Ионин писал министру иностранных дел Н. К. Гирсу, что основной экономический вопрос в Бразилии — это уничтоже-

ние рабства⁸. В донесении в августе 1885 г. он подчеркивал, что «закон о рабстве [составляет], может быть, единственный интерес в делах Бразилии для международной политической жизни»⁹. Вопрос об отмене рабства был главной темой в предвыборной борьбе в Бразилии в конце 1885 г. В январе 1886 г. Ионин, комментируя результаты выборов в бразильский парламент, писал: «Страх перед экономическим переворотом, могущим произойти вследствие слишком поспешного решения этого вопроса (отмены рабства.— Л. Ш.) и был главной причиной торжества консерваторов на выборах...»¹⁰.

Вскоре после приезда в Бразилию Ионин совершил свое первое путешествие по стране, познакомился с провинцией Парана. О своих впечатлениях он рассказал в большом донесении в министерство иностранных дел. Ионин описывал тропическую природу Бразилии, отмечал значение европейской иммиграции для Бразилии. Но переселение европейских колонистов мало что давало для развития экономики центральной и южной части Бразилии, куда направлялся основной поток переселенцев. Ионин указывал, что «главную причину того, что колонии мало процветают в Бразилии, следует приписать преимущественно не климату, а самому политическому строю страны, приспособленному к рабовладельческой системе, которая, в свою очередь, обуславливает развитие до уродливых размеров большой земельной собственности помещиков»¹¹. «Почти вся земля, до которой может добраться не дикий человек, принадлежит относительно небольшому числу фамилий, которые разделили ее между собой во время провозглашения независимости или купили после за бесценок у правительства с помощью родства и взяток... Эти господа все рабовладельцы и пользуются, кроме того, феодальными правами в границах их собственности, так что государственная полиция или вовсе не существует или парализуется этими князьками-торгашами»¹². Ионин замечал, что ввиду этих обстоятельств «колонисты избегают помещаться рядом с рабами в качестве фермеров или работников на землях этих несговорчивых и довольно грубых плантаторов»¹³.

Особый интерес представляют донесения Ионина за 1888 г. 13 мая 1888 г. под натиском массового аболиционистского движения и восстаний негров-рабов был утвержден закон о немедленной отмене рабства в Бразилии. Бурные события этих дней нашли широкое отражение в донесениях Ионина.

Сразу же после 13 мая Ионин проницательно заметил в донесении в Петербург, что отмена рабства должна, очевидно, отразиться и на судьбе монархии в Бразилии. Он писал: «По его политическому значению уничтожение рабства сделалось, вероятно, для Бразилии... не только новым и важным законом, как например, уничтожение крепостного права у нас, но и политическим переворотом...»¹⁴. В октябре 1888 г. Ионин подчеркивал,

что «Бразилия, несомненно, находится накануне экономического кризиса, может быть, даже накануне политических смут и переворотов...»¹⁵. Ионин сообщал в Петербург, что «первым последствием уничтожения рабства явилась республиканская партия, с каждым днем усиливающаяся и формирующаяся из прежних консерваторов в парламенте и из плантаторов, бывших до сих пор, так сказать, опорой престола»¹⁶. Русский посланник давал объяснение этому процессу: «Плантаторы никакой органической связи собственно с империей, с единством Бразилии, не имели по своим материальным интересам. Их интересы сосредоточивались разве только около главного города своей провинции, куда они сбывали свой кофе и сахар... Империя казалась нужной для плантаторов, интерес которых... заключался ...в сохранении власти, могущей располагать внушительной силой и предохранять производителей от внутренних возмущений рабов или из-за рабов, и от внешнего влияния испанских республик, недружелюбно смотревших на рабовладельческую Бразилию...»¹⁷. После уничтожения рабства плантаторам «уже более нечего сохранять, им более не нужна сильная центральная власть для предохранения их интересов от насильственных переворотов... Плантаторы вдруг увидали, что им грозит разорение, что никаких средств у империи не достанет, чтобы поддержать капиталами их владельческие права и их производство, и у них родилась впервые мысль, что выгоднее замкнуться в своих провинциях, где они господа, и поддерживать свое существование местными средствами, не уделяя ничего на алтарь общих интересов...»¹⁸.

В сентябре 1888 г. Ионин сообщал Гирсу о весьма характерном происшествии в бразильском парламенте. Избранный на дополнительных выборах в провинции Минас-Жераис молодой адвокат «с республиканским оттенком политических убеждений» отказался принести присягу, считая, что она неприемлема для атеиста и республиканца. После этого происшествия палата депутатов решила вообще отменить присягу. Ионин подчеркивал, что тем самым «существование католицизма как государственной религии в Бразилии подорвано... Общественное мнение требует уже пересмотра этого основного закона, полной свободы совести, а главное, поднимается сильная агитация в пользу гражданского брака»¹⁹.

Русский дипломат писал об изменениях в экономической жизни Бразилии, которые должны произойти в результате отмены рабства. «Уничтожение рабства,— отмечал Ионин,— должно переделать радикально всю систему сельского хозяйства, на которой зиждется все богатство страны, вследствие чего произойдет, вероятно, перемещение не только капиталов, но и земельной собственности из одних рук в другие»²⁰. После отмены рабства экономика Бразилии в еще большей степени оказалась в руках

иностранных капиталистов, главным образом англичан. «Все предприятия, в которых главными акционерами были, конечно, те же плантаторы, продаются и переходят в руки иностранцев, — писал Ионин. — В немногие месяцы, прошедшие со времени освобождения рабов (13 мая), все частные железные дороги проданы уже англичанам, так что в руках бразильцев осталась только одна главная линия, казенная железная дорога, идущая из Рио в провинцию Минас. Все частные банки переходят также в руки иностранцев...»²¹.

В донесениях Ионина из Рио-де-Жанейро перед нами разворачивается живая и красочная картина бразильской жизни 80-х годов XIX в. Приведенные нами отрывки показывают, что эти материалы являются ценным источником по истории Бразилии эпохи отмены рабства и свержения монархии.

Не меньший интерес как источник представляют донесения и письма Ионина из Аргентины и Уругвая, где он был также аккредитован в качестве русского посланника. Так, Ионин приводил интересные сведения о развитии экономики Аргентины, о росте сельскохозяйственного производства в стране, о постройке железных дорог, рассказывал о политической борьбе в Аргентине и Уругвае. В письмах и донесениях Ионина приводятся также многочисленные историко-этнографические и географические сведения о других странах Латинской Америки, в которых он побывал во время своих путешествий.

В 1888—1889 гг. Ионин предпринял большое путешествие по Южной Америке, посетив Аргентину, Чили, Боливию, Перу и спустившись по Амазонке от истоков до устья. Это путешествие нашло отражение в письмах Ионина видному дипломату, советнику министерства иностранных дел России в те годы В. Н. Ламздорфу²². В одном из писем Ионин писал, что «нужно воспользоваться этим (путешествием.—Л. Ш.), чтобы немного изучить Америку. Я думаю, что мои донесения отсюда, возможно слишком пространные, расскажут Вам о вещах, которых у нас совершенно не знали, и о которых было бы не бесполезно знать — это мир, выходящий на мировую арену...» 20 мая 1889 г. Ионин писал Ламздорфу о своих впечатлениях от Боливии: «Я хочу описать Вам жизнь в этих необыкновенных местах, в этой любопытной столице республики Боливии, расположенной на высоте 13 000 футов, куда я прибыл три дня тому назад... Это великолепная страна, с озером Титикака, которое я только-что пересек. Альпы — пигмеи по сравнению с каменной цепью Кордильер, сверкающей белизной... Я собираюсь спуститься дней на двадцать на другую сторону Королевских Кордильер, в девственные леса, где берут начало реки, впадающие в Амазонку... По возвращении я еду в Лиму, и это будет последним этапом моего путешествия». Через несколько дней Ионин снова писал Ламздорфу: «Шесть дней тому назад я начал спуск по восточ-

ному склону Королевских Кордильер, перейдя их по перевалу высотой в 15 000 футов... Меняющаяся панорама Кордильер с гигантскими вершинами и головокружительными безднами заставляют забывать страх и усталость...» После путешествия по Боливии Ионин приехал в Перу. «Я рассчитываю остаться в Лиме, — писал он, — около месяца, чтобы немного отдохнуть в этом мягком климате и изучить эту бедную, совершенно разоренную республику. После того, как я сообщу свои наблюдения Александру Егоровичу (Влангали.— Л. Ш.)²³, я отправлюсь обратно в Рио-де-Жанейро». Сначала Ионин предполагал ехать через Панаму и, таким образом, совершить путешествие вокруг Южной Америки. Но затем он решил «снова пересечь Кордильеры... и спуститься по Амазонке, чтобы попасть в Бразилию».

Это сложное и довольно опасное по тем временам путешествие заняло несколько месяцев. Только в ноябре 1889 г. Ионин написал Ламздорфу: «Дорогой граф, вот я и нашелся. Мы приближаемся к городу Пара, в устье Амазонки, и так как этот город имеет прямое сообщение с Европой, я надеюсь отправить Вам это письмо сегодня же вечером... Вы давно уже потеряли меня из виду, и, возможно, считали погибшим во время моего рискованного путешествия, не имея новостей вот уже скоро четыре месяца...» Ионин описывал переход через Кордильеры и дальнейший путь до города Икитос. Далее он писал: «Я еще не составил продолжение моих донесений в форме писем Александру Егоровичу об изучении Америки после моего отъезда из Чили — поскольку в девственных лесах и в пироггах не было возможности писать, но я сделаю это по приезде, и министр получит полную картину положения в этих странах...»

Опубликованные и архивные материалы Ионина еще ждут своего использования. Рассмотрение их приводит к выводу о важности оригинальных русских источников для изучения истории и этнографии Латинской Америки. Поиски таких материалов, их публикация и введение в научный оборот — актуальная задача советской латиноамериканистики.

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1886 г., д. 88, л. 36.

² См.: Л. А. Шур. Из истории установления дипломатических отношений России со странами Латинской Америки (А. С. Ионин и его деятельность в Южной Америке). «Вопросы истории», 1964, № 8, стр. 211—215; Он же. Россия и Латинская Америка. М., 1964, стр. 89—100.

³ А. С. Ионин. По Южной Америке, т. I—IV. СПб., 1892—1902.

⁴ «Русский вестник», 1893, май, стр. 339.

⁵ А. С. Ионин. Указ. соч., т. I, стр. 219—220.

⁶ Там же, стр. 220.

⁷ Там же, стр. 223.

⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1884 г., д. 77, л. 20—21.

⁹ Там же, 1885 г., д. 88, л. 71—71 об.

¹⁰ Там же, 1886 г., д. 88, л. 4.

- ¹¹ Там же, 1885 г., д. 88, л. 35 об.
¹² Там же, л. 35 об.— 36.
¹³ Там же, л. 36—36 об.
¹⁴ Там же, 1888 г., д. 83, л. 20 об.
¹⁵ Там же, л. 62 об.— 63.
¹⁶ Там же, л. 36.
¹⁷ Там же, л. 36—37.
¹⁸ Там же, л. 38—39.
¹⁹ Там же, л. 46—46 об.
²⁰ Там же, л. 51.
²¹ Там же, л. 61 об.— 62.
²² ЦГАОР, ф. 568, оп. 1, д. 514, лл. 86—100. Здесь и далее письма Ионина В. Н. Ламздорфу даны в переводе с французского.
²³ А. Е. Влангали в 80-х годах XIX в. был товарищем министра иностранных дел России.

Архив экспедиции Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1829)

В августе 1811 г. был опубликован указ Александра I об учреждении в Рио-де-Жанейро «для пользы торговли» поста генерального консула¹. Первым российским консулом в бразильской столице стал К. И. Лабенский, выполнявший до этого аналогичные обязанности в Париже, однако уже осенью 1812 г. вместо него был назначен академик Григорий Иванович Лангсдорф. Интересы нового консула, известного натуралиста и путешественника, выходили далеко за пределы служебных функций, и 13 июня 1821 г., будучи в Петербурге, он представил министру иностранных дел России К. В. Нессельроде проект организации большой русской экспедиции во внутренние районы Бразилии. Эта почти неизученная страна привлекала в то время многочисленных европейских исследователей. Только в начале XIX в. там побывали М. Вид-Нейвид, И. Шпикс и К. Мартиус, И. Поль и И. Наттерер, О. Сент-Илер, Г. Костер и др. Проект Лангсдорфа получил одобрение царского правительства, были ассигнованы средства для путешествия.

Судьба организатора экспедиции — необычна. Он родился в апреле 1774 г. в местечке Вёлльштейн в княжестве Гессен-Дармштадт, в 1797 г. получил в Гёттингенском университете степень доктора медицины, затем жил в Португалии, а в 1803—1805 гг. участвовал в кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Во время путешествия Г. И. Лангсдорф побывал на бразильском о-ве Санта-Катарина. Это посещение произвело большое впечатление на молодого ученого и во многом определило его будущие интересы. В марте 1808 г. он через Сибирь приехал в Петербург и несколько лет жил в России, занимаясь естественными науками и подготавливая к печати описание своих путешествий, которое увидело свет в 1812 г.² В этом же году, за несколько месяцев до своего назначения в Рио-де-Жанейро, Г. И. Лангсдорф был избран членом Петербургской Академии наук.

В 1813—1821 гг. Г. И. Лангсдорф много путешествовал по Бразилии, установил связи с работавшими там европейскими исследователями³ и представителями бразильской администрации, регулярно сообщал о своих находках и наблюдениях в Петербург, Конференции Академии наук. Имя ученого вскоре стало хорошо известно в Бразилии⁴. Поставленный во главе русской экспедиции, Лангсдорф начал деятельно готовиться к осуществлению уже сложившихся у него планов всестороннего изучения бразильской природы, населения и хозяйства страны.

По широте замысла, составу участников, оснащенности оборудованием это научное предприятие являлось одним из немногих в то время. Спутниками Лангсдорфа были ботаник Л. Ридель, зоологи Э. П. Менетрие, а позднее Х. Гассе, астроном, офицер русского флота Н. Г. Рубцов, препаратор Г. Фрейрейс, художники: сначала М. Ругендас, а с 1825 г.— Г. Флоранс и А. Тонэй.

В 1821 — первой половине 1825 г. участники экспедиции работали главным образом в провинциях Рио-де-Жанейро и Минас-Жераис, а затем начали исследование центральных районов страны. В 1825—1828 гг. они, продвигаясь по рекам и совершая длительные переходы по суше, обследовали провинции Сан-Паулу, Мату-Гросу, Пара и др. Весной 1828 г., поднимаясь по рекам Аринус и Журузна, многие путешественники заболели тропической лихорадкой. Болезнь Лангсдорфа вскоре приняла форму психического расстройства и экспедиция была прервана. Рубцов и Ридель в 1829—1830 гг. доставили в Россию собранные ею коллекции. Они были размещены в различных музеях и кабинетах Академии наук. В 1831 г. Лангсдорф вышел в отставку и поселился в великом герцогстве Баденском, во Фрейбурге (Брейсгау).

Тяжелый недуг помешал ученому обработать собранные в период путешествия материалы и создать труды, в которых были бы обобщены результаты его многолетних наблюдений в Бразилии. Экспедиционный архив, привезенный в Петербург вместе с коллекциями, вскоре бесследно затерялся и в течение почти ста лет считался утраченным. Не стали широко известны и подробные отчеты, которые во время экспедиции Лангсдорф посылал в министерство иностранных дел и Петербургскую Академию наук. Отчеты, адресованные в МИД на имя К. В. Неселюреде, никогда не публиковались, из писем же в Академию наук появилось в печати лишь одно, датированное апрелем 1827 г. и рассказывавшее о путешествии из Порту Фелис на р. Тиете в Куябу⁵. Можно отметить также, что в 1825 г. в «Северном архиве» был опубликован отрывок из письма Лангсдорфа к отцу, в котором ученый сообщал о своих планах исследования Бразилии⁶. Прочие немногочисленные материалы о деятельности Лангсдорфа в Южной Америке и ходе его экспедиции,

публиковавшиеся на страницах «С.-Петербургских ведомостей», «Московского телеграфа» и других изданий представляли собой скупые хроникальные сообщения⁷. Таким образом, русские читатели, следившие за ходом путешествия по далекой экзотической стране, получали о нем довольно скудные сведения.

В 20—30-х годах XIX в. из трудов участников экспедиции были опубликованы в Германии и Франции заметки о Бразилии Г. Фрейрейса и альбом рисунков М. Ругендаса. Фрейрейс начал работать под руководством Лангсдорфа в 1813 г., в 1815—1817 гг. он вместе с М. Видом-Нейвидом обследовал центральные районы Бразилии, однако участие его в русской экспедиции 1821—1829 гг. было весьма непродолжительным, поэтому указанные заметки имели лишь косвенное отношение к ней⁸. Мастерски выполненные рисунки Ругендаса были посвящены бразильским ландшафтам, быту и нравам индейцев, негров, потомков португальских завоевателей. Альбом художника вызвал большой интерес в Европе и неоднократно переиздавался⁹.

В июне 1852 г. во Фрейбурге умер Г. И. Лангсдорф. Смерть ученого, жившего со времени возвращения из Бразилии крайне уединенно, не осталась, однако, незамеченной. В России, Германии, Франции были опубликованы некрологи, в которых рассказывалось о его жизни и путешествиях¹⁰. Еще одно упоминание об экспедиции промелькнуло в России в 1858 г. в «Морском сборнике» в связи с сообщением о смерти М. Ругендаса¹¹.

В начале 70-х годов XIX в. историей экспедиции заинтересовался вице-адмирал и писатель А. В. Фрейганг. Одной из тем, весьма его интересовавших, была история службы иностранцев в России. Интересно отметить, что будучи немцем по происхождению адмирал был ярым славянофилом¹² и рассматривал деятельность иностранцев именно с этих позиций. Обратясь к биографии Лангсдорфа, он задумал включить ее в серию очерков, посвященных разоблачению «бесчисленных иностранных вампиров, которые ...бесцеремонно эксплуатировали отечество в доброе старое время»¹³, и начал собирать материалы для этой цели. Работа Фрейганга основывалась на некоторых найденных им донесениях Лангсдорфа К. В. Нессельроде, в которых ученый, отчитываясь в проделанном, просил необходимых ассигнований для продолжения путешествия. Не зная об архиве экспедиции, не ознакомившись с собранными ею коллекциями, Фрейганг написал статью, в которой Лангсдорф обрисован как мошенник, долгие годы обманывавший русское правительство. Статья эта не увидела света, хотя, видимо, уже была в руках наборщика, так как ее края запачканы типографской краской.

За биографией Г. И. Лангсдорфа, по мысли А. В. Фрейганга, должен был следовать очерк об известном авантюристе Георге Шеффере, который в 1815—1817 гг. пытался распространить влияние Российско-Американской компании на Гавайские

острова. После смерти Фрейганга в 1880 г. его материалы попали к юристу и литератору Н. Я. Воскобойникову¹⁴, который начал писать статью «Шеффер и Лангсдорф»¹⁵. Н. Я. Воскобойников, вероятно, не завершил начатой работы, и она не была опубликована.

После упоминания в «Морском сборнике» в 1858 г. и до начала XX в. имя Лангсдорфа как руководителя экспедиции в Бразилию почти не встречалось в русской печати.

Между тем в Бразилии и Германии в конце XIX в. предпринимались исследования и публикации, связанные с изучением истории и материалов экспедиции Лангсдорфа. В 1875—1876 гг. бразильский историк Альфреду Таунай, племянник А. Тонэя опубликовал в переводе с французского на португальский язык дневник Г. Флоранса¹⁶. Текст дневника он снабдил вступительной статьей, страдавшей, правда, рядом серьезных неточностей, но все же суммировавшей разнообразные сведения о ходе экспедиции и ее участниках. С тех пор этот дневник неоднократно использовался в работах по этнографии Бразилии. В Германии в 1886 г. появилась небольшая статья о Г. И. Лангсдорфе Ратцеля, в 1898 г. — К. Гёдеке, а в следующем году в журнале «Глобус» была опубликована интересная работа известного немецкого путешественника и этнографа К. Штейнена, посвященная рисункам Г. Флоранса, часть которых оказалась у ученого¹⁷. В 1911 г. с содержательной статьей о художниках, путешествовавших по Южной Америке и оставивших зарисовки этнографического характера, выступил швейцарский исследователь Г. Тен Катэ¹⁸. Большое место в его работе было уделено М. Ругендасу и Г. Флорансу. В 1912 г. статья Г. Тен Катэ была помещена в трудах XVII Международного конгресса американистов, изданных в Буэнос-Айресе¹⁹.

В 1914 г. вышел десятый том «Русского биографического словаря», в котором была помещена статья о Лангсдорфе. В ней, однако, ни слова не говорилось об экспедиции в Бразилию. К началу 10-х годов XX в. сам факт ее был в России, видимо, полностью забыт.

История путешествия привлекла внимание неожиданно. К. К. Гильзен, заведовавший Отделом Центральной и Южной Америки академического музея антропологии и этнографии, обнаружил в нем множество предметов, частью совсем утративших этикетки, частью помеченных неизвестной ему подписью «Langsdorff». Он рассказал о таинственных предметах молодому этнографу Г. Г. Манизеру, который был тесно связан с музеем, занимаясь там под руководством профессора Л. Я. Штернберга, но и для него они тогда были загадкой.

В апреле 1914 г. Манизер в составе русской научной экспедиции отправился в Южную Америку, а в феврале следующего года ему довелось заниматься в Национальном музее в Рио-де-

Жанейро. Здесь ученый обратил внимание на то, что предметы коллекций, собранных у индейцев племени мундуруку, очень сходны с известными ему экспонатами Гильзена и впервые услышал о путешествии Лангсдорфа.

Сразу после возвращения на родину Манизер начал интенсивные розыски материалов о забытой экспедиции. Гильзен, занимавшийся этнографическим изучением некоторых индейских племен, посещенных Лангсдорфом и его спутниками, тоже заинтересовался историей экспедиции²⁰. Однако в начале 1917 г. он отказался от намерения написать биографию Лангсдорфа и передал свои материалы Манизеру, который получил предложение директора Музея антропологии и этнографии академика В. В. Радлова начать работу над книгой о первой русской экспедиции в Бразилию²¹.

В основу исследования Манизера легла бразильская публикация дневника Г. Флоранса. Манизер использовал также рукопись Н. Г. Рубцова «Астрономические наблюдения», часть переписки Лангсдорфа, рисунки экспедиционных художников, изучил коллекции, собранные путешественниками. Задуманную книгу он закончил весной 1917 г. В 1917 г. Манизер, находясь на Румынском фронте, умер от сыпного тифа на 28-м году жизни. Работа талантливого ученого об экспедиции Лангсдорфа не была в то время опубликована и попала в Архив Академии наук²². Однако о ней же забыли. По материалам этой работы были сделаны доклады и написаны статьи.

В 20-х годах советский этнограф и лингвист В. Г. Богораз-Тан занялся изучением рисунков Г. Флоранса, А. Тонзя и М. Ругендаса²³. В 1926 г. он выступил в Риме на XXII Международном конгрессе американистов с докладом о русских экспедициях в Южную Америку, в котором рассказал и об экспедиции Лангсдорфа²⁴. В 1928 г. И. Д. Стрельников, товарищ Манизера по путешествию в Южную Америку, доложил об экспедиции Лангсдорфа XXIII Международному конгрессу американистов²⁵.

В 1930 г. Архив АН СССР приступил к работе по учету и концентрации архивных материалов, находившихся в различных академических учреждениях. В этом году в одном из шкафов Ботанического музея среди гербарных папок научный сотрудник архива Л. Б. Модзалевский обнаружил большой прекрасно сохранившийся архив экспедиции Лангсдорфа, сразу привлечший внимание научной общественности²⁶.

С начала 30-х годов архив изучала Н. Г. Шпринцин, начавшая свою научную деятельность под руководством В. Г. Богораз-Тана и Л. Я. Штернберга. Она проделала сложную и кропотливую работу по систематизации и описанию найденных материалов, составивших отдельный фонд. В него входят обширные дневники Лангсдорфа 1824—1828 гг., неизвестный список дневника Флоранса, законченные работы участников экспеди-

ции, а также различные их заметки, наброски и библиографические выписки. Широко представлены в фонде материалы по истории, этнографии, экономике, статистике, экономической географии, языкам индейских племен. Это сделанные Лангсдорфом в бразильских архивах копии документов, касающихся добычи полезных ископаемых, строительства первых фабрик, экономической политики, положения индейцев; статистические таблицы, дающие представление о численности, социальном и расовом составе населения в разных городах и провинциях, а также о внешней торговле; заметки о промыслах и сельском хозяйстве, документы о бсрбе за независимость Бразилии, словари индейских языков, записи фольклорного характера и многие другие материалы. Большой интерес представляет также обширная переписка Г. И. Лангсдорфа 1824—1828 гг. и другие документы.

В 1935 г. Шпринцин выступила с докладом об экспедиции Лангсдорфа в Институте истории науки и техники АН СССР²⁷. В это же время она начала готовить к изданию труд Г. Г. Манизера. О результатах своей работы ученая рассказала в статье «Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию в первой четверти XIX века»²⁸. В этой статье не только кратко излагалось содержание рукописи Манизера и приводились сведения об изучении экспедиции, но было показано ее место в истории исследования жизни и быта индейских племен Бразилии. Осуществить издание книги Манизера удалось, однако, лишь в 1948 г.²⁹ С выходом ее в свет сведения об экспедиции стали достоянием широкого круга исследователей — этнографов, историков, географов. Книга Манизера, включающая биографию Лангсдорфа и очерк истории его экспедиции, была снабжена вступительной статьей и подробными комментариями Шпринцин.

Исследуя архив экспедиции Лангсдорфа, а также материалы, собранные Манизером и его спутниками в 1914—1915 гг., Шпринцин впервые (в 1947 г.) поставила вопрос о важности использования русских источников для изучения этнографии и истории стран Латинской Америки³⁰, а спустя два года в статье «Положение индейцев и негров Бразилии (по материалам русских экспедиций)» она на конкретном материале показала ценность такого рода источников³¹. Шпринцин начала также научную публикацию материалов архива экспедиции. В 1936 г. ею была издана одна из рукописей Флоранса, а в послевоенные годы — отрывки из дневников Лангсдорфа, посвященные индейцам гуато и апиака³². Уже беглое ознакомление с этими дневниками на немецком языке показало, что потребуется проделать большую работу, прежде чем станет возможным понять их содержание. Почерк Лангсдорфа чрезвычайно неразборчив. Он писал самыми различными по составу и цвету чернилами, пользовался готическим письмом, делал сокращения слов, сливал вместе буквы, вставлял слова на португальском, латинском, француз-

ском языке. Шпринцин принадлежит инициатива в организации расшифровки рукописей Лангсдорфа. Она была начата в 1936 г. В. А. Егоровым, а в настоящее время ее продолжает М. В. Крутикова.

В 1952 г. в связи со столетием со дня смерти Лангсдорфа Шпринцин сделала доклад об экспедиции на заседании Отделения истории географических знаний Географического общества СССР³³, а затем выступила с новой статьей о ней³⁴. В докладе была дана классификация экспедиционных материалов, в статье рассказывалось о их значении для изучения истории и этнографии Бразилии.

В 1953 г. Н. Г. Шпринцин обнаружила в Ленинградском отделении Архива АН СССР анонимную рукопись «Путешествие Лангсдорфа в Южную Америку в 1820-х годах» и высказала предположение, что это дневник Н. Г. Рубцова³⁵. Более детальное исследование рукописи подтвердило гипотезу Шпринцин о ее авторе, но она оказалась не дневником, а описанием, составленным путешественником после возвращения в Россию в начале 30-х годов XIX в., видимо, по материалам путевых записок³⁶.

В конце 50-х — начале 60-х годов внимание Шпринцин было обращено на исследование лингвистических материалов, собранных экспедицией³⁷. Некоторые работы ученой остались неопубликованными и хранятся ныне в Ленинградском отделении Архива АН СССР³⁸.

Об архиве экспедиции и ее истории писали также В. Ф. Гнучева, О. К. Васильева-Шведе, В. Л. Некрасова и А. В. Прусак³⁹. Экспедиция Лангсдорфа упоминается в трудах по истории Бразилии, истории географических исследований, в работах о русско-латиноамериканских отношениях⁴⁰.

В последние годы была проведена большая работа по выявлению новых материалов, связанных с историей экспедиции Лангсдорфа. Неизвестные документы удалось найти в Архиве внешней политики России, Центральном государственном историческом архиве СССР и других архивохранилищах. Географ А. И. Алексеев недавно установил, что в Центральном государственном архиве Военно-Морского флота СССР хранятся 28 карт маршрутов экспедиции и 8 красочных планов бразильских городов, портов и мануфактур, составленных и вычерченных Н. Г. Рубцовым⁴¹. Там же были обнаружены и документы о жизни и деятельности этого путешественника. Находки подчас делались в самых неожиданных местах. Так, еще в середине 40-х годов историк естествознания А. Е. Гайсинович купил в одном из букинистических магазинов Москвы рукопись, оказавшуюся путевым дневником Э. П. Менетрие⁴².

В послевоенные годы, так же как и раньше, материалы экспедиции Лангсдорфа привлекали внимание исследователей разных стран, особенно Бразилии⁴³. Они имели возможность позна-

комиться с содержанием архива экспедиции по переводам статей Шпринцин⁴⁴, кроме того в 1956 г. известный советский географ С. В. Калесник на XVIII Международном географическом конгрессе в Рио-де-Жанейро передал бразильским ученым фотокопии отдельных листов из дневников Лангсдорфа. В Сан-Паулу при участии Афонсу Таунай несколько раз переиздавался список дневника Флоранса, опубликованный впервые в 1875—1876 гг. Эти издания были иллюстрированы многими неизвестными рисунками художника⁴⁵. В Бразилии, Мексике, ФРГ вышла целая серия работ о творчестве Ругендаса⁴⁶. Основным материалом для их авторов послужили более 3000 работ художника, купленных в 1848 г. баварским королем Людвигом I и в большинстве своем хранящихся ныне в библиотеках и музеях ФРГ. Среди них есть много рисунков, выполненных Ругендасом во время экспедиции Лангсдорфа.

В последнее время в Бразилии значительно усилился интерес к архиву русской экспедиции. В 1963 г. с ним познакомился побывавший в Ленинграде известный бразильский этнограф и историк проф. Клементе Мария да Силва-Нигра. Ученый отметил большую ценность материалов экспедиции Лангсдорфа для изучения прошлого его страны. В бразильской прессе появились статьи об «открытии Бразилии в русских архивах»⁴⁷.

В настоящее время Академия наук СССР готовит полное издание материалов экспедиции Г. И. Лангсдорфа, которое даст возможность специалистам в разных областях знаний заняться их комплексным исследованием. Эта работа имеет большое научное значение. Важным аспектом является исследование материалов архива экспедиции Г. И. Лангсдорфа как источника социально-экономической истории Бразилии первой трети XIX в. Должно быть продолжено также начатое Н. Г. Шпринцин изучение этнографических материалов, собранных путешественниками и дающих обильные сведения о жизни и быте бразильского населения в больших и малых городах, поместьях-fazendas, на золотых и алмазных приисках, о положении и культуре ряда индейских племен, многие из которых теперь истреблены или ассимилированы. Внимания лингвистов достойны многочисленные словари индейских языков. Значительный интерес, на наш взгляд, представляет экспедиционный архив и с точки зрения истории географии, так как путешествия Лангсдорфа и его спутников явились одним из этапов продолжающегося до сих пор процесса освоения человеком Бразильского нагорья и Амазонской низменности. Наконец, архив экспедиции имеет первостепенное значение для разработки вопросов истории изучения Латинской Америки в России.

Исследование и публикация результатов многолетней деятельности первой русской экспедиции в Бразилии — важная задача советских латиноамериканистов.

- ¹ ЦГИА СССР, ф. 1329, оп. 3, л. 310, л. 78.
- ² G. Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Bd. 1—2. Frankfurt-am-Main, 1812.
- ³ J. B. Spix und K. F. Ph. Martius. Reise in Brasilien in den Jahren 1817 bis 1820, Bd. 1. München, 1823. S. 150, 158, 176; Aug. de Saint-Hilaire. Voyage dans les Provinces de Rio de Janeiro et de Minas Geras, vol. I. Paris, 1830, p. 51, 129, 137, 225.
- ⁴ L. Bourdon. Lettres familières et Fragment du Journal intime de Ferdinand Denis à Bahia (1816—1819). Coimbra, 1957, p. 73, 80.
- ⁵ «Новейшие открытия в Бразилии. Извлечение из письма Г. Лангсдорфа. Куяба, главный город провинции Матто-Гроссо, 7 апреля 1827 г.». «Северный архив», 1828, ч. XXXI, стр. 371—377; «St. Petersburgische Zeitung», 29.VI 1828.
- ⁶ Извлечение из письма Г. Лангсдорфа, российского генерального консула в Бразилии, к его отцу. «Северный архив», 1825, ч. XVIII, стр. 405—407.
- ⁷ «С.-Петербургские ведомости», 11.VI 1818; 29.XI 1818; «Московский телеграф», 1825, ч. 4, № 14, стр. 178; см. также «Revue encyclopédique», t. XVI. Paris, 1822, p. 199.
- ⁸ G. W. Freyreiss. Beiträge zur näheren Kenntniss des Kaiserthum Brasilien, nebst einer Schilderung der neuen Kolonie Lepoldina. Frankfurt, 1824.
- ⁹ «Die malerische Reise in Brasilien und Voyage pittoresque dans le Brésil von Mor. Rugendas». Paris und Mühlhausen, 1827—1835; «Das Merkwürdigste aus der malerischen Reise in Brasilien von Moritz Rugendas». Schaffhausen, 1836.
- ¹⁰ «Морской сборник», 1852, т. VIII, № 9, стр. 254—255; «Notice Nécrologique sur le Baron George-Henri de Langsdorff...» par E. de Saint-Maurice Cabany. Extrait de Nécrologie Universel du XIX siècle. Paris, 1853 и др.
- ¹¹ «Морской сборник», 1858, т. XXXVII, № 9, стр. 89—90.
- ¹² См., например, письма к нему И. С. Аксакова, П. И. Бартенева, А. Ф. Гильфердинга (ЛОААН, ф. 220, оп. 5, № 12, 13, 16).
- ¹³ А. В. Фрейганг. Георг Генрих Лангсдорф. ЛОААН, р. IV, оп. 1, № 1012, л. 15.
- ¹⁴ «Новое время», 1895, № 6794.
- ¹⁵ Н. Я. Воскобойников. Шеффер и Лангсдорф. ЛОААН, р. IV, оп. 1, № 1012, лл. 1—14.
- ¹⁶ «Esboço da viagem feita pelo Sr. do Langsdorff no interior de Brasil, desde Setembro de 1825 ate Março de 1829 escripto em original francez pelo 2-o desenhista da Commissao scientifica Hercules Florence traduzido por Alfredo d'Escragnolle Taunay». «Revista Trimensal do Instituto historico, geographico ethnographico do Brasil», 1875, t. XXXVIII, parte primeira, p. 355—469, parte secunda, p. 231—301; 1876, t. XXXIX, parte secunda, p. 157—182.
- ¹⁷ «Allgemeine Deutsche Biographie», Bd. 17, Leipzig, 1886, S. 689—690; «Grundriß zur Geschichte der deutschen Dichtung», 6. Bd, 7. Buch, I. Abt. Leipzig, Dresden, Berlin, 1898; K. von den Steinen. Indianertypen von Hercules Florence. «Globus», Bd. 75, 1899, S. 5—9, 30—35.
- ¹⁸ H. Ten Kate. Sur quelques peintures-ethnographes dans l'Amérique du Sud. «L'Antropologie», t. XXII, 1911, p. 15—35.
- ¹⁹ «Actas del XVII Congresso Internacional de Americanistas». Buenos Aires, 1912, p. 568—595.
- ²⁰ К. К. Гильзен. Человеческая голова, как военный трофей, у индейцев племени мундуруку. «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. V. Лг. 1919; ЛОААН, ф. 46, оп. 1, № 83.
- ²¹ ЛОААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 71, лл. 37, 38; ф. 46, оп. 1, № 84, л. 1, 2.
- ²² ЛОААН, р. IV, оп. 1, № 645.

- 23 W. Bogoras. Langsdorff expedition to Brasil. A series of drawings by Florence, Taunay and Rugendas. ЛОААН, ф. 250, оп. 1, № 109.
- 24 W. Bogoras. Le centième anniversaire des expéditions russes à l'Amérique du Sud. Atti del XXII Congresso Internazionale degli Americanisti, vol. II. Roma, 1928, p. 607—617.
- 25 И. Д. Стрельников. Русская экспедиция в Бразилию академика Лангсдорфа (1821—1829). «Природа», 1929, № 1; I. D. Strel'nikov. The Expedition of G. I. Langsdorff to Brasil in 1821—1829. Proceedings of the Twenty-Third International Congress of Americanists. N. Y., 1930, p. 751—759.
- 26 «Вестник АН СССР», 1931, № 2, стр. 52—53; «Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов». «Труды Архива Академии наук СССР», вып. 1. Л., 1933, стр. 94.
- 27 ЛОААН, р. V, оп. Л-6, № 8.
- 28 «Советская этнография», 1936, № 1, стр. 109—120.
- 29 Г. Г. Манизер. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1828). М., 1948.
- 30 Н. Г. Шпринцин. Материалы русских экспедиций в Южную Америку, хранящиеся в Архиве АН СССР и Институте этнографии. «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 187—194.
- 31 «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. VII, 1949, стр. 62—69.
- 32 Н. Г. Шпринцин. Живописное описание путешествия из Порту Фелис в Куяба Г. Флоранса. «Советская этнография», 1936, № 6, стр. 104—110; Н. Г. Шпринцин, М. В. Крутикова. Индейцы гуато. «Известия ВГО», 1948, т. 80, вып. 6, стр. 500—506; Н. Г. Шпринцин. Индейцы апиака. (Из материалов первой русской экспедиции в Южную Америку). «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. X, 1950, стр. 84—96.
- 33 ЛОААН, р. IV, оп. 69, № 8; см. также «Известия ВГО», 1952, т. 84, вып. 5, стр. 526—527.
- 34 Н. Г. Шпринцин. Первая русская экспедиция в Бразилию. Сб. «Вопросы географии». М.—Л., 1956, стр. 344—349.
- 35 Там же, стр. 346.
- 36 Б. Н. Комиссаров. Новый русский источник по истории и этнографии Бразилии 20-х годов XIX века. (Записки Н. Г. Рубцова). «Советская этнография», 1963, № 3, стр. 172—176.
- 37 Н. Г. Шпринцин. Из архивных материалов по языкам индейцев Бразилии. «Советская этнография», 1964, № 3, стр. 139, 140.
- 38 ЛОААН, р. IV, оп. 69, № 3, 7, 10.
- 39 «Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв.». Сост. В. Ф. Гнучева. «Труды Архива АН СССР», вып. 4. М.—Л., 1940, стр. 167—171; О. К. Васильева-Шведе. Лингвистические материалы русской экспедиции в Бразилию 1821—1829 гг. «Научный бюллетень ЛГУ», № 14—15, 1947; В. Л. Некрасова и А. В. Пруссак. К истории Бразильского филиала С.-Петербургского ботанического сада (1831—1836 гг.) и бразильских коллекций Лангсдорфа и Риделя. «Ботанический журнал», 1957, № 5.
- 40 «Очерки истории Бразилии». М., 1962; И. П. Магидович. История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М., 1965; Л. А. Шур. Россия и Латинская Америка. М., 1964 и др.
- 41 А. И. Алексеев, Б. Н. Комиссаров, Н. Г. Рубцов и его роль в исследовании Бразилии. «Известия ВГО», 1966, т. 98, вып. 6, стр. 500—506.
- 42 В настоящее время эта рукопись находится в личном архиве А. Е. Гайсиновича в Москве.
- 43 P. Calmon. Do Tietê ao Amazonas. «O Cruzeiro», 25.VIII 1962, p. 86; В. Schneiderman. Caminhos de compreensão. «O Estado da Sao Paulo», 7.VII 1962.

- ⁴⁴ N. G. Chprintsine. A primeira expedicao Russa ao Brasil. «Boletim paulista de Geografia», 1958, № 28, p. 70—77.
- ⁴⁵ См., например, H. Florence. Viagem Fluvial do Tietê ao Amazonas de 1825 a 1829. Sao Paulo, 1948. О материалах Г. Флоранса, хранящихся за рубежом, и их изучении см. в этой книге предисловия Афонсу Таунай и Аталиба Флоранса.
- ⁴⁶ F. Fernandez Serrano. Juan Moritz Rugendas y su Collection de pinturas costumbristas. «Anales del Instituto Nacional de Antropologia e História, t. II. Mexico. 1947; G. Richert. Johann Moritz Rugendas. Ein Deutscher Maler in Ibero-Amerika. München, 1952; D. James. Rugendas no Brasil; obras inéditas. «Revista do patrimonio histórico e artistico nacional», Rio de Janeiro, 1956, № 3; E. Núñez. América in paint and charcoal, German artist Rugendas record of his travels. «Américas», vol. 12, № 11, 1960.
- ⁴⁷ O. Tavares. Redescoberta nos arquivos do Rússia do Brasil. «Diario de Noticias», Cidade de Salvador, 16.V 1965; «O Cruzeiro», 19.XII 1964.

Кубинская историография в период «номинальной» республики (1902—1958)

Победа социалистической революции на Кубе в 1959 г. обратила на этот маленький остров, затерянный в изумрудных водах Карибского моря, внимание народов всего мира. Революция вызвала всеобщий интерес не только к настоящему, но и к прошлому Кубы, которое, несомненно, могло дать ключ к пониманию происходивших на острове великих перемен. Отмечая это обстоятельство, американский исследователь Роберт Фримэн Смит в статье, посвященной кубинской историографии XX в., с сожалением констатировал, что хотя кубинские историки и создали большое число заслуживающих внимания работ, историки США не проявляли до революции к ним интереса, что теперь отрицательно сказывается в весьма практической области человеческих отношений¹. Вот к каким печальным результатам приводит иногда чувство превосходства, свойственное официальным историкам империалистических держав по отношению к их коллегам из стран, находящихся у них в подчинении. Смит прав: за такие ошибки история заставляет дорого расплачиваться...

Историю Кубы можно разделить на четыре крупных периода: доколумбовый период — с древнейших времен до завоевания острова испанцами; колониальный период — с начала XVI по конец XIX в.; период буржуазной, или «номинальной», республики — с 1902 по 1958 г. и период социализма — от победы революции в 1959 г. по настоящее время.

Период буржуазной республики в свою очередь можно разделить на три этапа: от провозглашения независимости в 1902 г. по 1918 г., когда на Кубе начинается подъем рабочего и национально-освободительного антиимпериалистического движения, испытывающего на себе влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции; с 1918 по 1933 г. — до потерпевшей поражение буржуазно-демократической революции; с 1933 г. до победы революции в 1959 г.

Куба провозгласила свою независимость в 1902 г., однако только в начале 20-х годов появляются первые кубинские исто-

рики-специалисты. Таким образом, историография независимой Кубы является по существу продуктом новейшего периода ее истории.

Завоеванию кубинской независимости, как известно, предшествовала начавшаяся в 1895 г. война кубинского народа против испанского колониализма, вдохновителями и руководителями которой выступали революционные демократы Хосе Марти и Антонио Масео. В 1898 г., когда кубинские патриоты практически одержали победу, Соединенные Штаты, давно намеревавшиеся завладеть Кубой, объявили войну Испании и оккупировали остров. Кубинский народ требовал вывода американских войск. Однако США согласились на это только тогда, когда кубинское учредительное собрание приняло так называемую поправку американского сенатора Платта к конституции, которая давала Вашингтону право вводить войска на Кубу по своему усмотрению, а также право на создание в районе Гуантанамо военно-морской базы.

Куба, таким образом, в 1902 г. формально стала независимой, фактически же она подпала под экономическое и политическое влияние американского империализма, который неоднократно посылал свои войска на остров для усмирения непокорных кубинцев. Хотя власть находилась в руках проимпериалистической буржуазии, властителями дум кубинского народа в первые два десятилетия XX в. выступают три видных участника движения за независимость прошлого столетия — Энрике Варона (1849—1933), Мануэль Сангили (1848—1925) и Хуан Гуальберто Гомес (1854—1933). Все они, не будучи историками-специалистами, много, ярко и страстно писали как о прошлом Кубы, так и о ее настоящем с патриотических и антиколониалистских позиций. Их воззрения оказали большое влияние на идейное содержание работ историков республиканского периода. Современники революционного демократа Хосе Марти, они защищали национальные интересы страны, осуждали господствующую в правительстве коррупцию. Однако их общественная деятельность не отличалась последовательностью: опасаясь обострения отношений с американским империализмом, угрожавшим лишить Кубу даже формальной независимости, они временами шли на компромисс с соглашательской буржуазией, которая использовала их в качестве ширмы для проведения антинародной и антинациональной политики.

Энрике Варона, социолог, публицист и видный деятель просвещения, один из первых на Кубе показал, что экономическая зависимость от империализма лишает страну политической независимости. В работе «Империализм в свете социологии» (1906) он утверждал, что зависимость республиканской Кубы от США превращает ее в колонию, какой она была под властью испанцев, и что внешние займы образуют цепь, связывающую кубин-

цев «наподобие каторжников с заграницей». В своих работах Э. Варона разоблачал колонизаторский характер испанского господства на Кубе и выступал неутомимым поборником светского просвещения². Он считал, что кубинцы могут улучшить свое положение в первую очередь путем самоусовершенствования, расширения системы образования. Варона стремился вселить в кубинцев веру в свои способности и силы, отмечая в качестве особенностей их национального характера страстный патриотизм и бесстрашие, склонность к самопожертвованию и героическим поступкам. «Нас кубинцев,— писал Варона,— мало в количественном отношении, но все мы знаменитости. Наша история — не просто история, а подлинный эпос. Все, что мы ни делаем, не просто поступки, а героические подвиги, эпохальные свершения. За исключением нашего роста, все в нас грандиозно и замечательно».

Мануэль Сангили был парламентским трибуном, публицистом. Он голосовал в парламенте за «поправку Платта», по его собственным словам, «со слезами на глазах», так как опасался, что ее отклонение приведет к постоянной оккупации Кубы американскими войсками. В парламенте Сангили был одним из немногих политических деятелей, разоблачавших преступления империализма США, он был также сторонником отделения церкви от государства³.

Хуан Гуальберто Гомес — виднейший публицист патриотического лагеря. Гомес возглавил в республиканский период борьбу против расовой дискриминации, которую усиленно навязывали кубинцам их самозванные «опекуны» — американские империалисты⁴.

С провозглашением независимости возрос интерес широких кругов населения к прошлому страны. В кубинских школах было введено преподавание отечественной истории. Был учрежден Национальный архив (следует отметить, что 330 ящиков архивных материалов, разоблачавших кровавые деяния колонизаторов, были вывезены испанцами с острова незадолго до их поражения, множество документов были ими, а также американскими оккупантами уничтожены), началась публикация источников, стали выходить собрания сочинений Х. Марти и других видных участников освободительной борьбы.

Однако историческая наука в период «номинальной» республики развивалась медленно, преодолевая безразличие или враждебное отношение официальных кругов, для которых подлинно научное изложение современной истории Кубы представляло опасность, ибо разоблачало их сговор с империалистами США. Учрежденная в 1910 г. Академия истории Кубы, хотя в нее и вошли со временем некоторые прогрессивные историки (Эмилио Роиг де Леученринг, Фернандо Ортис и др.) в общем придерживалась, даже по признанию Р. Ф. Смита, «консервативной точки

зрения в оценке кубинской истории, что означало более «мягкое» истолкование роли Соединенных Штатов и кубинских проблем. Академия стремилась избежать политических споров и уделяла внимание в основном публикации документов и поощрению отдельных исследователей»⁵. Архивные документы публиковались в «Анналах» академии, которые выходили ежегодно с 1920 по 1950 г.⁶ После революции 1959 г. Академия истории самораспустилась, ее архивы и учреждения перешли в ведение Академии наук Кубы.

В конце 20-х годов начинается довольно интенсивная публикация документов и рукописей из Национального архива, Севильского архива по делам Индий и частных архивов. Эти материалы можно разделить в основном на две группы: относящиеся к периоду завоевания Кубы и колониального режима XVI—XVIII вв. и к борьбе кубинского народа за независимость в XIX в.⁷

Большое количество архивных документов было опубликовано в выходящем с 1902 г. старейшем в Латинской Америке архивном органе «Boletín del Archivo Nacional» и в записках «Publicaciones del Archivo Nacional» (всего с 1943 по 1961 г. вышло 52 тома), в «Ежегодных Анналах» Академии истории (1920—1950 гг.), в журнале «Cuadernos de Historia Habanera» (1935—1962—75 номеров) и других периодических изданиях.

Много ценных книг, увидевших свет в колониальный период и ставших библиографической редкостью, а также ранее не опубликованных манускриптов того же периода было издано в таких сериях, как «Colección cubana de libros y documentos inéditos y raros» (1863—1932—10 томов), «Colección de libros cubanos» (1927—1939—42 тома), «Colección Histórica Cubana y Americana» (1938—1961—21 том), «Biblioteca de autores cubanos» (1948—1965—30 томов).

Первые школьные учебники по кубинской истории, элементарные по содержанию,出版ются сразу же после провозглашения независимости⁸. В них всемерно превозносилась «освободительная» роль США, которые, объявив войну Испании в 1898 г., якобы тем самым обеспечили освобождение Кубы⁹.

Хотя такие взгляды и имели широкое хождение в начале XX в., они не породили в исторической науке откровенно проимпериалистического течения. Более того, именно в этот период появляются первые работы, разоблачающие империалистический характер политики США по отношению к Кубе¹⁰.

В 20-х годах общественное мнение меняется в сторону еще более резкой критики и разоблачения империализма янки, что отражается также на содержании исторических трудов этого периода. Вот как объясняет причины указанных изменений и их следствия уже цитированный нами Р. Ф. Смит: «Новое установление американского оккупационного режима 1906—1909 годах, высадка американских моряков во время расовой войны в 1912 году,

интервенция в 1917 году и все растущее подчинение кубинской экономики бизнесменам янки заставили некоторых историков усомниться в подлинной ценности кубинской независимости»¹¹. Не меньшее возмущение кубинцев вызывали интервенции американских вооруженных сил и оккупация Гаити, Доминиканской республики и ряда стран Центральной Америки.

Несомненно также и то, что на воззрения историков 20-х годов оказала большое влияние Великая Октябрьская социалистическая революция, призывы которой бороться с империализмом и колониализмом облетели весь мир и были подхвачены на Кубе наиболее сознательными представителями рабочего класса и патриотически настроенной интеллигенцией. Это сказалось также на взглядах патриотических деятелей старшего поколения, которые занимают после 20-х годов более последовательную антиимпериалистическую позицию. Э. Х. Варона, например, опубликовал в 1922 г. резкую статью, осуждавшую империалистическую политику США по отношению к Кубе¹².

В этих условиях формируются три основных направления новейшей кубинской историографии — либерально-прогрессивное, марксистское и консервативно-клерикальное.

Первое из этих направлений называют также «ревизионистским» в том смысле, что его представители подвергли критической переоценке политике США по отношению к Кубе. Историков этого направления отличало то, что они решительно осуждали испанский колониальный режим, выступали со светских антиклерикальных позиций, осуждали расизм и фашизм и, не будучи марксистами, занимали дружественную позицию по отношению к Советскому Союзу, хотя в политической деятельности, как и их идейные предшественники Варона, Сангили и Гомес, не отличались последовательностью. Это направление находилось вначале под сильным влиянием позитивистских идей, начиная, однако, с 30-х годов на него все большее влияние оказывал марксизм-ленинизм. Большинство представителей этого направления активно поддержало Кубинскую революцию 1959 г.

Диктатура Мачадо, развал кубинской экономики после первой мировой войны, поражение революции 1933 г. и одиозная роль в этих событиях Соединенных Штатов наложили соответствующий отпечаток на идейную направленность указанной выше новой школы кубинской историографии, представители которой, отмечает Р. Ф. Смит, указывали на «капитализм и империализм янки», как на главные причины постигших Кубу бед¹³.

Второе направление — марксистское — возникает в 20-х годах и широко развивается в 30-х годах. Его представители — новое поколение, идейно формирующееся после первой мировой войны под влиянием идей марксизма-ленинизма.

Консервативно-клерикальное направление сложилось в 20-х годах, оно отражает интересы кубинской соглашательской

буржуазии. Но в силу специфических условий Кубы¹⁴ его представители вынуждены были рядиться в патриотическую тогу и даже критиковать различные стороны политики империализма США по отношению к Кубе, сдабривая, однако, эту критику изрядной дозой антикоммунизма. Поэтому их называют «ложными революционерами». Представители этого течения, как правило, принадлежали к реакционным политическим группировкам, пользовались покровительством диктаторских режимов Мачадо и Батисты и различных американских «культурных» и «научных» фондов, а также реакционной церковной иерархии. Вполне естественно, что многие из этих историков после победы революции 1959 г. перешли в стан ее злейших врагов.

Одной из особенностей кубинской историографии XX в. является незначительное влияние открыто реакционного течения. Это течение представлено такими малоавторитетными историками, как ренегат Альберто Ламар Швейер, одно время примыкавший к «группе меньшинства» (она объединяла прогрессивно настроенных интеллигентов молодого поколения, обличавших американское засилие на Кубе), а затем превратившийся в официального идеолога кровавого диктатора Мачадо¹⁵, и Ульпиано Вега Кобиельяс, воспевавший режим тирана Батисты¹⁶.

Ознакомясь теперь с наиболее видными представителями вышеназванных направлений и с их трудами.

Корифеями либерально-прогрессивного направления являются Эмилио Роиг де Леученринг (1889—1964), Фернандо Ортис (р. 1881) и Рамиро Герра Санчес (р. 1886).

Хотя Э. Роиг де Леученринг по образованию был юристом (в то время, когда он учился, в гаванском университете не было исторического факультета или кафедры), он с юношеских лет посвятил себя изучению отечественной истории.

Э. Роиг де Леученринг был исключительно плодовитым исследователем. Им написаны десятки книг и сотни статей по истории Кубы. Э. Роиг де Леученринг, сказал о нем Фидель Кастро, воссоздал «историю борьбы нашей нации в течение более века, борьбы, направленной на то, чтобы наша нация стала свободной, стала суверенной, чтобы наш народ мог развиваться свободно и счастливо»¹⁷.

Первые работы Э. Роиг де Леученринга появляются на страницах кубинских журналов в начале XX в. В 1913—1917 гг., будучи главным редактором журнала «Ревиста де деречо», Э. Роиг де Леученринг выступил инициатором патриотического движения интеллигенции за «кубанизацию» Кубы, направленного против стремлений американских империалистов и их местной агентыры принизить кубинскую национальную культуру, подменить ее концепцией «американского образа жизни».

В 1924 г. кубинский ученый стал одним из основателей «группы меньшинства». Многие из членов этой группы стали со вре-

менем активными участниками национально-освободительной борьбы.

С 1927 г. (с перерывом с 1930 по 1935 г.) до конца своей жизни Э. Роиг де Леученринг занимал пост историографа г. Гаваны и руководил основанным им муниципальным историческим музеем¹⁸.

Одной из основных тем в творчестве Э. Роига де Леученринга является систематическое, глубокое и всестороннее разоблачение политики грабежа, эксплуатации и насилий, проводимой американским империализмом по отношению к Кубе и другим странам карибского бассейна.

Первая антиимпериалистическая работа историка вышла в 1919 г. В ней автор указывает на империалистический характер оккупации американскими войсками Доминиканской республики и отстаивает право наций Америки на самоопределение. Три года спустя он публикует две работы: против «поправки Платта» и о вмешательстве США во внутренние дела Кубы в 1913—1921 гг., затем следуют другие труды, в которых историк разоблачает экономическое закабаление страны американским капиталом и оказываемую им поддержку продажным кубинским правящим кликам¹⁹.

В фундаментальном двухтомном произведении «История поправки Платта»²⁰ автор рассказывает о порабощении острова американским империализмом и борьбе народных масс Кубы против засилия США, разоблачает действия американской агентуры на Кубе.

Э. Роиг де Леученринг одним из первых указал на преемственный характер борьбы кубинского народа за свою независимость. Революционные движения 1868—1878 и 1895—1898 гг. он рассматривал как единый процесс, который вступил в новую фазу, когда врагом независимости Кубы стали США, занявшие место Испании.

Э. Роиг де Леученринг в течение многих лет работал над монументальным трудом «Империализм янки на Кубе». К сожалению, смерть не позволила ему завершить эту работу. Шесть томов ее, охватывающих период с 1898 по 1912 г., смогли увидеть свет только после победы Кубинской революции в 1959 г.²¹

С 1945 по 1955 г. исследователь опубликовал ряд крупных монографий по истории освободительных войн кубинского народа в XIX в.²² В них он убедительно доказал, что независимость была завоевана кубинцами вопреки враждебным действиям американских империалистов. Историк требовал называть события 1898 г. не «испано-американской войной», а «испано-кубино-американской войной», учитывая решающую роль кубинцев в борьбе против испанского колониализма. Мнение Э. Роига де Леученринга получило поддержку подавляющего большинства историков страны. В 1945 г. кубинский конгресс под давлением обще-

ственности принял специальный закон, обязывающий именовать войну 1898 г. во всех официальных и других документах и публикациях «испано-кубино-американской войной».

Комментируя это решение кубинского конгресса, Р. Ф. Смит признает, что недовольство кубинской общественности было вызвано высокомерием и пренебрежительным отношением историков США к событиям 1898 г. Американцы создали неверную картину этих событий. Они утверждали, что кубинская революция и ее руководители играли в них второстепенную роль, вследствие чего американская военная оккупация острова являлась якобы неизбежной. Именно такой «исторический империализм,— указывает Р. Ф. Смит,— породил термин «испано-американская война» и способствовал зарождению во многих американцах патерналистического отношения к Кубе». Легко понять возмущение кубинцев. Достаточно представить, отмечает Смит, каковой была бы реакция американцев, если бы, к примеру, французы именовали американскую революцию «франко-британской войной» и если бы их историки низвели Вашингтона и его армию до степени «лесных бродяг и носильщиков клади»²³.

Большое место в исторических изысканиях Э. Роиг де Леученринга занимает изучение идейного наследия корифеев освободительной борьбы XIX в., в частности Хосе Марти. В противовес официальным панегиристам Марти, затушевывавшим его антиимпериалистические и антиклерикальные высказывания и превращавшим апостола кубинской независимости в лучшем случае в деятеля либерального толка, Э. Роиг де Леученринг в своих исследованиях показал подлинного Марти — антиимпериалиста и революционного демократа²⁴.

Перу Роига де Леученринга принадлежит также ряд работ, разоблачающих антинародную, антинациональную деятельность католической церковной иерархии на Кубе²⁵. Исследователь показал, что католическая церковь активно выступала в поддержку испанских колонизаторов. Лишь незначительное меньшинство духовенства кубинского происхождения оказывало поддержку патриотам, подвергаясь за это гонениям со стороны церковных властей. Следует упомянуть также и такие работы ученого, как трехтомная история города Гаваны и четырехтомное исследование по истории кубинской национальной литературы XVIII—XIX вв.²⁶

Хотя Э. Роиг де Леученринг не был марксистом, идеи марксизма-ленинизма, в особенности ленинское учение об империализме, оказали на него большое влияние. Историк всегда выступал в едином фронте с прогрессивными силами страны по всем важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, поддерживал дружеские связи с деятелями коммунистического движения, был последовательным другом Советского Союза. Он с искренним энтузиазмом встретил Кубинскую революцию и с при-

сущей ему энергией выступал до последних дней своей жизни в поддержку правительства Фиделя Кастро и проводимых им революционных преобразований.

Э. Роиг де Леученринг основал в 1940 г. Кубинское общество исторических и международных исследований, которое объединяло всех патриотических историков страны, в том числе и историков-марксистов. В противовес кубинской Академии истории, в которой преобладали историки консервативно-клерикального направления, общество имело ярко выраженную прогрессивную направленность. Оно выступило инициатором национальных конгрессов кубинских историков, проводившихся с 1942 по 1960 г. и разоблачавших фальсификаторов кубинской истории²⁷. «По всей стране,— отмечает Х. ле Риверенд,— преподаватели истории внимательно следили за деятельностью конгрессов и передавали своим ученикам новые суждения и сведения о наиболее крупных событиях кубинской истории»²⁸. На конгрессах обсуждались и жгучие проблемы современности. Принятые на конгрессах резолюции осуждали фашизм и фашистскую агрессию во время войны, призывали к поддержке коалиции антифашистских держав. XIII конгресс общества в 1960 г. приветствовал революцию, отметив, что она, избавив страну от тирании Батисты и гнета американского империализма, завершает дело национального освобождения.

«Всеми своими произведениями,— сказал президент Академии наук Кубы А. Нуньес Хименес, выступая на похоронах ученого,— Эмилио Роиг боролся за то, что завоевал сегодня наш народ,— свободную, социалистическую, антиимпериалистическую родину... Он был не только революционным ученым, но и активным борцом»²⁹.

Другой видный представитель либерально-прогрессивного направления, Фернандо Ортис, как и Э. Роиг де Леученринг, с которым он на протяжении многих лет дружил и сотрудничал, получил юридическое образование, однако круг его научных интересов далеко вышел за рамки права. Большинство его трудов посвящено вопросам кубинской этнографии, археологии, истории и социологии. Столь же разносторонней была и его общественная деятельность. Он занимался адвокатской практикой, был судьей, консулом, университетским профессором, депутатом парламента от либеральной партии (1915—1921). В течение многих лет он возглавлял старейшее кубинское культурное учреждение — Экономическое общество друзей страны, истории которого ученый посвятил специальное исследование³⁰. Ф. Ортис был главным редактором журнала этого общества «Ревиста биместре кубана», печатавшим статьи по истории Кубы. В 1930-х годах он основал Общество афрокубинских исследований и был главным редактором его органа «Эстуднос афрокубанос». Ф. Ортис был инициатором переиздания редких и малоизвестных книг по кубинской

истории и культуре, а также произведений виднейших кубинских писателей прошлого.

Ф. Ортис — большой друг Советского Союза. До революции 1959 г. он много лет возглавлял Общество кубино-советской дружбы, в период второй мировой войны выступал в поддержку Советского Союза. Ф. Ортис был неизменным участником различных массовых кампаний против фашизма, расизма и реакции, поддерживал дружеские связи с деятелями коммунистического движения. Интересно отметить, что в его адвокатской конторе в 20-х годах работали выдающиеся деятели коммунистического движения Хулио Антонио Мелья и Рубен Мартинес Вильена, ставший впоследствии генеральным секретарем компартии.

Ф. Ортис одним из первых на Кубе поставил в 1917 г. вопрос о необходимости осуществления в стране аграрной реформы, а в 1930 г. потребовал заставить казнокрадов вернуть полностью государству награбленное. Оба эти требования были осуществлены в результате революции в 1959 г.

Несомненной заслугой Ф. Ортиса является то, что он одним из первых на Кубе занялся изучением настоящего и прошлого негритянского населения, его вклада в развитие национальной кубинской культуры. Большое внимание исследователь уделял также изучению афрокубинских культов, широко распространенных среди негритянского населения острова.

Первое крупное произведение Ф. Ортиса было посвящено изучению религиозных верований кубинских негров³¹. Эта книга вышла в Мадриде в 1906 г. с предисловием известного итальянского криминалиста Цезаря Ломброзо, у которого учился автор. Десять лет спустя в Гаване вышло другое крупное исследование Ф. Ортиса — «Негры-рабы»³². Эта уникальная по своей эрудиции работа, в которой дан глубокий и всесторонний анализ положения негров-рабов на Кубе в колониальный период, не утратила значения по сей день. К этому же циклу принадлежит пятитомное исследование об афрокубинских музыкальных инструментах, вышедшее в свет в 50-х годах³³, которое по существу является историей афрокубинского фольклора. Представляют научный интерес работы ученого по лингвистике, мифологии, археологии и антропологии³⁴.

В «Истории одной кубинской баталии против демонов»³⁵, написанной в памфлетном стиле французских просветителей XVIII в., автор разоблачает религиозный фанатизм и предрассудки, завезенные на Кубу испанскими колонизаторами.

Однако самым значительным произведением Ф. Ортиса является сборник социологических работ, изданный в 1940 г. под названием «Кубинское противоборство табака и сахара»³⁶. Как известно, табак и сахар — главные сельскохозяйственные культуры Кубы. Книга состоит из блестяще написанных эссе, показывающих влияние производства этих культур на повседневную

жизнь кубинцев, на их обычаи и нравы. Указанная работа вышла с предисловием главы функциональной школы этнографии Бронислава Малиновского, идеи которого несомненно оказали влияние на автора. Второе издание этой книги (1963 г.) включает и другие социологические и исторические труды Ф. Ортиса, в частности его известную статью о различных аспектах формирования кубинской нации — «О социальном явлении «транскультурации» и его значении для Кубы».

Ф. Ортис начал свой путь исследователя, находясь под влиянием идей позитивизма. Однако постоянное общение с видными кубинскими марксистами, ознакомление с марксистской литературой оказали известное влияние на его воззрения, что отразилось в его последующих работах.

Ф. Ортис с радостью встретил победу Кубинской революции. Несмотря на преклонный возраст, ученый активно включился в работу учрежденной кубинским правительством Академии наук, членом Национальной комиссии которой он является.

Рамиро Герра принадлежит к тому же либерально-прогрессивному направлению, что и оба вышеупомянутых историка.

Р. Герра происходит из крестьянской семьи. С 1900 по 1927 г. он работал преподавателем истории в начальных и средних школах. В 1921 г. Герра опубликовал двухтомный учебник по истории Кубы³⁷. Хотя в этом учебнике он излагает материал только до начала XVII в., тем не менее значение этой работы трудно переоценить. Это была по существу первая история Кубы, написанная не любителем-историком, а специалистом, с учетом архивных источников, с наличием научного аппарата. Однако систематически Герра стал заниматься историческими изысканиями только в 20-х годах. Их плодом были три работы, выдвинувшие автора в число крупнейших кубинских историков. Первая из них — «Сахар и население Антильских островов»³⁸. В ней автор вскрывает причины, в результате которых население этого района, производящее такую ценную культуру, как сахар, живет в нищете и отсталости. Это — латифундизм и тесно связанный с ним империализм. Хотя, устанавливая эти факты, автор был далек от того, чтобы предлагать какие-либо революционные преобразования, тем не менее его книга была серьезным вкладом в борьбу кубинского народа против засилия латифундистов и империалистов.

В 30-х годах выходят две другие крупные работы Р. Герры: «Территориальная экспансия Соединенных Штатов за счет Испании и испаноамериканских стран»³⁹, само название которой определяет ее содержание, и «Учебник истории Кубы»⁴⁰ объемом около 40 печатных листов. Хотя учебник доведен до 1868 г., т. е. до начала десятилетней войны, по богатству привлеченного материала, по яркой форме изложения он считается лучшим из всех написанных в дореволюционный период. Эта книга стала

ценным пособием не только для университетских преподавателей и студентов, но и для всех, кто занимался историей Кубы. Под-титул книги гласит, что в ней излагается «экономическая, социальная и политическая» история Кубы. Действительно, автор одним из первых среди кубинских историков уделил внимание анализу социально-экономических условий, которые, как он совершенно правильно утверждал, определяли политическую деятельность представителей различных классов кубинского общества.

Три вышеназванные работы были переизданы большим тиражом уже после революции, а «Учебник истории Кубы» переиздавался дважды. Это показывает, что перечисленные работы не утратили значения до сих пор.

Следует упомянуть еще одно исследование Р. Герра — двухтомную историю Десятилетней войны (1868—1878)⁴¹, основанную, как и все исторические работы автора, на большом количестве архивных источников, вводимых им впервые в оборот. И эта работа примечательна тем, что в ней дан анализ социально-экономических предпосылок войны.

После победы революции Р. Герра остался в стране, хотя американские империалисты и их агенты прилагали немало усилий, чтобы убедить его покинуть революционную Кубу.

Историк Хосе Люсиано Франко (р. 1891), автор многочисленных исторических работ, изданных как до, так и после революции 1959 г., примыкает к либерально-прогрессивному направлению. Его самые значительные произведения посвящены жизни и деятельности выдающихся патриотов прошлого — поэтам Мансано и Пласидо генералу Антонио Масео, Хосе Анонио Апонте, одному из первых поднявших знамя восстания против испанских колонизаторов в начале XIX в., а также истории политики великих держав в Карибском районе⁴².

Особое значение имеет трехтомная биография героя освободительных войн второй половины XIX в. А. Масео, в которой автор использовал большой круг архивных материалов.

Одна из работ Х. Л. Франко — об откликах на революцию 1905 г. на Кубе — была специально написана для советской печати⁴³.

После революции 1959 г. Х. Л. Франко плодотворно работает в Институте истории Академии наук Кубы. Им подготовлен к печати ряд ценных работ по истории рабства и работорговли на Кубе.

Большой интерес представляют появляющиеся с середины 20-х годов работы В. Моралеса, Ф. Гонсалеса дель Валье и других авторов, различных по своим идейным воззрениям, но объединенных интересом к изучению антииспанских движений, предшествовавших Десятилетней войне. Хотя эти работы не всегда вскрывают социальные причины освободительных движений, тем

не менее, написанные на архивных источниках, они ввели в научный оборот большое количество новых фактов и документов, свидетельствующих об участии в этих движениях широких слоев населения — рабов, свободных негров, ремесленников, представителей интеллигенции⁴⁴. С этими работами перекликается монография — одна из немногих, посвященных республиканскому периоду, — Серафина Портуондо Линареса о негритянском восстании 1912 г., в которой собран большой фактический материал⁴⁵.

Возникновение марксистского направления связано с именем Хулио Антонио Мельи (1903—1929), виднейшего кубинского марксиста, одного из основателей кубинской коммунистической партии (1925), зверски убитого в Мексике, где он находился в политэмиграции, агентами охраны тирана Мачадо. Мелья — блестящий публицист. В ряде статей, опубликованных в 20-х годах, он первым на Кубе дал подлинно научное объяснение политики империализма США в районе Карибского бассейна, основываясь на ленинском учении об империализме, первым показал, что эта политика проводится в интересах американских монополий, что ее основная цель — экономическое и политическое закабаление Кубы. Мелья показал, что главными врагами кубинского народа являются империализм США и его кубинские марионетки из рядов соглашательской буржуазии. Одновременно он предсказывал, исходя из объективного анализа кубинской и латиноамериканской действительности, что социализм неизбежно придет на Кубу и освободит кубинский народ от вековой нищеты и империалистического гнета.

Антиимпериалистическая деятельность Мельи, его пропаганда марксистско-ленинских идей оказали исключительно большое влияние на идейное формирование не только кубинского рабочего класса, но и интеллигенции 20—30-х годов. Семена, посеянные Мельей, начали давать всходы в 30-х годах, когда после свержения диктатуры Мачадо в стране начался общий подъем национально-освободительного движения. В эти годы появляются первые марксистские исторические исследования.

В 1936 г. вышел трехтомный «Вступительный курс в историю Кубы», в создании которого наряду с представителями либерально-прогрессивного направления (курс выходил под общей редакцией Э. Роиг де Леученринга) приняли участие молодые марксисты — деятели компартии Карлос Рафаэль Родригес, Хосе Антонио Портуондо, Гаспар Хорхе Гарсиа Гальо и некоторые другие⁴⁶.

В дальнейшем К. Р. Родригес (ныне министр революционного правительства и член Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы) опубликовал в партийных органах ряд работ, в которых дается марксистская оценка деятельности просветителей и прогрессивных мыслителей — противников испанского

колониализма XIX в.⁴⁷ Особенно важной была работа автора «Марксизм и история Кубы», опубликованная в «Cuadernos de historia de Cuba» в 1944 г.⁴⁸ В ней автор подверг критике буржуазных историков, которые извращают картину освободительной борьбы в XIX в., ставя на одну доску сторонников независимости, аннексии острова Соединенными Штатами и автономии в рамках испанской империи. На Кубе, отмечает автор, буржуазные историки стремились смешать демократические и социалистические элементы прошлого с реакционными и даже клерикальными течениями. По мнению автора, размежевание этих элементов является одной из главных задач прогрессивных кубинских историков.

К. Р. Родригес в упомянутой статье опроверг упреки в адрес марксистов в том, что они якобы выступают против всяких национальных традиций или исходят в историческом анализе только из принципов экономического детерминизма. Автор изложил в статье основные положения исторического материализма, опираясь на которые возможно подлинно объективное, строго научное изучение кубинской истории.

Х. А. Портуондо опубликовал до революции ряд ценных работ по истории кубинской культуры. После революции ученый занимал ответственные посты — был послом в Мексике, ректором университета «Ориенте», а с 1965 г. руководит Институтом литературы Академии наук Кубы. Уже после революции им были опубликованы очерки по истории кубинской литературы, работа о формировании кубинской нации, исследование о первой кубинской рабочей газете «Аурора» и ряд других трудов⁴⁹.

В 1943 г. вышла книга секретаря Народно-социалистической партии Блас Рока «Основы социализма на Кубе», в которой впервые в популярной форме дается марксистская интерпретация всей истории острова — с колониальных времен по настоящее время. Эта книга, сыгравшая большую роль в пропаганде марксистско-ленинской идеологии на Кубе, неоднократно переиздавалась и дополнялась автором⁵⁰. Блас Рока является в настоящее время членом секретариата Коммунистической партии Кубы.

Необходимо отметить плодотворную работу другого историка-марксиста — Сергио Агирре, в течение многих лет преподававшего в условиях подполья в партийных школах отечественную историю, автора многочисленных работ по истории национально-освободительного и рабочего движения на Кубе в XIX и XX вв.⁵¹ С 1962 г. Агирре является профессором кубинской истории в Национальном университете в Гаване и директором Исторической школы этого университета.

Заметное место среди историков-марксистов занимает Рауль Сеперо Бонилья (1920—1962), опубликовавший в 1948 г. большую работу «Сахар и аболиционизм», в которой анализируются

экономические причины движения за независимость и отмена рабства во второй половине XIX в. Этот талантливый молодой историк после революции был назначен директором Национального банка Кубы. Он погиб в расцвете сил во время авиационной катастрофы над Боливией в 1962 г. В 1963 г. Институт истории издал «Исторические произведения» Р. Сеперо Бонильи, написанные до революции, с вступительной статьей директора этого института Хулио Ле Риверенда⁵².

Последний принадлежит к поколению историков-марксистов 30-х годов. Он многие годы сотрудничал с Э. Роигом де Леученрингом и Ф. Ортисом. Его первая крупная работа — исследование по экономике Кубы колониального периода — появилась в Мексике в 1945 г. Большинство его работ, среди которых видное место занимает «Экономическая история Кубы», вышло после революции 1959 г.⁵³ В настоящее время Х. Ле Риверенд является вице-президентом Академии наук Кубы, директором Института истории и Национального архива и профессором экономической истории Национального университета в Гаване.

Большой вклад в изучение кубинской истории с марксистских позиций внес Хуан Маринельо, видный участник рабочего и коммунистического движения, писатель и публицист. Его перу принадлежит ряд исследований, посвященных жизни и деятельности выдающихся деятелей патриотического и революционного движения прошлого, а также творчеству Хосе Марти⁵⁴. После революции Х. Маринельо занимал пост ректора Национального университета в Гаване, а затем постоянного представителя Кубы при ЮНЕСКО в Париже.

К марксистскому направлению примыкали демократически настроенные историки, которые по ряду вопросов придерживались одинаковых с марксистами мнений. К ним принадлежат университетские преподаватели истории Элиас Энтральго, автор крупного труда об этническом составе кубинской нации, биографии Э. Х. Вароны и других работ⁵⁵, и Ф. Портуондо дел Прадо, автор учебника по истории Кубы для средних школ, изданного в 1957 г. (переиздан в 1965 г.), и интересного исследования о завоевании Кубы испанцами, написанного в содружестве с Ортенсией Пичардо Виньяльс⁵⁶. Оба автора продолжают и теперь преподавать историю в Национальном университете Гаваны.

Экономические исследования прогрессивного историка Франсиско Перес де ла Рива о роли кофе в сельском хозяйстве и истории этой культуры в стране, а также о происхождении и режиме земельной собственности на Кубе представляют интерес по своему фактическому материалу⁵⁷.

К числу прогрессивных исследователей, начавших свою деятельность до революции, принадлежит также врач Хосе Лопес Санчес, специализирующийся в области истории науки и культуры Кубы. Его монография о кубинском Ломоносове — ученом

Томасе Ромай (1764—1849) была опубликована в 1950 г., ее переработанное и дополненное издание вышло после революции в 1964 г.⁵⁸ В настоящее время Хосе Лопес Санчес является вице-президентом Академии наук Кубы.

Представителем консервативно-клерикального направления является Эрмино Портель Вила, автор ряда крупных исторических монографий, в том числе двухтомного исследования о Нарсисо Лопесе, выступавшем в XIX в. за присоединение Кубы к США, и четырехтомной «Истории Кубы в ее отношениях с Соединенными Штатами и Испанией»⁵⁹. В первом из этих трудов автор пытается доказать, что Н. Лопес якобы боролся за независимость Кубы. Во второй работе он объясняет затяжной характер войны за независимость стремлением США аннексировать Кубу. Однако в этом автор винит не американский империализм как таковой, а отдельных «эгоистических и недальновидных» политиков, находившихся в этот период у власти в США. Несмотря на свою методологическую слабость, обе эти работы представляют известную ценность, ибо насыщены большим фактическим материалом, почерпнутым автором в кубинских и зарубежных архивах. После публикации этих работ, принесших известность их автору, американские империалисты заинтересовались им, намереваясь превратить в своего клеветника. Это им удалось. Э. Портель Вила возглавил главный пропагандистский центр США на Кубе — Культурный институт им. Дж. Вашингтона. После революции он бежал в США, где стал активным участником контрреволюционных заговоров и антикубинским пропагандистом на службе ЦРУ.

С консервативно-клерикальным направлением смыкаются и такие авторы, как дипломаты М. Маркес Стерлинг и Косме де ла Торрьенте, писавшие и действовавшие в духе «совершенствования гражданских добродетелей», что, по их мнению, способствовало бы превращению Кубы в высокоцивилизованную страну и тем самым освободило бы ее от опеки США.

Для правившей в стране соглашательской буржуазии лозунг о «гражданских добродетелях» служил лишь ширмой, прикрывавшей ее антинародную и антипатриотическую политику. Правда, оба вышеназванных автора, находившиеся на дипломатической службе, исходили в своих трудах⁶⁰, освещающих кубино-американские отношения первой половины XX в., из благородных патриотических побуждений, однако объективно их деятельность была на руку Вашингтону, ибо в конечном итоге была направлена на достижение компромисса с империализмом США.

В 1952 г. к пятидесятилетию провозглашения независимости Кубы вышла в свет 10-томная «История кубинской нации» под редакцией и с участием Рамиро Герры Санчеса, Хосе М. Переса Кабреры, Хуана Х. Ремоса и Эметрио С. Сантовени⁶¹. Сре-

ди авторов указанного труда преобладали представители консервативно-клерикального направления, однако были и прогрессивные историки — Х. Ле Риверенд, автор глав по экономической истории Кубы, и Э. Энтральго, автор глав по этнической истории Кубы.

Этот труд охватывает историю Кубы от доисторических времен до 40-х годов XX в. В нем собран большой фактический материал по политической, экономической и культурной истории страны. В целом, однако, работа носит эклектический характер. Это, как отмечает М. Х. Риверенд, не единое произведение, а сборник монографий, расположенных в хронологическом порядке. В томах, посвященных истории республиканского периода, смазана зловещая роль американского империализма и его местных ставленников в жизни страны.

Таковы вкратце главные направления в кубинской историографии и их особенности периода «номинальной» республики.

Победа революции 1959 г. открыла новый, качественно более высокий этап в кубинской историографии, в которой восторжествовало прогрессивное направление, основанное на строго научном марксистско-ленинском понимании исторического процесса.

¹ R. F. Smith. Twentieth-century Cuban historiography. «Hispanic-American Historical Review», 1964, February, p. 44.

² E. J. Varona. Por la Patria, en la Colonia y en la República. La Habana, 1949; «Trabajos sobre educación y enseñanza». La Habana, 1961.

³ M. Sanguily. Obras, t. I—IV. La Habana, 1928.

⁴ J. G. Gómez. Preparando la Revolución. La Habana. 1936.

⁵ R. F. Smith. Op. cit., p. 50.

⁶ «Anales de la Academia de Historia de Cuba». La Habana. 1920—1950.

⁷ См.: Pedro A. Morell de Santa Cruz. Historia de la Isla y Catedral de Cuba. La Habana, 1929; José M. Chacón y Calvo. Cedulaario Cubano (Los orígenes de la colonización). Madrid, 1929; Papeles existentes en el Archivo General de Indias relativos a Cuba y muy particularmente a la Habana, t. I—II. La Habana, 1931; Catálogo de los fondos del Real Consulado de Agricultura, Industria y Comercio y de la Junta de Fomento. La Habana, 1943; Catálogo de los mapas, planos, croquis y árboles geneológicos existentes existentes en el Archivo Nacional de Cuba, t. I—VI. La Habana, 1941—1962.

⁸ Вскоре после провозглашения независимости правительство поручило написать учебник по истории Кубы либеральному политику Альфреду Сайасу, который «писал» свой труд в течение десяти лет, получая за это ежемесячно жалование. Но гора родила мышь: автор представил всего лишь одну главу, что не помешало ему вскоре стать президентом республики (1921—1925).

⁹ О программах преподавания истории на Кубе см.: E. Santovenia, A. Santovenia, M. Pérez Cabrera, F. Azcu y Alón, M. Mesa Rodríguez, E. Entralgo, M. Jose Arroyo. La Enseñanza de la historia en Cuba. México. 1951.

¹⁰ См.: Enrique Collazo. Cuba sola y libre. Los Americanos en Cuba. La Habana, 1905; Idem. Cuba intervenida. La Habana, 1910; Evelio Rodríguez Lendian. La independencia absoluta como el ideal cubano. La Habana, 1911; Idem. Julio Cesar Gandarilla. Contra el yanqui. Obra

de protesta contra la Enmienda Platt y contra la absorción y maquiavelismo norteamericanos. La Habana, 1913; Ambrosio Latentín López Hidalgo. Cuba y la Enmienda Platt. La Habana [s. f.].

- ¹¹ R. F. Smith. Op. cit., p. 47.
- ¹² E. J. Varona. El imperialismo yanqui en Cuba. «Repertorio Americano». 1922, III, p. 309—311.
- ¹³ R. F. Smith. Op. cit., p. 48.
- ¹⁴ Р. Ф. Смит объясняет эту кубинскую специфику так: «Тот факт, что колониальное господство на Кубе продолжалось в то время, как остальные территории Латинской Америки завоевали свободу, ожесточенный характер борьбы кубинского народа за независимость и последовавшая насильственная опека и контроль над островом со стороны Соединенных Штатов наложили отпечаток на интеллектуальные течения современной Кубы. Сверхчувствительность кубинского национализма частично является результатом этих событий. Соединенные Штаты привоили себе кубинскую революцию (1895—1898 гг.), переименовали ее и потом бесконечно разглагольствовали на тему о том, как должны им быть благодарны кубинцы за «дарование независимости». Одновременно с этим кубинская экономика все теснее привязывалась к экономике Соединенных Штатов, и морская база в заливе Гуантанамо служила постоянным напоминанием о присутствии могущественного северного соседа» (R. F. Smith. Op. cit., p. 51).
- ¹⁵ A. Lamar Schweyer. Biología de la Democracia. La Habana, 1927; Idem. La crisis del patriotismo, una teoría de las emigraciones; Idem. Cómo cayó el presidente Machado. Madrid, 1934.
- ¹⁶ U. Vega Cobiellas. La personalidad y la obra del general Fulgencio Batista y Zaldívar, Presidente de la República de Cuba. La Habana, 1943; Idem. Nuestra América y la evolución de Cuba. La Habana, 1944; Idem. Batista y Cuba. Crónica política y realizaciones. La Habana, 1955.
- ¹⁷ Фидель Кастро. Речи и выступления. М., 1960, стр. 247.
- ¹⁸ Veinte años de actividades del Historiador de la ciudad de la Habana Emilio Roig de Leuchsenring. I—V. La Habana, 1955
- ¹⁹ E. Roig de Leuchsenring. La ocupación de la República Dominicana por los Estados Unidos y el derecho de las pequeñas nacionalidades de América. La Habana, 1919; Idem. La Enmienda Platt, su interpretación primitiva y sus aplicaciones posteriores. «Anuario de 1922 de la Sociedad Cubana de Derechos Internacionales», V, 1922, p. 323—462; Idem. La ingerencia norteamericana en los asuntos interiores de Cuba (1913—1921). La Habana, 1922; Idem. Cuba, colonia económica yanqui. La Habana, 1931; Idem. La tiranía machadista creada, mantenida y explotada por gobernantes y capitalistas yanquis. La Habana, 1933.
- ²⁰ E. Roig de Leuchsenring. Historia de la Enmienda Platt (Una interpretación de la realidad cubana), I—II. La Habana, 1935.
- ²¹ E. Roig de Leuchsenring. Los Estados Unidos contra Cuba libre, I—IV. La Habana, 1960; Idem. Los Estados contra Cuba Republicana, I—II. La Habana, 1960—1964.
- ²² E. Roig de Leuchsenring. Dos guerras cubanas. La Habana, 1945; Idem. Weyler en Cuba. La Habana, 1947; Idem. Cuba no debe la independencia a los Estados Unidos. La Habana, 1950; Idem. La guerra libertadora cubana de los treinta años. La Habana, 1952 (ed. 2, 1958); Idem. La guerra Hispano-Cubano-Americana fué ganada por el lugarteniente general del ejército libertador Calixto García Iñiguez. La Habana, 1955.
- ²³ R. F. Smith. Op. cit., p. 67.
- ²⁴ E. Roig de Leuchsenring. El internacionalismo antiimperialista en la obra político revolucionaria de José Martí. La Habana, 1935; Idem. La República de Martí. La Habana, 1941; Idem. Martí antiimperialista. La Habana, 1952. (русский перевод: Э. Роиг де Леученринг. Хосе Марти — антиимпериалист. М., 1960); Idem. Tradición antiimperialista de nuestra historia. La Habana, 1962.

- 25 E. Roig de Leuchsenring. La Iglesia católica contra la independencia de Cuba. La Habana, 1960.
- 26 E. Roig de Leuchsenring. La Habana. Apuntes históricos. I—III. La Habana, 1963—1964; Idem. Literatura costumbrista cubana de los siglos XVIII y XIX. La Habana, 1962.
- 27 «Revaloración de la historia de Cuba por los Congresos Nacionales de Historia». La Habana, 1961.
- 28 «Новая и новейшая история», 1966, № 3.
- 29 «Revolución». 10.VIII 1964.
- 30 F. Ortiz. La Hija cubana del Iluminismo. La Habana, 1943.
- 31 F. Ortiz. Hampa Afro-Cubana. Los negros brujos. La Habana, 1906.
- 32 F. Ortiz. Hampa Afro-Cubana. Negros-esclavos. La Habana, 1916.
- 33 F. Ortiz. Instrumentos musicales afro-cubanos, t. I—V. La Habana, 1952—1956.
- 34 F. Ortiz. Glosario de afronegrismos. La Habana, 1924; Idem. Las cuatro culturas indias de Cuba. La Habana, 1942; Idem. El engaño de las razas. La Habana, 1945; Idem. El Huracán, su mitología y su símbolo. México, 1947; Idem. Los bailes y el teatro de los negros en el folklore de Cuba. La Habana, 1951.
- 35 F. Ortiz. Historia de una Pelea Cubana contra los demonios. La Habana, 1959.
- 36 F. Ortiz. Contrapunteo cubano del tabaco y el azúcar. La Habana, 1940.
- 37 R. Guerra y Sánchez. Historia de Cuba, t. I—II. La Habana, 1921.
- 38 R. Guerra. Azúcar y población en las Antillas. La Habana, 1927.
- 39 R. Guerra. La expansión territorial de los Estados Unidos a expensas de España y los pueblos hispanoamericanos. La Habana, 1936.
- 40 R. Guerra. Manual de Historia de Cuba (económica, social y política). La Habana, 1938.
- 41 R. Guerra. Guerra de los Diez Años, 1868—1878. t. I—II. La Habana, 1950.
- 42 J. L. Franco. Juan Francisco Mansano, el poeta esclavo y su tiempo. La Habana, 1937; Idem. Antonio Maceo. Apuntes para una historia de su vida, I—III. La Habana, 1951; Idem. La conspiración de Aponte. La Habana, 1963; Idem. La vida heroica y ejemplar de Antonio Maceo (cronología). La Habana, 1963; Idem. Plácido y otros ensayos. La Habana, 1964; Idem. Política continental americana de España en Cuba, t. I. La Habana, 1964; Idem. Revoluciones y conflictos internacionales en el Caribe, t. I—II. La Habana, 1965.
- 43 X. Л. Франко. Эхо революции 1905 г. на Кубе. «Новая и новейшая история», 1965, № 5.
- 44 Vidal Morales. Iniciadores y primeros mártires de la revolución cubana. La Habana, 1925; F. González del Valle. La conspiración de la Escalera. La Habana, 1925; Roque E. Garrigó. Historia documentada de la conspiración de los Soles y Rayos de Bolívar, t. I—II. La Habana, 1939; Diego González. Historia documentada de los movimientos revolucionarios por la independencia de Cuba, 1852—1867, t. I—II. La Habana, 1939; César Rodríguez Expósito. Hatuey. El primer libertador de Cuba. La Habana, 1944.
- 45 Serafín Portuondo Linares. Los independientes de Color. La Habana, 1950.
- 46 Curso de introducción a la Historia de Cuba, I—III. La Habana, 1937—1938.
- 47 C. R. Rodríguez. Varona, un balance de centenario. «Fundamentos», 1940, № 22; Idem. El tesoro de nuestras tradiciones ideológicas. «Fundamentos», 1949, № 83; Idem. Vida de don José de la Luz Caballero. La Habana, 1950.
- 48 Статья была перепечатана в 1965 г. в журнале «Cuaderno de Historia», № 1.
- 49 J. A. Portuondo. Proceso de la cultura cubana. La Habana, 1938; Idem. La historia y las generaciones. Santiago, 1958.
- 50 Blas Roca. Los fundamentos del socialismo en Cuba. La Habana, 1943 (русский перевод: Б л а с Р о к а. Основы социализма на Кубе. М., 1961).

- ⁵¹ S. Aguirre. Seis actitudes de la burguesía cubana en el siglo XIX. «Mensajes», 1958, № 2; Idem. Frustración y reconquista del 24 de Febrero. «Cuba Socialista», 1962, № 7; Idem. El cincuentenario de un gran crimen. «Cuba Socialista», 1962, № 16; La desaparición del ejército libertador. «Cuba Socialista», 1963, № 28; Idem. Algunas luchas sociales en Cuba Republicana. «Cuba Socialista». 1965, № 49; Он же. Историческое значение Десятилетней войны на Кубе. «Новая и новейшая история», 1965, № 4.
- ⁵² R. Сереро Bonilla. Obras históricas. La Habana, 1963.
- ⁵³ J. Le Riverend Brusone. Los orígenes de la economía cubana. México, 1945; Idem. La Habana. Biografía de una provincia. La Habana, 1960
- ⁵⁴ J. Marinello. Maceo, líder y masa. La Habana, 1937; Idem. Rubén Martínez Villena. La Habana, 1941; Idem. Centenario de Manuel Sanguily. «Fundamentos», 1948; Idem. Jose Martí—escritor americano. Mexico, 1958.
- ⁵⁵ E. Entralgo. Los problemas de la esclavitud. Conspiración de Aponte. La Habana, 1934; Idem. La insurrección de los Diez Años. Una interpretación social de este fenómeno histórico. La Habana, 1950; Idem. La liberación étnica cubana. La Habana, 1963; Idem. Algunas facetas de Varona. La Habana, 1965.
- ⁵⁶ F. Portuondo del Prado. Historia de Cuba. La Habana, 1957; Hortensia Pichardo y F. Portuondo. En torno a la conquista de Cuba. La Habana, 1947.
- ⁵⁷ Fr. Pérez de la Riva. El café, historia de su cultivo y explotación en Cuba. La Habana, 1944; Idem. Origen y régimen de la propiedad territorial en Cuba. La Habana, 1946.
- ⁵⁸ José López Sánchez. Tomás Romay y el origen de la ciencia en Cuba. La Habana, 1964.
- ⁵⁹ H. Portel Vila. Narciso López y su época. t. I—II. La Habana, 1930—1932; Idem. Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y España, I—IV. La Habana, 1938—1941.
- ⁶⁰ M. Márquez Sterling. La política exterior y la política interior del Presidente Machado. La Habana, 1926; Idem. Las conferencias del Shoreham. Mexico, 1933; Idem. Doctrina de la Republica. La Habana, 1941; Idem. Las fuerzas morales de la democracia. La Habana, 1942; Cosme de la Torriente. Cuba en la vida internacional, vol. I—II. La Habana, 1922; Idem. Las relaciones de la Republica de Cuba y los Estados Unidos de América conforme al tratado permanente. La Habana, 1923; Idem. La Enmienda Platt y el tratado permanente. La Habana, 1930; Idem. Cuarenta años de mi vida, 1898—1938. La Habana, 1939; Idem. Situación internacional de Cuba en el momento actual. La Habana, 1941; Idem. Mi misión en Washington. La Habana, 1952; Idem. Homenaje al coronel Cosme de la Torriente. La Habana, 1951.
- ⁶¹ «Historia de la Nación Cubana», preparada bajo la dirección de Ramiro Guerra Sanchez, José M. Pérez Cabrera, Juan J. Remos, Emetrio E. Santovenia, t. I—X. La Habana, 1952.

Революционная программа Морелоса

16 сентября 1810 г. в Мексике началось антииспанское восстание, которое возглавил сельский священник Мигель Идальго. Оно быстро охватило значительную часть страны. Идальго провел ряд мер с целью уничтожения рабства, расовой дискриминации, феодальных повинностей, монополий, а также возврата индейцам земель, отнятых у них колонизаторами. Видя в антифеодальном характере движения угрозу своим классовым интересам, большинство креольских помещиков и купцов, а с ними многие чиновники и офицеры поддержали испанцев. В начале 1811 г. повстанцы потерпели поражение, Идальго и его сподвижники были схвачены и вскоре казнены. Но борьба за независимость продолжалась.

Для руководства ею после гибели Идальго (июль 1811 г.) в Ситакуаро была образована «Верховная национальная хунта Америки». Эта хунта, возглавлявшаяся Игнасио Лопесом Районом, выражала интересы тех креольских помещиков и купцов, которые в ходе восстания не перешли на сторону колонизаторов, и, оставшись в революционном лагере, составили умеренное правое крыло освободительного движения. Район и его окружение явно проявляли склонность к компромиссу с испанскими властями при условии некоторых политических и экономических уступок имущим классам. Умалчивая или лишь в самой общей форме упоминая о задаче установления независимости, ситакуарская хунта настойчиво подчеркивала свою лояльность по отношению к бывшему королю Испании Фердинанду VII, находившемуся во Франции на положении пленника.

Деятельность хунты характеризовалась колебаниями и непоследовательностью, отсутствием четкой политической платформы, полным игнорированием коренных социально-экономических проблем, волновавших широкие слои населения. Этим главным образом и объяснялось то, что, претендуя на руководство восстанием, она не пользовалась авторитетом у большинства

патриотов, а многие командиры партизанских отрядов вообще отказывались подчиняться ей.

Фактически уже вскоре после казни Идальго вооруженную борьбу за независимость возглавил его ученик и соратник приходский священник Хосе Мария Морелос-и-Павон (1765—1815), представлявший радикальное крыло освободительного движения. Морелос и его сторонники решительно возражали против того, чтобы провозглашать целью борьбы восстановление власти «законного» монарха. Они выдвигали также ряд политических и социально-экономических требований, не находивших отклика у ситакуарской хунты.

Из-за разногласий с руководителями хунты Морелос практически не участвовал в ее деятельности. Собирая патриотические силы на юге страны, он установил связи с другими революционными центрами и партизанскими отрядами. В конце 1811 г. повстанцы под его командованием овладели городами Куаутлой, Таско, Теуаканом и др. В феврале — апреле 1812 г. они успешно обороняли Куаутлу, осажденную испанцами. И хотя в конце концов испанские войска в начале мая 1812 г. захватили город, Морелос два с половиной месяца сковывал крупные силы противника, а затем ушел у него из-под носа, сохранив основные силы повстанцев. Во второй половине 1812 г. Морелос и его ближайшие сподвижники Герреро, Матаморос, Галеана, Браво вновь активизировали действия в Южной Мексике, вторично заняли Теуакан, освободили Оахаку и другие города, а в апреле 1813 г. овладели последним опорным пунктом колонизаторов на южном побережье Мексики — тихоокеанским портом Акапулько.

Военным успехам Морелоса во многом способствовала значительная радикализация его политической программы в ходе развития революции.

Подобно Идальго, Морелос понимал необходимость серьезных социальных преобразований в интересах широких масс и поэтому уже на первом этапе восстания выдвинул предложения, отвечавшие народным чаяниям. Так, 17 ноября 1810 г. он от имени Идальго опубликовал в Агуакатильо декрет, в котором объявлялось об отмене рабства, подушной подати, деления населения на категории по расовому признаку, признавалось право индейцев на доходы от их земель и т. д.¹ Мысль о том, что индейцы должны сами пользоваться своими землями и получать от них доходы, была высказана Морелосом также и в декрете, подписанном им 18 апреля 1811 г. в Текпане².

Вместе с тем в первый период после гибели Идальго он, видимо, еще не терял надежды на возможность изменения враждебной освободительному движению позиции креольской верхушки. Поэтому, добиваясь объединения всех антииспанских сил, Морелос издал 13 октября 1811 г. декрет, запрещающий захват собственности креольских помещиков повстанцами. «Поскольку

мы не преследуем богачей как таковых, в том числе и богатых креолов, никто не должен посягать на их имущество из-за того, что они очень богаты»,— указывал он. Декрет допускал лишь возможность конфискации имущества врагов независимости— испанцев и поддерживавших их креолов³. 23 февраля 1812 г. Морелос обратился к креолам, сражавшимся в испанских войсках, с призывом переходить на сторону патриотов. Он заверял их, что повстанцы взяли за оружие лишь для защиты родины и религии, а также восстановления прав, узурпированных триста лет назад завоевателями. «Возлюбленные братья,— писал Морелос в воззвании,— у нас нет иной цели, кроме той, чтобы страной управляли креолы, а гачупины убрались восвояси»⁴. В манифесте к населению Оахаки от 23 декабря 1812 г. он подчеркивал, что патриоты борются только за свободу, которой их несправедливо лишили испанцы. При этом Морелос заявлял, что если бы декларации испанского правительства о равноправии жителей колоний и метрополии были искренними, оно должно было бы предоставить колониям независимость и возможность самоуправления⁵.

Однако со временем, в связи с дальнейшим обострением борьбы и все более активной поддержкой колонизаторов креольской верхушкой, позиция Морелоса существенно изменилась.

Во второй половине 1812 или в начале 1813 г. им был разработан «Проект конфискации имущества европейцев и американцев, верных испанскому правительству»⁶. В этом важном документе Морелос прямо указывал, что «все богачи, знать и высшие чиновники, креолы или гачупины, должны рассматриваться как враги нации и приверженцы тирании». Разоблачая зависимость колониальной администрации от имущих классов, он гневно клеймил «тирана Венегаса, который действует как купеческий вице-король, рабски подчиненный безудержной алчности купцов Кадиса, Веракруса и Мехико». Командирам революционных войск предлагалось при занятии населенных пунктов немедленно конфисковывать имущество всех лиц, принадлежавших к указанным выше категориям, и одну половину его распределять между бедняками этих селений, а другую использовать для военных нужд. При этом предусматривалась также и конфискация богатств церкви.

В одном из разделов документа говорилось о необходимости ликвидации и раздела латифундий, которые в значительной части фактически не обрабатывались владельцами, и о поощрении мелкого землевладения.

Морелос предлагал повстанцам разрушать на занимаемой ими территории здания колониальных учреждений и сжигать государственные архивы. Стремясь лишить роялистов хотя бы некоторых источников средств для ведения войны, он призывал к уничтожению принадлежавших богачам предметов роскоши,

запасов табака и прочих материальных ценностей. Во всем этом патриоты, по его словам, в то время не нуждались, «ибо,— заявлял Морелос,— нам сейчас нужны семена и другие предметы первой необходимости». Что же касается рудников и прочих предприятий, которые неизбежно должны были пострадать от подобных действий, то он указывал, что «всем этим мы займемся после того, как уничтожим тираническое правительство и его приспешников»⁷.

Этот интересный документ, оказавший большое влияние на ход освободительной войны, получил весьма противоречивую оценку в исторической литературе и поныне является объектом острой идеологической борьбы. Реакционные историки использовали его для самых невероятных измышлений и обвинений по адресу Морелоса, а некоторые из них приписывали ему даже «коммунистические тенденции». Так, Л. Аламан, опубликовавший в середине прошлого столетия фальсифицированный текст документа, где был выпущен ряд принципиально важных положений, утверждал, что в намерения Морелоса якобы входило полное изъятие у собственников имущества и распределение его между неимущими⁸. Иезуит М. Куэвас видел в «Проекте...» «программу чудовищного и кровавого коммунистического грабежа». Но при этом, следуя своей тактике «реабилитации» руководителей борьбы за независимость, он категорически отрицал, что автором этого документа являлся Морелос⁹.

Такой же точки зрения стал в последнее время придерживаться североамериканский историк У. Тиммонс, который еще недавно признавал авторство Морелоса¹⁰. Главным аргументом Тиммонса является сравнение текста «Проекта...» с документом, обнаруженным в Главном национальном архиве Мексики мексиканским исследователем Антонио Мартинесом Баэсом. Баэс, а вслед за ним Тиммонс заявляют, что указанный документ по стилю и почерку так похож на «Проект...», что можно с уверенностью говорить о их принадлежности перу одного автора. Из содержания же обнаруженного в архиве документа явствует, что он никак не мог быть написан Морелосом.

Отрицая авторство Морелоса, Тиммонс приписывает его кому-либо из членов действовавшего в Мехико тайного патриотического общества «Лос Гуадалупес», которое ориентировалось главным образом на имущие слои населения. Свое утверждение он мотивирует почти полным совпадением одного из разделов «Проекта...» с содержанием неопубликованного письма «Лос Гуадалупес» Морелосу от 6 марта 1813 г. и мимолетным упоминанием историка К. М. де Бустаманте о каком-то плане военных мероприятий, предложенном этим обществом Району¹¹.

Однако доводы Тиммонса малоубедительны. Ведь и Морелос мог заимствовать некоторые мысли из указанного письма, а Бустаманте, возможно, имел в виду не «Проект...», а совсем другой

документ. К тому же «Проект...» совершенно не соответствовал политической платформе «Лос Гуадалупес».

Нельзя признать состоятельными и попытки Тиммонса на основании изложенных выше рассуждений отрицать наличие у Морелоса хотя бы в зародыше идеи аграрной реформы. Ведь Тиммонс сам признает, что Морелос по крайней мере дважды заявлял, что земля и ее плоды должны принадлежать тем, кто ее обрабатывает. На самом же деле он возвращался к этой мысли и в различной форме повторял ее не менее чем в трех случаях—в декретах, изданных им 17 ноября 1810 г., 18 апреля 1811 г. и 29 января 1813 г.¹²

Следует отметить, что подавляющее большинство современных историков не сомневается, что «Проект...» написан Морелосом¹³. В частности, А. Теха Сабре в известной работе о Морелосе убедительно доказал полную несостоятельность попыток отрицать его авторство. Он вполне справедливо считал, что они продиктованы стремлением преуменьшить его революционный радикализм. При этом, однако, сам Теха Сабре склонен был видеть в этом документе не столько выражение социальных взглядов Морелоса, сколько план мероприятий военного времени, обусловленный стремлением обеспечить патриотам материальные ресурсы, необходимые для борьбы против испанских колонизаторов¹⁴.

Последнее утверждение вызывает серьезные возражения. Нельзя не согласиться с теми авторами, которые расценивают «Проект...» Морелоса как изложение его социальных идей и видят в нем попытку привлечь к участию в революционной борьбе широкие народные массы¹⁵. Этот документ характеризует, на наш взгляд, стремление выдающегося борца за свободу и независимость Мексики к проведению глубоких преобразований антифеодалного характера и является существенным элементом разработанной им программы социально-экономических и политических реформ.

Осуществление ряда важных мер предусматривалось декретом, обнародованным Морелосом 29 января 1813 г. в Оахаке. Он предписывал освобождение рабов (без выкупа или какой-либо компенсации их владельцам) и прекращение уплаты подушной подати, отменял особые обозначения различных расово-этнических групп населения, аннулировал задолженность мексиканцев уроженцам метрополии и объявлял о конфискации имущества последних, упразднял пороховую и другие монополии. В декрете говорилось, что все люди должны заниматься общественно полезной деятельностью и в поте лица зарабатывать свой хлеб¹⁶.

Следует также отметить, что Морелос, последовательно выступая за полную независимость Мексики и установление республиканского строя, неоднократно высказывался против того,

чтобы патриоты признавали своим сувереном Фердинанда VII. Он отрицательно отнесся к монархическому проекту «Основ конституции», разработанному в 1812 г. Районом. Хотя проект декларировал в общей форме «свободу и независимость Америки», запрещение рабства, отмену ограничений внешней торговли, свободу печати, неприкосновенность жилища и даже созыв национального конгресса, он исходил из принципа сохранения суверенитета Фердинанда VII. В письме к Району от 7 ноября 1812 г. Морелос настойчиво предлагал изъять из текста проекта всякое упоминание о Фердинанде VII¹⁷.

Стремясь укрепить позиции патриотов, радикальное крыло осободительного движения (где видную роль играли мелкие землевладельцы, представители зарождавшейся буржуазии, низшее духовенство, интеллигенция и т. д.) во главе с Морелосом решило в середине 1813 г. создать единый руководящий орган и разработать программу, где нашли бы отражение не только политические и экономические вопросы, но и социальные стремления народных масс. Ситакуарская хунта, раздираемая внутренними разногласиями, к этому времени потеряла всякий престиж, была ослаблена военными неудачами повстанцев в Центральной Мексике и фактически перестала существовать, как таковая, поскольку Район еще в апреле 1813 г. приказал арестовать своих коллег, обвинив их в насилиях над населением.

28 июня 1813 г. Морелос издал в Акапулько декрет о созыве в сентябре национального конгресса в Чильпансинго для создания правительства¹⁸. Форсируя созыв конгресса, он исходил из необходимости укрепления и централизации руководства и преодоления анархии среди повстанцев.

В принципе Морелос выступал за формирование конгресса демократическим путем, посредством выборов. Но поскольку выборы можно было провести далеко не всюду и даже из освобожденных провинций прибыло небольшое число представителей, он считал возможным и необходимым в отдельных случаях несколько изменить установленную процедуру. Вскоре после своего прибытия в Чильпансинго Морелос 11 сентября 1813 г. заявил, что поскольку его власть признана революционной армией, он с целью ускорения созыва конгресса сам назначит временных заместителей недостающих депутатов, которые в любой момент могут быть отозваны и заменены другими по усмотрению своих избирателей. Он указал также, что по мере освобождения страны от испанского владычества конгресс будет пополняться новыми депутатами от соответствующих провинций. Касаясь предстоящей деятельности конгресса, Морелос заявил, что он должен провозгласить независимость, не упоминая при этом имени какого-либо монарха, и, сохранив за собой всю полноту законодательной власти, вручить исполнительную власть лицу, избранному генералиссимусом¹⁹.

Все эти положения содержались в составленном Морелосом «Регламенте», который 13 сентября был зачитан его секретарем Хуаном Росиансом депутатам, прибывшим в Чильпансинго. Наряду с ними здесь собралось много других военных и гражданских руководителей патриотов.

Конгресс, объявивший себя «Верховным национальным конгрессом Америки», открылся 14 сентября 1813 г. в Чильпансинго. Заседания его проходили в помещении местной церкви. По своему социальному положению большинство депутатов принадлежало к буржуазно-помещичьей интеллигенции и низшему духовенству. Вступительную речь произнес Морелос, уделивший особое внимание идее народного суверенитета. «Суверенитет,— сказал он,— осуществляют исключительно народы... Если он передан монархам, то в случае их отсутствия, смерти или пленения суверенные права вновь переходят к народам... Народы вольны изменять свои политические институты по собственному усмотрению... Ни один народ не имеет права поработать другой народ...»²⁰.

В тот же день на заседании конгресса был оглашен представленный Морелосом программный документ под названием «Чувства нации», в котором нашел отражение ряд важнейших социально-экономических и политических вопросов, частично ставившихся уже раньше. Этот документ предусматривал отмену рабства и деления населения на группы по признаку расовой принадлежности, замену бесчисленных податей и сборов единым для всех налогом (в размере 5% дохода), гарантии собственности и неприкосновенности жилища, издание законов, которые умерили бы роскошь одних и нищету других, открытие портов для иностранных судов, запрещение пыток и т. д. В «Чувствах нации» были четко сформулированы основные принципы национальной независимости, народного суверенитета, разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Морелос указывал, что Мексика не станет свободной до тех пор, пока враг не будет изгнан из страны и тирания не уступит место либеральной форме правления. Подчеркивая преемственность революционного движения, он призывал свято чтить память Идальго и ежегодно отмечать 16 сентября годовщину того памятного дня, когда «прозвучал призыв к независимости»²¹.

Изложение программы Морелоса произвело чрезвычайно сильное впечатление на слушателей. Высоко оценивают ее также историки. По словам Х. Мансисидора и А. Куэ Кановаса, социальные вопросы были поставлены в ней так смело, как никто их раньше в Мексике не ставил²². У. Варгас Мартинес называет этот документ «синтезом самых передовых политических и социальных теорий эпохи»²³.

Морелос неоднократно высказывал мысли, изложенные им в «Чувствах нации», и в других случаях — до и после оглашения

этой программы. «Я хочу,— сказал он как-то в беседе с одним из своих соратников,— чтобы мы заявили.. что все равны; чтобы не было ни привилегий, ни знатных; рабство противно разуму и человечности и рабов не должно быть, ибо цвет кожи не меняет цвета сердца и мысли; пусть дети землеша и рабочего воспитываются как дети самого богатого помещика»²⁴.

15 сентября 1813 г. конгресс назначил Морелоса генералиссимусом и возложил на него функции главы исполнительной власти. На основании предоставленных ему полномочий он поспешил издать 5 октября декрет о немедленном освобождении всех еще находившихся в неволе рабов и упразднении личных повинностей населения²⁵.

Назначение Морелоса укрепило позиции возглавлявшегося им демократического крыла освободительного движения, которое, выражая стремления народных масс, потребовало, чтобы конгресс провозгласил независимость Мексики и принял программу прогрессивных, антифеодальных преобразований. Этому противодействовало, однако, умеренно-консервативное крыло, группировавшееся вокруг Района, который упорно саботировал работу конгресса и несмотря на неоднократные приглашения Морелоса не являлся в Чильпансинго. Он, как и прежде, считал необходимым признание Фердинанда VII, утверждая, что оно якобы обеспечивает поддержку тех элементов, среди которых еще популярна идея монархии. Морелос же, последовательно выступая за полную независимость и установление республиканского строя, неоднократно высказывался против того, чтобы патриоты признавали своим сувереном бывшего короля Испании. Эту мысль он изложил, в частности, и в обращении к «соотечественникам», опубликованном 2 ноября 1813 г.²⁶ В конечном счете Морелосу и его приверженцам, добивавшимся полного разрыва с метрополией и испанской короной, удалось взять верх и повести за собой большинство депутатов.

Выражая чаяния всех мексиканских патриотов, конгресс принял 6 ноября 1813 г. декларацию о полном суверенитете и независимости Мексики. Одновременно был издан манифест к мексиканскому народу, в котором подчеркивалось, что освобождение от колониального ига имеет решающее значение для судеб страны, и содержался призыв поддержать борьбу за независимость²⁷.

На следующий день после провозглашения конгрессом независимости революционная армия под командованием Морелоса выступила из Чильпансинго на северо-запад. Но испанцы, получившие подкрепления, нанесли в конце 1813 — начале 1814 г. серьезное поражение патриотам и разгромили их главные силы. В связи с этим среди членов конгресса усилилось влияние враждебной Морелосу консервативной помещичье-буржуазной оппозиции. Сохранив функции военного руководителя революцион-

ной армии, Морелос вынужден был под давлением своих противников отказаться от полномочий главы исполнительной власти.

Тем временем обстановка в Испании существенно изменилась. В марте 1814 г. в страну вернулся Фердинанд VII, правительство которого восстановило абсолютистские порядки в метрополии и активизировало свои усилия по подавлению восстания в американских владениях, в том числе и в Мексике.

В условиях наступления сил реакции и активизации колонизаторов руководители мексиканского конгресса решили внести ряд изменений в программу, сформулированную Морелосом, с тем, чтобы придать ей более умеренный характер. Еще 15 июня 1814 г. конгресс опубликовал манифест к нации, где, в частности, сообщалось о разработке проекта конституции и давалась его краткая характеристика, свидетельствующая о том, что в этом проекте совершенно не нашли отражения социально-экономические вопросы²⁸.

22 октября 1814 г., находясь в небольшом городе Апацинге, конгресс провозгласил первую в истории Мексики конституцию — «Конституционный указ о свободе Мексиканской Америки». Этот документ базировался в основном на положениях либерально-монархической испанской конституции 1812 г., хотя и несколько модифицированных. Однако в отличие от испанской мексиканская конституция предусматривала установление республиканского строя и декларировала не только принцип народного суверенитета, но и право народа создавать и сменять правительство по своему усмотрению.

В конституции указывалось, что в Мексике должна исповодаться лишь римско-католическая религия. Провозглашался принцип разделения властей: исполнительной, законодательной и судебной. Высшим законодательным органом должен был являться конгресс, состоящий из депутатов от провинций, избираемых трехстепенным голосованием на два года. Право голоса предоставлялось уроженцам Америки, достигшим 18 лет. Конгресс должен был назначать сроком на три года членов правительства и верховного суда. Конституция провозглашала равенство всех граждан перед законом, свободу слова, печати, неприкосновенность жилища²⁹.

Апацинганская конституция получила в исторической литературе крайне противоречивую оценку. Так, Х. Рейес Эрлес, сравнивая эту конституцию с «Чувствами нации» Морелоса и «Основами конституции» Района, пришел к выводу, что она значительно ближе к первому из указанных документов, откуда ее авторы заимствовали, по его мнению, ряд важных положений. На этом основании он характеризует конституцию как либерально-демократическую и считает ее принятие конгрессом победой той тенденции в революционном движении, которую представлял Морелос³⁰.

Конечно, политические идеи Морелоса оказали известное влияние на формулировку отдельных положений Апацинганской конституции, являвшейся шагом вперед по сравнению с испанской конституцией 1812 г. и конституционным проектом Района. Х. Мансисидор был прав, когда подчеркивал, что в целом конституция 1814 г. отразила прогрессивные чаяния мексиканского народа, так как провозглашала передовые для того времени идеи. Однако вместе с тем он признавал, что ее составители по существу отвергли социальные и экономические принципы Морелоса³¹. Отсутствие в конституции упоминания о мерах по улучшению положения трудящихся, предложенных в «Чувствах нации», отмечают также У. Варгас Мартинес и Х. Валеро Сильва³². Такова же точка зрения большинства мексиканских исследователей, которые справедливо указывают, что в Апацинганской конституции не нашли отражения социально-экономические требования, выдвинутые Морелосом в «Чувствах нации» и других документах³³.

Этот очевидный факт объясняется, видимо, тем, что авторы конституции 1814 г. выражали главным образом классовые интересы патриотически настроенных креольских помещиков и духовенства³⁴.

Непосредственное участие самого Морелоса в разработке этого документа было незначительным. Не случайно поэтому он критически относился к Апацинганской конституции, считая ее недостаточно радикальной. К тому же, по мнению Морелоса, предусмотренная ею система управления в тогдашних условиях вообще не могла быть практически осуществлена, так как являлась слишком сложной³⁵. Следует, однако, отметить, что конституция 1814 г. не вполне удовлетворяла и некоторых представителей консервативного крыла конгресса, вынужденных пойти на определенные уступки.

Еще в течение года после принятия Апацинганской конституции повстанцы во главе с Морелосом вели вооруженную борьбу против колонизаторов. Однако положение патриотов, преследуемых превосходящими силами противника, становилось все более тяжелым, и к концу 1815 г. они были разгромлены, а Морелос захвачен в плен и расстрелян.

С его гибелью освободительное движение в Мексике лишилось выдающегося руководителя, который был не только талантливым полководцем, но и убежденным борцом за коренные политические и социально-экономические преобразования. Он внес огромный вклад в дело освобождения своей родины от испанского колониального гнета и превращения ее в независимое государство.

- ¹ «Legislación indigenista de México». Mexico, 1958, p. 23-24.
- ² E. Lemoine Villicaña. Morelos. México, 1965, p. 173.
- ³ «Colección de documentos para la historia de la guerra de independencia de México», t. III. México, 1879, p. 401, 402.
- ⁴ E. Lemoine Villicaña. Op. cit., p. 195.
- ⁵ Ibid., p. 243.
- ⁶ По мнению мексиканского историка Э. А. Чавеса, основанному на тщательном анализе документа, последний был составлен между июнем 1812 и февралем 1813 г.
- ⁷ «Colección de documentos para la historia de la guerra de independencia de México», t. VI. México, 1882, p. 220, 221.
- ⁸ L. Alamá n. Historia de México, t. III. México, 1942, p. 531.
- ⁹ M. Cuevas. Historia de la nación mexicana, t. 2. México, 1953, p. 113, 114.
- ¹⁰ W. H. Timmons. Morelos of Mexico. El Paso, 1963, p. 102, 103.
- ¹¹ W. H. Timmons. José María Morelos — Agrarian Reformer? «The Hispanic American Historical Review», 1965, № 2, p. 191—195.
- ¹² О первых двух декретах уже упоминалось, о третьем см. ниже.
- ¹³ Среди немногих мексиканских исследователей, придерживающихся в настоящее время противоположной точки зрения, можно назвать Х. Валеро Сильву (J. Valero Silva. Las ideas políticas de Morelos. «Estudios de historia moderna y contemporánea de México», vol. I. Mexico, 1965, p. 53).
- ¹⁴ A. Teja Zabre. Vida de Morelos. México, 1959, p. 210—215.
- ¹⁵ «Primer centenario de la constitución de 1824». México, 1924, p. 15—17; J. Mancisidor. Hidalgo, Morelos, Guerrero. México, 1956, p. 197, 198; A. Bremauntz. Panorama social de las revoluciones de México. México, 1960, p. 80, 81; и др.
- ¹⁶ E. Lemoine Villicaña. Op. cit., p. 264—266.
- ¹⁷ «Colección de documentos para la historia de la guerra de independencia de México», t. IV. México, 1880, p. 662, 663.
- ¹⁸ E. de la Torre Villar. La constitución de Apatzingán y los creadores del Estado mexicano. México, 1964, p. 371, 372.
- ¹⁹ «Colección de documentos para la historia de la guerra de independencia de México», t. V. México, 1881, p. 213, 214.
- ²⁰ C. M. de Bustamante. Cuadro histórico de la revolución mexicana, t. II. México, 1926, p. 280.
- ²¹ «Colección de documentos para la historia de la guerra de independencia de México», t. VI, p. 215, 216.
- ²² J. Mancisidor. Op. cit., p. 194; A. Cué Cánovas. Historia política de México. México, 1957, p. 74.
- ²³ U. Vargas Martínez. Morelos, siervo de la Nación. México, 1963, p. 155.
- ²⁴ A. Teja Zabre. Op. cit., p. 239.
- ²⁵ «Autógrafos inéditos de Morelos y causa que se le instruyó...» México, 1907, p. 43, 44.
- ²⁶ «Colección de documentos para la historia de la guerra de independencia de México», t. V. México, 1881, p. 213, 214.
- ²⁷ Ibid., t. I. México, 1877, p. 877; t. V, p. 215—217.
- ²⁸ Ibid., t. V, p. 540, 541.
- ²⁹ «Decreto constitucional para la libertad de la América Mexicana». Morelia, 1964, p. 17—50.
- ³⁰ J. Reyes Heróles. El liberalismo mexicano, t. 1. México, 1957, p. 24—30.
- ³¹ J. Mancisidor. Op. cit., p. 203, 204.
- ³² U. Vargas Martínez. Op. cit., p. 188, 189; J. Valero Silva. Op. cit., p. 55.
- ³³ L. Chávez Orozco. Historia de México (1808—1836). México, 1947, p. 93, 94; A. Cué Cánovas. Historia política de México, p. 78; A. Bremauntz. Op. cit., p. 82, 83; и др.
- ³⁴ L. Chávez Orozco. Op. cit., p. 93, 94; A. Cué Cánovas. Historia social y económica de México. México, 1960, p. 226.
- ³⁵ A. Teja Zabre. Op. cit., p. 192, 193.

Порайонные особенности в развитии мексиканской нации

(к постановке проблемы)

Вопросы развития наций в Латинской Америке принадлежат к важнейшим и наименее изученным проблемам этого района. В их научной разработке, несомненно, видное место занимают опубликованные коллективные исследования по историко-этнографическим проблемам латиноамериканских государств.

Характеристика основных этапов и различных аспектов развития мексиканской нации представляет весьма значительный интерес для понимания аналогичных проблем в других странах Латинской Америки. Это объясняется ролью Мексики в латиноамериканском мире, относительно высоким уровнем капиталистического развития страны, глубокими традициями национально-освободительного движения.

Обычно многогранные проблемы формирования и консолидации наций рассматриваются в целом — в масштабах стран. Нам представляется, что при исследовании этих проблем необходим и порайонный анализ, по крайней мере по основным экономическим районам стран, а в многонациональных государствах и по национальным областям. Такой подход позволяет выявить специфические местные особенности сложного процесса развития наций.

Официальная статистика в капиталистических странах нередко выделяет главные экономические районы по формальным признакам. Такое районирование обычно используется и в трудах буржуазных авторов. Но при исследовании порайонных различий в социально-экономических процессах необходимо анализировать эти различия по объективно существующим экономическим районам. При выявлении таких районов в капиталистических странах необходимо учитывать главные районообразующие факторы: характер и уровень развития капитализма, специализацию во внутригосударственном и международном разделении труда, исторические особенности формирования и современные тенденции развития хозяйства.

Опираясь на отмеченные выше критерии, в Мексике, на наш взгляд, можно выделить семь главных экономических районов: Центральный (федеральный округ, штаты Мехико, Пуэбла, Керетаро, Гуанахуато, Идальго, Морелос, Тласкала), Центрально-Тихоокеанский (штаты Халиско, Мичоакан, Колима), Северо-Тихоокеанский (территория и штат Нижняя Калифорния, штаты Сонора, Синалоа, Наярит), Северный (штаты Коауила, Чиуауа, Нуэво-Леон, Сан-Луис-Потоси, Сакатекас, Дуранго, Агуаскальентес), Побережье Мексиканского залива (штаты Тамаулипас, Веракрус, Табаско), Южно-Тихоокеанский (штаты Герреро, Оахака, Чиapas), Юкатан (штаты Юкатан, Кампече, территория Кинтана-Роо).

Кратко рассмотрим некоторые порайонные особенности в социально-экономическом развитии Мексики, оказавшие влияние на региональные особенности в формировании мексиканской нации.

Центральный район. Это ядро страны, главный район формирования мексиканской нации. Он играет выдающуюся роль в ее хозяйственной и духовной жизни.

Центральный район — это прежде всего столичный федеральный округ («Большое Мехико»), число жителей которого за столетие увеличилось почти в 20 раз и достигло 6 млн. человек. Население же района без федерального округа за этот период выросло лишь в 2 раза. Столица притягивает население из всех районов страны, но особенно из соседних аграрных штатов района. Примерно половина ее жителей — выходцы из других частей страны. Это способствует консолидации мексиканской нации. Столица — основной экономический, культурный и политический центр страны, играющий важную роль и в жизни всей Латинской Америки.

«Большое Мехико» не располагает собственной сырьевой базой, в нем очень мало свободных земель и тяжелейшие условия водоснабжения. Но несмотря на это, концентрация хозяйства здесь непрерывно возрастает, нередко в ущерб другим районам.

Как крупнейший центр промышленности, банковского дела, торговли, государственного аппарата, Мехико стал общемексиканским штабом усиливающих свои позиции крупной мексиканской буржуазии и чиновничества. Систематически растет здесь значение и средних слоев населения, численность которых быстро увеличивается.

Мексиканцы справедливо гордятся тем, что в Мехико в XVI в. впервые в Западном полушарии был создан университет и напечатана первая книга. В Мехико издается почти половина всех периодических изданий, выходящих в стране. Ряд издательств, например «Фонд культуры», печатает книги, расходящиеся по всей Латинской Америке. Исключительную роль игра-

ет столица в подготовке национальных кадров, в том числе и для других латиноамериканских стран (в Мехико сосредоточены важнейшие учебные заведения).

Еще сравнительно недавно в Центральном районе, кроме столицы, своим промышленным значением выделялся лишь Пуэбла. Теперь вблизи столицы развиваются новые промышленные города — Ироло (Сьюдад-Саагун), Саламанка, Тлальнепантла, Куаутитлан. Капиталистическое развитие постепенно взламывает патриархальный уклад жизни центральных аграрных штатов. В них, особенно в зонах чересполосицы этнических территорий индейских групп и метисного населения, быстро ассимилируется индейское население.

Центрально-Тихоокеанский район. Одним из важнейших факторов развития района становится непрерывный рост влияния его центра — г. Гвадалахара. В 1900—1960 гг. численность его населения увеличилась в 8 раз и достигла 735 тыс. жителей. К Гвадалахаре экономически тяготеют не только штаты, входящие в район, но и другие тихоокеанские штаты. Деловые круги города все чаще «выходят» за пределы своей зоны, конкурируя в борьбе за внутренний рынок с монополистическими группами Мехико и Монтеррея.

Гвадалахара была одним из первых опорных пунктов колонизации Мексики. Испанское влияние пустило здесь глубокие корни и имеет прочные традиции. Это, в частности, проявляется и в том, что в творчестве художников Гвадалахары, прежде всего в работах великого мексиканского мастера живописи Ороско, в отличие от последователей Сикейроса и Ривера, менее заметно влияние индейского изобразительного искусства. Испанское влияние ощущается и в характере кустарного производства. В этом наиболее испанском по своим традициям районе страны особенно сильно влияние церкви и клерикальной реакции.

Северо-Тихоокеанский район. По темпам экономического развития и роста населения, увеличившегося с 0,7 млн. человек в 1900 г. до 2,6 млн. человек в 1960 г., район занимает первое место в Мексике. Он стал одним из наиболее быстро развивающихся сельскохозяйственных районов в Латинской Америке. Между тем еще в начале 30-х годов это была глухая окраина страны, почти совершенно оторванная от остальной Мексики.

В доколониальный период коренное население на территории района не достигло такого высокого уровня развития, как индейцы Центральной и Южной Мексики. В колониальное время лучшие земли захватили испанцы. С конца XVI в. возникли колонии иезуитов и других орденов. Вокруг монастырей создавались поселения, куда сгонялись индейцы, погибавшие от эпидемий и скученности.

В XIX в. началось усиленное проникновение американских концессионеров в Северо-Западную Мексику, где им удалось за-

хватить огромные территории. Вместе с концессионерами из США в отчуждении земель у индейских общин активное участие принимали мексиканские помещики и чиновники. Начиная с 80-х годов прошлого столетия мексиканские власти в течение трех десятилетий вели военные действия против индейцев майо и яки, оказывавших упорное сопротивление колонизаторам. Индейцев майо и яки мексиканские власти продавали с аукционов владельцам плантаций на Юкатане, где они массами гибли от непривычных климатических условий и тяжелой работы. В начале XX в. численность населения в районе была примерно на уровне середины XVI в. Индейские племена были оттеснены в бесплодные высокогорные районы Западной Сьерры-Мадре.

Вопреки аграрному законодательству, которое предусматривает первоочередное наделение земель общин, в районе с начала крупного ирригационного строительства после второй мировой войны особое внимание уделялось развитию крупных капиталистических хозяйств на орошаемых землях. В общинах происходит интенсивный процесс выделения группы зажиточных крестьян, прибирающих к рукам лучшие земли. Северо-Тихоокеанский район ныне стал одним из важнейших центров классовой борьбы сельскохозяйственных рабочих, занятых на капиталистических хлопководческих и пшеничных плантациях, а также крестьян — членов общин за землю и воду.

Экономическому развитию района способствует усиление его связей с внутренним рынком. В 1951 г. правительство Мексики выкупило у иностранных владельцев Южно-Тихоокеанскую железную дорогу, в настоящее время полностью реконструированную. Эта дорога открывает выход продукции района в Гвадалахару и в Центральный район. На севере к ней примыкает железная дорога Нижняя Калифорния — Сонора, построенная в 1936—1951 гг. и смягчающая изолированность северной части полуострова Нижняя Калифорния. Эти железные дороги являются транспортным стержнем района, соединяющим его составные части и обеспечивающим их связь с внутренним рынком. Определенная переориентация хозяйства района — важнейший фактор современного развития мексиканской нации в этой части страны. Усиление связей с остальными частями страны и укрепление общенациональных тенденций в определенной мере препятствуют американизации пограничных городов района, в которых торговая буржуазия тесно связана с компаниями США.

Северный район. На его засушливой территории, занимающей около 40% площади страны, проживает примерно 20% ее населения. Центры горного дела и цветной металлургии, немногочисленные города и очаги орошаемого земледелия окружены безбрежными просторами пустынных территорий. До второй половины XIX в. основной хозяйственной специализацией района было горное дело и экстенсивное животноводство. В конце прош-

лого столетия получило заметное развитие хлопководство. Через территорию района прошли три линии железных дорог, связавшие Мехико с США. Это способствовало проникновению американского капитала в хозяйство Северной Мексики. При колонизации этой части Мексики возникли обширные латифундии и концессии, некоторые из которых занимали по несколько миллионов гектаров. До настоящего времени в районе сохранились многие крупные латифундии и иностранные концессии. Хозяйство района контролируется капиталом США в значительно большей степени, чем в других частях страны. Цветная металлургия — основная отрасль промышленности — принадлежит монополиям США. Экономика района и ее ведущие отрасли — горное дело, цветная металлургия, хлопководство и животноводство — в сильнейшей степени зависят от конъюнктуры в США и их внешнейторговой политики. Эта зависимость усугубляется сложившейся географией путей сообщения. Только в 1962 г. район получил выход к Тихому океану.

Главный центр района Монтеррей (650 тыс. жителей) по значению в хозяйственной жизни страны уступает лишь федеральному округу. Деловые круги Монтеррея проявляют активность во всех штатах страны. В Северном районе в связи с его относительно высоким промышленным развитием сформировались крупные отряды промышленного пролетариата: шахтеров в Сабинасе, металлургов и химиков в Монтеррее, Пьедрас-Неграс, Сальтильо, Монклове, Чиуауа, Торреоне и в других центрах. Но из-за разбросанности промышленных центров по огромной территории в районе нет такой сильной концентрации пролетариата, как в центральной части страны.

От жизни района и страны весьма обособлены пограничные города, быстрый рост которых в значительной мере вызван торговлей с США и обслуживанием американского туризма. С начала 60-х годов в Мексике осуществляется так называемая пограничная программа, стимулирующая поставки мексиканских товаров в пограничные города. Она имеет целью расширить внутренний рынок для растущего мексиканского капитализма и противодействовать ускоренной американизации пограничной с США полосы. Осуществление этой программы, по мнению мексиканских социологов, ослабит влияние США в Северном районе.

Побережье Мексиканского залива. Хозяйственное развитие этого района началось сравнительно недавно. Освоению прибрежных равнин в колониальный период препятствовали массовые заболевания, трудности сведения тропических лесов, частые опустошительные налеты пиратов. В конце колониального времени вблизи порта Веракрус — этого мексиканского «окна в Европу» — возникли плантации сахарного тростника. На них работали индейцы и негритянские невольники, привезенные из Аф-

рики. Влияние негритянского этнического элемента довольно велико и в современном населении штата Веракрус. Это проявляется в физическом типе населения плантационной зоны, в фольклоре, обычаях.

С начала XX в. район играет все более заметную роль в экономике страны, что связано прежде всего с разработкой богатых нефтяных месторождений. Но нефтяная промышленность стала основным фактором формирования этого экономического района лишь после национализации в 1938 г., когда она начала ориентироваться на удовлетворение внутренних потребностей страны. «Мексиканизацию» района можно видеть на примере Тампико — нефтяной столицы страны. До национализации город во многом утратил мексиканский характер, в нем появились американские и английские кварталы. С середины 20-х годов в связи с упадком нефтедобычи население Тампико резко сократилось. После 1938 г. экономическое значение Тампико непрерывно возрастает. В городе и в его окрестностях созданы современные нефтеперерабатывающие предприятия. Наряду с Тампико в районе выросли другие крупные центры нефтегазовой промышленности: Рейноса, Поса-Рика, Минатитлан, Сьюдад-Пемекс и ряд других.

Большую роль в экономической и политической жизни района и страны играет Веракрус — своеобразные морские ворота страны, через которые проходит 40—50% мексиканского импорта. Деловые круги Веракруса претендуют на руководящую роль не только на побережье Мексиканского залива, но и в других районах страны. В районе более интенсивно, чем в других частях Мексики, проводится колонизация в речных бассейнах, что ведет к втягиванию в капиталистическую экономику изолированных юго-восточных штатов.

Южно-Тихоокеанский район. Территорию района занимают обширные горные системы. Они затрудняют связи как внутри района, так и с другими штатами Мексики. Южно-тихоокеанские штаты, наряду с Юкатаном, — наиболее изолированные районы Мексики. Это накладывает отпечаток на многие стороны жизни района, имеющего самый низкий в стране уровень культурного и хозяйственного развития. Лишь около 40% его населения употребляет в пищу пшеничный хлеб, около 48% жителей никогда не носит обуви, 60% населения неграмотно. По переписи населения 1950 г., из 3,2 млн. жителей района 0,9 млн. говорили либо только на одном индейском языке (их более 20), либо на родном языке и испанском (по всей стране число «одноязычных» и «двуязычных» индейцев составляло около 2,5 млн. человек).

В сельском хозяйстве занято 80% самодеятельного населения района, резко преобладает потребительское земледелие. Лишь несколько очагов плантационного хозяйства (Сокопуско, Лома-Бонита) отличаются более высоким развитием. В районе нет крупных городов.

Процесс капиталистического развития, хотя он и менее интенсивен, чем в других районах, все же постепенно меняет облик южно-тихоокеанских штатов. Но значительная часть населения района, и прежде всего изолированные индейские общины, все еще остается за пределами экономической и политической жизни нации.

Юкатан. До конца XIX в. Юкатан, несмотря на выгоды своего географического положения на стыке Мексиканского залива и Карибского моря, был одним из наиболее глухих и изолированных районов Мексики. К началу XX в. развитие производства хенекена, дающего ценное волокно, в значительной мере покончило с изоляцией Юкатана, втянув его в орбиту мирового капиталистического хозяйства и превратив в наиболее монокультурный район страны.

К концу XIX в. Юкатан стал важнейшим мировым производителем хенекена.

Развитие плантационного хозяйства этой культуры способствовало втягиванию индейцев майя в капиталистическое производство и ассимиляции значительной части индейского населения.

Еще сравнительно недавно Юкатан, тесно связанный с США, был по сути оторван от общенациональной жизни Мексики. Его жители не считали себя мексиканцами. Здесь были сильны сепаратистские настроения. Проведение аграрной реформы в 1936—1940 гг. приобщило Юкатан к бурной политической жизни Мексики того периода. После второй мировой войны были построены железная дорога и шоссе, соединившие Юкатан с другими районами страны. Полуостров стал частью общемексиканского хозяйственного организма, что способствовало и преодолению сепаратистских тенденций и региональной изолированности района. Проблемы Юкатана, в частности кризис экономики, основанной на одном лишь хенекене, необходимость создания более разнообразной структуры хозяйства, стали составной частью общенациональной жизни всей Мексики.

* * *

Мексиканская нация, как и все другие нации, развивается в результате сложного взаимодействия многих процессов и факторов. В каждом из главных районов Мексики, наряду с общими для всей страны процессами, проявляются и специфические местные условия. Они порождены своеобразием социально-экономических, историко-этнографических, природных условий каждого района. Это еще более обогащает, делает многогранным развитие мексиканской нации, внесшей большой вклад в мировую культуру.

Экспансия Англии и Германии в Чили и мятеж 1891 г.

В чилийской историографии большое внимание уделяется мятежу 1891 г. и, в частности, роли в нем иностранного капитала. Прежде всего здесь следует указать на труды известного чилийского историка-марксиста Эрнана Рамиреса Некочеа¹. На основе большого документального материала он подтвердил то, о чем заявляли патриоты Чили еще в период мятежа и в ходе вооруженной борьбы 1891 г.: мятеж 1891 г. готовился и осуществлялся при прямом участии английских и германских капиталистов. Конечно, были и есть противники этой точки зрения. В 1965 г. английский историк Гарольд Блэкмор выступил с историографической работой, в которой пытается опорочить позицию Рамиреса, а заодно опровергнуть его единомышленников². Указав, что «если отбросить марксистское звучание», то работы Рамиреса «являются глубокими, исследовательскими», Блэкмор далее утверждает, что позиция Рамиреса в вопросе о роли иностранного капитала в событиях 1891 г. «кажется убедительной лишь на первый взгляд»³. Блэкмор называет голословными, пропагандистскими, утверждения чилийских патриотов, что в 1891 г. «чилийские аристократы, банкиры и иностранные капиталисты ввергли страну в кровавую гражданскую войну»⁴. В нашей исторической литературе затронутая проблема не получила еще должного освещения. Автор данной статьи делает попытку показать советскому читателю картину трагических событий 1891 г., роль в них английского и германского капитала, как об этом свидетельствуют факты.

После войны 1879—1884 гг. против Перу и Боливии, вошедшей в историю под названием Тихоокеанской, Чили стала мировым монополистом селитры. Недра отошедших к Чили провинций Тарапака и Антофагасты содержали богатейшие в мире залежи селитры. Спрос на нее на мировом рынке, особенно с наступлением эпохи империализма, резко возрос.

Конец XIX в. ознаменовался ростом милитаризма, гонкой вооружения, а селитра являлась важнейшим сырьем для изго-

товления взрывчатых веществ. Кроме того, возрос спрос на селитру для производства минеральных удобрений, необходимых развивавшемуся сельскому хозяйству США и европейских стран. Это способствовало обострению борьбы между империалистическими державами за источники сырья и сферы приложения капиталов.

В первые годы после войны, когда обозначился подъем экономики Чили, все внимание было сосредоточено на производстве селитры. Как грибы после дождя, росли компании и акционерные общества, закладывались новые шахты, расширялись уже действовавшие. Предприниматели, спекулянты вкладывали капиталы в селитренное производство, сулившее им обогащение. Началась подлинная селитренная лихорадка.

Вскоре селитра подчинила все: национальная экономика стала базироваться на производстве селитры. Это нанесло ущерб другим отраслям горнорудной промышленности, в том числе меднорудной, имевшей большое значение в общем развитии экономики страны.

Результатом этого явилась деформация народного хозяйства. Чили стала превращаться в страну монокультуры.

Роковую роль в этом процессе сыграл английский капитал, типичным представителем которого в Чили в этот период явился Томас Норт.

Тихоокеанскую войну Норт вместе с другим английским авантюристом, Харвеем, использовал для наживы и укрепления своих позиций в селитренной промышленности. Одной из самых ловких и имевших большие последствия операций была скупка Нортом сертификатов — облигаций, выпущенных в свое время перуанским правительством, которые обеспечивались селитренными предприятиями Перу.

Скупая сертификаты, Норт понимал, что можно нажить миллионы, и действительно, после войны курс акций селитренных предприятий, оказавшихся в его руках, значительно повысился; некоторые возросли в цене в сотни раз⁵.

Инициативу Норта поддержали другие английские предприниматели, тем более, что немецкие капиталисты «пустили кое-какие корни в селитренной пустыне и англичанам очень было необходимо вытеснить оттуда своих конкурентов»⁶.

К богатствам Чили потянулись дельцы лондонского Сити. Различные компании по эксплуатации ресурсов Чили, ее недр возникали с невероятной быстротой. Особенно «урожайным» был конец 80-х годов. Именно в эти годы стала с большей силой проявляться одна из характерных черт наступавшей новейшей стадии капитализма — вывоз капитала к источникам сырья и сферам приложения капиталов.

В 1889 г. в Англии было создано 19 селитренных компаний с капиталом в 4625 тыс. ф. ст. В селитренной зоне Чили действо-

вало около 40 английских компаний с капиталом в 9 млн. ф. ст.⁷

Главный жизненный нерв чилийской экономики — селитренная промышленность — оказался под контролем английского капитала. Это позволило английским инвесторам под руководством постоянного селитренного комитета в Лондоне во главе с тем же Нортон выкачивать из недр Чили ценнейший минерал.

Планы английских капиталистов, направленные на полное подчинение селитренного производства и экономики страны, вызвали тревогу передовой части чилийской нации, поскольку английский капитал создавал опасность независимому существованию Чили⁸. Эта тревога отразилась в деятельности Хосе Мануэля Бальмаседы, занимавшего пост президента страны с 1886 по 1891 г. Бальмаседа отражал стремление определенных слоев национальной буржуазии и широких слоев населения, мечтавших о ликвидации засилья английского капитала во имя самостоятельного развития страны.

Патриотическая печать вскрывала корыстные планы английских компаний. «Эль эральдо» — газета, издававшаяся в Вальпараисо, — в феврале 1889 г. писала, что добытые ценой огромных жертв народа богатства оказываются в руках «иностранных спекулянтов, ничем не связанных с Чили, не питающих интереса к процветанию страны, не болеющих за ее успехи»⁹.

Патриоты прямо указывали, что опасность для чилийского народа исходит из Лондона¹⁰. «Общественное мнение страны, — пишет Эрнан Рамирес, — имело ясное представление, что означал собой империализм для Чили как с точки зрения экономической, так и политической, и на этой основе возникло широкое и сильное антиимпериалистическое движение, проявившееся во всех слоях, стремившихся к прогрессу и процветанию Родины»¹¹.

Чилийские патриоты выступали за спасение селитренной промышленности от поглощения ее английскими компаниями, призывали к сопротивлению экспансии английского капитала и требовали обеспечения самостоятельного развития экономики страны под лозунгом «Чили — чилийцам».

Правительство Бальмаседы, стремясь ослабить позиции английских капиталистов и укрепить позиции государства в селитренной промышленности, в феврале 1887 г. приняло меры к оплате сертификатов, выпущенных в свое время перуанским правительством, обеспечивавшихся селитренными предприятиями Тарапака. Таким путем в руки государства перешло 71 селитренное предприятие. В июле 1887 г. был принят закон, запрещавший отчуждение государственных селитренных земель и предприятий.

Большое значение для разработки мероприятий правительства в селитренном вопросе имела поездка президента на север страны. 8 марта он выступил с речью в Икике. Не называя

англичан, он сказал, что в селитренной зоне частные владения почти все иностранные, сконцентрированы в руках лиц почти только одной национальности, и добавил: «было бы предпочтительнее, чтобы они принадлежали чилийцам»¹².

Он дал понять, что его правительство никогда и ни в какой степени не примирится с экономическим засилием иностранцев, что оно покончит с иностранным господством в селитренной промышленности.

Бальмаседа поставил перед правительством цель ликвидировать английскую монополию в селитренной промышленности, помешать развитию и деятельности в стране иностранных компаний, увеличить производство селитры национальной промышленностью, особенно государственными предприятиями¹³. Такая политика Бальмаседы в селитренном вопросе, как и его программа экономического национализма в целом, открывала перспективу быстрого развития Чили, укрепления ее суверенитета. Однако она вызвала резкую оппозицию латифундистов, католической церкви, торговцев, банкиров, связанных с внешним рынком, и, конечно, английских капиталистов. Последние не только не собирались уступать своих позиций, но стремились к еще большему их укреплению. Они решили полностью поставить под свой контроль производство и продажу селитры.

Для осуществления этих планов Норт решил выехать в Чили. Была у него и своя забота, вынуждавшая отправиться в эту дальнюю поездку. Его беспокоило дело с покупкой селитренных земель в районе Лагуны, неподалеку от Икике. Норт приобрел их за 110 тыс. ф. ст.¹⁴, но сделка была незаконной, вмешалось чилийское правительство, началась тяжба. К тому же выяснилось, что участок Лагуны стоил в десять раз дороже.

14 февраля 1889 г. Норт или, как писала одна газета, «его селитренное величество отбыло в Чили»¹⁵. Норта сопровождали представители английского правительства. 16 марта, т. е. вскоре после знаменитой речи Бальмаседы в Икике, он прибыл в Чили.

В течение месяца Норт и его свита организовывали балы и приемы то в Сантьяго, то в Вальпараисо, добиваясь встречи с членами правительства и президентом.

Норт привез для Бальмаседы двух чистокровных английских скакунов и другие подарки, но ни министры, ни президент не удостоили его своим вниманием. Ведь для них не было секретом, что «Норт приехал в Чили, чтобы скупить все селитренные резервы государства»¹⁶.

Видя нежелание чилийского правительства вступить в какие-либо контакты, Норт перебазировался в Икике. Он задумал дать бой правительству в сердце селитренной промышленности. Поняв, что с Бальмаседой у него никаких переговоров не получится, он решил двинуть против него свою агентуру — денежную

олигархию Икике, обогащавшуюся на операциях с селитрой. На банкет по случаю приезда столь высоких гостей был приглашен весь цвет города.

С самого приезда в Чили Норт щедро осыпал золотом нужных ему людей. Журналисты и политики метались между необходимостью оставаться верными своему гражданскому долгу и боязнью упустить взятку от селитренного короля¹⁷. Устраивая банкет в Икике, Норт надеялся на всеислие золота и продажность люлей, утративших чувство национальной гордости.

Обращаясь к гостям, Норт заявил, что его приезд в Чили связан со стремлением продемонстрировать свою любовь к чилийцам, к Чили, и выразил намерение способствовать промышленному развитию страны¹⁸.

Но эта его речь была последней на последнем банкете. Больше приглашать было некого и делать в Чили было нечего.

Таким образом, миссия Норта окончилась провалом, а «популярность Бальмаседы выросла еще более — его провозглашали героем¹⁹.

События, связанные с поездкой Норта, выявили две противоположные тенденции: тенденцию английского капитала к расширению своей экспансии в Чили и тенденцию национальных сил страны к независимому экономическому развитию. Эти тенденции были представлены двумя деятелями. С одной стороны, алчным, расчетливым капиталистическим хищником, не гнушавшимся никакими средствами в достижении своих низменных целей — Томасом Нортом, с другой — энергичным, решительным государственным деятелем, поставившим превыше всего обеспечение национальной самостоятельности страны — Хосе Мануэлем Бальмаседой²⁰.

На стороне Норта оказался крепко спаянный блок, представленный определенными кругами эксплуататорских классов Чили, усматривавших в деятельности Бальмаседы подрыв «традиционных устоев» чилийского общества, угрозу своему господствующему положению. Церковь не могла простить Бальмаседе его антиклерикальной деятельности. Против политики Бальмаседы выступили банкиры и торговцы, связанные с английскими компаниями. Подогреваемые золотом Норта, противники Бальмаседы начали кампанию против «крамольного» президента, прикрывая свои гнусные планы криками о защите парламентских свобод, якобы попранных Бальмаседой. В конгрессе активизировалась оппозиция. Она использовала при этом экономические трудности, связанные с тем, что деловой бум, начавшийся после Тихоокеанской войны, был явлением конъюнктурным. На мировом рынке предметы чилийского экспорта падали в цене, и хотя объем производства той же селитры возрастал, страна получала за нее относительно все меньшую сумму. К тому же в то время как цены на экспортные товары понижались, цены на предметы

импорта оставались неизменно высокими²¹. Курс песо неуклонно проявлял тенденцию к понижению. В 1884 г., например, на Лондонской бирже за одно чилийское песо давали $35\frac{1}{4}$ пенса, а в 1890 г. — $24\frac{1}{16}$ ²².

Тяжелым, с точки зрения экономического положения, оказался 1890 г. Английские селитренные компании, стремясь создать для правительства Бальмаседы дополнительные трудности, искусственно сокращали производство, что вело к уменьшению денежных поступлений в государственную казну. Реакционные круги развернули яростную кампанию против правительства Бальмаседы, внушая народу, что виновником трудностей, возникших в стране, был якобы только президент²³. Используя экономические трудности латифундисты, торговцы и банкиры, связанные с иностранной торговлей, объединились с английскими компаниями, которые делали все, чтобы сбросить правительство Бальмаседы. Началась подготовка мятежа. Огромную роль в ней сыграли банкиры Вальпараисо, связанные с лондонским Сити. Агустин Эдвардс, Агустин Росс, Аугусто Матте, Виаль Солар, Гонсало Матто, Педро Монт — крупнейшие чилийские банкиры, тесно связанные с английскими компаниями, — были ярыми врагами политики Бальмаседы. Эта клика денежных воротил развернула лихорадочную деятельность по подготовке государственного переворота²⁴.

Норт также не сидел сложа руки. Он раздавал взятки депутатам конгресса, выступавшим против президента, перетягивал на свою сторону руководителей армии и флота. Он был непосредственным подстрекателем мятежа и ассигновал огромные суммы на его финансирование²⁵. В марте 1891 г. посол США Эган сообщал в госдепартамент, что на поддержку мятежа Норт ассигновал 100 тыс. ф. ст.²⁶. Он направлял деятельность оппозиционной прессы и реакционного большинства конгресса, который оказался «минирован золотом национальных и иностранных банкиров»²⁷.

Э. Рамирес, опираясь на документальный материал, убедительно доказывает, что английские компании, действовавшие в селитренной промышленности и в других отраслях экономики Чили, имели специальные денежные фонды для подкупа политиков, членов парламента, судей. Только «Компанья дель феррокариль салитрера» имела специальный фонд для подкупа на сумму в 100 тыс. ф. ст.²⁸.

Видный политический деятель радикал Мак Ивер был одним из доверенных лиц Норта. Как и многие подобные ему деятели, находившиеся на содержании английских компаний, Мак Ивер был парламентарием. Блистая ораторским красноречием, он с пафосом заявлял в конгрессе, что против действий президента «вопиют убеждения, честь, достоинство и национальная гордость»²⁹. На жалованье у Норта был и лидер «левого» крыла

радикальной партии Валентин Лейтельер, а также адвокат «Найтрейт — Рейлуэйс К°» Эулохио Альтамирано, использовавший свое положение депутата парламента в интересах этой компании. Один из лидеров либералов, Хулио Сехерс, променял пост члена государственного совета на службу Норту в качестве адвоката — защитника его темных махинаций³⁰.

Среди подкупленных Нортот был и лидер консервативной партии Карлос Валькер Мартинес, и многие другие, сыгравшие позорную роль в борьбе английского империализма и чилийской олигархии против правительства, так высоко поднявшего знамя борьбы за национальное достоинство своей родины. Мак Ивер, Альтамирано и Валькер Мартинес были наиболее активными среди руководителей оппозиции и поджигателей мятежа 1891 г.³¹ Под живым лозунгом о суверенитете конгресса оппозиция пыталась сбросить Бальмаседу.

В сложной обстановке, достигшей крайней остроты, Бальмаседа на сдавал своих позиций. Учитывая враждебность большинства сената и палаты депутатов, он, не созывая сессии конгресса, 1 января 1891 г. объявил, что государственный бюджет на следующий год будет установлен в размерах предыдущего.

Этот акт президента был расценен его противниками как удобный повод для начала открытой борьбы.

7 января 1891 г. противники Бальмаседы подняли мятеж. Вступая в борьбу с Бальмаседой и его сторонниками, мятежники не думали об интересах страны, они заботились лишь о своих собственных. В реакционном блоке, объединявшем консервативную партию, реакционные элементы либеральной и радикальной партий, главную роль играла консервативная партия — партия латифундистов, клерикалов, крупных спекулянтов, банкиров, торговцев, денежной олигархии, связанной с английским капиталом.

Луис Корвалан, обращаясь к трагическим событиям 1891 г., подчеркивал, что именно «консервативная партия, самая реакционная в истории Чили, спровоцировала в 1891 г. мятеж, подняла оружие против Бальмаседы»³². Руководящим органом мятежа стала хунта, в состав которой вошли: председатель палаты депутатов Рамон Баррос Луко, вице-президент сената Вальдо Сильва и капитан военно-морских сил Хорхе Монтт, ставший главой хунты, которая затем приняла наименование временного правительства. На сторону мятежников перешел главный военный советник капитан германской армии Эмиль Кёрнер. Мятежная хунта назначила его начальником генерального штаба.

Решающие операции развернулись в селитренной зоне, которая в течение апреля была полностью очищена от правительственных войск.

Министр мятежного правительства Исидоро Эррасурис, информируя агента хунты в Перу Виалья Солара о ходе военных

действий, писал 30 апреля 1891 г.: «Мы занимаем Такна, Тарапака, Антофагасту и Атакаму — территорию с доходом в 33 миллиона против 17 миллионов остальных провинций, с 13 миллионами фунтов стерлингов иностранного капитала против 800 тыс. в остальной части страны»³³.

Активную помощь мятежникам оказали Англия и Германия.

К началу мятежа Германия уже обладала определенными позициями в Чили. Интересно, что глашатаи германской экспансии в Южной Америке в двухтомной работе, посвященной деятельности немцев в Чили³⁴, писали: «Трудясь непрерывно в продолжении 60 лет, они внесли свою долю во все достижения чилийского народа, что позволят называть культурное государство Чили южноамериканской Пруссией»³⁵.

Конечно, авторы указанного двухтомника принимали желаемое за действительное, но факт остается фактом: еще до событий 1891 г. немцы прочно обосновались на юге страны в Вальдивии и Льянкиуэ. «устроив там, — по свидетельству А. С. Ионина, — маленькую Германию»³⁶.

Германия получила заказы на поставку военных материалов для обновления вооружения чилийской армии³⁷. В качестве инструкторов были приглашены немецкие офицеры³⁸. Главным военным советником являлся уже упоминавшийся Эмиль Кёрнер, сыгравший столь зловещую роль в период мятежа 1891 г.

Кёрнер был верным проводником экспансионистских устремлений кайзеровской Германии.

Рамирес Некоча пишет о проникновении германского капитала в Чили накануне мятежа: «Финансовые центры Германии проявляли интерес к расширению отношений с Чили, о чем свидетельствует заем «Дейче банк» 1889 года; немецкие компании осуществляли капиталовложения в Чили, так что в 1890 году, например, полдюжины селитренных предприятий являлись немецкой собственностью и покрывали 18% производственной мощности селитренной промышленности. Объем немецко-чилийской торговли возрос с 6 776 972 песо в 1880 году до 22 037 101 в 1890 году, то есть на 225% за десятилетие»³⁹.

Когда вспыхнул мятеж в Чили, правящие круги Германии расценили сложившуюся ситуацию как благоприятную для дальнейшего укрепления своих позиций в этой стране. Реакционные круги юнкерской Германии поняли, что им не по пути с Бальмаседой — с его планами национализации селитренной промышленности, железных дорог, со всей его программой экономического национализма. Германские экспансионисты были заинтересованы в сохранении остального характера экономики Чили; они надеялись, что в конечном итоге она станет сырьевым придатком высокоразвитой германской промышленности. Сочувствие и поддержка чилийской реакции определялись и реакционной сущностью кайзеровского режима. Об этом можно судить по докумен-

тированной книге «Гражданская война в Чили», вышедшей в свет в Лейпциге в 1892 г.⁴⁰

29 января 1891 г., т. е. вскоре после начала мятежа, немецкий посланник в Чили барон фон Гутшмид сообщал в Берлин: «К партии конгресса (т. е. мятежников.— *Н. Л.*) принадлежат крупные банкиры, большинство шахтовладельцев и крупных земельных собственников, вообще представители классов, являющихся сейчас ведущими в стране». И далее посланник писал о нежелательности поражения этих «ведущих классов». «Если бы,— продолжал Гутшмид,— им было нанесено поражение, они оказались бы разорены, их владения конфискованы, и вообще произошел бы переворот всех имущественных отношений с вытекающими отсюда последствиями»⁴¹.

Раскрывая содержание этих возможных последствий, посланник писал: «Если бы победило правительство (Бальмаседы.— *Н. Л.*), то Чили оказалась бы под властью черни во главе с диктатором»⁴². Вот почему, с точки зрения реакционных правителей Германии, «германский посланник барон фон Гутшмид взял с самого начала правильную установку», он занял «такую позицию, которая подготовила возможность завязать хорошие отношения с новым правительством», а министерство иностранных дел Германии поддерживало его соответствующими инструкциями⁴³.

В поддержку позиций Гутшмида, т. е. политики вмешательства в разразившуюся вооруженную борьбу на стороне чилийской олигархии, к берегам Чили были посланы военные корабли. Немецкая эскадра в составе броненосца и четырех крейсеров в январе покинула Китай и направилась в Чили⁴⁴.

Министр иностранных дел Германии барон фон Маршаль в телеграмме Гутшмиду подчеркивал: «Прошу указать начальнику нашей эскадры, чтобы он избегал занимать позицию, враждебную партии конгресса, если придется выступить в защиту германских интересов»⁴⁵. Но эта эскадра не только не заняла враждебной позиции в отношении мятежников, но всячески содействовала их успехам. Прямая помощь германской эскадрой под командованием адмирала фон Вагиас была оказана мятежникам при взятии ими Вальпараисо.

Недаром 3 сентября министр иностранных дел мятежного правительства Эррасурис заявил барону Гутшмиду, что его правительство «признает достойным благодарности образ действия Германии и ее представителей»⁴⁶.

Уже после победы мятежников имперский канцлер Каприви передал рейхстагу Белую книгу — большое собрание документов, освещавших позицию Германии в событиях в Чили. Эти документы показывают, что надежды германских экспансионистов на укрепление позиций Германии в Чили оправдались, ибо «на этом отдаленном, но отнюдь не маловажном участке престиж и

интересы Германии соблюдались так, как только можно было этого желать»⁴⁷.

В Белой книге имеются донесения Гутшмида, которые свидетельствуют об активной деятельности Кёрнера в лагере мятежников. В донесении посланника и других документах, в официальной немецкой историографии чилийских событий 1891 г. он изображен как национальный герой Германии. В этом отношении интересно сопоставить характеристику Кёрнера, его роли в мятеже 1891 г., данную ему одновременно главнокомандующим войсками мятежников Эстанислао дель Канто и Гутшмидом. В последнем оперативном донесении хунте дель Канто писал: «Я уже докладывал о выдающихся достоинствах, деятельности, компетентности и смелости начальника генерального штаба полковника Эмиля Кёрнера*. Благодаря выдающимся услугам и бескорыстной преданности конституции он завоевал особое уважение и признательность правительства и благодарность чилийцев» (т. е. мятежников)⁴⁸.

Одновременно Гутшмид, сообщая в Берлин о вступлении в Сантьяго «победоносной армии конгресса», с восторгом писал, что «вся пехота целиком и полностью маршировала длинным прусским шагом, что было одним из достижений полковника Кёрнера, капитана действительной службы прусской королевской армии». Отметив, что Кёрнер шел рядом с дель Канто во главе мятежных войск, Гутшмид указывал, что Кёрнер, перейдя на сторону конгресса, «неутомимо, с величайшей энергией и настойчивостью обучал армию оппозиции, внедрял в ней дисциплину и в конце концов добился огромного успеха, всюду приписываемого лично ему». «Я был,— добавлял Гутшмид,— засыпан выражениями благодарности за все то, что этот немец сделал для Чили, его превозносят повсюду»⁴⁹. Не трудно догадаться, кто выражал благодарность Гутшмиду, а в его лице кайзеровской Германии. Конечно, слово Чили в донесении Гутшмида непричем: речь идет здесь о той самой плутократии, за судьбы которой так опасался Гутшмид в начале мятежа.

Таким образом, германские правящие круги, преследуя далеко идущие планы, внесли свой вклад в дело торжества чилийской реакции.

В свержении правительства Бальмаседы была заинтересована и Англия.

Как только в Лондоне было получено сообщение о начале мятежа, британское правительство направило в Чили соединение военных кораблей.

9 января 1891 г. правительство Бальмаседы объявило, что оно не несет никакой ответственности, если флот мятежников причинит какой-либо ущерб интересам иностранцев. Правительство

* Звание полковника Кёрнеру было присвоено мятежниками.

объявило о закрытии портов в районе расположения войск мятежников. Британское правительство игнорировало эти распоряжения чилийских властей.

Правительство Англии делало все, чтобы создать финансовые трудности для правительства Бальмаседы. Так, оно отказалось выполнять декрет последнего от 30 января 1891 г., согласно которому пошлины с вывозимой селитры должны были выплачиваться ему, даже если правительство оппозиции обложило бы пошлинами селитру в свою пользу.

Когда министерство иностранных дел обратилось к английскому послу с просьбой передать своему правительству предложение о совместных действиях с целью помешать хунте вести торговлю селитрой, что лишало бы мятежников главного источника доходов, посол отказался сообщить об этом предложении в Лондон⁵⁰.

После начала мятежа правительство Бальмаседы издало декрет о запрещении ввоза в Чили всевозможных военных материалов и информировало об этом английское правительство. В связи с этим декретом представители чилийского правительства обратились к английским властям с просьбой разрешить им осуществлять досмотр кораблей, выходящих из английских портов в чилийские порты. Однако правительство Англии отказалось удовлетворить эту просьбу⁵¹. Ведь из английских портов шел поток оружия для мятежников. Позиция Англии в период мятежа 1891 г. была открыто враждебной по отношению к правительству Бальмаседы.

Поддержка Германией и Англией мятежа в Чили объяснялась не только совпадением политических взглядов правящих кругов этих стран с реакционными установками чилийской плутократии, но также и теми экспансионистскими планами в отношении Чили, которые лелеяли правительства этих двух стран. В этой связи Англию и Германию беспокоила экспансия США в Латинской Америке и, в частности, в Чили.

Когда вспыхнул мятеж, конкуренты США оказались на стороне мятежников, правительство США заняло благожелательную позицию в отношении правительства Бальмаседы⁵².

Это вызвало не только негодование чилийской реакции, но и беспокойство Англии и Германии. Представители этих стран направляли своим правительствам тревожные донесения.

Весьма интересно донесение английского посла Кеннеди, который сообщал в Форин Офис 12 апреля 1891 г.: «Барон Гутшид считает, что мистер Эган (посол США в Чили. — *Н. Л.*) активно действует против британских и германских торговых и политических интересов в Чили в целях установления влияния Соединенных Штатов в этой республике»⁵³. Но США обладали слишком слабыми позициями в Чили по сравнению с Англией и

Германией, а судьба правительства Бальмаседы была быстро решена ввиду явного превосходства реакционных сил.

Захват селитренной зоны, поддержка Англии и Германии обеспечивали победу мятежников. Инициатива на фронтах была в их руках. В течение июля — августа правительственные войска потерпели полное поражение. В ночь с 28 на 29 августа Бальмаседа сложил с себя полномочия президента.

В обстановке разгула реакции 31 августа в Сантьяго прибыли Хорхе Монтт, Эстанислао дель Канто, Эмилио Кёрнер.

1 сентября Хорхе Монтт опубликовал обращение к населению страны, в котором заявлял, что «святое и благородное дело победило, власть закона восстановлена, победоносные силы будут стоять на страже конституции и порядка»⁵⁴. Восстановление «закона и порядка» означало торжество реакционного блока.

Утром 19 сентября Бальмаседа, понимая крах всех своих планов и надежд, застрелился. Так погиб этот выдающийся государственный деятель — первый антиимпериалистически настроенный президент Чили⁵⁵. Реакция во главе с католической церковью не скрывала радости по поводу смерти Бальмаседы.

Торжественно звонили колокола. Попы и монахи в проповедях втолковывали верующим, что гибель Бальмаседы — «перст божий», что всевышний покарал его за «грехи».

Таким образом, борьба прогрессивных и реакционных сил окончилась победой последних. Решающую роль в победе мятежа сыграла помощь, оказанная чилийской реакции со стороны Англии и Германии. Победа реакции имела роковые последствия для дальнейшего развития страны, поскольку стала возрастать зависимость Чили от иностранного капитала; национальное развитие страны затормозилось. Перед народными массами встала задача ликвидации господства реакционного режима, связанного с империализмом.

¹ Н. Рамирес Некочеа. La guerra civil de 1891. Santiago, 1951; I dem. Historia del movimiento obrero en Chile. Santiago, 1956 (русский перевод: «История рабочего движения в Чили». М., 1960); I dem. Balmaceda y la contrarevolucion de 1891. Santiago, 1958; I dem. Historia del imperialismo en Chile. Santiago, 1960 (русский перевод «История империализма в Чили». М., 1964).

² «The Hispanic American Historical Review». August 1965, vol. XLV, № 3.

³ Ibid., p. 416.

⁴ Ibid., p. 401.

⁵ А. С. Ионин. По Южной Америке, т. III. СПб., 1903, стр. 655.

⁶ Там же.

⁷ Н. Рамирес Некочеа. Balmaceda y la contrarevolución..., p. 31, 32.

⁸ Э. Рамирес Некочеа. История империализма в Чили, стр. 114.

⁹ Там же, стр. 117.

¹⁰ Там же, стр. 118.

¹¹ Н. Рамирес Некочеа. Balmaceda y la contrarevolución..., p. 72.

¹² Ibid., p. 95.

- ¹³ Э. Рамирес Некочеа. История империализма в Чили, стр. 122, 123.
¹⁴ Там же, стр. 107.
¹⁵ H. Ramirez Necochea. Balmaceda y la contrarevolución..., p. 55.
¹⁶ A. Encina Francisco. Resumen de la historia de Chile, t. III. Santiago, 1954, p. 1792.
¹⁷ Ibid., p. 1793.
¹⁸ H. Ramirez Necochea. Balmaceda y la contrarevolución..., p. 58, 59.
¹⁹ A. С. Ионин. Указ. соч., стр. 663.
²⁰ Ramirez Necochea. H. Balmaceda y la contrarevolución..., p. 60.
²¹ S. C. Anibal Pinto. Hacia nuestra independencia economica. Santiago, 1953, p. 11.
²² Anibal Pinto. Chile, un caso de desarrollo frustrado. Santiago, 1959, p. 104.
²³ Marcelo Segall. Desarrollo del capitalismo en Chile. Santiago, 1953, p. 233.
²⁴ Ibid., p. 179.
²⁵ C. J. Jobet. Ensayo critico del desarrollo economico-social de Chile. Santiago, 1955, p. 89, 90.
²⁶ «The Hispanic American Historical Review». 1965, vol. XLV, № 3, p. 401.
²⁷ Ramirez Necochea. H. Balmaceda y la contrarevolución..., p. 73.
²⁸ Ibidem.
²⁹ C. J. Jobet. Op. cit., p. 107.
³⁰ A. Encina Francisco. Resumen de la historia de Chile, t. III, p. 1714, 1715.
³¹ Э. Рамирес Некочеа. История империализма в Чили, стр. 135.
³² «Hacia la conquista de un gobierno popular. Documentos del XII congreso nacional del Partido Comunista de Chile». Santiago, 1962, p. 54.
³³ C. J. Jobet. Op. cit., p. 104.
³⁴ «Deutsche Arbeit in Chile». Santiago, Bd. I, 1910; Bd. II, 1913.
³⁵ Ibid., Bd. I, S. 53.
³⁶ A. С. Ионин. Указ. соч., стр. 142.
³⁷ Ramirez Necochea. H. Balmaceda y la contrarevolucion..., 162.
³⁸ «Deutsche Arbeit in Chile», Bd. II, S. 4.
³⁹ Э. Рамирес Некочеа. История империализма в Чили, стр. 141.
⁴⁰ H. Kunz. Der Bürgerkrieg in Chile. Leipzig, 1892.
⁴¹ Ibid., p. 171.
⁴² Ibidem.
⁴³ Ibid., p. 170.
⁴⁴ H. Clay Evans. Chile and its relations with the United States. Durham, 1927, p. 138.
⁴⁵ H. Kunz. Op. cit., p. 172.
⁴⁶ Ibid., p. 172, 173.
⁴⁷ Ibid., p. 174.
⁴⁸ «Die Entscheidungskämpfe im Chilenischen Bürgerkriege 1891». Wien, 1892, S. 33.
⁴⁹ H. Kunz. Op. cit., p. 172.
⁵⁰ W. Ch. Centner. Great Britain and Chile. Chicago, 1944, p. 32.
⁵¹ Ibidem.
⁵² R. W. Sherman. The diplomatic and commercial relations of the United States and Chile. Boston, 1926.
⁵³ H. Ramirez Necochea. Balmaceda y la contrarevolución..., p. 229.
⁵⁴ A. Encina Francisco. Resumen de la historia, t. III, p. 1892.
⁵⁵ Э. Лаферте. Жизнь коммуниста. М., 1961, стр. 12.

Роль иммиграции в XIX и первой половине XX в. в формировании населения Чили

За три столетия испанского господства в Чили из Европы переселилось около 50 тыс. человек¹, а по другим данным 70 тыс.² Столь небольшой приток переселенцев в Чили объясняется не только причинами, общими для всей Испанской Америки (преобладание феодальных производственных отношений, строго ограниченный въезд в колонии Испании), но и удаленностью Чили от метрополии.

Вскоре после завоевания Чили конкистадоры стали ввозить в страну африканцев-рабов. Их численность, однако, была невелика, так как трудоемкое плантационное хозяйство здесь не получило развития. Предполагается, что накануне войны за независимость африканцев и мулатов в Чили насчитывалось около 16 тыс., и они составляли лишь 3% всего населения страны³. По другим данным, в 1827 г. около 6,5% всех жителей страны были африканцы и мулаты⁴.

В течение всей колониальной эпохи в Чили происходила метисация пришлых элементов и коренного населения, причем гораздо интенсивнее, чем в других странах тихоокеанского побережья Южной Америки. Так, в Чили накануне войны за независимость метисы составляли около 75% населения страны, а в Перу — меньше 20%⁵. Чем же объясняются столь сильные различия в темпах метисации? Нам представляется, что основных причин три.

Во-первых, в Чили испанцы обосновались в Продольной долине, т. е. в главной зоне расселения мапуче. В Перу же и в Эквадоре значительная часть испанцев осела на побережье, в стороне от основных ареалов расселения индейцев.

Во-вторых, в Чили переселенцы занимались главным образом сельским хозяйством и в связи с этим больше были расплывены по стране и больше соприкасались с туземным населением, чем в Перу или в Боливии. Там колонизаторы занимались преимущественно горным делом и селились в горнопромышленных

центрах. В результате они имели меньше контактов с индейцами. К тому же надо учесть, что принудительный труд на рудниках был уделом индейцев мужчин, но не женщин.

В-третьих, индейские народы, составлявшие большинство коренного населения Перу, Боливии и Эквадора, стояли на более высоком уровне развития, чем мапуче. Поэтому испанизация метисов в этих странах шла медленнее, чем в Чили. Интенсивная метисация в сочетании со многими другими факторами (географическая обособленность страны, развитие хозяйственных связей в пределах Продольной долины и т. д.) способствовала тому, что в Чили еще до войны за независимость «родилась национальная целостность со своими четко определенными особенностями»⁶.

К концу XIX в. эта национальная целостность превратилась в нацию. К этому времени закончилось формирование территории страны и повсеместно распространился испанский язык в его чилийском варианте. Общественное разделение труда и рыночные отношения достигли сравнительно высокого уровня развития и в связи с этим большая часть населения оказалась объединенной общностью хозяйственной жизни. Чилийский пролетариат стал довольно многочисленным, увеличилась численность служащих различной квалификации, умножились кадры национальной интеллигенции, усилилась национальная буржуазия. Пролетариат в это время приступает к созданию своих партий и организаций. Многие деятели рабочего движения были талантливыми публицистами, и их статьи, которые печатались в прогрессивных газетах («Эль Грито дель Пуэбло», «Эль Пролетарио», «Эль Трабахо» и др.) будили сознание трудящихся, доносили до них социалистические идеи. Печатное слово к концу XIX в. стало более доступным для народа, так как в стране появилось значительно больше школ, в том числе государственных. Сильной струей, подтачивающей олигархический режим, была и передовая чилийская литература. Конец XIX — начало XX в. были временем, когда в стране расцветал критический реализм. Наиболее блестящим его представителем был Бальдомеро Лильо (1867—1923).

Таким образом, в чилийской культуре, специфика которой становится все более очевидной, демократические и социалистические элементы приобретают большое значение. Наконец, в это время в Чили пробуждаются антиимпериалистические настроения. Последнее явление, с нашей точки зрения, — важный признак степени завершенности процесса формирования наций в полуколониальных и колониальных странах. Мы не утверждаем, что антиимпериализм присущ лишь тем народам, которые близки к превращению в нацию, но размах и организованность антиимпериалистической борьбы бесспорно зависят от того, сформировалась нация или нет⁷.

После освобождения Чили от испанского владычества ограничения на въезд в страну, установленные испанскими властями, были отменены и в ней начинают селиться выходцы из многих европейских стран.

Проникновение английского капитала в экономику Чили способствовало тому, что в Сантьяго и Вальпараисо уже в первой половине XIX в. возникли довольно многочисленные английские колонии. В Вальпараисо в конце 30-х годов насчитывалось более 3 тыс. иностранцев, главным образом англичан⁸. Судя по докладу британского представителя — капитана Фицроя адмиралтейству, в Сантьяго в 1836 г. насчитывалось около 1000 англичан⁹.

Английские колонии состояли из дельцов, торговых агентов, инженеров, техников и ремесленников. Многие из англичан приняли чилийское подданство, породнились с богатыми чилийскими семьями и, нажив большие состояния, пополнили местную элиту.

Кроме англичан, в первой половине XIX в. в чилийских городах обосновалось довольно много итальянцев, главным занятием которых была розничная торговля.

Иммиграционная политика чилийского государства была противоречива. С одной стороны, оно неоднократно пыталось привлечь в Чили переселенцев из Европы, считая, что приток специалистов, квалифицированных рабочих и опытных фермеров будет способствовать подъему экономики страны. С другой стороны, закон типа гомстед-акта, который стимулировал бы массовую иммиграцию в Чили, оно принять не решалось, поскольку не желало ущемлять интересы крупных землевладельцев, игравших очень важную роль в экономике и политической жизни чилийского общества.

В результате размеры «организованной» иммиграции в Чили всегда были невелики. До Тихоокеанской войны 1879—1883 гг. чилийское правительство вербовало иммигрантов главным образом в Германии. Немцев-иммигрантов расселяли на юге Продольной долины в Осорно, Вальдивии, Ла Унион и в окрестностях этих городов. Сколько немцев переселилось в Южное Чили до Тихоокеанской войны, точно неизвестно. Можно предполагать на основании имеющихся данных, что их было не более 3—4 тыс.¹⁰ Таким образом, освоение южных районов Продольной долины вовсе не было делом рук только немецких иммигрантов, как иногда пишут на Западе, это сделали прежде всего чилийцы и мапуче, общая численность которых в районе немецкой иммиграции достигала в середине XIX в. 25—40 тыс. человек. Немцы сыграли большую роль в процессе образования эксплуататорской верхушки в южных провинциях Продольной долины, но рубили лес, пахали землю и разводили скот здесь главным образом чилийские арендаторы — инкилино и батраки-индейцы.

В результате Тихоокеанской войны 1879—1883 гг. в состав Чили вошли провинции Антофагаста и Тарапака с населением около 100 тыс. человек. Хотя эти провинции принадлежали до войны Боливии (Антофагаста) и Перу (Тарапака), значительную часть их населения составляли чилийцы, которые начали мигрировать сюда уже с середины XIX в. в связи с развитием селитровой промышленности. Точных данных о количестве чилийцев, переселившихся в Антофагасту и Тарапаку, нет. Чилийский ученый Ховет считает, что в них перед Тихоокеанской войной работало более 20 тыс. чилийцев¹¹. Английский путешественник Галленга отмечал, что 93% населения Антофагасты составляли в то время чилийцы¹². Поэтому присоединение новых территорий сказалось на этническом составе населения Чили меньше, чем можно было бы предполагать, исходя из числа их жителей накануне войны.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в результате завоевания Тарапаки и Антофагасты этнический состав населения страны несколько усложнился, так как часть жителей этих провинций составляли и составляют по сей день индейцы аймара и кечуа.

После окончания Тихоокеанской войны иммиграция в Чили заметно увеличилась.

Иммиграция в Чили в 1885—1914 гг.¹³

Годы	Число иммигрантов		Годы	Число иммигрантов	
	за период	среднее за год		за период	среднее за год
1885—1889	14 768	2 953	1900—1904	3 249	649
1890—1894	12 405	2 481	1905—1909	18 581	3 716
1895—1899	4 598	920	1910—1914	6 963	1 392
			Всего . . .	60 564	2 019

Рост иммиграции был вызван следующими причинами.

1. После Тихоокеанской войны был осуществлен захват и началась колонизация территории независимых мапуче, расположенной южнее Био-Био (современные провинции Мальеко и Каутин). «Освобожденную» от индейцев землю вначале раздавали участками по 20 га чилийским офицерам и солдатам, а также иммигрантам из Европы¹⁴. Возможность получить участок хорошей земли привлекла в эти края на первых порах много иммигрантов. Важным центром европейской иммиграции был поселок Трайген. Русский путешественник Ионин, посетивший Трайген в то время, оставил яркое его описание: «Широчайшие улицы,

пыльные, как у нас в степи, и вдоль них, часто без заборов, без дворов, едва поднимаются от земли то смазанные из грязи, то сколоченные паскоро, кое-как, и уже успевшие покоситься набок хаты, лачужки, сарайчики без окон. В середине города толпа пеших и конных людей..., но толпа уже не в пончо и сомбреро, не брэнчащая монументальными шпорами, а все больше белокурые люди в наших европейских круглых шляпах, в засаленных истертых европейских костюмах. Все эти люди недавно, на днях, только переплыли океан и прибыли прямо из Франции, Германии и с Панамского перешейка, чтобы тотчас же перемешаться с аборигенами Америки»¹⁵.

Если вначале колонизации территории мапуче земля отдавалась участками по 20 га, то в дальнейшем этот порядок был отменен, и землю стали раздавать сотнями га. В результате, как и в других районах страны, здесь стали играть главную роль крупные хозяйства, принадлежащие богатым чилийцам и состоятельным переселенцам из Европы, а приток иммигрантов в этот район сократился.

2. В конце XIX в. чилийское правительство стало поощрять европейскую иммиграцию на о-в Чилоэ. Туда прибыло несколько сот семей из Англии, Шотландии, Голландии, Германии, Бельгии и Австрии.

3. После Тихоокеанской войны в северной части Чили стала бурно развиваться селитряная промышленность. Там же и в центральных провинциях развернулось железнодорожное строительство, стало расширяться и совершенствоваться портовое хозяйство. В Сантьяго, Вальпараисо и нескольких других городах появились предприятия обрабатывающей промышленности. В результате потребность в квалифицированных работниках заметно увеличилась. К тому же правительство президента Бальмаседы, пришедшего к власти в 1886 г., стало поощрять в первую очередь иммиграцию техников и квалифицированных рабочих. Такая иммиграционная политика вполне соответствовала прогрессивным планам правительства Бальмаседы, которые содержали «наметки независимого развития экономики Чили, что в своей основе означало борьбу против империалистического господства. Именно это представляет собой одну из наиболее выдающихся сторон правления Бальмаседы»¹⁶.

Реформаторская деятельность и враждебная позиция Бальмаседы по отношению к английскому капиталу вызвали противодействие как со стороны местной реакции, так и со стороны английской буржуазии. В январе 1891 г. реакционные силы подняли мятеж, а в августе того же года правительство Бальмаседы было свергнуто. Победа проимпериалистических элементов сказалась на иммиграционной политике правительства — упор, как и до Тихоокеанской войны, опять стал делаться на сельскохозяйственную иммиграцию, хотя страна нуждалась в первую оче-

редь в квалифицированных кадрах для развития промышленности, науки и культуры.

4. Нельзя не отметить, наконец, что известное влияние на рост иммиграции в Чили оказало банкротство компании Лессепа, строившей Панамский канал. Работы прекратились в 1888 г., после чего тысячи людей, занятых на строительстве, разбрелись по всей Америке. Многие из них обосновались в Чили. Об этом свидетельствует тот факт, что из 31,5 тыс. иммигрантов, поселившихся в Чили со времени окончания Тихоокеанской войны до конца XIX в., 10 413 человек прибыло в страну в 1889 г. и 11 001 — в 1890 г.

За первые 15 лет XX в. в Чили переселилось около 29 тыс. человек. Особенно много людей иммигрировало в Чили в 1905—1909 гг. Это объясняется тем, что в 1905 г. чилийский конгресс ассигновал значительные средства на финансирование иммиграции¹⁷.

Данных об иммиграции в Чили за время между двумя мировыми войнами, к сожалению, не имеется. Чилийская и международная статистика дают сведения лишь о прибывших в страну и уехавших из нее.

Движение людей через чилийские границы в 1920—1939 гг.
(в тыс. человек)¹⁸

Годы	Число въехавших	Число выехавших	Сальдо
1920—1924	122,6	95,5	27,1
1925—1929	143,5	131,4	12,1
1930—1934	146,2	144,3	1,9
1935—1939	209,6	191,1	18,5
Всего . . .	621,9	562,3	59,6

Если считать, что все превышение прибытия над отправлением — это люди, приехавшие в Чили на постоянное жительство (заведомое преувеличение), то и тогда они в общем приросте населения за 20 лет составят лишь 5,3%, т. е. меньше, чем в 1885—1914 гг. В самом деле, за 30 лет, предшествовавших первой мировой войне, население Чили увеличилось на 1069 тыс. человек, иммигрантов же за это время прибыло 60,6 тыс. (5,5% всего прироста). Можно отметить для сравнения, что в Аргентине за это же время осело более 2,3 млн. переселенцев, общий же прирост ее населения составил около 5,8 млн. человек.

Характерная особенность иммиграции на первом этапе общего кризиса капитализма — ее тесная связь с политическими событиями в Европе. После победы франкистов в Чили иммигрировало около 3 тыс. испанских республиканцев. Фашизация Германии и Венгрии, захват гитлеровцами Австрии, Чехословакии и Поль-

ши вызвали приток беженцев из этих стран, в том числе евреев. Иммиграция политических беженцев из Европы осуществлялась под контролем правительства.

Масштабы иммиграции в Чили после второй мировой войны мало отличаются от довоенных. Больше всего людей переселилось в Чили в конце 40-х годов, так как в 1948 г. чилийское правительство подписало соглашение с Международной организацией по делам беженцев о размещении в Чили нескольких тысяч перемещенных лиц. В это время в Чили приезжало ежегодно 10—15 тыс. иммигрантов. В дальнейшем их стало прибывать все меньше и меньше, а в 60-х годах их число сократилось до 200—250 человек в год¹⁹.

Какова же была роль иммиграции в процессе формирования населения Чили? Для правильного ответа на этот вопрос, очевидно, следует установить, от каких факторов эта роль зависит. Нам представляется, что к числу важнейших факторов, определяющих роль иммиграции в процессе формирования населения любой страны, относятся следующие.

1. *Размеры иммиграции по отношению к численности коренного населения страны.* Новая иммиграция в Чили началась в 30-х годах XIX в., когда в Чили насчитывалось более 1 млн. жителей (по переписи 1835 г.— 1010 тыс.). Всего с 1830 по 1960 г. в Чили переселилось не более 200 тыс. человек, население же страны за это время увеличилось на 6,7 млн. человек, т. е. в 7,2 раза. Очевидно, что в этот период население страны росло главным образом за счет естественного прироста.

2. *Время, когда совершалась иммиграция* — до того, как в стране завершилось формирование нации, или после того, как этот процесс закончился. Понятно, что иммигранты, появившиеся в стране до завершения процесса формирования нации, могут оказать более сильное экономическое, политическое и культурное влияние на население страны, чем иммигранты, попадающие в страну, где нация уже сложилась. Как указывалось выше, к концу XIX в. формирование чилийской нации в основном закончилось.

Отсюда вывод, что иммиграция XIX и особенно XX вв. не могла оказать столь большого воздействия на население страны, какое оказали переселенцы колониальной эпохи.

3. *Национальный состав иммиграции.* Чем однороднее национальный состав иммиграции, тем, как правило, сильнее воздействие иммигрантов на коренное население страны. Однородной по национальному составу иммиграция в Чили была только в колониальную эпоху, в XIX же и XX вв. она отличалась пестротой национального состава. Так, из 36,3 тыс. переселенцев, прибывших в Чили из Европы в 1882—1900 гг., 10,6 тыс. составляли испанцы, 8,3 тыс. — французы, 7,9 тыс. — итальянцы, 3 тыс. — швейцарцы, 1,8 тыс. — немцы²⁰.

4. *Классовый состав иммиграции.* Иммиграция буржуазных элементов, с нашей точки зрения, сказывается на коренном населении страны меньше, чем иммиграция трудящихся, особенно городских рабочих, поскольку иммигранты-рабочие живут в гуще коренного населения страны. Для Чили в XIX—XX вв. была характерна иммиграция, как буржуазных, так и пролетарских элементов.

5. *Семейное положение иммигрантов.* Переселение только мужчин неизбежно приводит к образованию смешанных семей и усиливает тем самым взаимодействие пришельцев и коренного населения, переселение же целыми семьями способствует изоляции переселенцев от местного населения. В XIX и XX вв. большинство иммигрантов, прибывавших в Чили, составляли мужчины, однако получила значение и «семейная иммиграция». Немцы, в частности, переселялись в Чили очень часто целыми семьями.

6. *Характер расселения иммигрантов по территории страны.* Концентрация большого числа иммигрантов в одном районе или создание поселков, населенных только иммигрантами, замедляет ассимиляцию пришельцев и ослабляет взаимодействие между ними и коренным населением, распыление же иммигрантов по стране приводит к противоположным результатам. В Чили мы встречаем оба типа расселения иммигрантов. Так, на юге Продольной долины имеются населенные пункты и районы с преобладанием немцев, но вместе с тем во всех крупных чилийских городах, в горнопромышленных провинциях Северного Чили, на Индейском Юге (провинции Мальеко и Каутин) и на Огненной Земле можно встретить людей самого различного происхождения.

Итак, численность иммигрантов XIX и XX вв., по сравнению с численностью коренного населения страны, была невелика, большая часть иммигрантов прибыла в Чили после того, как сформировалась чилийская нация, национальный состав переселенцев был пестрый. В результате этих обстоятельств переселенцы XIX и XX вв. сыграли относительно небольшую роль в процессе формирования современного населения страны.

В результате иммиграции в новейшее время несколько повысился удельный вес населения европейского происхождения (с 20% в начале XIX в. ²¹ до 28% примерно в начале 60-х годов XX в.) ²². Сильнее всего иммиграция XIX и первой половины XX в. сказалась на составе господствующих классов. Как отмечалось выше, в Чили переселилось довольно много людей с достатком, и некоторым из них удалось пробиться в ряды чилийской олигархии. Чилийский прогрессивный журнал «Принсипиос» приводит фамилии 39 богатейших семей страны, из них не менее 12 явно не испанского происхождения (Брауны, Эдвардсы, Летелье, Поклепович, Симон и др.).

Можно полагать, что пополнение господствующей верхушки

выходцами из высокоразвитых капиталистических государств облегчило проникновение иностранного капитала в экономику страны. Ведь многие из дельцов, происходивших из Европы и США, сохраняли связь с родиной, охотно устанавливали контакты с ее крупными фирмами, словом, выполняли в Чили роль авангарда крупного международного бизнеса.

Конечно, далеко не все иммигранты времен республики стали эксплуататорами. Многие из них пополнили ряды интеллигенции и способствовали развитию чилийской науки и культуры. К их числу относится, например, польский иммигрант Игнасио Домейко (1802—1889). Он родился в Минской губернии и получил высшее образование в Вильнюсе и Париже. В Чили приехал в 1838 г. Был профессором геологии и минералогии столичного университета и несколько лет его ректором. Домейко много сделал для изучения геологии и географии своей новой родины и оставил несколько ценных трудов.

Среди иммигрантов были и квалифицированные рабочие. Некоторые из них имели большой опыт классовой борьбы и успешно передавали его чилийскому пролетариату. Об этом свидетельствует тот факт, что среди имен руководителей первых рабочих организаций встречаются иностранные (Е. Аберле, Е. Бергель, Беррути, Стенвэл, Шульц и др.)²³. Однако пополнение рядов рабочего класса и интеллигенции за счет иммигрантов было малю по сравнению с пополнением местного происхождения и не могло поэтому оказать такого большого влияния на хозяйственную, политическую и культурную жизнь, на национальный характер и быт чилийцев, какое было, например, оказано европейской иммиграцией в Аргентине или Уругвае.

В Чили преобладает население испано-индейского происхождения, и те успехи, которых добился чилийский народ, несмотря на засилье капитала США и феодальные пережитки, консервируемые иностранными монополиями и местной олигархией, прежде всего дело рук чилийцев, а не иммигрантов, переселившихся в страну в XIX и XX вв.

¹ «Anuario Ercilla». Santiago, 1940, p. 14.

² E. Hanson. Chile: Land of Progress. N. Y., 1941, p. 48.

³ «Immigration in Chile. United Nation, Economic and Social Council», 1950, p. 3.

⁴ R. Kuczynski. Population Movements. Oxford, 1936, p. 107.

⁵ J. P. Paz Soldan. Geografia del Peru, vol. I. Lima, 1950, p. 149.

⁶ Э. Р. Некочева. История рабочего движения в Чили. М., 1961, стр. 23.

⁷ И. Р. Григулевич, А. В. Ефимов. К вопросу о возникновении и развитии наций в Латинской Америке. Нации Латинской Америки. М., 1964, стр. 8.

⁸ R. Hernandez. Valparaiso en 1827. Valparaiso, 1927, p. 66.

⁹ H. Ramirez Necochea. Englands wirtschaftliche Vorherrschaft in Chile (1810—1914). Latinamerika zwischen Emanzipation und Imperialismus 1810—1960. Berlin, 1961, S. 125.

- ¹⁰ «Immigration in Chile...», Table 62 A.
- ¹¹ J. C. Jobet. Movimiento social obrero. Desarrollo de Chile en la primera mitad del siglo XX, vol. I. Santiago, p. 54.
- ¹² A. Gallenga. South America. London, 1881, p. 181.
- ¹³ «Immigration in Chile...», Table 62 A.
- ¹⁴ J. Preston. Latin America. N. Y., 1942, p. 241.
- ¹⁵ А. С. Ионин. По Южной Америке, т. III, IV. СПб., 1903, стр. 469.
- ¹⁶ Э. Р. Некоча. История империализма в Чили. М., 1964, стр. 121.
- ¹⁷ «Immigration in Chile...», p. 60.
- ¹⁸ Ibid., Table 63 B.
- ¹⁹ «Demographic Yearbook 1962». N. Y., p. 618, 631.
- ²⁰ O. Bürger. Chile als Land der Verheißung und Erfüllung für deutsche Auswanderer. Leipzig, 1920, S. 240.
- ²¹ J. Ugarte. El imperio de las sociedades anonimas. «Principios», mayo-junio de 1963, № 95, p. 40.
- ²² «A costa del campo, Panorama económico latinoamericano», № 185, 1966, p. 12.
- ²³ Рамирес Некоча. История рабочего движения в Чили, стр. 76.

Враги профсоюзного единства в Латинской Америке

Развитие политических событий в странах Латинской Америки, где усиливается борьба народных масс за свободу и независимость, вызывает тревогу в империалистических кругах Соединенных Штатов, выступающих в качестве основного эксплуататора людских и природных ресурсов этих стран.

На национально-освободительные выступления народов Латинской Америки правящие круги США отвечают грубым вмешательством в их внутренние дела, открытой поддержкой реакции и преследованием прогрессивных сил, организацией военных заговоров и свержением демократических правительств. Вашингтон идет на прямую вооруженную агрессию в борьбе против сил демократии и национального прогресса, как это произошло в Доминиканской республике.

Прибегая к старым методам прямого подавления антиимпериалистического движения в странах Латинской Америки, Соединенные Штаты в то же время используют более гибкую тактику, к чему их вынудила победа Кубинской революции. Империализм США, опираясь на традиционные связи с феодальной реакцией, компрадорской буржуазией и реакционной военной, стремится расширить свою социальную базу. Все более значительное место в неокOLONиалистском арсенале Вашингтона занимают попытки насадить и укрепить в Латинской Америке реформистское рабочее движение для раскола рабочего класса, установления контроля над профсоюзными организациями, удушения демократии в профсоюзах, парализации революционных антиимпериалистических выступлений рабочих, предотвращения создания широких антиимпериалистических фронтов.

Пресловутые «свободные» профсоюзы, которые усиленно насаждаются Соединенными Штатами в Латинской Америке, стали орудием борьбы с национально-прогрессивными силами, средством сохранения капиталистических порядков и консервации в конечном счете экономической отсталости латиноамериканских стран и их полукOLONиальной зависимости.

Линия на внедрение буржуазного реформизма в рабочее движение стран Латинской Америки, раскол этого движения и его подчинение империалистическим планам возведены в степень государственной политики Соединенных Штатов. Ее проводят государственный департамент и министерство труда Соединенных Штатов, имеющие при посольствах США в странах Латинской Америки специальных атташе по трудовым вопросам. Большое внимание этим вопросам уделяют в своей работе Агентство международного развития, Информационное агентство США, руководство «Корпуса мира». В том же направлении действуют американское профобъединение Американская федерация труда — Комитет производственных профсоюзов (АФТ — КПП), Межамериканская региональная организация трудящихся (ОРИТ) и т. д.

Вдохновляют и финансируют подрывную деятельность государственных и неправительственных органов США в профсоюзном движении в странах Латинской Америки монополистические круги США, заинтересованные в продолжении там своей экспансии. Директор школы бизнеса при Гарвардском университете Джордж Лодж, состоявший до недавнего прошлого помощником министра труда США по международным вопросам, писал, что для делового мира США в условиях «развивающейся латиноамериканской революции» так называемые сильные ответственные профсоюзы являются «необходимым инструментом социальной устойчивости в Латинской Америке, буфером против радикальных изменений»¹.

Вопрос о проникновении в латиноамериканское рабочее движение стал предметом особенно пристального внимания в правящих кругах США, приступивших в связи с победой Кубинской революции к выработке «нового подхода» к своим южным соседям.

Чикагский университет по поручению конгресса США в 1960 г. подготовил специальное исследование под названием «Американский бизнес и труд в Латинской Америке», в котором ратовал за установление «демократического сотрудничества между Соединенными Штатами и рабочим движением в Латинской Америке».

Авторы этого исследования были вынуждены признать, что рабочий класс латиноамериканских стран настроен антиимпериалистически и что желтые хозяйские профсоюзы США не оказывают на него сколько-нибудь значительного влияния. «Было бы неразумным ожидать, — говорилось в этом документе, — что рабочее движение в Латинской Америке в будущем пойдет по пути североамериканского тред-юнионизма». Касаясь деятельности ОРИТ, авторы исследования отметили падение ее престижа среди латиноамериканских рабочих и констатировали, что она «имеет в Южной Америке весьма ограниченное влияние».

Придя к столь неутешительным выводам, Чикагский университет рекомендовал конгрессу США принять меры, чтобы «прогрессивные и либеральные слои» в рабочем движении латиноамериканских стран «не примкнули к коммунизму и не стали оказывать ему поддержку», чтобы «социальные изменения, которых добиваются рабочие, были бы совместимы с развитием демократических институтов».

В этих целях предлагалось расширить обучение латиноамериканских профсоюзных лидеров как в городе, так и в деревне; увеличить взаимные обмены и поездки профсоюзных деятелей; усилить «сотрудничество» между американскими и латиноамериканскими профсоюзами и т. д.²

Инициаторы неокOLONиалистской программы «Союза ради прогресса» с самого начала видели одну из целей этой программы в финансировании подрывной работы в профсоюзном движении этих стран, в насаждении в странах Латинской Америки «свободных» профсоюзов и создании рабочей аристократии в качестве своей прямой агентуры.

Вся раскольническая деятельность в рабочем движении латиноамериканских стран направляется и координируется посольствами США в этих странах. Помощник государственного секретаря США по административным вопросам Уильям Крокетт в своем выступлении в сенате США при утверждении ассигнований государственному департаменту США на 1962 финансовый год сообщил, что атташе по трудовым вопросам посольств США в странах Латинской Америки информируют латиноамериканские профсоюзы о «достижениях и демократическом характере тред-юнионизма в США», оказывают «персональное влияние» на их лидеров и рядовых членов, противодействуя «проникновению левых», и используют «любой шанс, чтобы направлять деятельность этих профсоюзов по демократическим каналам», добиваются «поддержки рабочими организациями соответствующих стран широких целей политики правительства Соединенных Штатов и свободного мира в целом»³.

Американские атташе по трудовым вопросам самым бесцеремонным образом вмешиваются во внутренние дела латиноамериканских стран. Например, атташе посольства США в Боливии Боггс, как сообщала боливийская печать, предоставлял денежные средства раскольническому профсоюзному объединению «Сентраль насиональ», созданному в декабре 1963 г. в противовес единому профсоюзному центру страны «Сентраль обрера боливиана». К середине 1964 г. указанные субсидии составили 57 тыс. долл. Новоиспеченная профсоюзная организация в целях внесения раскола в рабочее движение объявила о созыве так называемого конгресса объединения трудящихся. Бывший министр труда Боливии Агиляр выступил в июне 1964 г. против «вредного иностранного опекунства в профсоюзных организаци-

ях», обвинив Боггса в том, что он пытался организовать упомянутый конгресс и установить контроль над боливийскими профсоюзами⁴.

Об активизации подрывной деятельности США в рабочем движении латиноамериканских стран, направленной на раскол этого движения, свидетельствует посылка Информационным агентством США в 1963 г. специальных советников по трудовым вопросам в Бразилию, Аргентину, Мексику, Венесуэлу, Колумбию, Перу, Боливию, Чили и Уругвай.

Советники Информационного агентства США, как отмечалось в одном из отчетов ЮСИА, с помощью атташе по трудовым вопросам посольств США установили с профсоюзными руководителями указанных стран Латинской Америки контакты, которые они намеревались «расширить и укрепить» в целях оказания помощи в понимании задач программы «Союза ради прогресса» и разъяснения «возможностей» этой программы. Перед советниками ЮСИА, как явствовало из отчета, была поставлена задача пропагандировать «достижения» тред-юнионизма США и клеветать на коммунизм, неправильно информируя о положении рабочих в странах социализма. Эти советники «хорошо снабжены» соответствующими пропагандистскими материалами, которые направляются ими в органы местной профсоюзной прессы, на радиостанции и телевидение. Они распространяют памфлеты ЮСИА, организуют показ пропагандистских фильмов и т. д.⁵

Аналогичную подрывную деятельность осуществляют также американские советники при миссиях Агентства международного развития в странах Латинской Америки, которые «консультируют местных профсоюзных руководителей»⁶.

* * *

В попытках расколоть профсоюзное движение в Латинской Америке и подчинить рабочие организации империалистическому влиянию правительственные круги США все шире прибегают к услугам АФТ — КПП, заметно активизировавшей свои поиски в латиноамериканских странах.

Президент США Линдон Джонсон в декабре 1963 г. в послании Томасу Манну, назначенному тогда помощником государственного секретаря США по межамериканским делам, указывал на необходимость поддержания «тесного контакта» с АФТ — КПП и другими неправительственными организациями США, действующими в Латинской Америке. Выступая 14 марта 1966 г. по случаю пятой годовщины программы «Союза ради прогресса», Джонсон отметил «большой вклад», который вносят АФТ — КПП, кооперативы и другие организации в создание на континенте «механизма сотрудничества», и заявил, что правительство США «во все большем масштабе» заручается их поддержкой.

Такая оценка американским президентом роли АФТ — КПП в проведении политики США в Латинской Америке вполне понятна. Внедряясь в рабочее движение латиноамериканских стран, АФТ — КПП стремится подчинить профсоюзы этих стран своему влиянию, противопоставить их силам национального освобождения, подорвать изнутри борьбу патриотических сил за национальную независимость и социальный прогресс. «В результате усиления в странах Латинской Америки движения за достижение подлинной независимости и роста непопулярности Вашингтона в народных массах, — писала газета компартии США «Уоркер», — американская дипломатия стала в большей степени зависеть от помощи лидеров АФТ — КПП, проводящих в этих странах широкую подрывную и миссионерскую деятельность через профсоюзные «братские» каналы»⁷.

Вся деятельность АФТ — КПП в странах Азии, Африки и Латинской Америки свидетельствует о том, что это профобъединение является орудием государственного департамента и других правительственных органов США. Касаясь раскольнической деятельности АФТ — КПП в Латинской Америке, Дин Раск публично заявил: «Как государственный секретарь США я особенно ясно ощущаю ту решительную поддержку — за что благодаря, — которую АФТ — КПП оказывает нашей внешней политике и нашим усилиям сделать ее более эффективной»⁸.

Традиционным орудием раскола латиноамериканских трудящихся выступает на континенте Межамериканская региональная организация трудящихся, деятельность которой широко известна. ОРИТ ведет борьбу с прогрессивными профсоюзами в Латинской Америке, активно сотрудничает с американскими монополиями, оказывает полную поддержку внешней политике США. Она объединяет АФТ — КПП и те латиноамериканские профсоюзы, которые входят в проимпериалистическую Международную конфедерацию свободных профсоюзов (МКСП). АФТ — КПП с самого начала взяла на себя инициативу в разработке политики МКСП и ОРИТ и почти полностью их субсидирует.

Не довольствуясь происками ОРИТ, АФТ — КПП в условиях роста освободительного движения в Латинской Америке развернула там непосредственную активную подрывную деятельность, создав для этого пресловутый Американский институт развития свободного труда (АИРСТ).

Институт начал работу в июне 1962 г. Президентом его является президент АФТ — КПП Джордж Мини, исполнительным директором — Серафино Ромуальди и казначеем — Джозеф Бейрн, занимающий посты вице-президента АФТ — КПП и председателя американского профсоюза работников связи.

Будучи прямым пособником империализма США, американская профсоюзная верхушка подготавливает в институте свою агентуру, которая затем внедряется в профсоюзы стран Латин-

ской Америки. АФТ — КПП через АИРСТ финансирует и насаждает в латиноамериканских странах реформистское «свободное» профсоюзное движение.

В докладе исполкома АФТ — КПП на шестом съезде этого профобъединения (декабрь 1965 г.) отмечалось значительное расширение за последние годы объема «операций» АИРСТ, который стремится к укреплению «демократии» путем создания «свободных» профсоюзов, участвует в осуществлении неокOLONиалистской программы «Союза ради прогресса» и помогает латиноамериканскому рабочему движению стать «полноправным партнером» деловых кругов и правительств в осуществлении в этом районе пресловутой «демократической социальной революции»⁹.

Не случайно поэтому у АИРСТ имеются самые влиятельные покровители — правительство и монополии США. Ежегодные расходы этого института на обучение слушателей составляют около 2 млн. долл. и покрываются главным образом американским правительством (80% суммы поступает от Управления международного развития США), а также АФТ — КПП и различными монополиями и предпринимателями США¹⁰. Управление международного развития, по заявлению его руководителя Белла, «финансирует основную часть операций АИРСТ, который ежегодно представляет управлению проект своего бюджета, включающего расходы института как на подготовку профсоюзных кадров, так и на предоставление различных кредитов профсоюзам и кооперативам латиноамериканских стран»¹¹.

Сам президент АФТ — КПП Мини не скрывает, что американские бизнесмены оказывают денежную помощь институту АФТ — КПП и выступают здесь в качестве партнеров АФТ — КПП. Председателем АИРСТ является Питер Грейс — президент корпорации «У. Р. Грейс энд компани», которой принадлежат пароходные компании, сахарные плантации, текстильные фабрики и другие предприятия в Латинской Америке. В совет института входят также представитель Фонда Рокфеллера Берент Фриле (вице-председатель), президент компании «Анаконда» Чарльз Бринкерхофф, президент компании «Пан американз уорлд айруэйс» Хуан Триппе, представитель компании «Юнайтед корпорейшн» Уильям Хики и др. Все эти монополии имеют значительные интересы в Латинской Америке. Один из членов совета АИРСТ, председатель совета директоров корпорации «Тру Темпер» Генри Вудбридж, касаясь общности целей монополистических кругов США и АФТ — КПП, заявил: «Поддержка американским бизнесом этого института непосредственно объясняется следующим мнением, неоднократно выражавшимся Мини: без свободных профсоюзов невозможно свободное предпринимательство, а без свободного предпринимательства невозможны свободные профсоюзы»¹².

Каждые четыре месяца в Вашингтон для «учебы» в АИРСТ

приезжают из стран Латинской Америки специально отобранные 35—40 профсоюзных деятелей молодого возраста. Как отмечалось в одной из публикаций АФТ — КПП, занятия со слушателями АИРСТ ведут специалисты из АФТ — КПП, преподаватели и различные «гости»¹³. «Голос Америки» еженедельно передает на страны Латинской Америки специальную программу о деятельности этого института, составляемую совместно с АФТ — КПП.

Помимо Вашингтонского центра АИРСТ открыл свои филиалы — школы и курсы для профсоюзных работников во многих латиноамериканских странах, которые также в основном содержатся на средства Агентства международного развития (по программе «Союза ради прогресса») и монополий США. Такие филиалы со сроком обучения 8—12 недель созданы в Перу, Колумбии, Бразилии, Мексике, Венесуэле, Эквадоре, Доминиканской республике, Гондурасе (для стран Центральной Америки), Аргентине, Боливии, Чили, Уругвае и на Ямайке (для Карибского района). Преподавателями на таких курсах, как правило, являются выпускники АИРСТ. В качестве примера можно упомянуть Уругвайский институт профсоюзного обучения, открытый в Монтевидео в ноябре 1963 г. с помощью Агентства международного развития США, предоставившего на эти цели 50 тыс. долл. Задачей этого отделения АИРСТ является «оказание помощи в ускоренной подготовке ответственных демократических руководителей для профсоюзных организаций Уругвая». Его казначеем стал Джек Гудвин — сотрудник американского посольства, представитель АИРСТ в Рио-де-ла-Плата. Ежегодно проводится не менее трех курсов обучения. Слушателям института выплачивается высокая стипендия, которую они получают в «Нэйшнл сити бэнк».

АФТ — КПП и ОРИТ практикуют также организацию в латиноамериканских странах двухнедельных семинаров, которые проводятся в рабочих районах силами разъездных групп преподавателей филиалов института АФТ — КПП.

Чему же обучают заправила АФТ — КПП латиноамериканских профсоюзных активистов в Американском институте развития свободного труда в Вашингтоне и его филиалах в странах Латинской Америки?

Среди изучаемых предметов фигурируют методы профсоюзной работы, политическая система США, основы экономики, история АФТ — КПП и международного рабочего движения, принципы «свободного» тред-юнионизма, программа «Союза ради прогресса», курс антикоммунизма и другие специальные дисциплины¹⁴. Идеологической платформой всей системы профсоюзного обучения в АФТ — КПП является антикоммунизм. Программа одного из специальных курсов, предназначенного для обработки слушателей в духе антикоммунизма, составлена Джемсом Ловстоном,

исключенным в свое время из рядов компартии США за связь с охранкой и состоящим ныне советником АФТ — КПП по международным вопросам.

Слушателей АИРСТ и его региональных отделений учат создавать желтые, раскольнические профсоюзы, выявлять «коммунистических агентов», проповедовать американский образ жизни, содействовать укреплению пресловутого «демократического общества». Выполняя социальный заказ империалистических кругов, АФТ — КПП стремится превратить выпускников АИРСТ в активных защитников капиталистической системы и с их помощью увести рабочих от классовой борьбы. Желтые профсоюзные боссы из АФТ — КПП внушают слушателям АИРСТ и его филиалов, что в современном капиталистическом обществе интересы труда и капитала якобы не противоречат друг другу. Исполнительный директор института АФТ — КПС С. Ромуальди считает основным кредо АИРСТ «концепцию сотрудничества, а не вражды между различными экономическими элементами общества». Он заявляет, что период классовой борьбы якобы «преодолен», что «забастовки излишни» и что необходимо стремиться к «сотрудничеству с капиталом и государством»¹⁵. Мы являемся частью капиталистического общества, — заявляет президент АФТ — КПП Мини. — Американский тред-юнионизм — это нераздельная часть американского общества, являющегося капитализмом. У нас нет никаких расхождений с капиталистической системой... Именно этому мы учим латиноамериканских слушателей»¹⁶.

АИРСТ в 1962—1965 гг. идеологически обработал и выпустил 410 желтых профсоюзных деятелей, его региональные филиалы в Латинской Америке — 7600 профсоюзных работников. Семинарами и лекциями, организованными в латиноамериканских странах разъездными группами филиалов АИРСТ, было охвачено 17 500 человек¹⁷. Питомцы института АФТ — КПП сразу же приобщаются к подрывной деятельности в рабочем движении латиноамериканских стран. Они в течение 9 месяцев после окончания учебы продолжают получать из Вашингтона стипендию, которую отрабатывают верной службой своим хозяевам. Эта стипендия, по словам С. Ромуальди, «продолжает выплачиваться выпускникам института для того, чтобы они смогли посвятить все свое время созданию в своих странах широкого свободного рабочего движения»¹⁸, иными словами, созданию реформистских профсоюзов и подрыву профсоюзного движения в Латинской Америке, выступающего в защиту классовых требований рабочих и за общенациональные интересы трудящихся.

Прямым вмешательством АФТ — КПП во внутренние дела стран Латинской Америки было создание Американским институтом развития свободного труда с помощью своих выпускников в Перу, Колумбии, Сальвадоре, Британской Гвиане и других

странах «демократических» профсоюзных «альянсов» для объединения пресловутых «свободных» профсоюзов¹⁹.

Примером раскольнической деятельности подобных «демократических» профобъединений могут служить маневры Всеобщей конфедерации профсоюзов Сальвадора, направленные на подрыв единства трудящихся и предательство их интересов. В январе 1966 г. в Национальном законодательном собрании Сальвадора был оглашен текст письма, с которым лидеры этой конфедерации весной 1965 г. обратились к руководителю латиноамериканского отдела АФТ — КПП Эндрю Маклеллану и которое в копии было направлено послу США в этой стране. В письме выражалась благодарность за те долларовые подачки, которые Всеобщая конфедерация профсоюзов получала через посредство Маклеллана.

Руководящий совет этого сальвадорского желтого профобъединения в указанном письме обещал своим североамериканским покровителям сорвать единство профсоюзного движения, которое было достигнуто на втором национальном конгрессе профсоюзов в апреле 1965 г. Всеобщая конфедерация профсоюзов тогда под нажимом рядовых членов входящих в нее профсоюзов оказалась вынужденной принять участие в этом национальном конгрессе, который выработал единую программу действий профсоюзного движения в Сальвадоре. Но вскоре единство действий сальвадорских профсоюзов было нарушено. Запретившие Всеобщей конфедерации профсоюзов выполнить свое обещание, данное Маклеллану: в июле 1965 г. они провели сепаратный съезд своего профобъединения, на котором были приняты решения, внесшие новый раскол в профсоюзное движение в стране. Весьма показательно, что проведению этого съезда предшествовало получение профбоссами Всеобщей конфедерации профсоюзов Сальвадора очередной денежной помощи от АФТ — КПП и ОРИТ.

Целям создания и укрепления проимпериалистических «свободных» профсоюзов в Латинской Америке служит деятельность «департамента социальных проектов» АИРСТ, который является важным каналом финансирования АФТ — КПП раскольнической деятельности желтых профсоюзов в латиноамериканских странах. Большое внимание в этой деятельности уделяется не только городам, но и сельской местности, где степень организованности в профсоюзы сельскохозяйственного пролетариата и крестьян еще довольно низкая.

Департамент социальных проектов АИРСТ, созданный в августе 1962 г. и укомплектованный в основном американскими специалистами, располагает десятками, если не сотнями миллионов долларов, полученных от Агентства международного развития, Межамериканского банка экономического развития и из фондов АФТ — КПП. Указанный орган совместно с реформистскими профсоюзами латиноамериканских стран разрабатывает проекты

в области жилищного строительства, создания кооперативов, рабочих банков и т. д. и предоставляет «свободным» профсоюзам кредиты на осуществление этих проектов в рамках программы «Союза ради прогресса». Во многих странах Латинской Америки созданы представительства «департамента социальных проектов» АИРСТ, ставшие центрами подрывной деятельности в рабочем движении этих стран.

Привлечение правительством Соединенных Штатов профобъединения АФТ — КПП к осуществлению в странах Латинской Америки неоколониалистской программы «Союза ради прогресса» со всей очевидностью свидетельствует о социально-политическом характере программ американской помощи латиноамериканским странам, направленных на создание видимости «заботы» об интересах широких слоев населения, на ослабление антиимпериалистических выступлений народов этих стран.

Финансовые подачки АИРСТ стали средством утверждения империалистического контроля над латиноамериканским рабочим движением, средством грубого вмешательства во внутренние дела профсоюзов. За кредитами в институт АФТ — КПП могут обращаться только те профсоюзы, которые считаются «надежными» и «демократическими». По заявлению директора «департамента социальных проектов» АИРСТ Уильяма Догерти, в ряде профсоюзов стран Латинской Америки было сменено руководство после того, как институт АФТ — КПП заявил о прекращении этим профсоюзам своей «помощи» до тех пор, пока во главе их стоят «недемократические элементы»²⁰.

* * *

«Свободное профсоюзное движение», насаждаемое американским империализмом в Латинской Америке при помощи АФТ — КПП и ОРИТ, широко используется правительством и монополиями США в борьбе с национально-прогрессивными силами в Латинской Америке.

Печальную славу принесло профобъединению АФТ — КПП его грубое вмешательство во внутренние дела Британской Гвианы, направленное против прогрессивного правительства этой страны во главе с лидером Народно-прогрессивной партии Чедди Джаганом, выступавшим за национальное освобождение Британской Гвианы и за проведение демократических социальных реформ. Отстранение Народно-прогрессивной партии от власти в декабре 1964 г. явилось результатом прямого империалистического заговора.

Соединенные Штаты и Англия с самого начала встали на путь подрывных действий против правительства Джагана. Правящие круги США, как писала американская газета «Ивнинг стар», «отказывались помогать Британской Гвиане, пока у власти нахо-

дился Джаган»²¹. Зато они обильно финансировали противников Джагана и в первую очередь свою профсоюзную агентуру в этой стране.

Чедди Джаган в июне 1963 г. в письме, направленном им в газету «Нью-Йорк таймс», отмечал: «Местные профсоюзные деятели, известные своей враждебностью к нынешнему правительству Британской Гвианы, прошли подготовку в Американском институте развития свободного труда, чтобы свергнуть мое правительство. Серафино Ромуальди, исполнительный директор этого института, не скрывает своего отрицательного отношения к моему правительству». Обученные в США профсоюзные деятели захватили руководство Конгрессом профсоюзов Британской Гвианы, который стал одним из центров империалистического заговора против прогрессивных сил страны.

В 1963—1964 гг. американские профсоюзные деятели и агенты ЦРУ буквально наводнили Британскую Гвиану. За 18 месяцев туда из США прибыло с подрывными целями больше профсоюзных деятелей, чем за предыдущие 18 лет. Американские профсоюзные боссы Уильям Маккейб, Джин Миккинс и другие развернули в стране активную антиправительственную деятельность. Так, Джин Миккинс официально прибыл в Британскую Гвиану в сентябре 1963 г. в качестве представителя Американской федерации работающих газетчиков с целью «помочь лидерам Конгресса профсоюзов этой страны наладить свой пропагандистский аппарат». Он стал работать секретарем по печати Конгресса.

Однако вскоре правительство Джагана объявило Миккинса нежелательным иммигрантом и предписало ему к 15 января 1964 г. выехать из страны «за ведение подрывной деятельности в пользу правительства США».

Вашингтонский институт АФТ — КПП в начале 1963 г. в спешном порядке подготовил и выпустил 11 руководителей желтых антиджагановских профсоюзов Британской Гвианы, потратив на их обучение 60 тыс. долл.²² Эти выпускники института АФТ — КПП включились в подготовку свержения законного правительства в Британской Гвиане с целью передачи власти оппозиционным партиям. Им на 5 месяцев был продлен обычный срок (9 месяцев) выплаты стипендии по ведомости института, чтобы они могли принимать более активное участие в антиправительственном заговоре.

В целях подрыва позиций правительства Джагана АФТ — КПП, ОРИТ, ЦРУ США и английская разведка организовали в 1963 г. забастовку профсоюзов, входящих в Конгресс профсоюзов Британской Гвианы, продолжавшуюся 11 недель, которая носила ярко выраженный антиправительственный характер и сопровождалась волной насилий, убийств и расовых столкновений²³.

В период этих событий Чедди Джаган в заявлении корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс, касаясь заговорщической деятельности АФТ — КПП против законного правительства страны, заявил, что АИРСТ предоставил Конгрессу профсоюзов Британской Гвианы 2 млн. долл. и что во время забастовки в профсоюзы Британской Гвианы «из других источников» поступило дополнительно 1,2 млн. долл.²⁴

В Гондурасе первые выпускники АИРСТ захватили, прибегнув к всевозможным провокациям, руководство профсоюзом рабочих американской компании «Стандарт фрут компани». Заместитель директора Управления международного развития Фрэнк Коффин, выступая 15 января 1964 г. в одной из подкомиссий палаты представителей конгресса США, заявил, что полученные в АИРСТ «знания» и «опыт» позволили этим выпускникам вернуть упомянутый профсоюз к «демократическим принципам»²⁵.

Когда в октябре 1963 г. реакционная военщина Гондураса, связанная с Пентагоном, свергла президента Рамона Вильеда Моралеса, рядовые члены профсоюзов и некоторые профсоюзные руководители Гондураса требовали объявить всеобщую забастовку протеста и не допустить установления в стране диктаторского режима. Однако местные агенты АФТ — КПП и ОРИТ, пробравшиеся на руководящие профсоюзные посты, сорвали всеобщую забастовку. Институт АФТ — КПП считал излишним демонстрировать даже видимость осуждения Соединенными Штатами военной диктатуры в Гондурасе и высказывался за продолжение осуществления в этой стране программ американской экономической помощи.

Касаясь государственного военного переворота в Бразилии в апреле 1964 г., директор «департамента социальных проектов» АИРСТ Догерти признал, что выпускники этого института «действовали настолько активно, что оказались тесно связанными с некоторыми тайными мероприятиями революции до того, как она началась... Многие из профсоюзных руководителей, значительная часть которых фактически прошла обучение в нашем институте, участвовали в революции и в свержении режима Гуларта»²⁶. Многие прогрессивные рабочие руководители тогда были арестованы, и выпускники АИРСТ захватили руководящие посты в ряде профсоюзов (профсоюзы машинистов, металлистов, телеграфистов и т. д.). Подобной реорганизацией бразильских профсоюзов руководил генеральный секретарь ОРИТ Артуро Хаурегги, прибывший в Рио-де-Жанейро сразу же после государственного переворота²⁷.

Президент АФТ — КПП Мини в конце 1964 г. направил письмо атташе по трудовым вопросам посольства США в Доминиканской республике Фреду Саммерфорду, в котором благодарил его за «выдающийся вклад в демократическое профсоюзное движе-

ние в Доминиканской республике». За что же Саммерфорд получил такую благодарность? Он в 1962—1963 гг. руководил подрывными действиями профсоюзной организации КОНАТРАЛ, созданной АФТ—КПП в Доминиканской республике, которые были направлены против президента Хуана Боша, обвиненного в «мягком отношении к коммунизму». За несколько недель до государственного переворота в Доминиканской республике, приведшего к свержению Хуана Боша, КОНАТРАЛ опубликовала в газетах объявление, в котором призывала население доверить «вооруженным силам» свою защиту от «коммунизма». В качестве признания заслуг АФТ—КПП в борьбе с прогрессивными силами в Доминиканской республике исполнительный директор АИРСТ Серафино Ромульди был награжден главой проамериканской хунты Рейдом Кобралем орденом Дуарте, Санчеса и Мела²⁸

Известно также грубое вмешательство АФТ—КПП, ОРИТ и их местной профсоюзной агентуры во внутренние дела других латиноамериканских стран.

Раскольнической подрывной деятельности АФТ—КПП, АИРСТ и ОРИТ в рабочем движении стран Латинской Америки противостоит стремление трудящихся к единству действий в антиимпериалистической борьбе. Крупным шагом в этом направлении явился конгресс профсоюзного единства трудящихся Латинской Америки, состоявшийся с 24 по 28 января 1964 г. в столице Бразилии Рио-де-Жанейро.

В работе конгресса участвовали делегации национальных профсоюзов и профорганизаций 18 латиноамериканских стран, представлявшие 25 млн. трудящихся города и деревни. Конгресс приветствовал «победоносную социалистическую революцию на Кубе, навсегда ликвидировавшую эксплуатацию человека человеком, пример и стимул в борьбе наших народов за освобождение». В одобренной конгрессом Программе борьбы, носящей классовый и антиимпериалистический характер, содержатся требования защиты всеобщего мира, постоянной и активной борьбы за экономическое и социальное освобождение, за ликвидацию латифундий и проведение глубоких аграрных реформ, за уничтожение системы эксплуатации, установленной империалистическими монополиями, за повышение зарплаты и улучшение социального страхования, требования борьбы в защиту демократических прав и профсоюзных свобод, в защиту национального суверенитета и права наций на самоопределение, в защиту Кубы и против блокады Кубы Соединенными Штатами²⁹.

Конгресс профсоюзного единства трудящихся Латинской Америки был объявлен «постоянно действующим». На нем был

избран Постоянный совет конгресса в качестве региональной профсоюзной организации.

Совещание представителей коммунистических партий стран Латинской Америки, состоявшееся в конце 1964 г., определило задачи рабочего движения на континенте, констатировало рост борьбы рабочего класса и усиление ее политического и антиимпериалистического характера, подчеркнуло огромное влияние Кубинской революции, открывшей эру социализма в Америке, на рабочее движение на континенте.

Значительная часть латиноамериканских трудящихся, участвующих в профсоюзном движении, все более сближается с политическим авангардом рабочего класса, объединяет силы в борьбе за свои права, за социально-демократические преобразования, против империалистической агрессивной политики Соединенных Штатов.

О крепнущем единстве действий трудящихся масс свидетельствует успешное проведение в августе 1965 г. Народного конгресса в Уругвае, в котором участвовало 1376 делегатов от 700 профсоюзных организаций, представлявших более 800 тыс. человек. Значительно укрепились такие прогрессивные организации, как Единый профсоюзный центр трудящихся Чили, насчитывающий свыше миллиона членов, Единый профсоюзный центр трудящихся Уругвая, Единый центр трудящихся Венесуэлы, ведущий борьбу за соблюдение законности и прекращение в стране репрессий, Конфедерация трудящихся Эквадора, объединяющая демократические силы профсоюзного движения, Профсоюзная конфедерация трудящихся Колумбии, объединяющая 200 тыс. трудящихся, выступающая за единство действий различных профсоюзных объединений, Федерация трудящихся Панамы, Конфедерация трудящихся Коста-Рики. В Сальвадоре в октябре 1965 г. была создана профсоюзная федерация, объединившая 14 профсоюзов, что открыло путь к созданию в этой стране новой конфедерации демократического направления.

Усиливающееся движение трудящихся Латинской Америки за единство действий в борьбе за свои права, против империалистического угнетения и достигнутые успехи свидетельствуют о том, что все происки профсоюзной агентуры империализма в рабочем движении стран Латинской Америки обречены на провал, что национально-освободительное движение народов этих стран сметет искусственные барьеры, воздвигаемые на его пути империалистами США и их прислужниками из АФТ—КПП и ОРИТ.

¹ «Foreign Affairs», January 1966.

² «United States Business and Labor in Latin America by the Research Center in Economic Development and Cultural Change of the University of Chicago, 22.1 1960, United States — Latin American Relations, Senate, 86th Congress, 2d Session, Document № 125». Washington, 1960, p. 373, 374, 387—390.

³ «Departments of State, Justice, the Judiciary and Related Agencies Appropria-

- tions, 1962, Hearings before the Subcommittee of the Committee on Appropriations, United States Senate, 87th Congress, 1st Session». Washington, 1961, p. 222.
- 4 «Presencia», La Paz, 19.VI 1964; «Boletín Sindical Latinoamericano». Santiago — Chile, № 5-6, 1964.
 - 5 «U. S. Information Agency, 20th Review of Operations, 1.I—30.VI 1963». Washington, 1963, p. 18.
 - 6 «Alliance for Progress... an American Partnership», Agency for International Development. Washington, 1963, p. 23.
 - 7 «Worker», 2.II 1964.
 - 8 «Department of State for the press», № 497, 23.XI 1964.
 - 9 «AFL-CIO News», 11.XII 1965.
 - 10 «Nation», 5.VII 1965.
 - 11 «Foreign Assistance Act of 1965, Hearings before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 89th Congress, 1st Session, Part 1». Washington, 1965, p. 82.
 - 12 «Nation», 10.II 1964.
 - 13 «The Hands that Build America, by AFL-CIO». «New York Times», Section XI, 17.XI 1963, p. 6.
 - 14 «The AIFLD Report». Washington, V 1965.
 - 15 «Mañana», Montevideo, 26.III 1963.
 - 16 «Winning the Cold War: the U. S. Ideological Offensive, Hearings before the Subcommittee on International Organizations and Movements of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 88th Congress, 1st Session, part II». Washington, 1963, p. 142.
 - 17 «AFL-CIO News», 11.XII 1965.
 - 18 «Mañana», 26.III 1963.
 - 19 «The Hands that Build America...», p. 6.
 - 20 «New York Times», 17.IX 1963.
 - 21 «Evening Star», 13.XII 1964.
 - 22 «Worker», 2.II 1964.
 - 23 Ч е д д и Д ж а г а н. Против реакции и расизма, за демократию и национальную независимость. «Проблемы мира и социализма», 1965, № 8.
 - 24 «Nation», 10.II 1964.
 - 25 «Winning the Cold War... 2^d Session, part VIII». Washington, 1964, p. 973.
 - 26 «Nation», 5.VII 1965.
 - 27 «Boletín Sindical Latinoamericano», № 5-6, 1964.
 - 28 «Nation», 5.VII 1965.
 - 29 «Boletín Sindical Latinoamericano», № 3, 1964.

К вопросу о сходстве между языками кечуа, аймара и полинезийскими

В X—XV вв. этнический состав областей, прилегающих к Андам, был пестрым. Индейцы кечуа занимали здесь небольшую территорию вокруг долины Куско. Но после возникновения государства инков они распространились на большом пространстве, оттеснив другие племена, в том числе и аймара, которые занимали в то время обширную область (почти треть территории будущего государства инков). Одним из основных языков возникшего государства стал язык кечуа. К моменту испанского завоевания этот язык был настолько распространен, что миссионеры пользовались им, чтобы быстрее обратить индейцев в христианство.

В колониальный период борьба за независимость и создание самостоятельных государств привела к тому, что отдельные индейские племена стали складываться в единую народность, говорящую на языке кечуа, который окончательно вытеснил многие индейские языки, в том числе и аймара.

Сейчас на языке кечуа говорят около 10 млн. индейцев в Перу, в юго-западном Эквадоре, в западной Боливии и на северо-западе Аргентины. На аймара говорят около 0,5 млн. индейцев в Боливии и Перу.

Несмотря на то, что литература, освещающая вопросы языка индейцев кечуа и их фольклора, обширна, не существует единого мнения, считать ли кечуа самостоятельной семьей языков или объединить его в одну семью с аймара¹.

В этой статье кратко рассматриваются некоторые особенности морфемного состава кечуа и аймара, а также отдельные общие черты грамматики и синтаксиса, которые позволяют уточнить соотношение этих двух языков.

Звуки языка кечуа (согласно Миддендорфу) передаются следующими буквами: *a, e, i, y, o, u, c, q, k, ('k, k'), ch ('ch, ch'), h ('h), j, ll, m, n, p ('p, p'), r, s, t ('t, t')*.

Для языка кечуа характерно большое разнообразие типов морфем (всего их насчитывается 12); верхней границей морфемы является тип *CVC — CV*:

- CVCCV* — *canca-y* — жарить, *ch' a' pra* — ветвь, *masca-y* — искать.
VCCV — *inti* — солнце, бог солнца, *arpa* — жертва.
CVCV — *papa* — картофель, *masu* — летучая мышь.
VCV — *ako* — песок, *uma* — голова, *uru* — паук.
CVC — *sun-sun ñiy* — производить глухой шум.
CCV — *-nca, -rpa* — (частицы).
CVV — *sua* — вор.
VV — *aa, ai* — (междометия).
VC — *as* — небольшое количество, немного.
V — *i* — да (частица).
C — *-j, -n, -r*.

Возможное количество морфем в языке кечуа доходило бы до 10 тыс., однако истинное число их гораздо меньше. Так, например, морфемы типа *V* представлены лишь словом *i*, морфемы типа *c* — лишь несколькими окончаниями: *-j, -n, -r*. В языке кечуа зарегистрировано немного морфем типа *CVV*: *nca, ncha, nta, rca, rpa, sca, spa, rco, llcu, tpu*; морфем типа *CVC* (в основном с конечным *j, n*) несколько больше: *caj, kaj, llaj, naj, paj, taj, nej, huaj, sun, kan, man, ñan, nin, tin, pus, ric*.

Наибольшим количеством морфем представлены в кечуа типы *CVCV* и *CVCCV*.

Возможность столкновения в пределах морфемы пар гласных или групп согласных регулируется свойственными языку кечуа фиксированными ограничениями разного рода. Так, для морфем типа *CV* не характерны окончания на *e, o*, в связи с чем полностью отсутствуют такие морфемы, как *Ce, Co*. Эти же гласные, а иногда *i, u* характерны и для окончания морфем типа *VCV*. В связи с этим в языке отсутствуют следующие морфемы: *Vce, Vci, Vco, Vsu, Vche, VIV, Vmi, Vmo, Vne, Vni, Vno, Vñe, Vño, Vpe, Vpo, Vre, Vro, Vse, Vso, Vte, Vto*.

В морфемах типа *CVCV* невозможно столкновение начальных согласных *l, n, ñ, ll, r, t* и других с некоторыми согласными. Поэтому в языке отсутствует целый ряд морфем этого типа:

<i>lVcV</i>	<i>llVIV</i>	<i>nVcV</i>	<i>ñVcV</i>	<i>rVIV</i>
<i>lVllV</i>	<i>llVnV</i>	<i>nVIV</i>	<i>ñVchV</i>	<i>rVllV</i>
<i>lVmV</i>	<i>llVrV</i>	<i>nVllV</i>	<i>ñVIV</i>	<i>rVmV</i>
<i>lVnV</i>		<i>nVmV</i>	<i>ñVllV</i>	<i>rVñV</i>
<i>lVñV</i>		<i>nVñV</i>	<i>nVmV</i>	
<i>lVpV</i>		<i>nVrV</i>	<i>ñVnV</i>	
<i>lVrV</i>		<i>nVsV</i>	<i>ñVsV</i>	
<i>lVsV</i>				
<i>lVtV</i>				

Морфемы типа *CVjV*, *CVhV* почти полностью отсутствуют (зарегистрировано лишь несколько).

В морфемах типа *CVC — CV* (восходящих к двухосновной морфеме *CVC — CVC*) исключено столкновение некоторых пар согласных в 1-ой и 4-ой позициях. Поэтому в языке кечуа не зарегистрированы следующие морфемы:

<i>IVC — IV</i>	<i>llVC — IV</i>	<i>mVC — jV</i>	<i>nVC — c V</i>
<i>IVC — llV</i>	<i>llVC — rV</i>	<i>mVC — lV</i>	<i>nVC — chV</i>
<i>IVC — mV</i>		<i>mVC — ñV</i>	<i>nVC — kV</i>
<i>IVC — nV</i>		<i>mVC — rV</i>	<i>nVC — lV</i>
<i>IVC — ñV</i>	<i>ñVC — IV</i>	<i>mVC — sV</i>	<i>nVC — llV</i>
	<i>ñVC — llV</i>		<i>nVC — mV</i>
	<i>ñVC — mV</i>		<i>nVC — ñV</i>
	<i>ñVC — nV</i>		<i>nVC — pV</i>
	<i>ñVC — rV</i>		<i>nVC — rV</i>
	<i>ñVC — pV</i>		<i>nVC — sV</i>
	<i>ñVC — sV</i>		<i>nVC — tV</i>

В языке кечуа в морфемах типа *CVC — CV* исключается наличие некоторых пар согласных: *u — e*, *a — e*, *a — o*, *e — e*, *e — o*, *i — e*, *i — o*, *o — e*, *o — u*.

Этими фиксированными ограничениями объясняется небольшая частота (возможны обычно при начальном *k* или *p*) таких, например, морфем: *CaC — Co*, *CeC — Co*, *CiC — Ce*, *CiC — Co*, *CoC — Cu*.

Морфемы *CuC — Ce* совсем не зарегистрированы.

Наиболее частыми являются морфемы с парами гласных *a — a*, *u — u*, *a — i*, *a — u*; *CaC — Ca*, *CuC — Cu*, *CaC — Ci*; *CaC — Cu*; например: *llant'a* — дерево, дрова; *llank't* — глина, *ñajcha* — гребень, гребёнка; *pusca* — веретено.

Морфем типа *VCCV* в языке кечуа сравнительно немного — менее ста. Наибольшее количество этих морфем начинается гласными *a*, *u* и *o*. Что касается согласных, то в этих морфемах возможны следующие их сочетания: *cll*, *nc*, *rc*, *sc*, *llk*, *nk*, *rk*, *sk*, *jch*, *mch*, *rh*, *llm*, *rm*, *sm*, *jm*, *jñ*, *jn*, *sn*, *llp*, *mp*, *rp*, *sp*, *js*, *jt*, *lt*. Например: *allpa* — земля, почва; *ijta* — вдова, вдовец; *orko* — гора; *urmay* — падать, толкать; *usqay* — попрошайничать. Эти же сочетания согласных зарегистрированы и в морфемах типа *CVC — CV*: *chunca* — десять; *pasna* — девочка 8—12 лет.

В языке кечуа нет ни одной морфемы, начинающейся с *j*.

Типы морфем в языке кечуа сходны с типами морфем, характерными для языка аймара. Языку аймара свойственны те же типы морфем, что и кечуа:

CVCCV — *korpa* — гость; *sunka* — подбородок; *tanka* — глубокий; *tunca* — десять.

- VCCV — *amka* — картофель; *apta* — подарок; *inti* — солнце;
urpu — туман.
- CVCV — *'ha'ta* — семья; *titi* — дикая кошка; *puma* — лев; *rako* —
красный.
- VCV — *aru* — язык, слово; *apa* — родственный; *uta* — дом.
- VVC — *-tam* — (окончание).
- CCV — *-mpi*, *-sna*, *-sma* — (окончания).
- CCV — *puu* — оперение; *-hua* — (окончание).
- CV — *-ro*, *-na* — (окончание).
- VV — *-ai* — (межд.).
- V — *-a* — (межд.).

Составить четкое представление об основных фиксированных ограничениях, действующих в аймара, трудно, так как работ по языку очень мало, а хорошие словари отсутствуют². Но можно все же предполагать, что для аймара характерны те же фиксированные ограничения, что и для кечуа. В аймара, например, на стыке частей морфем типа *CVC* — *CV* возможны только сочетания тех же согласных, как и в кечуа: *nc rc*, *sc*, *llp*, *mp*, *rp*, *llk* и др. Например: *allpi* — густой; *tanta* — хлеб; *k'ullko* — узкий; *unsi* — род одежды.

Морфемы типа *CuC* — *Ce* (с парой гласных *u* — *e*) языку аймара не свойственны. Наиболее часто встречаются в этом языке, как и в кечуа, морфемы с парами гласных *a* — *a*, *u* — *u*, *i* — *i*, *o* — *a*, *a* — *u*, *a* — *i*; *man'ka* — *'hank'o* — *hispi* — губа; *korpa* — гость.

Известную роль в словообразовании кечуа играет удвоение морфем разных типов:

1. Передает понятие множественности: *kaka* — утес, скала *kaka-kaka* — скалистая местность.

2. Придает новое значение (в рамках иной грамматической категории): *kuti* — горб, *kuti-kuti* — горбатый; *mana* — просить, *mana-mana* — попрошайка.

3. Усиливает значение: *yana* — черный, *yana-yana* — очень черный; *lutru* — круглый, *lutru-lutru* — очень круглый; *miki* — мокрый, *miki-miki* — очень мокрый.

Эти же типы удвоения наблюдаются и в языке аймара: *koka* — дерево, *koka-koka* — кустарник, лес; *kollto* — болото, *kollto-kollto* — болотистый; *pia* — дыра, *pia-pia* — дыра, дырявый.

Сравнивая кечуа и аймара, можно обнаружить много общих грамматических и синтаксических черт. Остановимся на некоторых из них.

И тот и другой язык относятся к агглютинирующим языкам: все грамматические отношения между словами передаются при помощи однозначных постфиксов (окончаний, суффиксов, частиц, союзов, наречий и т. п.).

Соответствий между постфиксами в кечуа и аймара мало. Отметим лишь несколько из них, общих для этих языков. Так, например, в кечуа и аймара совпадают по форме и значению окончания некоторых падежей: терминативный падеж оканчивается на *-cama*, аблатив в кечуа образован при помощи частицы *-manta*, в аймара — при помощи *-ta*, причинный падеж в кечуа имеет *raicu*, а в аймара — *laicu*:

кечуа	аймара
T. <i>huahua-cama</i> — до ребенка	<i>huahua-cama</i> — до ребенка
A. <i>huahua-manta</i> — от ребенка	<i>huahua-ta</i> — от ребенка
K. <i>huahua-raicu</i> — из-за ребенка	<i>huahua-laicu</i> — из-за ребенка

Совпадает также и часть некоторых глагольных постфиксов. Например, постфикс *-sca*, стоящий всегда в конце глагола: кеч. *chura-sca-y* — намереваться положить что-либо, айм. *'hasca sca-ña* — входить.

Совпадают по форме и значению постфиксы *raya* (кечуа) и *rpaya* (аймара). Например, кеч. *'hami-raya-y* — часто приходиться; *chincachi-raya-y* — часто забывать; айм. *'hista-rpaya-ña* — часто раскрывать, *ch'aka rpayu-ña* — часто ошибаться; *raqui-rpayu-ña* — разбить. Близки по значению частицы *sami* (кеч.) и *misi* (айм.): кеч. *yacha-samiu* — отправиться, чтобы учиться; айм. *apa-misi-ni-ña* — идти, чтобы отнестись.

Предложения в кечуа и аймара строятся по одному типу: глагол-сказуемое в этих языках стоит всегда в конце предложения, подлежащее — вначале. Например, айм. *Mamani hamka halasqui* — Сокол быстро летит³, *Puiuj unum chuayan* — Вода источника чиста (букв. Источника вода чиста).

Определение, выраженное прилагательным, стоит (и в кечуа, и в аймара) всегда перед определяемым словом: кеч. *juraj runi* — белый камень, *yana runa* — негр; айм. *lanko koka* — толстое дерево.

Определение, выраженное числительным или существительным, стоит в этих языках или непосредственно перед существительным или перед прилагательным: айм. *utan pincupa* — дома дверь, айм. *raya ch'icara, kala* — два черных камня, кеч. *quimsa t'icacuna* — три цветка⁴.

Дополнение стоит всегда на предпоследнем месте (перед глаголом): кеч. *Runa kepita aparkan* — Человек вязанку несет⁵, айм. *Aca hake anop lekenu* — Человек свою собаку бьет⁶.

Лексика, общая для кечуа и аймара, отмечена Миддендорфом⁷.

В 1926 г. Имбеллони высказал мысль, что полинезийцы сыграли большую роль в возникновении и укреплении государства инков. Этим он объясняет большое сходство языка кечуа и полинезийских языков. Приведя сходную лексику кечуа и аймара.

с одной стороны, и языков Полинезии — с другой, Имбеллони доказывает родство этих языков.

Мостом, который связывает кечуа и аймара с малайо-полинезийскими языками, является, по его мнению, о-в Пасхи (Рапануи) и его язык. Чтобы доказать, что остров Пасхи выполняет функции «языкового посредника» между двумя зонами, Имбеллони приводит несколько слов, общих для кечуа и рапануйского языка⁸.

В докладе XXII Международному конгрессу американистов (1926) Э. Палавентино⁹ отметил, в подтверждение положения Имбеллони, что более 30% слов в языке кечуа представляют собой полинезийские слова или образованы из элементов, характерных для полинезийских слов.

Не вызывает, видимо, сомнения то, что такие слова как кеч. *rako* — снег и рап. *rako* — белый, айм. *taina* — младший брат или младшая сестра и пол. *taina* — младший брат или младшая сестра, кеч., айм. *huahua* — ребенок и рап. *hua* — сын, кеч. *kumar* — батат и маор., рап. *kumara* — батат, таит. *umara* — ямс, батат и некоторые другие являются общими для языков американского континента и для полинезийских языков¹⁰.

Этот факт, однако, может говорить скорее лишь о кратковременных контактах между языками, которые не отразились на других аспектах языков.

Типы морфем *CVCV*, *VCV*, *CVV*, *CV*, *VV* являются общими для всех полинезийских языков. В индонезийском языке, например, им соответствуют морфемы типов *CVCCVC*, *CVCVC*, *CVVC*, *VCVC*, *CVCV*, *VCV*, *CV*, *V*.

Морфемы типа *VCCV* в языках кечуа и аймара и морфемы типа *VCVC* в малайо-полинезийских языках восходят к разным праформам морфем: в американских языках к типу *CVCCV*(—), а в малайо-полинезийских, включая все полинезийские языки, к типу *CV*(—)*CVC*.

Удвоение морфем в полинезийских языках сходно по функции с удвоением в языках кечуа и аймара:

1. Путем удвоения достигается усиление значения: тонг. *uli* — грязный, *uli-uli* — черный; таит. *mona* — сладкий, *mona-mona* — очень сладкий; рап. *kai* — есть, *kai-kai* — жадно есть.

2. Слова со сдвоенной морфемой передают понятие множественности:

тонг. *raki'i* — разбить, *rakiraki'i* — разбить на мелкие куски; марк. *tana* — ветвь, *tana-tana* — ветви, *nui* — большой, *nui-nui* — большие.

3. Удвоение может приводить и к появлению нового значения:

сам. *vai* — вода, *vai-vai* — мягкий, слабый; таит. *mato* — утес, скала, *mato-mato* — пугливый; рап. *huri* — плести, *huri-huri* — курчавый.

Но типы удвоений, как показывают приведенные примеры, в полинезийских языках отличаются от типов удвоений в рассматриваемых языках американского континента. В кечуа и аймара наблюдается лишь полное удвоение морфем. В полинезийских же языках, помимо полного удвоения, наблюдается и неполное удвоение первого или последнего слога морфемы; в этих языках удвоение (полное или неполное) распространяется также и на каузативную приставку *хака*. Отметим также, что для полинезийских языков характерно словообразование путем префиксации. Префиксов в полинезийских языках (маорийском, рапануйском и др.) больше, чем суффиксов.

Соответствий между суффиксами полинезийских языков и суффиксами в кечуа и аймара нет.

В полинезийских языках следующий порядок слов:

1. Сказуемое-глагол в этих языках стоит обычно на первом месте;

2. Дополнение стоит после глагола.

3. Определение, выраженное прилагательным или существительным, стоит после определяемого слова.

Что касается определения, выраженного числительным, то оно стоит перед определяемым словом, как в кечуа и аймара. Однако на ранних этапах развития полинезийских языков определение, выраженное числительным, стояло, видимо, после определяемого слова (порядковое числительное стоит после существительного и в современном индонезийском языке). Позиция числительного-определения после определяемого слова характерна для некоторых древних названий в полинезийских языках, например ночей лунного месяца.

Полинезийские языки по структуре сильно отличаются от кечуа и аймара, что противоречит положению Имбеллони о полинезийском слое в государстве инков.

Совпадение части лексики объясняется, видимо, кратковременными контактами между индейцами южноамериканского побережья Тихого океана и жителями Полинезии.

¹ См., например: J. J. Tschudi. Organismus der Khetsua Sprache. Leipzig, 1884. I d e m. Die Kechua Sprache. Wien, 1853; E. W. Middendorf. Das Runa Simi oder die Keshua Sprache. Leipzig, 1890; I d e m. Die Aimara Sprache. Leipzig, 1891; D. C. Brinton. The American Race. Philadelphia, 1901; A. F. Chamberlain. Linguistic Stocks of South American Indians with Distribution Map. «Amer. Anthropologist», n. s., vol. 15, № 1, 1913; J. A. Mason. The Languages of South American Indians; «Handbook of South American Indians», vol. 6. Washington, 1950.

² J. Platzmann. Vocabulario de la lengua Aymara compuesto por el P. Ludovico Bertonio. Leipzig, 1879.

³ E. W. Middendorf. Die Aymara Sprache. Leipzig, 1891, S. 229.

⁴ E. W. Middendorf. Das Runa Simi oder die Keshua Sprache. Leipzig, 1890, S. 196.

⁵ Ibid., p. 197.

⁶ E. W. Middendorf. Die Aimara Sprache. Leipzig, 1891, S. 167.

⁷ Ibid., p. 285—287.

⁸ J. Imbelloni. L'idioma Kichua nel sistema linguistico del Oceano Pacifico. «Atti del XXII Congr. Int. degli. Amer.», vol. II. Roma, 1928.

⁹ E. Palavecino. Glossario comparado Kechua — Maori. «Atti del XXII Congr. Int. degli. Amer. vol. II».

¹⁰ Несколько лет спустя Р. Дангель, разбирая этимологию слов кечуа и малайо-полинезийских языков, сходных по звучанию и значению, показал несостоятельность положения Имбеллони и Палавесино. (R. Dangel. Quechua und Maori. «Mitteil. der Anthr. Gesellschaft in Wien», Bd. LX. Wien, 1930).

Список сокращений

- АВПР — Архив внешней политики России
ВИМК — Вестник истории мировой культуры
ЛОААН — Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской Империи
Чтения в ОИДР — Чтения в Московском обществе истории и древностей российских
ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского флота
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
AIN AH — Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia
CDI — Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas en América y Oceanía
CDU — Colección de documentos inéditos relativos al antiguas posesiones españolas de Ultramar
CIW, SAAN — Carnegie Institution of Washington. Contribution to American Anthropology and History
DCM — Desarrollo cultural de los Mayas. Ed. por E. Z. Vogt y A. Luz L. México, 1964.
IAK — Internationale Amerikanisten-Kongreß
MYDT_r — New York Daily Tribune
TAPhS — Transactions of American Philosophical Society. Philadelphia

Содержание

Предисловие	3
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАПАДНОГО ПОЛУШАРИЯ	
С. А. Гонимонский. ОЛАГ вместо ОАГ?	8
Э. Л. Нитобург. От политики «большой дубинки» к политике «доброто соседа»	23
Е. В. Ананова. Американские планы аннексии Доминиканской республики в XIX в.	49
А. М. Зорина. Договор Клейтон — Бульвера (1850 г.) и русская дипломатия	58

США, КАНАДА, ГРЕНЛАНДИЯ

✓ Ю. П. Аверкиева. Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества	72
В. А. Дивин. Русские мореплавания к берегам Америки после Беринга и Чирикова	85
В. М. Пасецкий. Русские проекты поисков северо-западного морского прохода	95
Б. П. Полевой. Из истории открытия северо-западной части Америки	107
С. Г. Федорова. Флаг Российско-Американской компании	121
Б. В. Лукин. Неопубликованная статья «летописца Русской Америки» К. Т. Хлебникова	130
Р. Г. Ляпунова. Рукопись К. Т. Хлебникова «Записки о колониях в Америке» как источник по этнографии и истории Аляски и Алеутских островов	136
Н. Н. Болховитинов. Происхождение и характер англо-американской войны 1812 года	142
Ш. А. Богина. Немецкие иммигранты и гражданская война в США	155
Р. Ф. Иванов. Проблемы истории гражданской войны в США 1861—1865 гг. в трудах советских историков	169
Б. Ф. Поршневу. Один из представителей американской школы социологии международных отношений — Раймон Арон	179
Л. Н. Фурсова. Обострение франкоканадского вопроса	186
Л. А. Файнберг. Население Гренландии во II тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э.	202
В. П. Алексеев. Антропологическое своеобразие коренного населения Аляски и биполярные расы (о связи антропологии с географией)	212

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Р. В. Книжалов. Индейские источники по истории и этнографии народов горной Гватемалы в X—XVI вв.	222
Ю. В. Кнорозов. Поздняя история Юкатана по хроникам майя	234
В. Л. Афанасьев. Нарративные источники по истории открытия и завоевания Нового Света	241
А. Д. Дридзо. Население Ямайки в период испанского владычества	254
Л. А. Шур. Материалы русского путешественника и дипломата А. С. Ионина как источник по истории и этнографии стран Латинской Америки	267
Б. Н. Комиссаров. Архив экспедиции Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1829)	275
И. Р. Григулевич. Кубинская историография в период «номинальной» республики (1902—1958)	286
М. С. Альперович. Революционная программа Морелоса	306
Я. Г. Машбиц. Порайонные особенности в развитии мексиканской нации	317
Н. М. Лавров. Экспансия Англии и Германии в Чили и мятеж 1891 г.	324
А. А. Долинин. Роль иммиграции в XIX и первой половине XX в. в формировании населения Чили	337
В. Г. Спириин. Враги профсоюзного единства в Латинской Америке	347
И. К. Федорова. К вопросу о сходстве между языками кечуа, аймара и полинезийскими	362
Список сокращений	370

От Аляски до Огненной Земли *История и этнография стран Америки*

*Утверждено к печати Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. П. Прохоров*. Технический редактор *В. В. Волкова*

Сдано в набор 4/1 1967 г. Подписано к печати 7/IV 1967 г.
Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага № 1. Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 24,6. Тираж 2700 экз.
Т-05470. Тип. зак. 6546. Цена 1 р. 74 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10